ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ

2026 Том 26 № 2

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

2026 Volume 26 No. 2

Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)
4 выпуска в год.
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org.**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/sociology.**

Электронный адрес: **socioj@rudn.ru.**

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)
4 issues per year.
Languages: Russian, English.
Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE *(Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org.**

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/sociology.**

E-mail: **socioj@rudn.ru.**

Подписано в печать 01.06.2026. Выход в свет 10.06.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ № 548. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

© Российский университет дружбы народов, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров Б.В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Гаспаришвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Тюрина И.О., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН по научно-проектной и организационной деятельности

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейкситы (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор — проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор ***К.В. Зенкин***
Компьютерная верстка: ***И.А. Чернова***
Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru
Почтовый адрес редакции:
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: sociοj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bazarov B.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of IInstitute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Danilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), Professor, First Vice-Rector, Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Tiourina I.O., PhD (Sociology), Deputy Director for Scientific, Project and Organizational Activities of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences

---

Review Editor ***Konstantin V. Zenkin***
Computer design: ***Irina A. Chernova***

Editorial office:
Postal Address of the Editorial Board:
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Капишин А.Е. Авангард «титанов» как этап трансгрессии романтического направления 329

Оносов А.А. Проективная социология супраморализма: «совершеннолетнее общество» как психократическое многоединство 352

Никулин А.М., Троцук И.В. Историко-футурологическое проектирование: утопические модели В.Ф. Одоевского и А.В. Чаянова (на англ. яз.) 369

Попов Е.А. Религиозный опыт в феноменолого-социологической концепции Густава Меншинга 380

Дудина В.И., Карелин А.А. Применение методов анализа естественного языка для оценки качества медицинских услуг на основе онлайн-отзывов пациентов 394

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анисимов Р.И. Удовлетворенность трудом и лояльность сотрудников вуза в контексте социального контракта между организацией и работником 413

Барков С.А., Свердликова Е.А. Учеба в России глазами китайских студентов 425

Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б. Двойной конфликт ценностей в контексте ESG-трансформации 442

Колесникова Е.М., Куденко И.А. Статус профессии инженера и перспективы профессиональной биографии: оценка студентов технических вузов 455

Гришина И.В., Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Управленческое восприятие реформ в системе образования (по материалам опроса директоров школ Санкт-Петербурга) 475

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Цэденбал П., Мунхбаяр М.Ч.Б. Религиозность, религиозная идентичность и безопасность населения регионов азиатского приграничья России в условиях постсекулярной реальности 491

Подлесная М.А. Фронтовое добровольчество как новая форма историчности: анализ локальных практик в логике А. Турена 511

Шакирова А.Ф. Ценностные ориентации и репродуктивные установки населения: детерминанты выбора родительства и моделей детности в Республике Татарстан 525

Полякова И.Г., Швецова А.В., Валеева М.В. Родство в репродуктивном донорстве: анонимность или открытость (на англ. яз.) 540

Соколова Т.Д. Ценность природных ресурсов и экологическая осознанность как элементы идентичности россиян 555

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Науменко Т.В., Корниенко О.Ю. Идентификационные ценности в социолингвистической системе 567

Мукситх М.А., Музыкант В.Л., Махмудах Ф.Н., Силвианто Х., Путри В.К.А. Социологический подход к коммуникации между государством и обществом в условиях инфодемии: коллективная информационная гигиена в Индонезии (на англ. яз.) 580

Шутова М.В., Перфильева М.Б. Медиатизированная благодарность как репутационный фактор: ценностные основания признания в пространстве гибридных коммуникаций (на англ. яз.) 593

Осеев А.А. Идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета: методология и результаты исследования..... 603

Исак Н.Р., Тумашбай Т.Е. Социология образования и философия критического мышления: возможности формирования гражданской ответственности молодежи..... 618

РЕЦЕНЗИИ

Козин С.В., Жидяева Т.П. Российское и китайское общество за последние двадцать лет 628

Чеховский И.В., Чеховский Т.И. Три силы цифрового капитализма..... 638

Мухаметжанова В.С. История российской государственной службы: социально-стратификационный и профессионально-образовательный аспекты 645

Ишмухаметов Р.Р. Два экспертных «дискурса» о школьном образовании 653

Пашигорова Л.В. Тенденции развития системы здравоохранения: статистическо-социологическая и сопоставительная оценка 662

Нименский А.В., Герасимов А.Д. Искусственный интеллект: кодозависимость как новый фактор социального неравенства..... 670

НАШИ АВТОРЫ 677

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kapishin A.E. The avant-garde of "titans" as a stage in the transgression of the Romantic movement 329

Onosov A.A. Projective sociology of supramoralism: "Full age society" as a psychocratic multiunity 352

Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Historical-futurological projects: Utopian models of V.F. Odoevsky and A.V. Chayanov 369

Popov E.A. Religious experience in the phenomenological-sociological concept of Gustav Mensching 380

Dudina V.I., Karelin A.A. Natural language processing methods in the assessment of healthcare service quality based on online patient reviews 394

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Anisimov R.I. Job satisfaction and loyalty of university staff in the context of social contract between the organization and the employee 413

Barkov S.A., Sverdlikova E.A. Studying in Russia in the Chinese students' opinion 425

Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. The status of the engineering profession and prospects for professional biography: An assessment by students of technical universities 442

Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. Double conflict of values under the ESG transformation 455

Grishina I.V., Belousov K.Yu., Yashina M.N. Managerial perceptions of educational reforms (based on the survey of Saint Petersburg school principals) 475

Omelchenko D.A., Maximova S.G., Noyanzina O.E., Tsedenbal P., Munkhbayar M.Ch.B. Religiosity, religious identity and security in the Asian border regions of Russia in postsecular reality 491

Podlesnaia M.A. Frontline volunteerism as a new form of historicity: Analysis of local practices in the logic of A. Touraine 511

Shakirova A.F. Value orientations and reproductive attitudes: Determinants of parenting choices and childbearing patterns in the Republic of Tatarstan 525

Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Valeeva M.V. Kinship in reproductive donation: Anonymity vs openness 540

Sokolova T.D. The value of natural resources and environmental awareness as elements of the Russian national identity 555

SOCIOLOGICAL LECTURES

Naumenko T.V., Kornienko O.Yu. Identification values in the sociolinguistic system 567

Muqsith M.A., Muzykant V.L., Mahmudah F.N., Silvianto H., Putri V.K.A. Sociological approach to the state-society communication under infodemic: Collective information hygiene in Indonesia 580

Shutova M.V., Perfileva M.B. Mediatized gratitude as a reputational factor: Value foundations of recognition in the hybrid public sphere 593

Oseev A.A. The ideal portrait of the head of law firm: Research methodology and results 603

Isak N.O., Tumashbay T.E. Sociology of education and philosophy of critical thinking: Developing civil responsibility of young people 618

REVIEWS

Kozin S.V., Zhidyaeva T.P. Russian and Chinese society over the past twenty years..... 628

Chekhovsky I.V., Chekhovsky T.I. Three forces of digital capitalism 638

Mukhametzhanova V.S. History of the Russian civil service: Social-stratificational and professional-educational aspects..... 645

Ishmukhametov R.R. Two expert “discourses” on school education..... 653

Pashigorova L.V. Healthcare system development trends: Statistical-sociological and comparative assessment 662

Nimensky A.V., Gerasimov A.D. Artificial Intelligence: Code dependence as a new factor of social inequality 670

AUTHORS..... 677

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 329–351**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-329-351
EDN: ZVISBY

Авангард «титанов» как этап трансгрессии романтического направления*

А.Е. Капишин

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: kapishin-ae@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть исследования автора, посвященного авангарду начала XX века, или раннему авангарду, который рассматривается как третий этап развертывания единого романтического направления — не в узком искусствоведческом смысле, а в широком социокультурном — как «умственное движение», тип мировоззрения, определяющий культуру западного общества. Данное направление определяется как регрессивное ввиду курса на возвращение к «первоначальности» и как противоположность идейному вектору гуманизма на развертывание потенциала человека в духе идей Просвещения. Антагонизм данных интеллектуальных течений задает социокультурный цикл, делящийся на этапы. Особенностью периода, начатого «верхним романтизмом», является экспансия романтического направления, необратимо меняющего социокультурный ландшафт Запада, — в таком же ракурсе в первой части исследования рассматривались «высокий» и «поздний романтизм» (декаданс). Автор трактует авангард как беспрецедентную, наиболее радикальную по нигилизму и масштабную по амбициям «приливную волну» романтического направления, воспринимавшуюся первоначально как финальную фазу уничтожения старой культуры и общества и начало строительства «нового мира». Восприятие себя в качестве варваров и титанов, сверхчеловеческих существ нового мира, было обусловлено уверенностью, что социокультурный переворот уже происходит. Такой «титанический авангард» инспирировался «дионисийскими» идеями Ф. Ницше, А. Бергсона и спиритуализмом того времени. Не достигнув своей максималистской цели, авангард, как и связанные с ним крайние политические движения, интегрировался в западное общество. В условиях начавшегося «отлива» революции в ис-

*© Капишин А.Е., 2026
Статья поступила в редакцию 04.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

кусствоведении формируется неопозитивистская концепция К. Гринберга, на которую оказала влияние двойственная, ввиду соединения рационализма с витализмом, теория «нового искусства» Х. Ортеги-и-Гассета. Формалистская концепция искусства Гринберга противоположна «титаническому авангарду» в плане концептуального обоснования и социально-политической ориентации — она сформировала иной, «американизированный» авангард с «человеческим лицом», который интегрировался в западное общество того времени, став доминантой западного искусства. Если западные искусствоведы в основном «цивилизовали» ранний авангард, ослабляя или скрывая его хтоническую природу, то советские, напротив, стремились ее обнажить, порой в преувеличенном виде. Создавая образ деградировавшего искусства буржуазного мира, советские критики полагали, что показывают картину тотального социального кризиса и упадка. Принципы же «титанического авангарда» были наиболее развернуто выражены в сюрреализме с его психологистской ориентацией на бессознательное и пониманием художника как медиума.

Ключевые слова: авангард; искусство; бессознательное; романтизм; сюрреализм; витализм; формализм; марксизм; кубизм; спиритуализм; революция; титаны

Для цитирования: *Капишин А.Е.* Авангард «титанов» как этап трансгрессии романтического направления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 329–351. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-329-351 EDN: ZVISBY

Авангард в широком смысле — «умственное движение» (по выражению Т. Манна), существующее не только в искусстве, но и в целом в западной культуре, а также прямой идейный наследник позднего романтизма, известного под именем декаданса и — посредством него — раннего, «верхнего» (К. Палья) романтизма [13. С. 528]. Таким образом, авангард — часть единой идейной генеалогической линии, идущей от романтизма и мыслимой в качестве противоположности «умственному течению» и традициям, восходящим к эпохе Возрождения. Как противоположности они сменяют, а не дополняют друг друга. Картина развития западного искусства и культуры, в которой модернизм якобы накладывается на реализм, иллюзорна: «Траектория искусства от романтизма до наших дней окажется непонятной, если не принимать в расчет… это негативное настроение, эту агрессивность и издевку над старым искусством… профиль нового искусства почти полностью сложился на основе отрицания старого… Когда искусство переживает многовековую непрерывную эволюцию без серьезных разрывов или исторических катастроф на своем пути, плоды его как бы громоздятся друг на друга» [14. С. 251]. Иначе выражаясь, «новое искусство» — инверсия, а не расширение реалистического западного искусства.

Переворот в искусстве начала XX века — часть трансформации западной культуры и общества, включая науку и философию, что неоднократно отмечалось в исследованиях авангарда. Так, Х. Ортега-и-Гассет писал, что новое искусство — только часть процесса рождения «нового мира»: «новое искусство, совпадая с новой наукой, политикой, новой жизнью, ликвидирует расплывчатость границ» [14. С. 241]. Подобный «параллелизм

в развитии… наиболее несхожих областей культуры наводит на мысль о существовании общей глубинной основы эволюции европейского духа в целом» [14. С. 187]. Как отмечал К. Гринберг, «не случайно, что рождение авангарда хронологически и географически совпало с первыми серьезными успехами научной революционной мысли в Европе» [4. С. 15], т.е. установление романтической доминанты в искусстве начала XX века было частью общего кризиса и существенного изменения западного общества и культуры в тот период. Трансгрессия романтического «умственного движения» была повсеместной — в философии, науке и даже теологии (в частности, неотомизм Ж. Маритена и Э. Жильсона изменил томизм под влиянием философии А. Бергсона).

В статье рассматривается ранний и революционный авангард, который дадаист Х. Балль охарактеризовал как «опровергающий миропорядок» и совершающий акт экзорцизма — очищения западного общества от «демонов рационализма». «Авангарду свойственны утопические интуиции, проекты тотального переустройства общества… за авангардной асоциальностью скрывалась мечта о новой социальности» [16. С. 124, 121]. Лидеры авангарда — Г. Аполлинер, Т. Маринетти, П. Пикассо, А. Бретон — были революционерами. Такой авангард был свойственен преимущественно французскому и итальянскому «новому искусству», прошедшему путь от футуризма и кубизма к сюрреализму. От него отличен «мягкий» авангард, стремившийся только дополнить социальный мир и изначально существовавший в раннем авангарде наряду с революционным, отличаясь от него тем, что не принимал «тотального разрушительства» гуманистической морали и либерального социального устройства. К нему, как к «социально конструктивному» и «гуманистически ориентированному», относили, в частности, Дж. Гроса, О. Дикса, Дж. Моранди, Н. Габо, В. Гропиуса, Ле Корбюзье [20. С. 170, 172], и в середине XX века он приходит на смену «жесткому авангарду» в качестве доминирующей формы «нового искусства».

Показательно «смягчение» авангарда в модернистской архитектуре: первоначально «революционные открытия в архитектуре были замыслены и выдвинуты в основном на стадии раннего авангардизма… радикально мятежные компоненты их искусства нашли продолжение в “планетарных” замыслах… визионеров нового искусства, выступивших с радикальными проектами около 1920 года» [20. С. 184–185]. Далее происходит снижение масштаба и степени радикальности предлагаемых авангардистами изменений, так что в итоге «составляющие их искусства, которые были социально неприрученными, взрывчатыми, страшноватыми, опасными для устоев цивилизации, остались на бумаге» [20. С. 185]. В итоге авангард хотя и становится доминантой западной архитектуры, но утрачивает первоначальную радикальность и гигантизм (титанизм).

«Мягкая» и американизированная вариация авангарда была концептуально сформирована Гринбергом, пользовавшимся в середине XX века значительным авторитетом в западном искусствоведении (получил прозвище «папа Климент» [6. С. 60]): он «не только комментировал то, что происходит в мире искусства, но также оказывал непосредственное влияние на создание художественных произведений и их презентацию» [6. С. 60], т.е. выступил в роли социального инженера, не столько описывающего интуиции авангарда, сколько создающего его по собственному концептуальному образу. Не в последнюю очередь под влиянием Гринберга изменилось восприятие авангарда — утвердилась «цепочка уравнений: абстракционизм = подлинное/авангардистское (прежде всего американское) искусство = демократия. Всякая же современная предметность, напротив, отвергалась и признавалась по меньшей мере близкой к социалистическому реализму, т.е. к вражеской образности… был общепринятым другой ряд отождествлений: предметное искусство = не-искусство/китч = тоталитаризм» [6. С. 61].

Существенную роль в коррекции образа авангардного искусства сыграло то, что Гринберг в статье «Упадок кубизма» объявил сюрреализм тупиковой и реакционной версией авангарда не только за то, что тот частично вернулся к «академическим техникам живописи», но также за психологизм и ориентацию на бессознательное вместо утверждения формальности нового искусства и его самореферентности. По мнению Гринберга, сюрреалисты исходили из метафизической предпосылки, что новое искусство — результат выражения в художественной форме бессознательного как высшей реальности, но «истинный» авангард должен был довести до логического конца тенденции, очевидные еще в кубизме, т.е. отказаться от метафизики и заниматься анализом инструментов искусства, самокритикой (как аналитическая философия анализирует язык). Характерно отношение Гринберга к искусствоведению Г. Розенберга, более близкого к сюрреализму: «Отстаиваемое Розенбергом экзистенциалистское представление, согласно которому произведение искусства есть выражение некоей духовности, трансцендентной или спиритуалистической, так хорошо подходящее к европейскому пафосу нового начала… Гринберг на протяжении всей своей жизни отвергал» [6. С. 62].

В критике сюрреализма Гринберг не только утверждал упадок европейского, прежде всего французского, авангарда, но и пытался его социологически объяснить: «Тот факт, что такие великие художники, как Пикассо, Брак или Леже, пребывают в состоянии столь трагического упадка, можно объяснить исчезновением основных общественных институций в Европе, являвшихся гарантией их нормального функционирования… напрашивается вывод, что новым центром западного искусства стали Соединенные Штаты» [17. С. 178] («американизация» [6. С. 60]). Тем самым «упадок авангарда» Гринберг связал с культурным и социальным

упадком Европы, на смену которой в качестве лидера Запада приходят США со своей версией «нового искусства». В оценке европейского авангарда 1930–1940-х годов как «упадочного», «переживающего свой закат» Гринберг солидаризовался с советской критикой авангарда, поэтому авангард у Гринберга приобрел социальные черты, которыми наделялся социалистический реализм.

В критическом отношении к сюрреализму с Гринбергом был солидарен Т. Адорно, считавший, что таковой, как футуризм в Италии и экспрессионизм в Германии, оказался близок фашизму: «к фашизму пришли… различного рода последователи сюрреализма во Франции» [1. С. 83]. Так, Аполлинер, создавший кубизм и сюрреализм, и Маринетти были всегда идейно близки: «кубизм является родным братом футуристической эстетики Маринетти, господствовавшей в фашистской Италии по крайней мере в начале этого режима» [10. С. 48]. Кроме того, ранний Гринберг, периода эссе «Авангард и китч», был идейно близок Адорно: Гринберг не скрывал своего марксизма, публикуясь в троцкистском журнале, оба одинаково объясняли «уход в абстракцию» нового искусства как отказ от стремления быть понятным массам и провести линию демаркации между ним и «китчем», оба считали, что новое искусство должно быть элитарным, чтобы не стать товаром для потребления.

После коррекции Гринберга и отмежевания от сюрреализма «новое искусство» стало восприниматься как продолжение традиции Просвещения: в ее русле существовали неопозитивизм и аналитическая философия, к которым «новое искусство» обращалось для обоснования «чистой абстракции». Очищение искусства от иллюзорности — прямой аналог критики метафизики за неверифицируемость в логическом позитивизме, поэтому, как и для неопозитивистов, для концепции искусства Гринберга характерны «притязания на то, что суждения по поводу художественных произведений строго объективны» [6. С. 65]. Гринберг претендовал на то, что его теория искусства так же верифицируема, как и современные физические теории, поэтому в «Положениях авангарда» он писал, что «вкус — единственная категория, позволяющая установить порядок и отделить качественное произведение от некачественного» [6. С. 65].

Объективизм Гринберга объединяет его теорию (наряду с формализмом и элитаризмом) с концепцией искусства Ортеги-и-Гассета, которая не только логически первична по отношению к теории Гринберга, но и концептуально более богата, хотя не была столь же социально влиятельна, возможно, по причине противоречивости. Впрочем, не исключено, что она только кажется такой при поверхностном рассмотрении, обладая в действительности дивергентной способностью соединять полярные концептуализации модернистского искусства, выраженные в формализме Гринберга, с одной стороны, и в сюрреализме — с другой.

В понимании искусства как результата интеллектуальной, осознанной, а не бессознательной деятельности (как считали многие художники «нового искусства», интуиции которых были выражены наиболее развернуто сюрреалистами), Ортега ссылался на С. Малларме, утверждавшего, что настоящее искусство, в отличие от сентиментальных подделок, должно быть разумным эстетическим удовольствием. В концепции Ортеги любое подлинно художественное видение — ближнее в реалистическом искусстве или дальнее в авангардном — имеет неизменное качество: ясное и объективное созерцание, без примеси сентиментального переживания. Иными словами, художник любой эстетической ориентации, должен «созерцать в объективной чистоте… искусство должно быть абсолютной проясненностью, полуднем разумения… Видение — это акт, связанный с отдаленностью, дистанцией» [14. С. 238, 239]. К этому Ортега добавлял тезис, что «новое искусство», основанное на дальней дистанции, чище, четче и совершеннее, чем на ближней, т.е. чем реалистическое искусство, поэтому «новое искусство» порождает «новое художественное чувство, характеризующееся совершенной чистотой, строгостью и рациональностью». [14. С. 227]. Если главное в искусстве — чистота взора художника, то искусство по определению не субъективно, что было воспринято Гринбергом, как и убеждение, что у искусства есть объективная, закономерная цель развития — предельная абстракция. Эта цель производна от положения Ортеги, что современное искусство стремится к очищению от чувственных образов, но таким должен быть «навигационный курс» искусства только в современности, а не всегда (как считал Гринберг — в этом различие их воззрений как на природу искусства, так и на культуру и общество в целом).

Движение к абстракции связывалось с утверждением рефлексивности «нового искусства». Ортега первым писал, что «эволюция западной живописи заключается в перемещении внимания с объекта на субъект, на самого художника» [14. С. 191]. В результате смены эстетической ориентации художник авангарда стал «слеп для внешнего мира и повернул зрачок внутрь, в сторону субъективного ландшафта» [14. С. 248], совершив тем самым «уход искусства в самого себя» [14. С. 254]. «Предметное искусство», согласно Ортеге, чувственно не только в смысле оперирования с чувственными образами; оно лишено рефлексии — человек растворяется в восприятии картины. Художник авангарда как нового идеалистического и интровертивного искусства, напротив, отстранен от созерцаемого и поэтому аналитичен: «Выражение прекрасного не должно переходить границы улыбки или грусти. А еще лучше — не доходить до этих границ» [14. С. 238]. Гринберг назвал это качество критичностью, относя его к основополагающим чертам «нового искусства». Образ бесстрастного художника, смотрящего «внутрь себя», у Ортеги имеет потенциал (хотя и нереализованный) для платониче-

ской интерпретации, а Гринберг последовательно формалистичен, апеллируя к Дж. Беркли и И. Канту.

У Ортеги новое искусство также понималось как комичное, противопоставляясь традиционному, и эта «ироническая» черта была унаследована от немецких романтиков [14. С. 255]. Отличительная способность нового искусства «рассматривать себя как фарс», а художественное творчество — как фокусничества шута открывала концептуальную перспективу его аналогии с карнавальной культурой (М. Бахтин). У Гринберга данное свойство авангардного искусства не утверждалось, возможно, по причине того, что новое искусство воспринималось в линейной, прогрессистской концептуальной оптике «очищения медиума»: если искусство движется по пути прогресса, «освобождения от иллюзии» и роста самоанализа, оно по определению не может быть фарсом. Оба автора едины в понимании цели нового искусства — отказ от погружения в «иллюзию материальности». Ортега первым утверждал, что в живописи это достигается отказом от трехмерности и осязательности, по словам Гринберга, «модернистское произведение искусства… означает отказ от иллюзии… модернистская живопись удовлетворяет нашу потребность в буквальном, прямолинейном и позитивном тем, что отказывается от иллюзии трехмерности», пришедшей в живопись из скульптуры [4. С. 164–165]. Гринберг апеллировал к позитивизму, утверждая, что «двумерное, оптическое и неосязательное восприятие соответствует… сущности, данной в зрительном опыте» [4. С. 198], поэтому авангардная живопись «обращается только к одному чувству — зрению» [4. С. 195]. В результате редукции чувственного опыта к зрительному материальность в живописи теряет плотность, и в картине авангарда «мы видим материю, которая бестелесна, невесома и существует только оптически, как мираж» [4. С. 171]. Эта характеристика согласуется с идеей Ортеги, что образы авангардной живописи — «призраки» [14. С. 510].

Гринберг и Ортега находили идейное родство авангардной живописи с живописью позднеримского и византийского периодов, ориентированной на трансцендентную, умозрительную реальность. По сути, в концепции Ортеги новое искусство, подобно идеалистической живописи Средневековья, снимало иллюзию чувственной образности, открывая возможность восприятия подлинной умозрительной реальности в смысле Платона. В смысле «скрытого платонизма» может пониматься его апология отказа нового искусства от трехмерности живописи, при котором художник «обратился внутрь себя», что может интерпретироваться как отказ от «сферы мнения», выход художника из «мира теней», в котором чувственное воспринимается как реальное: «То, что мы называем реальными объектами и в общении с чем состоит наша жизнь, есть результат двойного восприятия — зрительного и тактильного. Свести объект только к зримому — один из способов разрушения его реальности» [14. С. 510]. Ранее и Н.А. Бердяев

писал об авангарде: «Живопись переживает небывалый кризис… его нельзя назвать иначе как дематериализацией, развоплощением живописи…. В современной живописи не дух воплощается, материализуется, а сама материя дематериализуется… теряет свою твердость, крепость, оформленность… Еще дальше пойти вглубь, и не будет уже никакой материальности, — там уже… иерархия духов» [2. С. 8–9]. Получается, художник-авангардист мыслит себя как визионер, выражающий не чувственные образы единичных предметов, а «эйдосы».

Супрематизм К.С. Малевича — один из наиболее показательных примеров: его геометрические фигуры (квадрат, крест, круг) — «чистые формы», освобожденные от связи с материальным миром. Малевич утверждал, что в своем творчестве он вышел в «белую бездну», где нет ни верха, ни низа, ни веса, ни плоти, а искусство — «умозрительная реальность», не нуждающаяся в двойном (зрительно-тактильном) восприятии. В.В. Кандинский в трактате «О духовном в искусстве» описывал живопись как передачу «внутреннего резонанса», в которой цвет и линия не изображения чувственных предметов, а самостоятельные духовные сущности, поэтому он не рисует мир, а фиксирует «вибрации духа», проходящие через художника-медиума. П.Н. Филонов о своем «аналитическом искусстве» также писал в духе платонизма — как попытке увидеть умом «проросший» эйдос вещи — и подчеркивал, что не рисует внешние (чувственные) формы предметов или субстанций, а пытается изобразить их «атомную структуру» (также уход от поверхностной чувственности). П. Мондриан отмечал, что искал «абсолютную гармонию», скрытую за «хаосом природных форм», считая, что прямые линии и первичные цвета выражают подлинный идеальный план бытия.

Влияние идей платонизма в концепции искусства Ортеги проявляется и в рассуждениях о предметной области нового искусства как об интрасубъективном содержании, отличном как от субъективного, так и от физического мира: «Выдуманное нашим умом, вымышленное мыслью порой не имеет аналогов в реальности, но неверно говорить о чисто субъективном. Мир иллюзий… не перестает быть объективным универсумом, исполненным смысла и совершенства. Воображаемый кентавр… наделен своеобразной независимостью по отношению к вообразившему его субъекту. Это виртуальный или, пользуясь языком новейшей философии, идеальный объект… Поразительно совпадение подобной философии с современной ей живописью — экспрессионизмом или кубизмом» [14. С. 202–303]. Под новейшей философией он подразумевал платонизм Г. Фреге, стремившегося очистить логику от «психологических примесей», чтобы вернуть ей абсолютность и объективность. Ортега «дегуманизацию искусства» понимал как антипсихологизм в эстетике, как очищение от иллюзий здравого смысла, необходимое для созерцания мира чистых идеальных объектов.

«Чистое искусство» он мыслил как чистую логику и математику Фреге, в которых мыслятся интрасубъективные, а не психические структуры. Интрасубъективное Ортеги — прямой аналог «третьего мира» Фреге, в котором содержание мысли общезначимо, в отличие от индивидуального психического представления. В теории Ортеги художник-авангардист, отказываясь от копирования «первого мира» (натуры) и от произвольности зрительно-тактильных иллюзий «второго мира» ментальных состояний, освобождается как от физических объектов, так и от произвольных ментальных состояний в смысле логического платонизма Фреге и созерцает идеальные объекты третьего мира (кентавр, кубистические конструкции). В духе логического платонизма Фреге следует понимать утверждение Ортеги, что в новом искусстве следует «создать нечто, что не копировало бы “натуры” и, однако, обладало бы определенным содержанием, — это предполагает дар более высокий» [14. С. 235]. Антипсихологизм был унаследован Гринбергом, но развернут в неопозитивистском ключе.

Реалистическое и авангардное искусство Ортега понимал как виды искусства, порожденные противоположными эстетическими чувствами и типами культур [14. С. 248]: реалистическое искусство он связывал с чувственными культурами, в которых эстетизируются чувственные «живые формы» [14. С. 250], — таким было искусство Древней Греции, а культура Византии, особенно периода иконоборчества, им мыслилась как инверсия древнегреческой, в которой «потоком бил ключ жизни» [14. С. 249]. То же произошло, согласно его взглядам, в западном обществе, когда мирское и гуманистическое ренессансное искусство сменилось «дегуманизированным», направляемым противоположным эстетическим чувством — «отвращением к человеческому» [14. С. 240]. На идейном родстве авангардной и средневековой живописи настаивали еще кубисты в связи с тяготением к обратной перспективе и отказом от прямой [10. С. 85]. В теории Ортеги речь идет о дуальных видах искусства, эстетического чувства — они равноценны как половины одного целого, а их смена подобна смене дня и ночи, полугодий, жизни и смерти. Теория искусства Ортеги неявно отсылает к концепциям социокультурных циклов, с которыми она может быть логически интегрирована (как концепция О. Шпенглера «Закат Европы», переводу которой на испанский Ортега лично способствовал).

Гринбергу с прогрессистской линейной «оптикой» это концептуально чуждо: для него новое искусство однозначно более развитое и передовое, чем реалистическое. Также понимая новое искусство как «дематериализацию», он был солидарен с Ортегой и в том, что «параллели между византийским и модернистским искусством… могут помочь распознать внехудожественное значение модернизма. Византийцы подвергали реальность дематериализации, стремясь проявить трансцендентную реальность. Возможно, мы в наших науках и искусстве делаем нечто подобное — стре-

мимся свести материальность к нулю» [4. С. 197–198]. По его словам «абстрактная живопись не устает… возвращаться к теме сомнительности всего материального и вещественного» [4. С. 198], «лишая мир поверхностного слоя» [4. С. 162]. Однако в объяснении «контриллюзионизма» нового искусства Гринберг обратился к сенсуализму, считая, что оно в качестве первичной, очищенной от иллюзорности реальности утверждает первичные ощущения. В живописи это исключительно зрительный двумерный опыт, передаваемый посредством плоскости холста и цвета: «Абстрактная картина… предлагает суженный по сравнению с иллюзионистской, более физический, чем воображаемый опыт» [4. С. 162]. Гринберг основывался на концепции Беркли, утверждавшего в «Опыте новой теории зрения», что чистый зрительный опыт двумерный.

С этим связано различие в понимании элитарности нового искусства Ортегой и Гринбергом. Обращаясь к средневековому искусству, Ортега писал: «В соответствии с бинарной структурой общества, разделенного на два социальных слоя — знатных и плебеев — существовало благородное искусство, которое было “условным”, “идеалистическим”, т.е. художественным, и народное — реалистическое и сатирическое» [14. С. 226]. Взгляд нового искусства, в котором «человеческая оптика слишком незначительна», доступен только тем, кто в момент, когда «человеческое содержание произведения станет почти незаметным» благодаря «дару художественной восприимчивости», способен воспринять «идеальные объекты»: «это будет искусство для художников, а не для масс; это будет искусство касты, а не демоса» [14. С. 226]. Художественная элита, способная к «дальнему» умозрению объектов нового искусства, считалась наделенной этой способностью в силу врожденной восприимчивости к идеальным объектам. Элита Гринберга — люди, способные в силу образования и воспитания эстетического вкуса понимать новое искусство. Тем не менее принцип Ортеги соотнесения нового искусства с верхним социальным классом, а реалистического — с нижним Гринберг перенял.

Социальные причины перехода от «иллюзионистской живописи» к «контриллюзионистской» ни Ортега, ни зрелый Гринберг не пытались рассматривать, ограничившись утверждениями о закономерности и неизбежности эндогенной смены противоположных «эстетических чувств» в искусстве. Ранний Гринберг объяснял генезис и распространение нового искусства как марксист, но в 1950-е годы «постепенно отходит от марксизма и социальной истории искусства, в результате чего в 1961 году публикуется статья “Модернистская живопись”, в которой показано, что нефигуративность современного искусства является не столько результатом воздействия социально-исторических факторов, сколько итогом процесса саморазвития искусства» [18. С. 515].

В обеих концепциях, помимо исследовательской компоненты, присутствовал и прозелитизм. Так, «пропаганде нового искусства… Ортега уде-

лял постоянное внимание. Например, в 1910 году… прозвучало настойчивое требование о развертывании выставок картин И. Сулоаги… В своих статьях и эссе, относящихся к середине 20-х годов, Ортега излагает эстетическое кредо художественного авангарда» [14. С. 559–560]. Гринберг также никогда не скрывал пристрастного отношения к авангарду, признаваясь, что хотел стать художником-«контриллюзионистом» [4. С. 237]. Практически все работы об авангарде носили апологетический или, напротив, критический характер, являясь частью политической борьбы и социальной инженерии. В западном искусствоведении «критики и теоретики, бывшие современниками авангардизма, чаще всего совмещали роли исследователей и адептов. Они постоянно считали себя обязанными (или были вынуждены) доказывать… публике, что с авангардизмом все в порядке, что… он социально акцептабелен» [20. С. 11]. Но «императив легитимации» авангарда стал причиной его «стерилизации»: все, что не вписывалось в эстетический канон, объявлялось отступлением или творческой неудачей. Так, Ортега проигнорировал немецкий экспрессионизм и работы Э. Мунка, выражавшие человеческое начало и эмоции (страх, боль, экстаз), а также работы, ориентированные на интересы и вкусы «восставших масс». Гринберг, ссылаясь на психологизм и спиритуализм, отнес сюрреализм к отклонениям внутри авангарда.

Концепция Ортеги соединялась с витализмом и производным от него культом мужской юности, свойственным футуризму Маринетти: «женщина и старец на время должны уступить авансцену юноше», торжество авангарда связано с «эпохой торжества мужского начала и юности» [14. С. 25]. Распространение спортивных состязаний в начале XX века, он, как и футуристы, трактовал как «победу юношеских ценностей над ценностями старости»: первые связывались с культом тела, вторые — с культом духа, так как «дух достигает вершины своего развития только тогда, когда тело вступает в период упадка» [14. С. 257]. Таким образом, новое искусство он утверждал как «телесное» и молодежное, как искусство новых мужских союзов. Влияние футуризма на Ортегу заметно и в базовом положении его теории о «дегуманизации»: как отмечал Бердяев еще в 1917 году, главным пунктом программы Маринетти было то, что для нового искусства «человек не представляет больше никакого интереса», он не может более пониматься как источник творчества, поэтому его надо устранить, как и «всякую психологию» [1. С. 10]. Для Ортеги новое искусство — витализм, но рационализированный.

Объяснение авангарда имело и идейно родственные, но более политизированные интерпретации. Так, апология авангарда Р. Поджоли утверждала его несовместимость с тоталитаризмом и идейное родство с либерализмом: «Белый и пушистый авангард идентифицируется с основными ценностями западных либеральных демократий — терпимостью к инакомыслию, свободолюбием, креативностью; художественный авангард объявляется неотъемлемым институтом западной демократии» [16. С. 64]. Данная политически

корректная картина не согласуется с фактами тесной связи итальянского футуризма и фашизма: «Поджоли не в полной мере раскрывает политические коннотации “активизма”, ретушируя его очевидную связь с фашистской теорией и практикой. Создается впечатление, что слишком хорошо осведомленный о конкретных… связях итальянского футуризма с фашизмом автор сознательно избегает этого важного аспекта», причем «объективная логика теории Поджоли позволяет анализировать футуризм и фашизм как родственные явления психологического и социального плана» [16. С. 67]. Иначе говоря, активизм авангарда у Поджоли — тот же иррациональный витализм, обесценивающий интеллект и сводящий новое искусство к чистым ощущениям. Причем Поджоли «прекрасно отдавал себе отчет в парадоксальности своей концепции», но главной его целью была «теоретическая легитимация современного искусства и его интеграция в ту самую систему ценностей (буржуазного западного общества), с которой авангардисты… вели беспощадную борьбу» [16. С. 68]. Поджоли преследовал ту же цель, что Гринберг, корректируя политический образ раннего, преимущественно революционного авангарда как политически двуликого. Впрочем, как показал В. Беньямин, такими были еще декаденты, например, Ш. Бодлер, которого притягивали как бланкисты, так и ультрамонтаны. Авангард унаследовал и это тяготение декаданса к политическим крайностям вместе с неизмененной антипатией к умеренным, близким к политическому центру направлениям — это стало его отличительным признаком.

Характерно, что западные апологеты и советские критики стояли на общих позициях рационализма и гуманизма Просвещения, исходя из них ретушируя или преувеличивая черты раннего авангарда.

Критический подход советского искусствознания к новому искусству восходит к Г.В. Плеханову, утверждавшему в «Искусстве и общественной жизни», что новое искусство порождено эпохой буржуазного упадка, т.е. упадочно, поэтому для него закрыты «все источники истинного вдохновения» и оно превращается в «бесплодную возню с совершенно бессодержательными личными переживаниями и болезненно фантастическими вымыслами… получается нечто не только не имеющее какого бы то ни было отношения к какой бы то ни было красоте, но и представляющее собой очевидную нелепость» [15. С. 185, 191]. В оценке нового искусства как порождения упадка Плеханов следовал за М. Нордау, хотя и понимал его не в биологическом, а в социологическом смысле. Модернистское искусство Плеханов связал с нравственным упадком, о котором писал в «Нищете философии» К. Маркс: «пришло время, когда… добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть — все стало продажным. Это время общей порчи, время всеобщей продажности» [15. С. 190]. «Даже некоторые сторонники абстракции, оправдывая ее на том основании, что эпоха распада должна создавать искусство распада, тем самым отчасти признают неполноценность беспредметности» [4. С. 157].

Основываясь на том же тезисе Маркса, что современный мир — «общество порчи», в противоположном плехановскому, апологетическом ключе построил теорию искусства Адорно. В ней новое искусство, трактуемое как истинное, вбирает в себя «все несчастье» мира упадка и насилия и напоминает о страданиях, утверждаясь как негативное, черное, несущее «негативный отпечаток» социальной реальности. Его эстетическая безобразность, по Адорно, — необходимое качество, чтобы оно было социально протестным [1. С. 17] и противопоставлялось конформистскому массовому искусству, китчу, которое, напротив, должно быть понятно и уютно обывателю и потому выполняться в реалистическом художественном стиле. Для Плеханова кубизм, представивший «кризис безобразия» в искусстве, — последняя стадия упадка буржуазного общества, прежде породившая декадентство: «Занесенное к нам с запада, оно и у нас не перестает быть тем, чем было у себя дома: порождением “бледной немочи”, сопровождающей упадок класса, господствующего теперь в Западной Европе» [15. С. 176]. Помимо идейного неприятия для Плеханова авангард претит эстетическому чувству: «Читатель слышал, конечно, о так называемых кубистах… По крайней мере во мне эти изделия не вызывают ничего похожего на эстетическое наслаждение. “Чепуха в кубе!” — вот слова, которые сами просятся на язык при виде этих якобы художественных упражнений» [15. С. 183].

От Плеханова берет начало подход в советском искусствоведении, объясняющий направления авангарда воззрениями определенной философской школы. Сами кубисты утверждали, что «картина есть нечто вроде философского сочинения, изложенного на полотне посредством красок и линий» [10. С. 79]: кубизм выражал философию «субъективного идеализма», притом крайнего, склонного к солипсизму. Анализируя книгу-манифест кубизма А. Глеза и Ж. Метценже «Du cubism», Плеханов заметил: «В этих рассуждениях мы… встречаем знакомую мысль, что наше “я” есть единственная реальность… допустив существование внешнего мира, тотчас провозглашают его непознаваемым, а это значит, что для них нет ничего реального кроме “я”» [15. С. 184]. У кубистов «картина целиком замкнута в себе, не претендуя на познание внешнего мира, соотнесение образа с реальностью “по ту сторону холста”», «художник не постигает объективный мир, а творит собственную реальность» [8. С. 38, 39].

М.А. Лифшиц и его ученики в критике раннего авангарда стремились в первую очередь показать его иррационализм, поэтому при первой возможности указывали на его связь со спиритуализмом: «их идея — это массовый гипноз, суггестивное воздействие… неразумное мышление… модернизм есть современное суеверие» [10. С. 197] и «преклонение… перед исследованиями и идеями Фрейда» [8. С. 82]. Сюрреалистам была близка «одна из особенностей фрейдовской методики», состоявшая в идее «огромной власти и силы дочеловеческих пластов и потенций подсознания» в психике, причем

сюрреалисты понимали бессознательное в смысле спиритизма, а не фрейдизма. Еще один признак иррациональной, хтонической природы авангарда — холизм как стремление к «растворению индивидуального сознания в слепой коллективности» [9. С. 28]: уже кубизм представлял собой «род социальной… утопии, в основе которой лежит тоска изверившейся в себе субъективной мысли, жаждущей спасения под крышей сверхличной, коллективной реальности» [10. С. 52]. Сторонники «подлинно современного искусства» были «охвачены культом витальности, стихийной силы» и «требовали подчинения иррациональному зову сверхчеловека» [9. С. 20,21]. Роль А. Бергсона в формировании идейной основы авангарда считалась не меньшей, чем Ф. Ницше: «Бергсон раньше других объявил шах королю — поставил вопрос об отречении разума от его наследственных прав… На первый план вышли бароны витальной силы и жизненной активности» [9. С. 21]. Лифшиц настаивал на регрессивной природе раннего авангарда как «антипросвещения» и «антивозрождения»: «идеалом кубизма является забвение всех действительных знаний, приобретенных в ходе истории, забвение их с целью вернуться к темной абстракции времен египетских жрецов и схоластики раннего средневековья» [10. С. 89].

С философских, эстетических и этических позиций аполлонического мира Лифшиц критиковал дионисийский «авангард титанов» в духе Нордау, но на принципах умственного движения. Критические оценки авангарда со стороны Плеханова, затем Лифшица и его учеников — как «демонического протеста против всех выродившихся форм» [10. С. 73], «евангелия нового варварства» [9. С. 19], «современной мистики» [9. С. 19] — не могли оспариваться представителями «титанического авангарда», поскольку они сами себя наделяли этими свойствами, но оценивая их противоположным образом. Их новый мир, как и искусство, мыслился как инверсия, зазеркалье по отношению к миру, основанному на «традициях, действовавших… со времен эпохи Ренессанса» [10. С. 36]. Лифшиц это понимал и обращался в том числе к апологетам авангарда, стремившимся его концептуализировать и корректировать на основании «принципов Просвещения», тем более что многие из них были марксистами (как Адорно и Маркузе) или в некоторой степени близки к ним (как Гринберг). Не случайно одна из наиболее острых дискуссий относительно нового искусства (известная как дискуссия об экспрессионизме) состоялась между марксистами Г. Лукачем и Э. Блохом.

Концептуальная основа революционного авангарда была сформирована философией Ницше (обозначавшейся часто как иррационализм) в сочетании с интуиционизмом и витализмом Бергсона. Кроме того, на ранний авангард оказывал определяющее воздействие спиритуализм с культом бессознательного начала, что обусловило апологию сюрреалистами психоанализа З. Фрейда. Философия Ницше была для революционных авангардистов не столько теоретической базой, сколько источником вдохновения

(идеи романтизма). Революционный авангард воспринял ницшеанский призыв к «переоценке всех ценностей» как призыв к разрушению изобразительного канона: «Учение Ницше во многом трансформировало эстетику и обусловило ту духовную атмосферу, в которой зародилось одно из самых радикальных течений в искусстве XX века — футуризм. Связь ницшеанства с футуризмом очевидна, так как в последнем находят отклик идеи немецкого философа: учение о сверхчеловеке, нигилизм, витализм, “вечное возвращение” и “вечное становление” [7. С. 24]. Разрыв с подражанием природе, обусловивший формирование беспредметного искусства, был прямо связан с идеей Ницше, что подражание — «рабство и симптом ограниченности» [20. С. 139], и что следует вернуться к первобытной дикости: «Дикий человек… это возврат к природе и, в известном смысле, восстановление человека, его излечение от культуры» [11. С. 324]. Высказывание «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» [12. С. 593] стало манифестом нового искусства, причем Аполлинер, идеолог кубизма, понимал «смерть Бога» в первую очередь как «смерть традиции» платоновской академии в Кареджи, на которой строилась культура со времени Возрождения (кубизм как антитрадиция): в его манифесте раздавались «розы одобрения» «новаторам» — Т. Маринетти, П. Пикассо, Р. Делоне, самому себе и другим, а проклятия посылались А. Данте, Л. да Винчи, У. Шекспиру, И.В. Гете и другим «классикам мертвого прошлого». Последняя часть высказывания об «убийстве Бога» интерпретировалась, с одной стороны, как и футуристами, — как уничтожение музеев и библиотек, памяти о прошлом, с другой — как «аналитическое убийство формы» в новом искусстве.

В античной традиции боги и титаны противопоставлялись: боги рождены от богов и богинь, в них разделены мужское и женское начала, так как в космосе все дифференцировано и симметрично; титаны имели «в себе только один принцип», принадлежа хаосу [5. С. 38]. Ницше изменил концепт титанизма, создав новый, используемый авангардистами: он отождествил в «Рождении трагедии из духа музыки» дионисийское и титаническое, связав «мир варваров», людей «доаполлоновской поры», со временем титанов, еще не поверженных богами [12. С. 82]. В его системе боги, персонифицирующие порядок и совершенство, и титаны, представляющие «первозданную иерархию ужаса» [12. С. 77] пребывают в неразрешимом конфликте. Другая идея Ницще, регулярно воспроизводившаяся в революционном авангарде, — о способности художника «вырасти в титана» и завоевать право «принуждения богов», поскольку сверхчеловек — титан [12. С. 114]. Титаническая тема была развита в футуризме, в том числе советском, где титаническое заменило божественное. Так, Маринетти в «Манифесте футуризма» в качестве титана современности утверждал машину, покоряющую время и пространство; сверхчеловек Ницше представлен в советском футуризме А.К. Гастева, В.Э. Мейерхольда, В.Е. Татлина в образе «человека-машины» как коллек-

тивного существа, созданного революцией, что ближе к понятию «единого мирового существа» Ницше [12. С. 116]. Такое превращение человека в «машину» или в один из ее винтиков Лифшиц и называл «растворением индивидуального сознания в слепой коллективности», хотя авангардисты понимали его в ницшеанском ключе — превращение в сверхчеловека, титана современности.

Идея раннего авангарда о возвращении к примордиальности коллективного, в котором все растворяется, также производна от идеи Ницше: «Вечное возвращение есть… созвучие космической воле, восприятие бытия… как единого целого, не разделимого на оппозиции добра и зла, красоты и уродства» [7. С. 25]. При этом восприятие единого целого как «не поддающегося рациональному описанию и объяснению» происходит от концепта «дионисийского состояния» у Ницше, ставшего «правдой современного искусства», где «непостижимое… рождает в душе художника то чувство возвышенного, которое позволяет ему отрицать “буржуазную” действительность» [16. С. 121].

Философия Бергсона не в меньшей степени инспирировала революционный авангард, поскольку он «раньше других… поставил вопрос об отречении разума от его наследственных прав. С этого времени все изменилось в царстве идей. На первый план вышли бароны витальной силы и жизненной активности» [9. С. 19]. Для авангарда интуиционизм Бергсона стал продолжением и логическим расширением дионисийства Ницше: в концепции Бергсона авангардистов прежде всего привлекала «иррационалистическая концепция интуиции как альтернативы интеллекту» [8. С. 56] — что рассудок «обездвиживает» реальность, превращая «непрерывный поток бытия» (flux) в «застывшие кадры». В отличие от такого отчуждения от подлинной реальности, постижение единого целого возможно в философии Бергсона лишь через интуицию: кубисты понимали свою живопись как попытку посредством обращения к интуиции освободиться от кинематографического обмана, порожденного рассудком. Если перспектива в реалистической живописи — мгновенный срез, статичная точка зрения, основанная на восприятии посредством рассудка, то кубистическая полифония ракурсов (когда образ воспринимается одновременно в фас и профиль) утверждалась как визуализация бергсоновской длительности (durée) как подлинной ткани реальности, недоступная аналитическому расчленению. Также, сообразно философии Бергсона, утверждалось, что художник нового искусства не описывает объект, а сливается с ним через интуицию, объединяя впечатления в одно целое, т.е. кубизм пытался передать в живописи «жизненный порыв» (élan vital), само становление в смысле Бергсона. Так, Пикассо и Брак разворачивали плоскости объекта так, будто он видится одновременно со всех сторон; художники кубизма стремились передать не «оптическую ил-

люзию» объекта, не его «фотографию», а интуитивное постижение его как единого целого. Интуиционизм в авангарде понимался как переход от «искусства как зеркала» к «искусству как прямому переживанию жизни». Причем бергсоновская интуиция как основа раннего авангарда — «сводный брат» медиумического транса в спиритизме [8. С. 56] (кстати, Бергсон возглавлял одно время «Общество психических исследований», изучавшее гипноз, телепатию и спиритизм).

Во влиянии Бергсона на авангард отмечали и политический аспект: он был ключевой фигурой, обеспечившей проникновение реакционных идей в авангардную социальную среду. Так, в «Истории западной философии» Б. Рассела утверждались «политические коннотации» концепции Бергсона: воздействие его философии «согласовывалось с движением, достигшим кульминации в Виши. Близкая движению “фелькише” в Германии, впитавшая в себя идеи… романтизма… данная традиция давала стимулы… для пробуждавшегося интереса к оккультному» [16. С. 216–218].

Отметив философские системы, идейно обосновавшие «авангард титанов», необходимо указать и не совместимые с ним системы. Для авангарда, воспринимавшего современность гностически и апокалиптически, как конец «старого света» и «сотворение» нового, была характерна «борьба с метафизикой… идеалистическими системами, находящими в мире “смысл” и “гармонию” [16. С. 22], поэтому ему была, например, чужда теодицея с онтологическим оптимизмом Г. Лейбница, агностицизм — критическая философия, построенная на рефлексии и сомнениях, присутствующая уже у Р. Декарта и ставшая отличительной чертой философии Канта: «Мыслители около 1900 года… не хотят верить предупреждениям Канта, который находил стремления к познанию “вещей в себе» наивными и нефилософскими”. Ранний авангард «дружно пытается избавиться от метафизических, этических, идеологических и иных конструктов… Налицо целая плеяда умов… которые хотят думать о первичном, витальном, интуитивном, подсознательном, элементарном и избавиться от… метафизик и абсолютных ценностей» [20. С. 53]. Категорически не принимался ориентированным на возвращение в «первобытность» ранним авангардом эволюционизм и прогрессизм, характерный для почти всей философии и социологии XIX века [16. С. 131], что созвучно стремлению декаданса, выраженному еще Ш. Бодлером: «Существует одно ходячее заблуждение, которого я боюсь как огня… Нелепая идея прогресса, расцветшая на гнилой почве нынешнего самодовольства, сняла с нас бремя ответственности, освободила волю от всех уз, которые накладывало на нее стремление к совершенству» [16. С. 134].

Нетерпимость раннего революционного авангарда — показатель его мессианского и фанатичного характера, что противоречит образу более позднего «американизированного» авангарда Гринберга. Его статьи «зре-

лого периода» подводят к заключению, что новое искусство дополняло традиционное, допуская сосуществование с ним [4. С. 157–163], поэтому он осуждал «фанатичных поборников» обоих: «Осуждать течения бессмысленно — осуждать можно лишь отдельные произведения» [4. С. 192]. Однако такая плюралистическая картина не соответствует действительности — авангардное искусство заменяло реалистическое, а не дополняло его. Авангардисты-революционеры не допускали мысли о сосуществовании с иным направлением, обращаясь к марксистской идее диктатуры пролетариата. В первые годы советской власти, до начала 1930-х годов, диктатура авангарда в культуре понималась как продолжение диктатуры пролетариата в политике, поскольку авангард был объявлен новым пролетарским искусством: «Составляя меньшинство в художественном мире, но наиболее активное… левые получили государственную власть над искусством… футуристам импонировала решимость большевиков в деле коренного переустройства социальной жизни»; последние же руководствовались идеей, что «в буржуазном государстве искусство буржуазное, а в пролетарском государстве должно быть создано свое пролетарское искусство» [19. С. 455]. Оно должно было создаваться на основе только идей авангарда, поскольку в «пролетарском искусстве не должно быть ни одной старой традиционной формы… поощрения и осуществления достойны только проекты, свободные от тяжелого груза старых стилей, эпох, ушедших в историю» [19. С. 457]. Как писал Лифшиц о насаждении авангардного искусства в СССР в 1920-е — начале 1930-х годов, «модернисты были очень сильны в революционной России, и они охотно пускали в ход палку… Разве не устраивались в некоторых музеях во время второй волны ультралевой чистки культурного наследия… специальные “черные стены”, на которых вешали произведения художников более или менее реального направления как образцы искусства классово чуждого и даже вредного?» [9. С. 25, 39–40]. Пикассо выражал недовольство, что в «революционных странах» существуют музеи и в образовании остается место традиционному искусству: «Нам нужна тотальная диктатура, диктатура художников… чтобы уничтожить тех, кто обманывал нас… уничтожить историю и всю остальную кучу хлама» [9. С. 24].

Фанатизм революционного авангарда можно объяснить и социально-психологически — Беньямин описал социальный тип большинства декадентов и ранних авангардистов: «алхимики революции» и «профессиональные заговорщики» как тип сформировались еще к середине XIX века в политике и в искусстве. Маркс отмечал, что чертой представителей этого типа было сочетание тяги к сверхъестественному с уверенностью в собственном превосходстве, из чего вытекало нежелание просвещать презираемый рабочий класс: «разрушение смыслов и ценностей без позитивной цели… этот тип склонен к магическому воздействию на окружающих

и сам готов к гипнотическому воздействию на себя. Он жаждет чудесного, иррационального, волшебного преображения реальности посредством стремительных, импульсивных, насильственных действий; рациональные построения ему чужды и неприятны» [20. С. 240–241; 3. С. 9–11]. Для пролетарской революции такой тип, с одной стороны, считался вредным ввиду неуправляемости, с другой — полезным, так как его представители, направляемые «кровожадной яростью», первыми строили баррикады и были «готовы на все ради революции». Как писал Бодлер: «Да здравствует революция! Да здравствует кара! Да здравствует смерть! Я был бы счастлив как жертва, от роли палача тоже не отказался бы — чтобы ощутить революцию с обеих сторон!» [3. С. 11]. Представители этого социально-психического типа способны быстро менять политическую полярность, превращаться из крайне левых в крайне правых, и наоборот: «Есть такая среда, в которой сходятся радикалы… где совершаются постоянные переходы от формулы “революция есть бунт” к шовинизму» [9. С. 40].

Выше отмечалось, что чертой революционеров-авангардистов было тяготение к спиритуализму, влечение к мистике, пусть и часто скрытое на публичном уровне. Об общей особенности романтизма и декаданса, названной мистицизмом, писал еще Нордау, и ранний революционный авангард унаследовал эту черту: художник раннего авангарда имел обычно два лица — социальное и экстатическое, «магическое» [20. С. 183], поскольку в новом искусстве художники «исходят не из человеческой меры, а из бесконечности Вселенной» [20. С. 139]. Спиритуализм выражался в разной степени и формах: так, Кандинский открыто позиционировал себя как последователя антропософии Р. Штайнера, его библиотека в Мюнхене «содержала много книг по оккультизму и спиритизму» [20. С. 145]; открытым спиритуалистом был первопроходец авангардизма в архитектуре Ф.Л. Райт. Его концепция «великого Мы» в «органической архитектуре» прямо апеллировала к теософии, из которой он взял идею, что «новый художник… это не своевольное Я… гения, а своего рода вселенское и родовое творящее Мы. Он сам — некое множество языков и почерков. Он разнообразен, в нем не одна душа, а целая совокупность душ, восприятий, языков и перспектив» [20. С. 106]. Малевич трактовал свое супрематистское искусство как «поиск выхода к духовному Абсолюту» и находился под воздействием идей «четвертого измерения» П.Д. Успенского. Адорно в этой связи писал о «регрессе искусства, превращающегося в магию» [1. С. 82]: в его представлении само обращение к духовности было попыткой прикрыть «пустоту реального мира», а «бесконечность Вселенной» у Аполлинера — это не расширение горизонтов, а капитуляция художника перед лицом социальной машины.

Чертой революционеров-авангардистов было тяготение к спиритуализму, или влечение к мистике. Не только в раннем авангарде, но и в том,

что существовал после середины XX века, такое влечение присутствует, хотя часто скрыто от публики. Пример навязывания творчества под созданный канон – работы любимого художника К. Гринберга Д. Поллока, «дриппинг» которого родственен «чистому психическому автоматизму» А. Бретона. Поллок в объяснении своего творчества обращался не к Канту, а к «коллективному бессознательному» Юнга и «архаичным» ритуалам индейцев навахо.

Влияние спиритуализма в новом искусстве выразилось и в технике автоматического письма. Эта важнейшая для авангарда художественная практика основывалась на том, что художник имеет природу не мага, как в искусстве традиционном, а медиума и шута, а его творчество экстатично и комично. Авангардисты, как и ранее декаденты, заимствовали из магнетизма и спиритуализма концепцию медиумизма. Первоначально в магнетизме медиум выступал в качестве инструмента «магнитизера», психический строй которого считался противоположным (субъект с сильной волей; позже такой тип отношений перешел в психоанализ). Авангардное искусство отвергло такой иерархический тип отношений, заимствовав для образа художника спиритистский вариант независимого медиума, действующего автоматически. В авангарде медиум ментально пассивен, но способен в результате отключения волевого начала на озарения, исходящие из духовного мира. Уже в импрессионизме художник, уподобляясь медиуму, мыслился в качестве зеркала, отражающего влияния психической коллективной сферы, онтологический статус которой не прояснялся, — характерны «советы Моне начинающим художникам… не думать о том, что именно они пишут» [20. С. 56]; А. Матисс также практиковал автоматическое рисование, считая, что «контроль сознания может лишь повредить искусству», и рисовать надо, пребывая как бы в трансе, «двигая рукой по холсту или бумаге автоматически» [20. С. 120]. По крайней мере некоторые авангардисты, как и декаденты, прибегали к алкоголю и наркотикам, воспринимая их как средство отключения сознательного контроля как черты сухой аполлонийской традиции.

Для авангардизма как представителя романтического/дионисийского направления уподобление художника медиуму, психическому автомату, закономерно, а отказ от сознательно-волевого, индивидуального начала воспринимался как жертва во имя искусства. Как считал Аполлинер, мастер нового искусства должен работать с точностью машины, что освобождает искусство от сентиментальности и превращает творчество в пророчество. Лифшиц со свойственным ему критицизмом также заметил главную особенность художественного метода сюрреалистов, как, впрочем, и всего раннего авангарда — «подавление сознательности» [9. С. 27], что Беньямин назвал «возвращением в материнское лоно» (обозначение «бессознательного» сюрреализма [20. С. 238]). Если

традиционное искусство для Беньямина — активное, волевое, следующее мужскому принципу, то новое искусство — переход к пассивности художника, соответствующей женскому началу. Растворение чувственных форм и субъекта сравнивалось с погружением в сон или со смертью: так, К.Г. Юнг понимал творчество Пикассо, точнее его «Голубые картины», как погружение в коллективное бессознательное, описывая их как своего рода воспоминания из «царства мертвых» [20. С. 124]. Он считал, что Пикассо не выдумывал формы, а был медиумом, через которого выражалось коллективное бессознательное («abaissement du niveau mental» – понижение уровня ментальности — как необходимое для творчества в кубизме и сюрреализме).

В этом контексте Бретон писал о бессознательном как «внерелигиозной святыне». «Святое без религии» — ключевая интуиция сюрреалистов, с которой связана тема «небожественного сакрального». Стремление сюрреалистов ее выразить в дискурсе привело их к Французской социологической школе и в итоге к созданию «Коллежа социологии».

Библиографический список

1. *Адорно Т.В.* Эстетическая теория. М., 2001.
2. *Бердяевъ Н.А.* Кризисъ искусства. М., 1918.
3. *Беньямин В.* Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. М., 2015.
4. *Гринберг К.* Исскуство и культура. Критические очерки. М., 2025.
5. *Евзлин Е.* Боги и титаны Гесиода // Studia Mythologica Slavica. 2009. Т. XII.
6. *Колленберг-Плотников Б.* Климент Гринберг и Арнольд Геллен о современности искусства // Логос. 2015. № 4.
7. *Компанеец В.В., Степаненко К.А.* Философия Фридриха Ницше и русский футуризм // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2008. № 7.
8. *Крючкова В.А.* Антиискусство. Теория и практика авангардистских движений. М., 1985.
9. *Лифшиц М.А*. Искусство и современный мир. М., 1973.
10. *Лифшиц М.А., Рейенгардт Л.А*. Кризис безобразия. М., 1967.
11. *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 1994.
12. *Ницше Ф.* Сочинения. Т. 1–2. М., 1990.
13. *Палья К.* Личины сексуальности. Екатеринбург: У-фактория, изд-во УрФУ, 2006.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
15. *Плеханов Г.В.* Искусство // Искусство и общественная жизнь. М., 1922.
16. *Рыков А.В.* Политика авангарда. М., 2019.
17. *Фофанов С.А.* Гринберг vs Кеменов. Иррелевантность двух культур // Искусствознание. 2016. № 4.
18. *Чунихин К.А.* «Модерн и постмодерн» Клемента Гринберга, или апология модернизма в эпоху постмодернизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2013. № 3.
19. *Шестухина С.Н.* Русский авангард в контексте революции 1917 года // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180.
20. *Якимович А.К.* Рождение авангарда. Искусство и мысль: дисс. ... д-ра искусствоведения. М., 1998.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-329-351
EDN: ZVISBY

The avant-garde of "titans" as a stage in the transgression of the Romantic movement*

A.E. Kapishin

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: kapishin-ae@rudn.ru)

Abstract. The article is the second part of the author's study of the avant-garde of the early 20th century, or early avant-garde, which is considered the third stage in the development of the Romantic movement — not in the narrow art-historical sense, but in a broader social-cultural sense as an "intellectual movement", a type of worldview defining the culture of Western society. This movement is defined as regressive due to its course toward a return to the "original" and its opposition to the ideological vector of humanism aimed at unleashing human potential in the spirit of the Enlightenment. The antagonism of these intellectual directions constitutes a social-cultural cycle divided into stages. A distinctive feature of the period initiated by "upper Romanticism" is the expansion of the Romantic movement, irreversibly changing the social-cultural landscape of the West. "High" and "late Romanticism" (decadence) were examined from the same perspective as in the first part of the study. The author interprets the avant-garde as an unprecedented "tidal wave" of the Romantic movement, the most radical in its nihilism and ambitious in its scope, which was initially perceived as the final phase in the destruction of the old culture and society and the beginning of the construction of a "new world". The self-perception as barbarians and titans, superhuman beings of the new world, was determined by the conviction that a social-cultural upheaval was already underway. This "titanic avant-garde" was inspired by the "Dionysian" ideas of F. Nietzsche, H. Bergson, and the spiritualism of the time. Having failed to achieve its maximalist goal, the avant-garde, like the extreme political movements associated with it, integrated into Western society. As the revolution began to decline, C. Greenberg suggested a neopositivist conception of art criticism influenced by J. Ortega y Gasset's dualistic theory of "new art", merging rationalism with vitalism. Greenberg's formalist conception of art was opposite to the "titanic avant-garde" in terms of its conceptual foundation and social-political orientation — it determined a different, "Americanized" avant-garde with a "human face", which integrated into Western society at the time, becoming the dominant force in Western art. While Western art historians generally "civilized" the early avant-garde, weakening or concealing its chthonic nature, Soviet art historians, on the contrary, sought to expose it, sometimes in an exaggerated form. In creating an image of the degraded art of the bourgeois world, Soviet critics believed to prove its total social crisis and decline. The principles of the "titanic avant-garde" were most fully expressed in surrealism with its psychologistic focus on the unconscious and its understanding of the artist as a medium.

Key words: avant-garde; art; unconscious; romanticism; surrealism; vitalism; formalism; Marxism; cubism; spiritualism; revolution; titans

For citation: Kapishin A.E. The avant-garde of "titans" as a stage in the transgression of the romantic movement. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 329–351. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-329-351 EDN: ZVISBY

*© A.E. Kapishin, 2026

The article was submitted on 04.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Adorno T.W. *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic Theory]. Moscow; 2001. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. *Krizis iskusstva* [The Crisis of Art]. Moscow; 1918. (In Russ.).
3. Benjamin W. *Charles Baudelaire. Poet v epokhu zrelogo kapitalizma* [Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism]. Moscow; 2015. (In Russ.).
4. Greenberg C. *Isskustvo i kultura. Kriticheskie ocherki* [Art and Culture. Critical Essays]. Moscow; 2025. (In Russ.).
5. Evzlin E. Bogi i titany Hesioda [Gods and titans of Hesiod]. *Studia Mythologica Slavica*. 2009; XII. (In Russ.).
6. Kollenberg-Plotnikov B. Clement Greenberg i Arnold Gellen o sovremennosti iskusstva [Clement Greenberg and Arnold Gellen on the modernity of art]. *Logos*. 2015; 4. (In Russ.).
7. *Kompaneets B.B., Stepanenko K.A.* Filosofiya Friedricha Nietzsche i russky futurizm [Philosophy of Friedrich Nietzsche and Russian Futurism]. *Vestnik VolGU. Seriya 8.* 2008; 7. (In Russ.).
8. Kryuchkova V.A. *Antiiskusstvo. Teoriya i praktika avangardistskih dvizheniy* [Anti-Art. Theory and Practice of Avant-Garde Movements.]. Moscow; 1985. (In Russ.).
9. Lifshitz M.A. *Iskusstvo i sovremenny mir* [Art and Today's World]. Moscow; 1973. (In Russ.).
10. Lifshitz M.A., Reinhardt L.A. *Krizis bezobraziya* [The Crisis of Ugliness]. Moscow; 1967. (In Russ.).
11. Nietzsche F. *Volya k vlasti* [The Will to Power]. Moscow; 1994. (In Russ.).
12. Nietzsche F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1 –2. Moscow; 1990. (In Russ.).
13. Paglia C. *Lichiny seksualnosti* [Sexual Personae]. Yekaterinburg: U-faktoriya, izd-vo UrFU, 2006. (In Russ.).
14. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow; 1991. (In Russ.).
15. Plekhanov G.V. Iskusstvo [Art]. *Iskusstvo i obshchestvennaya zhizn*. Moscow; 1922. (In Russ.).
16. Rykov A.V. *Politika avangarda* [Politics of the Avant-Garde]. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Fofanov S.A. Greenberg vs Kemenov. Irrelevantnost dvuh kultur [Greenberg vs Kemenov. Irrelevance of two cultures]. *Iskusstvoznanie*. 2016; 4. (In Russ.).
18. Chunikhin K.A. "Modern i postmodern" Clementa Greenberga, ili apologiya modernizma v epokhu postmodernizma [Clement Greenberg's "modern and postmodern", or an apology for modernism in the era of postmodernism]. *Aktualnye Problemy Teorii i Istorii Iskusstva*. 2013; 3. (In Russ.).
19. Shestukhina S.N. Russky avangard v kontekste revolyutsii 1917 goda [Russian avant-garde in the context of the 1917 Revolution]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kultury.* 2008; 180. (In Russ.).
20. Yakimovich A.K. *Rozhdenie avangarda. Iskusstvo i mysl* [The Birth of the Avant-Garde. Art and Thought]: Diss. d. iskusstvovedeniya. Moscow; 1998. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 352–368**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-352-368
EDN: ZSTROM

Проективная социология супраморализма: «совершеннолетнее общество» как психократическое многоединство*

А.А. Оносов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой «позитивную» часть теоретико-аналитической дилогии, посвященной теме несовершеннолетия и совершеннолетия общества в супраморалистическом учении Н.Ф. Федорова. Статья сфокусирована на раскрытии содержания ключевого для супраморализма представления о совершеннолетии – проективно должном состоянии социума, составляющем антиномическую пару с понятием наличного, кризисного состояния несовершеннолетия. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время отсутствует структурированная, семантически комплексная экспликация представления о совершеннолетии, выработанного философией общего дела. В статье методом содержательного анализа раскрывается система критериев совершеннолетия и предлагаемые супраморализмом пути его исторического достижения, обосновывается вывод, что в учении Федорова совершеннолетие означает онтологическую автономию человеческого рода, его способность к самодеятельно-эволюционному управлению социоприродными и космическими процессами, активно-историческому осуществлению творческой эсхатологии. В рамках системно-интегративного подхода совокупность критериев социального совершеннолетия конфигурирует многовекторное семантическое пространство, отвечающее космософскому представлению о «должном обществе». Отмечается, что это состояние достигается не через социальные реформы в традиционном понимании, а через исполнение высшего нравственного долга — всеобщего воскрешения. Данный императив — центральный критерий и одновременно практический проект, преодолевающий фундаментальное несовершеннолетие человечества, обусловленное смертностью и рознью. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в проекции Федорова достижение совершеннолетия — космическая программа и исторически-эсхатологическая задача человечества, реализуемые мировой регуляцией как синтетическим арсеналом мироотношения, объединяющего науку, религию и искусство в общем деле преображения природы, победы над смертью и освоения Вселенной.

*© Оносов А.А., 2026
Статья поступила в редакцию 15.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров; философия общего дела; супраморализм; совершеннолетие; несовершеннолетие; совершеннолетнее общество; несовершеннолетнее общество; общее дело; регуляция природы

Для цитирования: *Оносов А.А.* Проективная социология супраморализма: «совершеннолетнее общество» как психократическое многоединство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 352–368. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-352-368 EDN: ZSTROM

Достигнет ли род человеческий когда-либо совершеннолетия, а главное, как, каким путем может достичь он такого состояния?

Н.Ф. Федоров

Космическая проекция планетарного социума. Теоретическое исследование в рамках темы совершеннолетия общества задумывалось и осуществлялось в формате аналитической дилогии, содержательно раскрывающей антиномию наличного и должного состояния социальной организованности в проектике философии общего дела Н.Ф. Федорова. Данная статья – смысловой абрис концептуальной схемы решения сформулированного супраморализмом вопроса о совершеннолетии как продолжение ранее начатого тематического дискурса [7]. Какая социально-историческая стратегия предопределяет эволюционный потенциал общества в философии общего дела? В чем заключается и как выражается социальное совершенство в логике супраморалистической историософии? Наконец и главное — как исторически достигается совершеннолетие общества в проекте общего дела? Эти ключевые и ряд сопутствующих вопросов определяют проблемный профиль исследования.

Вопрос о совершенном обществе имеет многовековую и мультикультурную традицию осмысления, идеального социально-философского проецирования и попыток практического решения. В протяженном историко-футуристическом ряду уникальность космософского концепта заключается в том, что его проекции дерзко выходят за границы исторически традиционализированных социальных представлений, за пределы аксиологически «гладких» социологических и антропологических образов будущего. Философия общего дела изыскательски уходит в глубинные природо- и психофизические слои бытия, проникая в онтологическую «подпочву» высших состояний общества. Выявляя природные процессы планетарного масштаба в широком спектре их проявлений в качестве определяющего фактора исторического процесса и организованности общества, учение Федорова предложило космический формат решения глобальных вопросов социоприродного бытия, определив космологический горизонт человеческой активности.

Онтологическое самодержавие общества. В широкополосной разработке этико-философского наследия Федорова тема проективной социальности аналитически исследуется современными авторами (см., напр.: [6; 9;

12; 17; 18]), получая научно-философскую интерпретацию в контексте актуальной цивилизационной динамики. Входя в это русло исследовательской мысли, прежде всего следует предложить опорное определение совершеннолетия, которым социально-философски оперирует супраморализм. В философии общего дела совершеннолетие означает действительную и деятельно неограниченную в пространстве-времени мирового бытия автономию человеческого рода, выражающуюся его самосознанием, потенциалом самоусовершенствования, способностью «вести самостоятельную жизнь» [13. С. 389] в смысле целесообразного управления социоестественными процессами глобального и космического масштабов и вселенски-космологической значимости. Предложенный Федоровым проект «положительного истинного совершеннолетия» [13. С. 136] подразумевает способность человечества к регулятивному воздействию на всю «онтологическую ойкумену» как миродеятельное выражение самостоятельности — творчески состоятельной «самости» – «по разуму и труду, по мысли и делу» [14. С. 331]. В учении Федорова совершеннолетие является этико-исторической, а в пределе и творческо-эсхатологической антитезой несовершеннолетию – противоположением, содержательно раскрываемым через антиномию технологически торжествующего прогресса, потребляющего бесчисленные поколения «блудных сынов», и – на другом нравственно-логическом полюсе – проективно истребуемого супраморализмом спасения «падающего мира» (1), императивно обязывающего «сынов человеческих» (2) к восстановлению всех минувших поколений – всеобщему воскрешению отцов-предков.

Сыновнее чувство всемирно-отеческой истории. Исторически исследуя вопрос о началах человеческого общества, Федоров в качестве фактора его становлении выделил «сыновнее чувство сожаления к слабеющим родителям», которое и заставило детей «в возрасте силы и крепости» поддерживать старшее поколение [13. С. 276]. В супраморалистической интерпретации историческое становление общества получает доопределение как нравственно-историческое, синкретика которого выражает изначальный сыновний долг полного восстановления родства. В проективной логике исторического делания супраморализм категоричен: только исполняя безусловный долг возвращения всех поколений к пакибытию, общество способно достичь совершеннолетия. Понятие воскрешения в его строго супраморалистическом смысловом напряжении и содержательной полноте раскрывает подлинный масштаб федоровского проекта: в нем подразумевается не только ревитализация праха как «персонально-экзистенциальный акт», но и – антропологически глубже и космологически шире – сущностное преображение возвращенных к пакибытию и всего окружающего мира как вселенски-онтологический процесс: «Возможности возрожденных, совершенных существ, расширяются до пределов космоса, открывают им доступ к самым отдаленным мирам» [4. С. 349].

Детерминанты совершеннолетия. Учение Федорова задает ряд критериальных характеристик социального совершеннолетия в его различных цивилизационных проявлениях. В укрупненном масштабе и интегральном представлении совершеннолетие – это «совершенство религии, науки, искусства и нравственности» [16. С. 68]. В содержательно свернутой формуле «совершенство религии заключается в признании себя орудиями воли Бога отцов не мертвых, а живых. Совершенство знания – в устранении противоречия между двумя разумами и соединении двух сословий в отеческом деле. Совершенство искусства – в замене сынами творения подобий своих отцов действительным отцетворением» [16. С. 73]. В аналитически детализированном раскрытии все формы-«ипостаси» совершеннолетия обнаруживают супраморалистическое ценностно-смысловое ядро.

1. «Умственное совершеннолетие рода человеческого» [14. С. 331]. В рамках «университетского вопроса», проблематизирующего научно-исследовательскую деятельность, Федоров критически осмысливал состояние науки «как она есть» и выдвигает проективное решение – «какою она должна быть» [13. С. 397–398; 15. С. 333]. Совершеннолетие как решение этой научной антиномии выражается в синтезе двух разумов – теоретически-познавательного и практически-деятельного, во взаимодействующем единстве образующих пригодный для общего дела естествоиспытательный инструмент. Принципиальным нравственно-логическим основанием для выработки научного *критерия совершеннолетия* в супраморализме служит природный факт смертности, обуславливающей действительное фундаментальное равенство, но в несовершенстве – принудительное и катастрофическое для человека. «Равенству по смерти» Федоров противоположил «равенство по жизни», причем жизни, восстановленной из праха, актуально бессмертной, антропологически совершенной и социально совершеннолетней. Научно-деятельное обретение «сверхъестественного» – превосходящего стихийно-природные ограничения — свойства разумной жизни и есть действительно естественный (в сверхнравственном переопределении) для мыслящего существа критерий совершеннолетия. Только в совместном преодолении смерти как природного и общего для всех бедствия (а в нравственной модальности наказания) люди могут достичь совершеннолетия. Естественный критерий логически привел Федорова к формулировке научного принципа совершеннолетия: «исследование природы, в нас и вне нас разрушительно действующей» [14. С. 331], как закон, который и будет выражать самодвижение общества к совершенству.

«Закон совершеннолетия» требует новых организационных форм и методов познавательной деятельности. Федоров убежден, что научное исследование вопроса «о смерти и жизни» в его предельной постановке требует *всеобщности науки*, что в супраморализме означает не только вседисциплинарный охват природы как синтетического объекта знания, но и вовлечение

в процесс научного исследования всех людей как единого субъекта познания. Обособление «людей науки» в профессиональное сословие Федоров считал одним из системных изъянов и выражением несовершеннолетия человечества. Переход к научному совершеннолетию означает также переход «от опытов, в кабинетах производимых, к опытам в природе совершаемым, от опытов в малом виде к опытам в натуральную величину, от искусственных к естественным», т.е. переход «от мысли к делу, к обращению слепой силы в волю человеческую» [14. С. 36]. В обобщенном научно-практическом эффекте достижение совершеннолетия может выразиться «только в самосознании или совокупном самоисследовании и в самоуправлении» [14. С. 394]. Для осознания человечеством себя как единого целого – не только в планетарно-географическом, политическом и экономическом смыслах, но и как всепоколенчески родственно связанного и всеисторически нравственно-обязанного многоединства – Федоров предвидел учреждение «всеспециального научного конгресса» в качестве «постоянного органа для самосознания» [14. С. 394].

В логическом пространстве вопроса об умственном совершеннолетии Федоров проецировал социологию как науку, способную с взыскуемой общим делом нравственной глубиной изучать процессы должной социальной организованности, исторически-эволюционно венчающейся психократическим (3) многоединством. В отличие от теоретической «школьной» социологии проективная «пасхальная» социология сфокусирована на исследовании и организации общества на супраморалистических принципах, осуществляя братотворение «блудных сынов», соединяя их для оживотворения и одушевления праха отцов.

В логическом створе вопроса о совершеннолетии Федоров критически анализировал научно-философские, этико-социальные и религиозные концепции, причем считал философию занятием несовершеннолетних и в строгом супраморалистическом требовании полагал, что всякое учение «должно бы стать проектом дела, дела общего, которое и есть исполнение проекта» [14. С. 187]. В научном выражении это означает требование практического дооснащения гносеологии – теории познания – до гносеоургии – дела знания; превращение отвлеченного университетского знания в дельное музейское, отечествоведческое; обретение школьной наукой статуса наставника в предприятии регуляции. Универсальный гносеоургический инструментарий супраморализма проецировался как *Сверхнаука*, деятельно-познавательный арсенал которой создается теоретико-прикладным синтезом всех научных дисциплин.

2. Художественно-эстетическое выражение совершеннолетия. Художественный критерий совершеннолетия требует творческого произведения действительности мира – преображенного естества, а не его искусственных имитаций и культурно продуцированных подобий [15. С. 296]. В супраморалистической строгости идеологии общего дела даже деторожде-

ние «есть творение подобий», и потому «рожденное, получившее жизнь, т.е. себя не произведшее, не может считаться самостоятельным, трудовым, совершеннолетним, пока не возвратит жизни давшим, или, вернее, отдавшим ее» [15. С. 296]. Такая активно-эстетическая максима обозначает переход от искусства как игры к искусству как делу, одновременно означающий сверхнравственный переход от стихийной истории как факта к сознательной историю как акту.

Художественно-эстетическое совершеннолетие заключается в становлении синтетического искусства, соединяющего в себе все виды образного творчества, зиждительного преображения реальности. Совершеннолетним признается такое искусство, «каким оно еще должно быть» в супраморалистической метрике, – «искусство как общее единое дело всех, дело или действие», призванное осуществить всеобщее воссоздание «жизни всего прошедшего, жизни действительной, тождественной» [15. С. 296; 13. С. 398]. В проективном синтезе это уже *Сверхискусство*, воссоединяющее все виды искусства в эстетически выраженном действительном воссозидании и оживлении. Во всехудожественном охвате мира Сверхискусство должно обрести космический объем творчества и выразиться коперниканским зодчеством (4) – реализацией миро-представления как проекта мироздания в астрофизической ткани вселенной, уподобляемой звездному храму.

3. Религиозное совершеннолетие. «Религия совершенная», т.е. для совершеннолетних, в противовес вероучениям розни, – это религия всечеловеческого объединения, т.е. «единая, выражающаяся в одном наивысшем догмате и наибольшей заповеди» [15. С. 290–291] (5) как высшее проявление религиозного чувства человечества, осознавшего свою активно-эволюционную функцию в мире. В сосредоточенности на собирании сынов «Федоров призывает лелеять культ “дела”, которое является важнейшей предпосылкой обретения религиозного совершеннолетия» [5. С. 202–203]. Религия совершеннолетия – это рационально-чувственное мироотношение, нравственно уверенное и родственно укорененное, пронизанное историческим упованием человечества, исходящее из космогонического замысла и признания активно-христианского долга его исполнения; это деловая, а не ритуальная служба миродержания. «Федоров понимал свое учение как активное христианство, как раскрытие Благой вести в истинном, деловом ее смысле. Выдвинутый им принцип совершеннолетия в вере побуждает человечество встать в отношение сознательной взаимности к Богу» [11. С. 22].

Федоров проецировал совершеннолетнюю религию в качестве литургического всеобщего синтеза научного знания как Сверхнауки, эстетического творчества как Сверхискусства и «живой религии» как *Сверхрелигии* (6). Основой синтетического начала управления мировой онтологией при этом выступает христианство православной ветви, поскольку «христианство не есть лишь жизнепонимание, а дело искупления, которое и состоит в рас-

ширении и распространении регуляции на весь мир» [14. С. 244]. В свою очередь, регуляция выступает научно-технологическим инструментом активно-христианского вероучения, а в семантике супраморализма христианство – мировая регуляция, или религия, «какой она должна быть»: «христианство всеобщего преображения и обожения… предполагает нерасторжимую объективную связь всех сознательных и чувствующих существ между собой, их солидарность и взаимную ответственность» [10. С. 25].

4. Нравственное совершеннолетие. В супраморализме нравственность совершеннолетних детерминируется долгом воскрешения. Признание и исполнение живыми сынами обязанности телесного возвращения всех умерших отцов-предков к новой жизни и есть совершеннолетняя нравственность как «настоящее единственное дело, дело познания сил природы… и превращения этих смертоносных сил в живоносные» [16. С. 12]. Активно-историческое изживание даровой (по рождению) человеческой природы трудовой (по общему делу) означает супраморалистический выход за установленные внеразумной и чувственно-слепой природой пределы «естественной» нравственности. Нравственное совершеннолетие человечества – конкретное выражение и целевая интенция супраморализма, т.е. сверхнравственности.

Осмысливая регуляцию природы как служение жизни в ее бессмертной актуальности и теоантропологической потенции, Федоров говорил о необходимости перехода от юридико-экономической организации общества к нравственной, от инфраморализма как состояния несовершеннолетия — к супраморализму как достижению высшей нравственности [15. С. 320]. Критерием и исходным пунктом нравственного совершенствования и достижения совершеннолетия он полагал чувство всеобщего родства, особенно сильно и непосредственно выраженное в детском чувстве чистой любви к отцам [13. С. 80, 104]. Нравственно активированное в общем деле сыновнее чувство является одновременно и условием, и выражением совершеннолетия общества [13. С. 71], искупительно-исторического обретения богочеловеческого нравственного совершенства и мироустроительной мощи. В учении Федорова «великим орудием» теоантропической – богочеловеческой – нравственности совершеннолетнего общества призвано стать «великое дело» – внехрамовая литургия внешней и внутренней регуляции [14. С. 174].

5. Социургия совершеннолетия. В социально-организационном выражении супраморалистически понимаемое совершеннолетие – это объединение всех «в труде познания и управления слепою силою, носящею в себе голод, язву и смерть» [16. С. 20], онтологически достигнутая и космологически выраженная самостоятельность человечества. В терминах родственности это семейное «объединение сынов для служения отцам» [13. С. 118] – социальная организованность, подчиненная конверсии природного закона смертности в нравственный закон воскрешения и тем самым достижения актуального бессмертия. В супраморалистической метрике «закон воскрешения» есть

«закон любви к праотцам», отклонение от которого Федоров квалифицировал как «величайшее преступление для сынов умерших отцов» [15. С. 296]. Таким образом, в социологической постановке вопрос о совершеннолетии – это вопрос «о наилучшем и самом естественном употреблении жизни сынами человеческими в их совокупности», обращающем «человеческий род в семью воскрешения» [13. С. 38, 118]. Образец совершеннолетнего общества, полагал Федоров, задан христианским учением о Троице — это человеческое нравственно-всеродовое многоединство, пронизанное психократическими связями, уподобленное божественному триединству, т.е. общество «по типу Троицы», вселенски осуществляющее предприятие мировой регуляции в разных формах управления природными процессами.

Реализация состояния совершеннолетия как психократического многоединства требует глубокой трансформации всей структуры и содержания социальных отношений: гражданина, стремящегося обрести полноту личных свобод в правовом обществе, учение Федорова потенцирует в брата, добровольно принимающего и исполняющего общий долг патрофикации (7), возвращающей обществу все воскрешенные поколения отцов и тем самым воссоздающей всю историческую полноту отечества (8). Вместо юридически-принудительно окаймляемой государством розни взаимоочу́женных личностей – братско-родственный союз, «в котором единство не иго, а самостоятельность личностей не рознь» [13. С. 402]. При этом «Федоров совершенно уверен, что диалектика Святой Троицы и оптимизм “психократии” разрешают проблему микрокосма и макрокосма, соединяя их в богочеловеческом процессе» [3. С. 370]. В динамике социально-психологических отношений неслиянно-нераздельное единство божественных ипостасей призвано стать «образцом взаимодействия людей и в семейно-родственной жизни, и во внутригосударственных делах, и в делах международных» [1. С. 123].

В осмыслении цивилизационного опыта человечества Федоров пришел к формулировке исторической антиномии, выражающей противоречие эмпирического закона как логики стихийного общественного развития в «розни и бездействии совокупной воли человеческого рода» [14. С. 397], с одной стороны, и Закона Божьего как императива сознательного исполнения совершеннолетним обществом всемирового Божественного плана – с другой. Признавая безучастность и бездейственность истории как апостериорной летописи человечества, супраморализм постулирует принцип априорной, *проективно-активной стратегии человечества* — чтобы «не история наступала за событием, а событие следовало бы за мыслью о нем, чтобы мысль была проектом события» [14. С. 394].

Раскрывая историческую антиномию, учение Федорова в градации летописных периодов выявляет этически восходящий ряд: история как факт — бесцельное существование блудных сынов в сиротской розни, взаимной вражде и истреблении (история страдания). История как проект – научно

мобилизованное объединение всех живущих «для возвращения жизни истребленному, т.е. служение жизни» [15. С. 319], выражающее нравственный «катарсис» общества, обращающий его к братотворению и принятию сыновнего долга активно-исторического делания (история покаяния). История как акт – родственно-общее всех сынов человеческих дело патрофикации и эволюционной регуляции мира (история искупления). История как акт знаменует «эпоху совершеннолетия», но история как факт есть необходимый исторический процесс «воспитания рода человеческого». Выход из школы истории, т.е. переход от чистого бездельного знания к научно просвещенному делу жизни, означает начало истории как акта — «совершеннолетия рода человеческого» [14. С. 208]. Содержательно определяя активную историю как всемирное дело спасения, ее целью Федоров видел осуществление догмата о Троице – достижение богодейственного статуса, позволяющего теокосмочеловечеству распространять «любовно-соборный принцип взаимодействия на все бытие, на всю тварь, стонущую под гнетом железных законов природы, где царствует не любовь, а взаимное вытеснение и борьба за место под солнцем» [2. С. 262].

6. Образование совершеннолетнего общества. В учебно-педагогической постановке вопрос о совершеннолетии требует таких школ, которые через воспитание и познавание будут формировать деятелей, способных к управлению природными процессами во всем их разнообразии и объеме; это воспитательно-образовательные учреждения, формирующие этико-научный фундамент действительного – социоприродно обеспеченного – совершеннолетия человечества. Нравственно-просветительский профиль таких школ должен сочетать учебный труд, закладывающий основы научно-исследовательской деятельности, и религиозное образование, содержательно наполняющее и активирующее чувства родового и исторического единства человечества; в двуединстве учебно-воспитательных начал такие школы мыслились как школы-храмы. Их учреждение «есть истинный путь к зрелости, к совершеннолетию», и потому Федоров выдвигал проект повсеместного построения школ-храмов, посвященных Троице «как образцу единодушия и согласия» [15. С. 405, 311].

7. Политическое совершеннолетие. В статье «О родовом совершеннолетии» Федоров в обобщенных образах раскрывает черты политической организованности совершеннолетнего общества: вместо национально-государственных институтов гражданского общества утверждается союз людей, родственно связанных исторической целью добровольного исполнения общего дела и потому не нуждающихся во внешних регуляторах отношений, судебно-правовой системе, партийных общественно-политических организациях. Исходя из этого, должен коренным образом измениться характер социальных отношений: обращение «всего принудительного в добровольное», замена партийности всеобщностью, переход от «юридико-экономического

общества» как несовершеннолетнего человечества к нравственному обществу, совершеннолетие которого «может найти свое выражение только в братском объединении всех сынов человеческих для дела всеотеческого» [14. С. 369]. При этом Федоров предостерегал: политически целезадаваемое и насильно осуществляемое единство способно обернуться ростом социальной поляризации и враждебным проявлением неродственности, обострением международной борьбы за цивилизационное влияние. Единство же, утверждаемое общим делом, обусловлено нравственно-родовым чувством сынов человеческих, их признанием своего единства не только по целям общего дела, но и по естественно-родовой форме этого единства – природного братства по общеединым для них отцам-предкам. Это активно-христианская политика, «ведущая к восстановлению всечеловеческого родства не через внешнюю силу, не через доминирование, а через сотрудничество народов земли» [1. С. 123].

В совершеннолетнем обществе «власть над себе подобными заменяется властью над слепою силою» [13. С. 403], т.е. научно обоснованной и технологически полномочной регуляцией природных процессов, которая и является детерминантом целесообразной формы социальной организованности. Внутреннее же управление – социально-политическая власть – осуществляется «временным наместником, соединяющим в себе знание и воспитание, т.е. душеприказчиком и учителем; эта власть необходимо кончается вместе с исполнением долга, т.е. с воскрешением, с полным взаимознанием, родством» [15. С. 516]. Таким образом, общество переходит в состояние психократического самоуправления и мирового самодержавия.

Политической формой, потенциально выражающей совершеннолетие, Федоров считал самодержавие (9) – как власть, организующую и осуществляющую общее дело, «предметом которого служит жизнь всего рода человеческого» [14. С. 18]. В супраморалистическом значении самодержавие как «всемирно-историческое и всемирно-географическое начало», явление совершеннолетия, категорически опровергает конституционализм, который как «явление местное, временное… не всенародное… произведение не сынов, а граждан, т.е. сынов блудных», «есть отрицание совершеннолетия и охранение, увековечение несовершеннолетия» [14. С. 21, 18]. «Самодержавие есть правило, закон, путь к совершеннолетию, а конституциализм, закрепляющий несовершеннолетие, узаконяющий борьбу, есть уклонение от этого поистине царственного пути» [14. С. 21] (10). Главным делом самодержавия должно стать «воспитание народа, т.е. приведение его в такое состояние, в котором люди уже не нуждались бы ни в надзоре, ни в принуждении, ни в карах наказания» [16. С. 104]. В родственном самодержавии государство неизбежно обретает братско-отеческие качества — обращается в воспитательно-образовательное учреждение совершеннолетних живых, свободных, но нравственно обязанных сынов [16. С. 144]. В сверхнравственном пределе

самодержавие, восстанавливая ушедших отцов в естественных правах новой бессмертной жизни, преображает государство в отечество, воссоединяющее все поколения человеческого рода в геоисторическое многоединство как психократически устроенное общество по типу Троицы.

8. Кающийся индустриализм. Индустриально-технологическим выражением совершеннолетия должно стать дело «высшее, всеобъемлющее, превращения трансцендентного, внемирного в имманентное» [15. С. 515]. Поскольку общий и безусловный для всех смертных сынов человеческих социально-природный порок (а в сознательной безучастности к нему и социально-моральный грех) — смерть, общим мировым научно-производственным предприятием как этико-рациональной реакцией на «естественное зло» должно стать дело воскрешения и, следовательно, достижения бессмертия человеческого существа. Признание «игрушечного характера» современной индустрии, научно-технический потенциал которой используется для «производства и распределения предметов комфорта», уже обозначило бы переход к совершеннолетию, начальным проявлением которого должно стать производство средств цивилизационного жизнеобеспечения «двойного назначения – как для защиты от себе подобных, так и для действия на слепые силы природы» [15. С. 515]. В зрелых формах хозяйственного управления совершеннолетие означает утверждение «кающегося индустриализма» [15. С. 345], сосредоточенного на «производстве жизни».

9. Священно-научный милитаризм. Научно вооруженной и исследовательски боеспособной силой совершеннолетнего индустриализма в учении Федорова служит «священно-научный милитаризм», конверсирующий «истребительные орудия» войны в «регулятор слепой силы природы» [15. С. 15], заменяющий борьбу с себе подобными «разумною организацией борьбы против болезнетворных и вообще разрушающих, стихийно действующих сил природы» [14. С. 164]. Для раскрытия умиротворительного потенциала милитаризм должен опираться на всеобщую воинскую повинность и всеобщеобязательное образование, «обращение войска в естествоиспытательную силу» [14. С. 300], используемую для решения задач регуляции природных процессов. В макроэкономическом обобщении священно-научный индустриализм в сопряжении со священно-научным милитаризмом призваны стать стержнем «экономики спасения», выводящей человечество на орбиту космического бытия и осуществления космо- и пантократии.

10. Антропологическое совершеннолетие. Совершеннолетие логически немыслимо и фактически недостижимо без психофизического совершенства человека – органического синтеза его новой антропологии, где совершеннолетие заключается в обретении ветхим человеком функционально-морфологической вариативности и полноты жизненных форм, т.е. свойства полноорганности (11): возможности активно-эволюционной выработки статуса вселенски универсального – и в этом смысле полноорганного, телесно

пластичного – разумного существа, способного антропологически реализовать вселенский принцип всюдности, вечности и всеобщности жизни. Один из критериев органического совершенства — преодоление животного принципа рождения человеческого существа. Совершенный человек – произведение активной антропологии, а не родотворных законов биологического вида; это психофизический результат превращения «плотской любви в духовную» [15. С. 297], а не плод телесной чувственности. Проектируя качества преображенной природы человека, Федоров опирался на представление об ангелах, считая, что они должны служить «образцами достигших совершеннолетия и не утративших детской чистоты» [13. С. 80–81] высших существ.

Регулятивный принцип совершеннолетия. Критически осмысливая проявившийся в ходе исторического времени вектор цивилизационного развития и логически реализуя постулируемое супраморализмом активное мироотношение, Федоров настойчиво проецировал возможность имманентно восходящего движения – социального и антропологического – к совершеннолетию. Аксиоматичным в такой логике принимается принцип всеобщности: «полнота личного бытия, личное совершенство возможно только при совершенстве общем» [13. С. 106], достигаемом регуляцией внешней и внутренней природы, требующей согласного объединения в общем деле. Таким образом, принцип всеобщности отражает логику активно-исторического участия человечества в мировых процессах, сознательного управления ими. В социальном эффекте природная регуляция, осознанная в научной постановке как технология «управления и подчинения неразумной, слепой силы разуму», а в религиозной значимости – как «требование Божественной воли» — «приведет к единомыслию и верующих и неверующих» [13. С. 406], тем самым преодолев социальную сегрегацию по религиозному признаку. Научно-техническая рационализация и технологическая операционализация регуляции – методологическое кредо проекта общего дела; его нравственная сердцевина — воскрешение как активно-историческое, знаменующее выход из цивилизационной школы «полное выражение совершеннолетия» [13. С. 56]; а космологическая задача — заселение, освоение и одухотворение звездных миров поколениями воскрешенных отцов. При этом имманентное воскрешение понимается как особый вид регуляции природы – органо-синтетическая «анастатика», которая в сочетании с внутренней психофизической регуляцией позволяет преодолеть стихийно наложенные на биологическую конституцию человека пределы. В такой перспективе мировая регуляция способна вывести человечество на орбиту сверхэмпирического жизнепроявления.

Онтологизация мировой регуляции. В учении Федорова регуляция в разнообразии видов и полноте форм ее проявления — универсальное средство, которым «устраняются все бедствия нашего времени» [14. С. 275], достигается решение критически важных, фундаментальных вопросов социоприродно-

го бытия. В социальном измерении и голографическом эффекте «регуляция есть существенный признак» [14. С. 244] и главный параметр совершеннолетия человечества как многоличного разумного существа. Это императивно выраженный супраморализмом генерализованный «кибернетический критерий» совершеннолетия человечества. В религиозном выражении регуляция как внехрамовая литургия, соединяющая веру, знание и эстетическое чувство, станет историко-практическим осуществлением мировой спасительной «молитвы перехода от несовершеннолетия к совершеннолетию» [15. С. 404].

Тео-космологическая метрика совершеннолетия. Развивая и углубляя идею мировой регуляции, Федоров пришел к выводу, что в планетарно-космическом аспекте человек не должен оставаться «праздным пассажиром» Земли; онтология планетарного человечества не может быть невольным произведением космологии, лишенной психосоциального напряжения. Проективная, теологически оцеленная и психологически «иннервированная» космология призвана соединять населенные и одушевленные воскрешенными поколениями отцов-предков звездные миры в астрономические хороводы, осуществлять управление и эволюцию вселенной активно-эстетическими инструментами «коперниканского зодчества». Совершеннолетняя космология как рационально-космогоническое выражение совершеннолетия человечества приведет вселенную к «полному самосознанию и самоуправлению, или подобию Богу-Творцу» [13. С. 389]; вселенная обретет целостность, стройность и благообразие Космоса. Достижение совершеннолетия открывает человечеству, объединенному в общем деле мировой регуляции природы, «безграничное поприще» [14. С. 83], незамкнутое масштабом планетарных процессов. Для человечества это будет означать вселенское осуществление истинной автономии как самостоятельно-творческого разрешения антиномий И. Канта. В предельном онтологическом значении вопрос о совершеннолетии – это вопрос «о существовании чрез самих себя в совокупности, в исполнении воли Божией» [15. С. 296].

Упреждая возможные упреки супраморализму в покушении человечества на божественное всемогущество, Федоров отмечал, что «было бы большою ошибкою думать, что Высший Разум являлся ревнивым к Своей власти и что человек обрекался на вечное несовершеннолетие» [14. С. 233]: напротив, наибольшее величие Бога в логике мировой эволюции сознания выражается в том, что всемогущество высших сил осуществляется не только для людей, но и через людей [14. С. 233], через человеческое мироактивное совершеннолетие. В высшем теокосмологическом содержании «Божественное творчество» послужит единому человечеству «образцом для воссоздания жизни вместо нынешнего разрушения жизни» [13. С. 402].

Информация о финансировании
Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Примечания

(1) Падение мира – одно из стержневых представлений супраморализма, выражающее глубинное понимание энтропийной «червоточины» мирового порядка бытия. В образно-логическом выводе Федорова падение означает процессы деградации астрофизической ткани Универсума, распад организованности мировой системы и утрату ею онтологического статуса.

(2) В учении Федорова понятие «сын человеческий» обозначает нравственную вершину родственного чувства детей к родителям, а образ «блудного сына» раскрывает социально-психологическую бездну всеобщего отчуждения и неродственности, онтологически обрекающих мир на немирное состояние.

(3) Психократия (др.-греч. ψυχή – душа + κράτος – власть) – особая форма межличностных и социальных отношений, основанных на взаимном «душезрении», когда «чужая душа» перестает быть «потемками».

(4) Коперниканское зодчество – космологическое творчество человечества, направленное на практическое доказательство мировоззренческой системы Н. Коперника путем освоения вселенной и организации хороводов звездных миров, управляемых поколениями воскрешенных отцов-предков.

(5) Наивысший догмат – основной догмат христианства о Пресвятой Троице: «Бог есть Един по Существу, но троичен в Лицах: Отец, Сын и Святой Дух – Троица Единосущная и Нераздельная» [8. С. 29]; главная заповедь – «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

(6) Живая религия в супраморалистическом определении – истинно кафолическая, активно-христианская, т.е. «деловая», требующая вероисполнения и решения вопроса «о смерти и жизни», воскрешении. Сверхрелигия в терминосистеме философии общего дела может быть определена как кафолизм – вселенская религия, возросшая из активно-христианского печалования о «разъединении миров» [14. С. 338] на аксиологической основе православия и осуществляющая вселенскую литургию онтологического преображения мира.

(7) Патрофикация (греч. πατήρ – отец, πάτρα — отечество), или отцетворение, — воскрешение всех умерших отцов, родителей как антитеза поколенческому сыновнему вытеснению отцов из жизни, забвению сынами отечества и их сиротству.

(8) Отечество в учении Федорова — планетарное всеисторическое общество, единородственно соединяющее всех воскрешенно-бессмертных сынов человеческих всех времен в творческий союз действительного умиротворения и преображения мира.

(9) В супраморалистическом понимании самодержавие – власть, в которой самодержец стоит «в праотца место», т.е. предстает отцом, а подданные – его возлюбленными детьми. Самодержавие как совершеннолетняя власть пронизано отношениями родства и обосновано нравственным чувством [16. С. 109].

(10) Под законом Федоров понимал не исторический закон, а закон Божий, и в такой антиномической поляризации конституциализм – человеческий, а не боговдохновенный порядок, т.е. исторический произвол.

(11) Полноорганность – адаптивное свойство морфологической пластичности и функциональной многопрофильности организма. Полноорганный человек, обладая «флюидной» телесностью, способен существовать в разных средах, «жить всюду».

Библиографический список

1. *Гачева А.Г.* Идеал совершенного общества в философии Н.Ф. Федорова // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. / ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2025.
2. *Гачева А.Г.* «Что такое история?» (религиозная историософия Н.Ф. Федорова) // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010.
3. *Иидзима Я.* Как переходить от города к селу? // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010.

4. *Лесюр Ф.* Как переводить Федорова на французский язык? // Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова / ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2022.
5. *Милентиевич Л.* Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: историософские параллели // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. / ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2025.
6. Московский Сократ: Николай Федорович Федоров / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2018.
7. *Оносов А.А.* Вопрос о социальном совершеннолетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
8. Пространный христианский катихизис православной кафолической Восточной церкви. М., 2013.
9. Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский / под ред. А.Г. Гачевой, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М., 2022.
10. *Семенова С.Г.* Н.Ф. Федоров и философия активного христианства // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2018.
11. *Семенова С.Г.* Философия воскрешения Н.Ф. Федорова // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1995.
12. «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2010.
13. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т.I. М., 1995.
14. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М., 1995.
15. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М., 1997.
16. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М., 1999.
17. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. / ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2025.
18. Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова / ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-352-368
EDN: ZSTROM

Projective sociology of supramoralism: “Full age society” as a psychocratic multiunity*

A.A. Onosov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Abstract. The article presents the “positive” part of a theoretical-analytical dilogy on the underage and full age society in the supramoralist concept of N.F. Fedorov. The article focuses on the content of the key supramoralist idea of coming of age – a projectively proper state

* © A.A. Onosov, 2026
The article was submitted on 15.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

of society as an antinomic pair with the present, crisis state of underage. The relevance of the study is determined by the lack of a structured and semantically comprehensive explication of the concept of full age developed by the philosophy of common cause. The author reveals a system of criteria for full age society and paths to its historical achievement as proposed by supramoralism, explains why Fedorov's concept of coming of age signifies the ontological autonomy of humanity, its capacity for independent evolutionary management of social-natural and cosmic processes, and active historical realization of creative eschatology. In such a systemic-integrative approach, the set of criteria for social coming of age constitutes a multi-vector semantic space that corresponds to the cosmosophic concept of a "proper society" which can be achieved not through social reforms in the traditional sense, but through the fulfillment of the highest moral duty of universal resurrection. This imperative becomes both a central criterion and a practical project for overcoming humanity's fundamental underage as determined by mortality and discord. The results of the study show that in Fedorov's concept the full age society is a cosmic program and the historical-eschatological task of humanity, which are to be implemented and solved through global regulation as a synthetic arsenal of worldviews that unites science, religion and art in the common cause of transforming nature, defeating death, and mastering the universe.

Key words: N.F. Fedorov; philosophy of common cause; supramoralism; full age; underage; full age society; underage society; common cause; regulation of nature

For citation: Onosov A.A. Projective sociology of supramoralism: "Full age society" as a psychocratic multiunity. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 352–368. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-352-368 EDN: ZSTROM

Funding
The study was conducted under the state assignment of the Lomonosov Moscow State University.

References

1. Gacheva A.G. Ideal sovershennogo obshchestva v filosofii N.F. Fedorova [The ideal of a perfect society in N.F. Fedorov's philosophy]. *"Filosofiya obshchego dela" N.F. Fedorova i Fedoroviana XX–XXI vv.* Moscow; 2025. (In Russ.).
2. Gacheva A.G. "Chto takoe istoriya?" (religioznaya istoriosofiya N.F. Fedorova) ["What is history?" (N.F. Fedorov's religious historiosophy)]. *"Sluzhitel dukha vechnoy pamyati": Nikolai Fedorovich Fedorov. Part 1.* Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Iidzima Ya. Kak perekhodit ot goroda k selu? [How to move from the city to the village?]. *"Sluzhitel dukha vechnoy pamyati": Nikolai Fedorovich Fedorov. Part 1.* Moscow; 2010. (In Russ.).
4. Lesyur F. Kak perevodit Fedorova na frantsuzsky yazyk? [How to translate Fedorov's works into French?]. *Filosof obshchego dela*. Moscow; 2022. (In Russ.).
5. Milentievich L. F.M. Dostoevsky i N.F. Fedorov: istoriosofskie paralleli [F.M. Dostoevsky and N.F. Fedorov: Historiosophical parallels]. *"Filosofiya obshchego dela" N.F. Fedorova i Fedoroviana XX–XXI vv.* Moscow; 2025. (In Russ.).
6. *Moskovsky Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov* [Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov]. Comp. by A.G. Gacheva, M.M. Panfilov. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Onosov A.A. Vopros o sotsialnom sovershennoletii v filosofii obshchego dela. "Nesovershennoletnee obshchestvo" v supramoralisticheskoi introspektsii [On social full age in the philosophy of common cause. "Underage society" in the supramoralistic introspection]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2). (In Russ.).
8. *Prostranny khristiansky katykhizis pravoslavnoi kafolicheskoi Vostochnoi tserkvi* [Extensive Christian Catechism of the Orthodox Catholic Eastern Church]. Moscow; 2013. (In Russ.).
9. *Russky kosmizm: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky* [Russian Cosmism: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky]. Ed. by A.G. Gacheva, B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow; 2022. (In Russ.).

10. Semenova S.G. N.F. Fedorov i filosofiya aktivnogo khristianstva [N.F. Fedorov and the philosophy of active Christianity]. *Moskovsky Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov.* Moscow; 2018. (In Russ.).
11. Semenova S.G. Filosofiya voskresheniya N.F. Fedorova [N.F. Fedorov's philosophy of resurrection]. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t. Vol. I.* Moscow; 1995. (In Russ.).
12. *"Sluzhitel dukha vechnoi pamyati": Nikolai Fedorovich Fedorov: v 2 ch.* ["Servant of the Spirit of Eternal Memory": Nikolai Fedorovich Fyodorov: in 2 p.]. Ed. by A.G. Gacheva, M.M. Panfilov. Moscow; 2010. (In Russ.).
13. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. I* [Collected Works: in 4 vols. Vol. I]. Moscow; 1995. (In Russ.).
14. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. II* [Collected Works: in 4 vols. Vol. II]. Moscow; 1995. (In Russ.).
15. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. III* [Collected Works: in 4 vols. Vol. III]. Moscow; 1995. (In Russ.).
16. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. IV* [Collected Works: in 4 vols. Vol. IV]. Moscow; 1995. (In Russ.).
17. *"Filosofiya obshchego dela" N.F. Fedorova i Fedoroviana XX–XXI vv.* ["N.F. Fedorov's Philosophy of Common Cause" and Fedoroviana of the 20th — 21st Centuries]. Ed. by A.G. Gacheva. Moscow, 2025. (In Russ.).
18. *Filosof obshchego dela* [Philosopher of Common Cause]. Ed. by A.G. Gacheva. Moscow; 2022. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 369–379**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-369-379
EDN: ZQIPER

Historical-futurological projects: Utopian models of V.F. Odoevsky and A.V. Chayanov*

A.M. Nikulin[1], I.V. Trotsuk[1,2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp.,82, Moscow,119571, Russia

[2]RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru; irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. Vladimir Fedorovich Odoevsky (1804–1869) and Alexander Vasilyevich Chayanov (1888–1937) are remarkable thinkers of the romantic school, like Ernst Theodor Hoffmann (with whom they are often compared), and wrote mystical-fantastical works in the spirit of a disturbingly ironic absurdity. As many romantics (Hoffmann was not only a brilliant writer but also a talented musician and a professional lawyer), Odoevsky and Chayanov had a surprisingly diverse range of interests: the writer Odoevsky professionally studied many social and natural science areas of his time [25], while the professor Chayanov was not only an agrarian economist but also a sociologist, political scientist and historian [18]. Although romantics are considered impractical and otherworldly, the Privy Councilor and Senator Odoevsky, like Chayanov, the Deputy Minister of Agriculture in the Provisional Government and later a key expert at the State Planning Committee and the People's Commissariat of Land, actively and effectively participated in state-bureaucratic and public-cooperative projects. The article characterizes the utopian works of Odoevsky and Chayanov, which are stylized in the spirit of Hoffmann's fantasies and raise questions of the romantic unity of man, society and nature in the face of unexpected natural and social catastrophes. To understand unknown future dangers and ways to overcome them, both utopias pay special attention to the paradoxes of studying and rethinking historical experience. Both authors aimed at projecting variants of progressive, sustainable future development of Russia based primarily on the improved selection of ruling and intellectual elites as a factor of public prosperity and scientific and cultural development. The fundamental difference between the historical-futurological worldviews of two utopias is the continuously conservative-monarchical system proposed by Odoevsky and the discontinuously revolutionary-democratic renewal of the future Russian society advocated by Chayanov.

Key words: utopia; V.F. Odoevsky; A.V. Chayanov; projecting; futurology; historical experience; ruling and intellectual elites; Russian society

For citation: Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Historical-futurological projects: Utopian models of V.F. Odoevsky and A.V. Chayanov. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 369–379. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-369-379 EDN: ZQIPER

*© A.M. Nikulin, I.V. Trotsuk, 2026
The article was submitted on 10.03.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

It is generally accepted that economists, due to their predominantly accounting and calculation-based work related to rational choices for optimizing economic activity, have little time for or interest in metaphysical questions about meanings and prospects of human life. Such existential concerns are traditionally left to philosophers and poets, sometimes historians and sociologists. However, Chayanov, a famous economist, is known for the interdisciplinary and encyclopedic knowledge, and his social-philosophical legacy is increasingly relevant in our time. Chayanov has over a hundred publications on economics in the narrow sense of the term [3; 6; 7; 10], studied the economy of peasant households [8] and cooperatives [2], large collective and state agricultural enterprises; as a political economist [4; 12] focused on many fundamental categories and trends of economic life related to the concepts of exploitation and ecology, labor and capital, spontaneous and planned development, anarchy and the state, capitalism and socialism; had a deep understanding of both classical and contemporary directions of the Russian and Western economic though; proposed the so-called peasant-cooperative alternative for the Soviet economy after the Russian Revolution, which Lenin had in mind when implementing the New Economic Policy; did not write purely philosophical or religious works but published historical, art-history, futurological and fiction works.

Odoevsky, an outstanding writer, statesman and public figure whose conservatism was largely liberal, technocratic and environmental, characterized himself as a Western progressive thinker for the Slavophiles and an Old Believer mystic thinker for Saint-Petersburg elites of his time [20. P. 74]. He combined encyclopedic knowledge and public activities, conservative views and democratic convictions, rationality of a realist and irrationalism of a romantic, skepticism of thought and optimism of will [13; 14. P. 75]. In the debate between the Westernizers and the Slavophiles, his position was rather ambiguous: on the one hand, he recognized the enormous role of the national spirit and fundamental differences between Western and "Russian" Europe, predicting a glorious future for Russia in world history; on the other hand, despite his profound critique of A. Smith, T. Malthus, J. Bentham and the foundations of Western liberalism, the Slavophiles never accepted him, since he was too interested in Western progress and considered Russia's most important task to learn from the Western intellectual and technical experience. Odoevsky was a convinced monarchist who fundamentally rejected the revolutionary path taken by many of his friends, but in his positions in the bureaucratic hierarchy he was an advocate of fundamental reforms and a harsh critic of the landowner ideology [29].

At the same time, Odoevsky organized and financed charitable institutions (orphanages, hospitals), published educational literature (together with his friend, the renowned statistician A.P. Zablotsky-Desyatovsky, founded probably the first Russian educational peasant periodical *Rural Reading* [17]), a generation before the Narodniks "going to the people" [9], admired the poetic philosophy

of F.W.J. Schelling and ancient ideas of West and East, was one of the first Russian futurologists. He wrote dystopian novellas [21; 23] based on the critique of the utilitarian principles of bourgeois political economy and a positive utopia predicting from the technical perspective a number of future inventions (machines capable of flying to the Moon, prototypes of the Internet, climate control devices, psychotherapeutic practices of communication), from the social perspective — a strange symbiosis of conservatism and democracy in future Russia (a monarchical empire with an aristocratic court, selecting talents from all social classes), and from the geopolitical perspective — a confrontation of Russia and China with America. Odoevsky's optimistic view is strikingly combined with a bitter reflection on the absurdity of Russian life (lawlessness, ignorance, filth, theft, malice, broken roads, embezzlement), but Odoevsky was skeptical of both the "true but one-sided paths" (like the Western desire for benefit, ignoring the so-called "useless") and the nationalistic exclusive "our/Russian path" [4; 7].

Odoevsky and Chayanov share aesthetics of fantastical mysticism, insightful study of Russian and world history, and active participation in educational and pedagogical projects. Public education in their times primarily meant educating the peasantry as the most widespread social strata; however, Odoevsky and Chayanov's ideas of peasant enlightenment did not imply a one-sided mentoring — both were truly interested in learning from peasants, sincerely admired examples of traditional folk art and called for its preservation and development: Odoevsky referred to folklore for the remarkable images of his fairy-tale heroes Igosha and Grandfather Ireney [19], and Chayanov developed his famous demographic model of family economy from the empirical data of zemstvo statistics on peasant households [8]. More than half a century later, having analyzed the multifaceted experience of zemstvo agronomists, Chayanov published his remarkable course and methodological manual *Basic Ideas and Methods of Social Agronomy* [4], in which first literary and educational efforts of Odoevsky and Zablotsky-Desyatovsky were reflected in lectures on the multifaceted spectrum of interaction between agronomists and peasants for the effective development of the peasant economy.

Another characteristic and, perhaps, the most impressive feature of the intellectual kinship between Odoevsky and Chayanov is their love and skill in writing fascinating and insightful utopias about the pressing and fundamental problems of the past, present and future. Both shared a polemical opposition to fashionable and ambitious ideologies, whether the right or the left ones, as aimed at a simplistically reductionist interpretation and prediction. Odoevsky in his utopian parables *The City Without a Name* and *The Last Suicide* describes the absurd destruction of those imaginary societies that sought to be guided solely by J. Bentham's principles of utility or by T. Malthus's laws of population [30]. Chayanov in *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* insightfully noted the impulses of societal degradation and self-destruction, determined by the systematic implementation of the ideology of total communism.

In addition to such dystopian critique, Odoevsky and Chayanov strove to present positive visions of a possible future, which were attractive but not self-sufficient, purely optimistic, exclusively positive or problem-free descriptions of possible future as ultimately perfect universal paradise. Their utopias are permeated with realistic feelings of an anxious and catastrophic human existence, which could be overcome through understanding and resolution of social and natural conflicts and contradictions.

Odoevsky presented the most systematic utopian vision of possible directions for human development in his unfinished novel *The Year 4338. Petersburg Letters* (1835), and Chayanov — in his also unfinished novel *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* (1920), and both were about the same age when writing novels — a little over thirty. Almost every utopia describing the future contains an element of technocratic forecasting — predicts possible discoveries and inventions that would expand our possibilities. In Odoevsky's utopia, although it was written 84 years earlier than Chayanov's utopia, there are even more striking insights about all sorts of future technological miracles. In addition to the widespread means of air travel (called aerostats by Odoevsky and aeropiles by Chayanov), Odoevsky describes shiny synthetic clothing, nutrition from tubes of chemically prepared foods in solid, liquid and gaseous forms, steel and glass buildings with colorful, glowing advertising, and special "magnetic telegraphs" — something between telephony and the Internet (In his other utopia, not the peasant but the agrarian-technocratic one, Chayanov also predicted synthetic food and disappearance of agriculture in the traditional sense).

Odoevsky ironically describes the possible lifestyle of the intellectual in the coming information age: books will be written as telegraphic dispatches, printing houses will be used only for newspapers and business cards, correspondence will be replaced by electric conversation, scientists will have to take aerostats to give lectures, and there will be a mathematical formula for finding the right page in the book and quickly calculate how many pages can be skipped without missing the point [22. P. 302]. Odoevsky and Chayanov believed that humanity would succeed in regulating the Earth's climate and that the future world would be geopolitically multipolar, with Russia as one of the leading global powers in economic, military and cultural terms. The Bolsheviks published Chayanov's utopia with the critical preface by their prominent party publicist V.V. Vorovsky, and the Chief of Gendarmes A.K. von Benckendorff personally oversaw the publication of Odoevsky's utopia.

In Odoevsky's utopia, future Russia is a monarchy with the capital in Saint Petersburg which, due to its huge population, constitutes a vast, unified agglomeration with Moscow. In Chayanov's utopia, Moscow is the capital of the Russian Cooperative Republic, Saint Petersburg is not mentioned and there are no large cities: after radical deurbanization, the country consists of evenly distributed rural settlements, people live in family estates and lead a peasant lifestyle. Odoevsky's

utopia emphasizes the unshakable preservation of the traditions of the Russian autocratic class society, whose efficiency and sustainability are determined by the careful educational-managerial selection of talents from all classes; Chayanov's utopia emphasizes the need for constant reflection on the lessons of the Russian Revolution as a basis for the democratic system for selecting and supporting talents that constitute the ruling elite as aristocracy of the cooperative spirit.

In Odoevsky's utopia, training and education of Russian elites takes place in the special school of statesmen: the most excellent students from all other institutions enter this school, and the development of their abilities is monitored from the very early age; after passing a rigorous examination, they attend meetings of the State Council for several years to get necessary experience and proceed directly to the highest government positions [22. P. 292]. A similar model is described in Chayanov's utopia — talented young men and women are specially selected: past eras had no scientific understanding of human life and did not even attempt to formulate a theory of its normal and deviant development, which is why people with low reserves of potential energy often burned out like candles and perished under the weight of circumstances, while individuals of colossal strength never used a tenth of their energy; in the future, we would learn morphology and dynamics of human life and how to develop all personal powers — not a single talent would be lost, not a single human ability would be ignored or forgotten [11. P. 168, 200].

However, both authors believe that the improved selection of elites in future Russia does not cancel the immutability of human nature: "people will always remain people, as it has been since the beginning of the world — same passions, same impulses" [22. P. 272]; "human nature will always remain human nature; morals soften at the speed of geological processes" [11. P. 195]. Thus, the aristocracy of future Russia — either monarchic, according to Odoevsky, or cooperative, according to Chayanov — will face the same diverse passions in all spheres of social life, and the authors provide many examples of such conflicts, both historically poeticized and strikingly contemporary. For example, the protagonist of Chayanov's utopia, the Bolshevik Alexei Kremnev from Moscow in 1921, upon arriving in Moscow in 1984, discovers that after political-architectural reforms the country lost many once-famous buildings, including one of the most important symbols of pre-revolutionary Russia — Cathedral of Christ the Savior; the protagonist of Odoevsky's utopia, the Chinese research intern Ippolit Tsungiev, in his descriptions of the gigantic Saint Petersburg–Moscow agglomeration of the fifth millennium, excitedly mentions the remains of the ancient Kremlin.

In both utopias life remains full of various conflicts, which is why in Odoevsky's utopia, the country's most important official is the so-called Minister of Reconciliation — the first dignitary of the empire and the Chairman of the State Council, whose position is the most difficult and dangerous: he controls all peace judges elected from among the most honorable and wealthy people, who are to maintain close ties with all households in their districts, to prevent all family

disputes and feuds, to try to resolve them peacefully, and for difficult cases to use under their own responsibility the significant conciliatory state payment; this sum, given the general moral improvement, is three times less than what was formerly used to finance the Ministry of Justice and Police [22. P. 288–289]. All top officials of future Russia — ministers of galvanostatics, air force, astronomy, medicine, philosophy, fine arts, and so on — work day and night, conscientiously and with a high degree of professionalism, and quickly become aged by the burden of their responsibilities to such an extent that they alone are not blamed for deteriorating health for this is the price for the entire society's well-being (most citizens are obsessed with caring for their health, like the healthy lifestyle enthusiasts of our time).

Sports and a healthy lifestyle are also top priorities in Chayanov's utopia with its widespread sports and work camps for the youth. In this federal-cooperative peasant republic, there are various conflicts, such as between the ancient sports community and the Old Believers in the Kineshma district of the Kostroma Region: the head of the Kineshma local government, Arkhip Taratin, a fan of the ancient physical culture, builds stadiums to promote healthy lifestyle, while some Old Believer communities ignore and resist this pagan healthy lifestyle. This conflict was considered by the Central Executive Committee of the Peasant Republic, and Taratin's authoritarian methods of governance were harshly condemned. However, the press in this peasant utopia covered this conflict widely and democratically: some articles called the situation tragicomic and raising the infinitely old but eternally new question of spiritual authority over the people's thoughts (Taratin against the corrupting influence of the Old Believer preaching); other articles noted with alarm that Taratin's statements reminded about the major and still unresolved problem of federalism [5. P. 272–273].

In general, Chayanov's utopian country with its fascinatingly described cultural and administrative diversity manages to resolve social contradictions mainly due to its solid foundation: its regime of peasant soviets in its essence already existed among the peasants long before October 1917 — in the system of cooperative organizations [5. P. 260]. The cooperative republic of peasant soviets maintains a balanced, multi-structured economy, in which diverse and extensive cooperative organizations coexist with the powerful state sector based on nationalized land and natural resources and with capitalism based on the entrepreneurial spirit. However, the very core of this multi-structured economy is the peasant family economy as the most perfect form of economic activity, in which man is opposed to nature, labor is in creative contact with all forces of the cosmos and creates new forms of existence, every worker is a creator, and every manifestation of his individuality is the art of labor [5. P. 178].

In his utopia, Odoevsky does not clarify the economic and cultural foundations of the Russian monarchy in the fifth millennium but briefly mentions that even in 4338, there is still some lower class with primitive and crude morals compared to the prevailing aristocratic cultural standards [28. P. 7]. Thus, there

is a fundamental gap between two utopian models: in the long history of Odoevsky's Russia, there is no mention of democratic social revolution, since the author was conservative and, despite supporting the abolition of serfdom, remained negative about the Decembrist conspiracy and the revolutionary activities of A.I. Herzen and N.G. Chernyshevsky until the end of his life, and reproached those who wanted to leap from the realm of necessity to the realm of freedom with the postulate "neither in humanity nor in nature is anything accomplished by leaps" [21. P. 203]. Chayanov was an active participant in the Provisional Government during the 1917 Revolution and a sharp critic of the Bolsheviks but decided to work for the benefit of Soviet Russia. In his utopia, Chayanov polemicizes with the Bolshevik ideology and refers to the ideas of the revolutionaries A.I. Herzen and P.A. Kropotkin to reinterpret contradictions of the Russian Revolution and to find, in the spirit of Odoevsky, reconciliations and compromises in the very essence of this revolutionary experience. Thus, in future Russia the Bolshevik time traveler from the past was struck first by the monument to the great revolutionaries, where the commissars-ministers of the fiercely opposing revolutionary parties Rykov, Konovalov, Prokopovich, Sereda and Maslov formed a picturesque and peaceful group, and then by the local resident's explanation that from the historical perspective they were comrades in revolutionary work and nobody remembers the difference between them [11. P. 209].

Many witty pages of two utopias focus on the debatable differences in the interpretation of historical events from the perspective of the utopian future. For instance, scientists in Odoevsky's utopia have endless scientific discussions about the whimsical history of horse evolution, mysterious historical ambiguity of the epithets of Saint Petersburg, long history of strange names associated with the vanished Germanic people, and so on. Similar ambiguous and comical conclusions are also characteristic of Chayanov's utopian reality: for instance, a commission of professors and experts did not believe the time traveler Kremnev, an eyewitness and active participant in the Russian Revolution, admitting that he was undoubtedly well read in revolutionary literature and familiar with the archives, but declaring his absolute misunderstanding of the spirit of the era and misinterpretation of historical events, i.e., that he could in no way be considered a contemporary of them.

All this would be laughable if it were not for the frightening feeling that Odoevsky and Chayanov, prominent representatives of the Russian Enlightenment, were about to playfully come up with the hopeless slogan of G. Orwell's totalitarian utopia "Who controls the past controls the future; who controls the present controls the past" [24. P. 114]. Perhaps, what is the most disturbing in both utopias is the premonition of impending catastrophes, which makes Odoevsky and Chayanov representatives of the so-called Russian apocalyptic worldview [1]. Odoevsky's utopia of 4338 refers to the futurologist astronomical calculations of the trajectory of Comet Biela, discovered in 1772, noticed again in 1832 and destined to ultimately impact the Earth in 4339 — a year after the events described in the

utopia. Therefore, the main astronomical and apocalyptic intrigue of the utopia is the preparation of Russia and all humanity to prevent this collision: in Russia of 4338, where people had already entered outer space and persistently explored the Moon, scientists optimistically discuss the necessary means to destroy the comet as it approaches the Earth, although there is social anxiety and various gossips in the face of the possible end of the world. In Chayanov's utopia, the apocalyptic anxiety is determined by the persistent, aggressive, totalitarian German invasion of Russia in 1984. Although finally Russia triumphantly defeats the invader with its climate-changing wonder weapon, the feeling of the total war catastrophe does not disappear until the last pages of the book.

In both utopias, the future international situation is described as alarming and conflictual. In the historical retrospective of the utopian international evolution, Chayanov mentions the victory of the world communist revolution followed by the collapse of the global communist unity and its disintegration into geopolitical entities, of which by 1984 there are five: Anglo-French, American, German, Japanese-Chinese, and Russian political-economic systems, each with some historical-cultural features. For instance, the Japanese-Chinese system remains feudal, the American system is predominantly capitalist, and the German system has all indicators of the Soviet centralized bureaucratic system with food shortages, which led Germany into an armed conflict with peasant-cooperative Russia. The international situation in Odoevsky's utopia is also conflictual and contradictory: Russia and China are allies opposing the Western world, especially America. In general, political sentiments of Chayanov and Odoevsky in the sphere of international relations can be called anti-bourgeois, anti-Western, global Russian nationalism (for instance, both mention Constantinople as the Russian city). Odoevsky also noted that Russian lands extend to the equator and Russia continues to collect new lands, for example, by buying up islands from the impoverished Anglo-Saxons.

At the same time, while focusing on the successes of Russia's domestic and foreign policies, Chayanov and Odoevsky do not describe personal traits of future political leaders not to mention their methods of governance. Both authors only emphasize that political leaders of future Russia are inspired and remarkable artists and poets. In Odoevsky's utopia, power and poetry are twin brothers: one of the newest, highest and most honorable positions is that of the First Poet. Historians' job is to prepare historical materials for his poetic reflections and to conduct new research at his direction, and this system has already brought important results to the state and greater consistency to historical research, shedding new light on many dark pages of the past. In Chayanov's democratic utopia, national leaders are people of art, who by 1984 had successfully and effectively modernized peasant Russia and unlocked its remarkable rural potential by means of economic and social-cultural development (communication routes, district and rural theaters, district museums with rural branches, public universities, sports of all kinds and forms, choral societies, and so on).

It is not surprising that in Russia, with its risky agriculture due to the insidious climatic factor, many futurological works describe experiments and ideas for climate regulation. Odoevsky mentions the following successes of future Russia in this field: the system of heat storage facilities stretches from the equator across almost the entire northern hemisphere; from the heat storage facilities in every city warm air is partly supplied into houses and indoor gardens and partly in the very air route to soften the harsh climate; the Russian industrialists' society even wanted to propose to the Chinese government to deliver cold air to Peking to refresh the streets. Odoevsky also mentions psychological experiments in collective magnetism/hypnosis to clarify subconscious feelings and improve the social climate of trust and goodwill [14]. In Chayanov's utopia, there are some huge climate parks but most importantly meteorefors — an extensive network of magnetic power stations that control weather: can schedule rainfall on any given plot of land and can ensure monstrous tornadoes and storms in times of military necessity. Such an artificial storm destroyed German armies that invaded the land of peasant utopia in 1984. Thus, Odoevsky and Chayanov were not only among the first to consider the concept of climate change and its regulation but, as is typical of romantics, linked the state of nature and weather with the state of human souls. The idea of unique climatology of human souls in the name of creating a favorable natural and cultural climate for humanity is one of the most remarkable romantic-cosmic and ethical-aesthetic features of both utopias.

Funding
The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

References

1. Androsenko S.V. Nicholai Berdyaev's thoughts on human freedom in the face of contemporary challenges: Technology, civilization and "the revolt of the masses". *Russian Peasant Studies*. 2024; 9 (4). (In Russ.).
2. Chayanov A.V. A short course on cooperation. *Russian Peasant Studies.* 2019; 4 (2).
3. Chayanov A.V. *Cost of Sugar Beets*. Moscow; 1928. (In Russ.).
4. Chayanov A.V. *Main Ideas and Methods of Social Agronomy.* Moscow; 1922. (In Russ.).
5. Chayanov A.V. *Moscow's Hoffmaniada*. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Chayanov A.V. On the cost of raw cotton in Central Asian economies. *Issues of the Cotton Economy.* Moscow; Leningrad; 1927. (In Russ.).
7. Chayanov A.V. Organization of agricultural production at the local level. *Russian Peasant Studies.* 2022; 7 (3).
8. Chayanov A.V. *Peasant Economy. Selected Works*. Moscow; 1989. (In Russ.).
9. Chayanov A.V. Reports "Popular readings' method" and "Characteristics and general requirements for visualization". *Russian Peasant Studies.* 2023; 8 (1). (In Russ.).
10. Chayanov A.V. *Russian Flax Growing, Flax Market, and Flax Cooperation*. Moscow; 1918. (In Russ.).
11. Chayanov A.V. *Science, Utopia, Politics*. Moscow; 2023. (In Russ.),
12. Chayanov A.V. What is the agrarian question? *Russian Peasant Studies.* 2018; 3 (2).
13. Fedotova P.I. Philosophical, anthropological and social-cultural views of V.F. Odoevsky. *Christian Reading.* 2020; 4. (In Russ.).

14. Gacheva A.G. *Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature*. Moscow; 2021. (In Russ.).
15. *Harvest Problems.* Ed. by A.V. Chayanov. Moscow; 1926. (In Russ.).
16. Kremnev (A. Chayanov). *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. New York; 1981.
17. Nikodimova A.A. *Vladimir Odoevsky's "Rural Reading"*. Tver; 2018. (In Russ.).
18. Nikulin A.M. *Chayanov's School: Utopia and Rural Development.* Moscow; 2020. (In Russ.).
19. Odoevsky V.F. *Colorful Fairy Tales and Tales of Grandfather Irenaeus*. Moscow; 1993. (In Russ.).
20. Odoevsky V.F. *Diaries. Correspondence. Materials.* Moscow; 2005. (In Russ.).
21. Odoevsky V.F. *Russian Nights*. Leningrad; 1975. (In Russ.).
22. Odoevsky V.F. *The Last Quartet by Beethoven. Novels, Short Stories, Essays. Odoevsky in Life*. Moscow; 1982. (In Russ.).
23. Odoevsky V.F. *Works*: in 2 vols. Moscow; 1981. Vol. 1. (In Russ.).
24. Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. Moscow; 2023. (In Russ.).
25. Sakulin P.N. *From the History of Russian Idealism. Prince V.F. Odoevsky: Thinker-Writer.* Vol. 1. Moscow; 1913. (In Russ.).
26. Schneider S., Tomazzoni G.C. Panorama of cooperativism in Brazilian agriculture in Alexander Chayanov's perspective. *Russian Peasant Studies*. 2026; 11 (1).
27. Stolpyanekiy P. Peasants' positions and duties. *Bulletin of World History.* 1901; 3. (In Russ.).
28. Tseknovitser O.V. From the editor. Odoevsky V.F. *The Year 4338.* Moscow; 1926. (In Russ.).
29. Turyan M.A. *"My Strange Fate…": The Life of V.F. Odoevsky*. Moscow; 1991. (In Russ.).
30. Turyan M.A. On Vladimir Odoevsky's dystopias: For whom the bell tolls. *Issues of Literature.* 2016; 5. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-369-379
EDN: ZQIPER

Историко-футурологическое проектирование: утопические модели В.Ф. Одоевского и А.В. Чаянова*

А.М. Никулин[1], И.В. Троцук[1,2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

[2]Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru; irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) и Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) — замечательные мыслители романтического направления, подобно Эрнсту Теодору Гофману (с которым их часто сравнивают), создавшие мистическо-фантастические художественные произведения в духе тревожно-иронического абсурда. Как это свойственно многим романтикам (Гофман был не только гениальным писателем, но также талантливым музыкантом и профессиональным юристом), Одоевскому и Чаянову было

*© Никулин А.М., Троцук И.В., 2026
Статья поступила в редакцию 15.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

присуще удивительное разнообразие интересов: литератор Одоевский профессионально занимался целым спектром обществоведческих и естественнонаучных направлений своего времени [25], а профессор Чаянов не замыкался в границах аграрной экономики и был блестящим социологом, политологом и историком [18]. Хотя считается, что романтики — люди непрактичные, не от мира сего, тайному советнику и сенатору Одоевскому, как и товарищу министра земледелия во Временном правительстве, а затем и ключевому эксперту в Госплане и Наркомземе Чаянову, был свойственен социальный активизм эффективного участия в проектах государственно-бюрократического и общественно-кооперативного характера. В статье охарактеризованы утопические произведения Одоевского и Чаянова, стилизованные в духе гофмановских фантазий, которые ставили вопросы романтического единения человека, общества и природы перед лицом неожиданно возникающих природных и социальных катастроф. Для постижения неизведанных будущих опасностей и путей их преодоления в обеих утопиях особое внимание уделяется парадоксам изучения и переосмысления предшествующего исторического опыта. Причем оба автора стремились в своих утопиях спроектировать варианты прогрессивного устойчивого развития России будущего на основе, прежде всего, улучшающего отбора ее властных и интеллектуальных элит как неуклонно способствующего росту народного благосостояния и развитию науки и культуры. Коренное отличие историко-футурологического мироощущения двух утопий заключается в предлагаемом Одоевским непрерывно консервативно-монархическом устройстве и отстаиваемом Чаяновым прерывисто революционно-демократическом обновлении будущего российского общества.

Ключевые слова: утопия; В.Ф. Одоевский; А.В. Чаянов; проектирование; футурология; исторический опыт; властные и интеллектуальные элиты; российское общество

Для цитирования: *Nikulin A.M., Trotsuk I.V.* Historical-futurological projects: Utopian models of V.F. Odoevsky and A.V. Chayanov. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 369–379. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-369-379 EDN: ZQIPER

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГ.С

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 380–393**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-380-393
EDN: ZQHGZJ

Религиозный опыт в феноменолого-социологической концепции Густава Меншинга*

Е.А. Попов

Алтайский государственный университет,
ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия

(e-mail: popov.eug@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлены варианты рецепции религии, предложенные немецким социологом и феноменологом Густавом Меншингом (1901–1978). Главная цель Меншинга — найти наиболее значимый ракурс исследования религии с точки зрения ее экзистенциальной и социальной сущности. Он предложил учитывать междисциплинарное взаимодействие социологии религии и феноменологии религии, а в качестве объединяющего ракурса сосредоточить внимание на религиозном опыте. В статье охарактеризованы разные аспекты рефлексии религии в границах религиозного, социального и экзистенциального опыта, как предлагал сделать Меншинг. Выявлены точки сопряженности социологического и феноменологического направлений исследований религии, что упрочило позиции так называемой феноменологической социологии религии с акцентом на применении приема интенциональности. Меншинг раскрывает содержание религиозного опыта не только в границах совокупности конкретных религиозных актов и действий, но и во взаимодействии поколений. В его концепции «порядок поколений» определяется религиозным опытом, который вместе с социальным и экзистенциальным уровнями человеческого бытия упрочивает консолидацию индивидов. Обращение к фигуре Меншинга обусловлено двумя моментами: во-первых, он предложил апеллировать к религиозному опыту как отражению коллективного и индивидуального бытия субъектов, причем сохраняющемуся в течение неограниченного времени, несмотря на возможные изменения характера религии под влиянием экономических и политических факторов; во-вторых, он использовал собственный социологический подход в изучении религиозного опыта, который может быть применен современными исследователями.

Ключевые слова: Густав Меншинг; религиозный опыт; социология религии; феноменология религии; «порядок поколений»; интенциональность; трансляция опыта

Для цитирования: *Попов Е.А.* Религиозный опыт в феноменолого-социологической концепции Густава Меншинга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 380–393. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-380-393 EDN: ZQHGZJ

*© Попов Е.А., 2026
Статья поступила в редакцию 06.10.2025 г. Статья принята к публикации 10.04.2026 г.

Религиозный опыт в качестве объекта исследования акцентированно не раскрывался в социологии религии, однако феноменологи, занимающиеся изучением религии, активно обсуждали содержание данного феномена. Тем любопытнее позиция немецкого мыслителя Густава Меншинга, который неоднократно подчеркивал важность обращения к религиозному опыту с точки зрения и социологии, и феноменологии, причем начинал он с социологии религии, а затем сосредоточился на феноменологии, отыскивая возможность «операционализации» религиозного опыта. В формировании его взгляда на религию и религиозный опыт особую роль сыграл Э. Гуссерль: будучи его учеником, Меншинг рассматривал вариант интенционального подхода в исследовании религии, но в итоге в концептуализации религиозного опыта сосредоточился на золотой средине, развивая феноменолого-социологическое направление (1). Тем не менее, эти обстоятельства не до конца проясняют вариативность оценки религиозного опыта самим Меншингом и другими религиоведами (2), поэтому мы будем исходить из двух предположений о подходе Меншинга. Во-первых, оценка религиозного опыта осуществлялась им на границе социологии религии и феноменологии религии, что давало преимущество — возможность «включить в социологические связи, направленные на религию, интенциональный ракурс — в таком сочетании заметно расширяется исследовательский горизонт социологического знания» [20. С. 85]. Во-вторых, Меншинг, признавая религиозный опыт сложным объектом для социологии, говорил о его важном предназначении для понимания связи поколений, опосредованной верой в бога, отправлением культа и признанием роли церкви в социальной реальности: «Религиозный опыт соединяет поколения, что дает им надежду на сохранение веры, культа и церкви, но еще важнее — он прочно соединяет людей, передающих друг другу в течение столетий ценный опыт» [23. С. 66].

В феноменологии религии были взяты на вооружение некоторые положения работ Меншинга, например, В. Шапп и К. Ставенхаген, тоже ученики Гуссерля, были заинтересованы стремлением Меншинга рассматривать религиозный опыт в системе социальных связей субъектов, в то время как феноменологи эти связи, наоборот, разрывают для демонстрации априорности божественного вне любых отношений [27. С. 126; 28. С. 48]. В 1948 году Ставенхаген написал по этому поводу по крайней мере два письма Меншингу, в одном из писем предложив обратить внимание на попытку Ф. Брентано в его труде «Психология с эмпирической точки зрения» соотнести психический и религиозный опыт и учесть возможность использовать этот принцип для обоснования социальных связей индивидов и бога, а в другом письме настаивал на важности принципа инвертности — когда религиозный опыт может оказаться вторичным по отношению к экзистенциальному опыту, а, значит, нуждающимся в выходе за «пределы социальности» [10. С. 51]. Реакция Меншинга на эти письма не известна, но этот факт свидетельствует, что со-

циологи и феноменологи готовы были обсуждать вопрос о социальности религиозного опыта.

В зарубежной социологии религии к середине XX века обнаружилась тенденция к измерению религиозности в аспекте социального действия: социологи показывали, что религия отражает поведенческие образцы, передаваемые в традиционных обществах в течение длительного времени от одного поколения другому. Трансмиссия религиозных образцов часто не совпадала с верой и становилась консолидирующим основанием общинности на уровне социальных, а не «веровательных» взаимодействий (Э. Богардус, Г. Беккер и др.). Социологи предлагали свой инструментарий для исследования религии в этом направлении, например, Дж. Йингер использовал «точки отсчета», показывая значимость начала религиозного переживания и его завершающей фазы: «точки отсчета» определялись испытуемыми в ходе эмпирического исследования, что давало картину истинной или, наоборот, скрытой и ложной религиозности [32. С. 207–209]. Другой социолог-религиовед Дж. Мелтон признавал расширительную трактовку религии как «совокупности реакций людей и обществ на происходящие в мире события под защитой бога или божественного промысла» и предлагал «защиту бога» рассматривать как один из ключевых индикаторов религиозности: «то, как человек почувствует на себе защиту бога, будет в дальнейшей жизни определять его религиозность» [19. С. 44, 46]. Эти идеи социологов приближали к пониманию социальной сути религиозного опыта, о чем писал в своих работах Меншинг.

В феноменологии религии в середине XX века сложилась группа исследователей, которые утверждали вслед за Гегелем, что религия есть средство сближения с духом (3), т.е. следовали принципу опытного начала в постижении бытия, допуская применение к изучению религии методологической установки интенциональности Брентано и Гуссерля (К. Гольдаммер, Ф. Хайлер и др.). Вместе с тем некоторые ученые из этой группы сосредоточили внимание на религиозном опыте, понимая его вслед за Г. ван дер Леувом как «субъективно переживаемое бытие рядом с богом, на пути к нему или после него» [29. С. 114]. В дальнейшем Меншинг развивал идею «после Бога» как основную содержательную линию в исследовании религиозного опыта.

Проблема заключается в недостаточном внимании социогуманитарной науки к сочетанию социологии религии и феноменологии религии, хотя такое взаимодействие открывает эвристические перспективы для оценки вариативности социологических интерпретаций религиозного опыта как отражающего «смычку» социального и экзистенциального в бытии индивидов. В свою очередь, такая «смычка» дает новые возможности для эмпирических исследований религии — как средоточие не только социальных действий, связанных с «удержанием религиозности», как писал Меншинг, но и с сущностным «переживанием бытия», лежащим в основании социального страда-

ния, социальных рисков и других явлений и процессов в поле исследований социологов.

Статья призвана показать, как складывалась оценка религиозного опыта Меншингом с акцентом на формировании самостоятельного исследовательского поля, в котором религиозный опыт становится значимым объектом для изучения и позволяет рассчитывать и социологам, и феноменологам на получение значимых научных результатов. В различных трактовках современных авторов религиозный опыт предстает как «опыт сознания», что сближает его преимущественно с феноменологической концептуализацией, причем утверждается, что «религиозный опыт зарождается как непредметный дорефлективный, который непосредственно связан с феноменом самости» [6. С. 101]; что он «ориентирован на смысл связи идеальных предметностей» [3. С. 77]; «отражает переживание бытия не только субъектом, но и за границами субъектности» [12. С. 40] и т.д. В статье за основу взята трактовка Дж. Беттиса, полагавшего, что «религиозный опыт есть система отношений между коллективными и индивидуальными субъектами, в результате которых в течение длительного времени складываются представления о боге и божественном, о вере и верующих» [13. С. 51].

Социология религии Меншинга: межпоколенческий горизонт религиозного опыта

Некоторые отечественные авторы относят Меншинга к числу протестантских исследователей в русле феноменологической социологии религии [2; 7. С. 113]. Для этого есть достаточные основания, но имеются и возражения, которые позволяют отнести мыслителя и к социологам, и к феноменологам: «если водоразделом социологии и феноменологии религии следует считать поиск рациональных и иррациональных оснований религии соответственно, то феноменологическая социология религии, обращаясь к религиозным актам, дает им оценку с позиций того и другого смысла» [15. С. 99]. С этой точки зрения внимание Меншинга к религиозным актам или действиям оправдывает его принадлежность к феноменологической социологии религии, но его концепт «после Бога» и ориентация на исследование религиозного опыта «между социологией и феноменологией» [20. С. 110–111] несколько затрудняют дифференциацию его взглядов.

Российские авторы относят Меншинга к классикам феноменологии религии наряду с Р. Отто, Г. Виденгреном и др. [4], а зарубежные исследователи отмечают его действенное участие в развитии социологии религии, в которой он обозначил себя как социолог-феноменолог, близкий «понимающей социологии» М. Вебера [17. С. 57]. Отчасти такая точка зрения совпадает с отнесением Меншинга к феноменологически-понимающему религиоведению [5. С. 24]: в своих ранних религиоведческих работах Меншинг опирался на социологию религии Э. Дюркгейма и М. Мосса, в частности, апеллируя

к символическим структурам для объяснения консолидации верующих индивидов, он пытался рассматривать такие структуры как необходимый начальный этап солидаризации членов религиозной общности. Однако позднее Меншинг сместил акцент на религиозный опыт как «более определенный и сочетающийся с конкретными действиями людей для поддержания или удержания их религиозности» [23. С. 90].

До выхода двух своих основных работ, в которых Меншинг впервые обращается к религиозному опыту как объекту социологической рефлексии, — «Социологии религии» (1947) и «Истории религиоведения» (1948), он вступил в заочную дискуссию с Дюркгеймом и Моссом, в частности, полагая, что «символические структуры лишь усложняют задачи социолога, поскольку пронизывают все уровни человеческого индивидуального и коллективного бытия, однако в религии их горизонты значительно шире — тут и человек с его страданиями и представлениями о мире и Боге, но здесь же и опыт его поколений, опыт социальный, совсем не символический» [23. С. 90]. Вместе с тем, возможно, именно символизация реальности в трактовках французских мыслителей заставила Меншинга сомневаться в том, что и социальный опыт, и опыт религиозный не всегда можно идентифицировать посредством достаточно неустойчивой консолидации или солидаризации общества, подверженной множеству изменений, в отличие от феноменологического ракурса, сосредоточенного на структурах сознания и символизации реальности (более стабильных и потому отражающих религиозный опыт как он есть).

В более поздних работах, например, в «Социологии основных религий» (1966) Меншинг готов признать, что «социология религии удерживает его внимание сосредоточенностью на объединяющей силе религии, однако, как в этот момент “работает” социальное мышление и есть ли повод у индивида к “иссяканию его религиозности”, не всегда объясняет» [22. С. 211]. Более того, Меншинг, выступая в 1952 году на очередной конференции под эгидой Международного общества социологии религии, несколько неожиданно для участников мероприятия покритиковал отраслевую социологию за «то, что она уходит от опыта поколений верующих, не желает давать оценку соотношению “старых” и “новых” веяний в религии, хотя этот опыт — самый важный с исследовательской точки зрения, поскольку открывает возможности для интенциональной оценки глубины веры и глубины неверия (безверия)» [10. С. 100]. По поводу этого выступления участник конференции, немецкий социолог и историк религии Й. Вах отозвался следующим образом: «Так кто же Меншинг — социолог или феноменолог? Сделает ли он уступку той или другой науке или нам ожидать, что религиозный опыт так и будет камнем преткновения для социологии? Меншинг прав в том, что, если мы занимаемся религией, нам нужна глубина, вплоть до глубины сознания, и, очевидно, что здесь на арену выходит феноменология. Но я бы все же уточнил у коллеги — допустим ли тандем наук?» [31. С. 119]. Полагаем,

что Меншинг не мог не услышать суждения Ваха и в последующем целенаправленно шел по пути не только сравнения возможностей научных областей, но и обоснования их сопряженности.

В рамках социологии религии Меншинг определяет религиозный опыт так: «В условиях социальной связи поколений, когда накапливается и воздействует на всех социальный опыт, между ними передается и религиозный опыт, представляющий собой совокупность религиозных актов или действий, направленных на сохранение и укрепление общего между поколениями» [23. С. 98]. Из этого определения следуют по крайней мере два значимых тезиса для понимания социологической концепции мыслителя: во-первых, социальный опыт, накапливаемый и определяющий социальные действия субъектов, предопределяет и религиозный опыт, не отделимый от субъектов, конкретизированный в их действиях; во-вторых, религиозный опыт способствует общности субъектов, оказывает влияние на их консолидацию, установление преемственности между поколениями. До Меншинга, как и после него, никто из социологов рубежа веков не использовал межпоколенческий ракурс, будучи в основном сосредоточен на структуре религиозных общностей, их отношении к тем или иным традициям верований, религиозным и конфессиональным взглядам и т.д. Конечно, социологи были озабочены поиском консолидирующих форм, характерных для религиозных групп, но в оптике верований, ритуалов и обрядов, что предполагало обращение к этнографическим и антропологическим источникам, поэтому нередко в социологии религии ощущался заметный крен в сторону кросскультурного анализа, и нередко социология религии координировалась этнологией и социальной/культурной антропологией. Так, Т. Рендторф определял социологию религии как «науку о том, во что верят люди, но верят не только как ищущие прозрения, но и как социальные субъекты, а это уже материал других наук» [25. С. 54].

Наиболее часто Меншинг соотносил религиозный опыт с опытом социальным, полагая в последнем фактор, «оттеняющий религиозное или божественное с точки зрения его большей предметности: если социальный опыт преломляется в грузе поколений, передаваемом из одной эпохи в другую и отягощающем нравы, законы и традиции последующих обществ, то религиозный опыт, по сути, должен этот груз смягчить, сделать его более легким» [23. С. 12]. Чтобы прояснить связь поколений, передающих не только социальный опыт, но и религиозный, Меншинг предлагает «социологический алгоритм» из трех основных этапов: установление «порядка поколений» (reihenfolge der Generationen) и границ между ними, определяемых степенью религиозности «между отцами и детьми» [23. С. 68]; выявление общих для них религиозных актов и действий, посредством которых «социальный мир превращается в религиозный» [23. С. 71–72]; обобщение «религиозного опыта как наиболее ценного для поколений при помощи символических

структур и образцов» [23. С. 93]. Этот алгоритм должен помочь «от социального опыта перейти к религиозному, чтобы доказать куда более прочную, фундаментальную связь между поколениями. И если социальный опыт может оказаться быстрым — накопили и потратили, то религиозный проявляет себя не так — он делает связь с богом неразрывной, а, значит, и связь между поколениями не обрывается» [23. С. 113].

Таким образом, в социологии религии Меншинга религиозный опыт — объект социальной рефлексии с акцентом не на божественном как таковом и переживании бытия, а на связующем факторе поколений. С другой стороны, Меншинг как будто оставляет для себя возможность пойти и по иному пути концептуализации религиозного опыта — в границах соотношения социологии религии и феноменологии религии.

Социология и феноменология религии «после Бога»

В 1964 году Меншинг публикует небольшую статью «Проявления заблуждений в истории религии», где близок к тому, чтобы констатировать два важных концептуальных обстоятельства: во-первых, поколениям, в отличие от отдельных индивидов, не свойственно переживание бытия, которое «сочленяется с религиозным опытом»; во-вторых, отношение к богу, характерное для поколений, нуждается в рефлексии «после бога, когда связь с ним установлена, но мир идет вперед, возможно, в иную систему связей, например, символических, обусловливающих порядок вещей» [21. С. 293, 297]. Меншинг ведет поиск точки сопряженности человека и бога в истории религии, но еще более его интересуют возможности «порядка вещей» после Бога, когда «нам откроется тот религиозный опыт, который соединит поколения» [21. С. 295]. Если в «социологическом алгоритме» Меншинг вел речь о «порядке поколений», то теперь отмечает «порядок вещей», что вполне укладывается в феноменологическую парадигму.

В 1976 году Меншинг предпринимает довольно удачную попытку сближения социологического и феноменологического ракурсов в исследовании религии в статье «Сущность и предназначение человека в вере народов». Акцентируя субъектность религиозного опыта, Меншинг говорит о двух его границах — «с Богом» и «после Бога»: в первом случае религиозный опыт подчинен конкретным религиозным актам и действиям, например, тому, как в поколениях распространяются древнейшие религиозные архетипы, сохраняя актуальность в современных (по меркам середины XX века) условиях; во втором случае — «после Бога» — религиозный опыт заключается в попытке поколений удержать «достигнутое и надежно закрепившееся в коллективном и индивидуальном сознании» [24. С. 164]. «Вера народов» — основной индикатор религиозного опыта, который может быть идентифицирован при помощи интенциональности. Такой подход является классическим для феноменологии, но не совсем адаптирован к социологическим

исследованиям середины XX века. Тем не менее Меншинг в своих ранних и более поздних работах продвигает именно эту идею, что можно обозначить как феноменолого-социологический «разворот» в его концепции, где прослеживаются по крайней мере две ключевые позиции: накопленный в течение длительного времени религиозный опыт уже не нуждается в автоматической трансляции последующим поколениям; субъектность религиозного опыта определяется «порядком поколений» — они несут ответственность за устройство мира и связь эпох и людей.

Для уточнения связи поколений посредством религиозного опыта Меншинг предлагает апеллировать к одной из ключевых символических структур — смысловой системе «после Бога» (Nach Gott). В рассуждениях Меншинга можно обнаружить алгоритм феноменолого-социологического анализа религиозного опыта «после Бога» — того опыта, который должен быть удержан и сохранен поколениями. Воспользуемся приемом Ж. Варденбурга: «В религиозном опыте есть два уровня… совокупность религиозных актов и/или действий; их влияние на переживание бытия возможно в ценностно-нормативном выражении; и как минимум три обязательных составляющих… порядок бытия; сочетание религиозного и не-религиозного; удержание опыта (интериоризация)» [30. С. 121–129]. Если «два уровня» в большей степени соответствуют социологической рецепции, то «три составляющих» — преимущественно феноменологической.

Меншинг идентифицирует религиозный опыт как совокупность религиозных актов и действий, подразумевая под таковыми, например, почитания святых, праздничные и повседневные моления и т.д. С другой стороны, он считает важным исходить из того, что религиозный опыт «развертывается вместе с божественным смыслом, но и после него, когда порядок поколений предопределяет необходимость и возможность сохранения такого опыта» [24. С. 170]. В такой ситуации концепт «после Бога» обретает не только феноменолого-религиозные коннотации, но и социальные («после Бога» как ситуация «удержания» религиозного опыта для укрепления связей в «порядке поколений», но обязательно во взаимодействии с социальным опытом). Для выявления связи поколений в сочетанности религиозного и социального опыта наиболее адекватным способом Меншинг признает интенциональность, апеллируя к Гуссерлю («интенциональное как направленное к сознанию и идущее от него») и одновременно предлагая свой подход: «религиозный опыт лежит на поверхности только тогда, когда мы видим приходящих в храмы людей разных возрастов, слушаем проповеди и молимся рядом с ними, но каков этот опыт вне церквей, в повседневном бытии? Здесь скрываются глубины бытия, к которым подступиться можно интенциональным способом» [24. С. 170].

Таким образом, Меншинг в своей трактовке ситуации «после Бога» сближает позиции социологии и феноменологии и развивает феноменоло-

гическую социологию религии, предлагая главным образом рассматривать в качестве отправной точки анализа сочетание религиозного и нерелигиозного (например, социального и повседневного) опыта, индивидуального и коллективного («переживание бытия» и «порядок поколений) и т.д.

Интенциональность: ракурс феноменологической социологии религии

Наработки Меншинга могут быть взяты на вооружение современными исследователями религии, поскольку прием интенциональности обеспечивает заметные и эвристически значимые результаты. Однако социологи в изучении религии избегают понятия религиозного опыта, хотя интенциональный прием указывает на связь поколений в формировании, трансляции и «удержании» религиозного опыта. Применяя прием интенциональности, социологи измеряют «глубину веры», оценивая количественные показатели религиозности (например, частоту посещений храмов, регулярность празднования религиозных событий и т.д.) и качественные (принадлежность вероисповеданию, соотношение мирского и религиозного и др.) и «объединяя их под грифом отражения в сознании субъектов подлинной религиозности» [26. С. 136]. Для социологов сложность представляет разведение «подлинной» и «истинной» религиозности, также не всегда методы социологического анализа позволяют понять символические структуры социального бытия, социального времени и пространства, в которых преломляется религиозность, становясь «частью коллективного сознания, не измеряемого какими-либо определенными способами научного анализа, но открытого для интенциональной рефлексии» [16. С. 282].

По общему правилу, интенциональность в социологии религии позволяет установить «пределы религиозности в совокупности конкретизированных действий субъектов, причем как индивидуальных, так и коллективных», — «интенциональность связывает воедино совершенно разрозненные суждения и мнения, поскольку коллективное сознание подчинено принципу конвергентности, в отличие от индивидуального сознания, для которого более характерна дивергентность» [11. С. 400]. Как уточняет М. Барбер, «интенциональность — это долгий, протяженный взгляд на то, как божественное изменяет порядок бытия общностей и групп; социологи фиксируют этот порядок, но не всегда понятно, в каком социальном пространстве и времени, в каком ракурсе переживания бытия эти особенности проявляются» [11. С. 402]. Социология религии сконцентрирована на религиозных актах и действиях в перспективе «порядка социального бытия», но не «порядка поколений», что позволило бы оценить шансы на «удержание» религиозного опыта, имеющего значение для межпоколенческих отношений, как трактовал ситуацию Меншинг. Настройка исследовательской системы должна идти в русле феноменологической социологии религии, где бы интенциональность способ-

ствовала сопряженности двух порядков — бытия и поколений — через религиозный опыт как таковой.

В книге «Опустошающий Бог…» (1990) приводится несколько примеров социологических исследований с использованием приема интенциональности [14. С. 66–76]. Так, в одном из малодоступных, но густонаселенных поселений Колумбии в течение длительного времени враждовали верующие, представляющие одну религиозную ветвь, но имеющие разные мнения об отправлении культа. Авторы книги задаются вопросом о причинах невозможности примирения: «Ведь сложились поколения, которые сохраняют и переносят веру и культ, но в какой-то момент они стали враждовать, вероятно, по надуманной причине или в силу провокации» [14. С. 72]. Социологи выяснили, что не религиозные акты и действия стали камнем преткновения для верующих, а «порядок поколений» — одни стремились «получить веру от предшествующих поколений, а другие — от тех, кто не знал прошлого религиозного опыта, а только брал на вооружение его современный смысл; казалось, что все одинаково, но на самом деле все было очень разным» [14. С. 74]. Чтобы установить причины такого положения дел, социологам пришлось использовать прием интенциональности, который позволил решить по крайней мере две основных задачи: обнаружить точки соотношения разных поколений носителей веры; зафиксировать «порядок поколений» в ходе «осознанного транскрипта» (4), показавшего допустимость примирения верующих в перспективе (5). Вероятно, если бы исследователи сосредоточились на религиозном опыте и должным образом проработали ключевое понятие, то им удалось бы улучшить дизайн эмпирического исследования, сократить время его проведения и прийти к более показательным выводам: акцент на религиозном опыте как отражении «порядка поколений» и «результате осознания своей привязанности к вере не только в развертывании божественного, но и в переживании бытия» [14. С. 79] направил бы социологов по верному пути.

В другом случае оптика интенциональности позволила в перспективе феноменологической социологии религии определить соотношение религии и религиозности в межстрановом контексте: был проведен опрос европейцев всех возрастных категорий (N=25130) в период с 1990 по 2005 годы, участники опроса выбирали не менее двух блоков вопросов из десяти предложенных («Личный опыт верования», «Чужой опыт верования», «Совместный опыт верования», «Религиозное и нерелигиозное» и т.д.). Каждый блок содержал не менее двадцати вопросов для последующих ответов: вопросы и блоки «находились все время перед испытуемыми, которые должны были анализировать свой выбор, глядя на предлагаемые стимулы в течение отведенного продолжительного времени» (выбор продолжался не менее недели) [8. С. 12]. Длительность, осознанность, многоступенчатый выбор — слагаемые приема интенциональности в понимании того, как европейцы дифференцируют

религию и религиозность. Однако такой подход можно рассматривать как уловку исследователей — «не всегда так уж необходимо разделять религию и религиозность, тем более делать это на уровне лишь только теории или, напротив, только практики» [10. С. 59]. Как было обнаружено исследователями, различия между религией и религиозностью возможны на уровне опыта: «религия отражает религиозный опыт многих поколений, религиозность этот опыт транслирует в конкретных условиях» [8. С. 15]. На самом деле в контексте исследования религиозный опыт не фигурировал в качестве ключевого понятия, но в блоках вопросов стал едва ли не основным, поэтому респондентами осознавался как необходимый для разграничения исследуемых явлений. Вероятно, следовало религиозный опыт «опознавать» с учетом степени религиозности представителей старшего и младшего поколений в сопоставительном аспекте, затем установить спектр конкретных религиозных действий и актов, которые бы идентифицировались (осознавались) участниками с точки зрения возможности сохранения и трансляции в них наиболее стабильных символических структур, обеспечивающих связь поколений, в том числе обратив внимание на «удержание» религиозного опыта в «порядке поколений» за счет большей консолидации общества и/или отдельных общностей, для которых религия является определяющим фактором бытия.

Таким образом, интенциональность в социологии религии может рассматриваться как самодостаточный исследовательский прием, учитывающий сложную специфику религии как «чувствительной» сферы человеческого бытия. В то же время предложенный Меншингом феноменолого-социологический ракурс изучения религиозного опыта направлен на «схватывание» религии в ее неотделимости от «порядка поколений», их социального и экзистенциального опыта.

***

В 2002 году Международное общество социологии религии (ISSR) провело панельную дискуссию «Феноменология религии и социология религии», на которой В. Аугин и Р. Орневильд представили доклады о роли Меншинга в феноменологической социологии религии, дав высокую оценку его вкладу в развитие данного научного направления: «Меншинг продемонстрировал узкие места и социологии религии, и феноменологии, но показал и те аспекты, где они достигли консенсуса ради изучения сложного феномена» [18. С. 112]. С такой оценкой нельзя не согласиться: Меншинг последовательно развивал свой подход к исследованию религии в феноменолого-социологическом ключе. Последовательность, однако, не отменяла того, что Меншинг все время искал возможности для консолидации усилий социологов и феноменологов и нашел для этого необходимую «смычку» — религиозный опыт. В условиях активного развития в первой половине XX века феноменологии и социологии религии эта «смычка» оказалась настолько

удачной, что многие современники Меншинга поддерживали его концепцию и видели в ней возможность изменить «мир вещей» в оценках религии. Многие исследователи той поры были сосредоточены на социальном опыте, полагая его необходимым для контакта человека и бога (божественного), другие открывали мир осознанного переживания бытия «вместе с богом», отмеряя экзистенциальный опыт человека и человечества. Но все же современники не учли значение связи поколений в религиозном опыте, который одновременно отражал переживание бытия «до бога», «вместе с ним» и «после него». Именно Меншинг уловил сложное переплетение этих уровней религии и предложил для изучения «порядка поколений» верующих (или носителей религии) феноменолого-социологический подход.

Примечания

(1) Феноменолого-социологическое направление получило название «феноменологическая социология религии».

(2) К религиоведам мы относим и социологов, и феноменологов, занимающихся исследованием религии, во всех случаях, когда их позиции не находятся в принципиальном противопоставлении.

(3) Гегель в «Философии религии» писал: «если религия — только средство, то дух знает, что он может либо использовать ее, либо прибегнуть к другим средствам; в этом случае он находится к ней в таком отношении, при котором он может руководствоваться лишь своим собственным решением. Далее, он совершенно свободен в выборе целей; его власть, хитрость, подчинение себе мнений людей и т.п. также могут служить ему средствами; именно в свободе устанавливать свои цели, в свободе, которая и заключается в том, что главное есть его цели, а религия — лишь средство, он и может свободно установить в качестве своей цели свою власть и свое господство» [1. С. 284].

(4) «Осознанный транскрипт», по выражению Д. Аллена, представляет собой базис приема интенциональности в междисциплинарных исследованиях: в результате многочисленных стимулов, предлагаемых исследуемым и содержащих, по сути, один и тот же вопрос, но сформулированный по-разному, информант достигает «наивысшей точки осознания проблемы, проникая в ее глубь и уже практически не изменяя своего мнения по обсуждаемому вопросу» [9. С. 198].

(5) В частности, приводится описание результатов трех социологических исследований с использованием количественных и качественных методик (1985–1989) [14. С. 78].

Библиографический список/References

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: в 2-х т. Т. 1. М., 1975 / Hegel G.W.F. *Filosofiya religii* [Lectures on the Philosophy of Religion]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 1975. (In Russ.).
2. *Гусева О.Ю.* Философская феноменология и феноменология религии: формирование методологии // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. № 1 / Guseva O.Yu. Filosofskaya fenomenologiya i fenomenologiya religii: formirovanie metodologii [Philosophical phenomenology and phenomenology of religion: Fformation of methodology]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Philosophiya. Psychologiya. Pedagogika*. 2008; 8 (1). (In Russ.).
3. *Молчанов В.И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004 / Molchanov V.I. *Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya* [Distinction and Experience: Phenomenology of Non-Aggressive Consciousness]. Moscow; 2004. (In Russ.).
4. *Пылаев М.А.* Западная феноменология религии. М., 2006 / Pylaev M.A. *Zapadnaya fenomenologiya religii* [Western Phenomenology of Religion]. Moscow; 2006. (In Russ.).

5. *Самарина Т.С.* Феноменология религии Ф. Хайлера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2016. № 2 / Samarina T.S. Fenomenologiya religii F. Heilera [F. Heiler's phenomenology of religion]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya.* 2016; 2. (In Russ.).
6. *Человенко Т.Г.* Об особенностях религиоведческих исследований в рефлексивном пространстве религиозного опыта // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 1 / Chelovenko T.G. Ob osobennostyah religiovedcheskih issledovanij v refleksivnom prostranstve religioznogo opyta [On the peculiarities of religious studies in the reflexive space of religious experience]. *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2011; 1. (In Russ.).
7. *Яблоков И.Н.* Феноменологическая социология религии: дихотомический и имманентно-трансцендентный векторы развития // Религиоведение. 2018. № 2 / Yablokov I.N. Fenomenologicheskaya sotsiologiya religii: dikhotomichesky i immanentno-transtsendentny vektory razvitiya [Phenomenological sociology of religion: Dichotomous and immanent-transcendent vectors of development]. *Religiovedenie*. 2018; 2. (In Russ.).
8. Allen D. Major contributions of philosophical phenomenology and hermeneutics to the study of religion. Gothoni R. (Ed.). *How to Do Comparative Religion?* Berlin; 2005.
9. Allen D. Phenomenology of religion. Hinnels J. (Ed.). *The Routledge Companion to the Study of Religion*. London; 2005.
10. Arapura J.G. *Religion as Anxiety and Tranquility. An Essay in Comparative Phenomenology of the Spirit*. Mouton; 1972.
11. Barber M. Religion and the appresentative mindset. *Open Theology.* 2017; 3.
12. Barua A. *Phenomenology of Religion*. Lanham; 2009.
13. Bettis J.D. *Phenomenology of Religion. Eight Modern Descriptions of the Essence of Religion*. New York; 1969.
14. Cobb J., Christopher I. (Eds.). *The Emptying God: A Buddhist-Jewish-Christian Conversation.* Maryknoll; 1990.
15. James G.A. *Interpreting Religion*. Washington; 1995.
16. Kiem Y. Intentionality and the diversity of religion: A prelude. *Religions*. 2023; 14 (2).
17. Lanczkowski G. *Einführung in die Religionsphänomenologie.* Darmstadt; 1978.
18. Laubier P. de. *Phénoménologie de la religion*. Saint-Maur; 2007.
19. Melton J.G. *The History of the Churches of the Bowling Green Yoked Charge.* Clay City; 1967.
20. Mensching G. *Die Religion; Erscheinungsformen, Strukturtypen und Lebensgesetze.* Stuttgart; 1959.
21. Mensching G. Erscheinungsformen des Irrtums in der Religionsgeschichte. *Zeitschrift für Religions- Und Geistesgeschichte*. 1964; 16 (4).
22. Mensching G. *Soziologie der grossen Religionen*. Bonn; 1966.
23. Mensching G. *Soziologie der Religion*. Bonn; 1947.
24. Mensching G. Wesen und Bestimmung des Menschen im Glauben der Völker. *Neue Zeitschrift für Systematicsche Theologie Und Religionsphilosophie*. 1976; 18 (2).
25. Rendtorff T. *Theologie, Ethnologie und Soziologie*. Stuttgart; 1957.
26. Rota A. Collective intentionality and the study of religion. Social ontology and empirical research. *Sociology of Religion*. 2025; 86 (1).
27. Schapp V. *Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding.* Frankfurt am Main; 2012.
28. Stavenhagen K. Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion. New York; 1979.
29. Van der Leeuw G. *Sacramentstheologie*. Berlin; 1949.
30. Waardenburg J. *Reflections on the Study of Religion.* Berlin; 1978.
31. Wach J. *Types of Religious Experience: Christian and Non-Christian.* Chicago; 1951.
32. Yinger J.M. *The Scientific Study of Religion.* New York; 1970.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-380-393
EDN: ZQHGZJ

Religious experience in the phenomenological-sociological concept of Gustav Mensching*

E.A. Popov

Altai State University,
Dimitrova St., 66, Barnaul, 656049, Russia

(e-mail: popov.eug@yandex.ru)

Abstract. This article presents approaches to the reception of religion proposed by the German sociologist and phenomenologist Gustav Mensching (1901–1978). Mensching's primary goal was to identify a more meaningful perspective for studying religion in its existential and social essence. He proposed considering the interdisciplinary interaction between sociology of religion and phenomenology of religion, focusing on religious experience as a unifying perspective. The article describes various aspects of reflecting on religion within the religious, social, and existential experience, as proposed by Mensching; identifies the points of convergence between the sociological and phenomenological approaches to religious research, strengthening the position of the so-called phenomenological sociology of religion with an emphasis on the application of intentionality. Mensching reveals the content of religious experience not only within a set of specific religious acts and actions, but also in the interaction between generations. In his concept, the "order of generations" is determined by religious experience, which, together with the social and existential levels of human existence, strengthens the consolidation of individuals. The author's focus on Mensching's ideas is explained by two factors: first, he proposed considering religious experience as a reflection of the collective and individual existence of subjects, which persists over an indefinite period, despite possible changes in the nature of religion under the influence of economic and political factors; second, he developed his own sociological approach to the study of religious experience, which can be applied by contemporary researchers.

Key words: Gustav Mensching; religious experience; sociology of religion; phenomenology of religion; "order of generations"; intentionality; transfer of experience

For citation: Popov E.A. Religious experience in the phenomenological-sociological concept of Gustav Mensching. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 380–393. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-380-393 EDN: ZQHGZJ

*© E.A. Popov, 2026
The article was submitted on 06.10.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 394–412**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-394-412
EDN: ZKBGZT

Применение методов анализа естественного языка для оценки качества медицинских услуг на основе онлайн-отзывов пациентов*

В.И. Дудина, А.А. Карелин

Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия

(e-mail: viktoria_dudina@mail.ru; ansxim.51ru@gmail.com)

Аннотация. Сегодня опросные методы оценки удовлетворенности пациентов качеством медицинских услуг дополняются анализом неструктурированных онлайн-отзывов, что позволяет расширить эмпирическую базу исследований. Эти источники данных выполняют взаимодополняющие функции: опросы обеспечивают стандартизированные измерения, а текстовые отзывы отражают контекст взаимодействия пациента с медицинской организацией, а также эмоциональные и организационные аспекты оказания помощи. В связи с этим необходимы методологически обоснованные подходы, которые объединяют социологические теории удовлетворенности пациентов и методы анализа естественного языка и позволяют получать оценки качества медицинских услуг, сопоставимые с результатами применения опросных методик. Цель исследования — разработать и апробировать интегративную методику оценки качества медицинских услуг на основе анализа онлайн-отзывов пациентов, опирающуюся на соответствующую теоретическую модель. Был проведен анализ корпуса текстовых данных из 26 тысяч публичных отзывов о 120 медицинских организациях Санкт-Петербурга, опубликованных на интернет-платформах. Тексты прошли предобработку (фильтрация, очистка, лемматизация); для представления использовались контекстуальные эмбеддинги (векторные представления) ruRoBERTa, для тематического моделирования — алгоритм BERTopic. Тональность отзывов и аспекты качества медицинских услуг классифицировались с помощью алгоритма машинного обучения ruRoBERTa. В целях внешней валидизации интегральные рейтинги медицинских организаций, рассчитанные на основе онлайн-отзывов пациентов, были сопоставлены с показателями независимой оценки качества (НОК) из опросных данных. Теоретическая модель исследования интегрировала ключевые подходы к оценке качества медицинских услуг: «структура — процесс — результат»; теория ожидания-опровержения; модель «зоны допустимости»; двухфакторная модель качества; модели оценки качества услуг SERVQUAL и HEALTHQUAL. По результатам анализа была выявлена умеренная, но статистически значимая согласованность агрегированных индикаторов, извлеченных из текстовых отзывов, с оценкой качества медицинских услуг на основе опросных данных, а также наиболее частые источники недовольства пациентов (организацион-

*© Дудина В.И., Карелин А.А., 2026
Статья поступила в редакцию 28.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

ные, коммуникативные и инфраструктурные проблемы). В позитивных отзывах наиболее часто отмечаются профессионализм медперсонала, современное оснащение клиник, комфорт ожидания и прозрачность организационных процессов.

Ключевые слова: удовлетворенность пациентов; социология здоровья; качество медицинских услуг; онлайн-отзывы; опрос; методы анализа естественного языка; тематическое моделирование; тональный анализ; неструктурированные текстовые данные

Для цитирования: *Дудина В.И., Карелин А.А.* Применение методов анализа естественного языка для оценки качества медицинских услуг на основе онлайн-отзывов пациентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 394–412. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-394-412 EDN: ZKBGZT

В настоящее время пациент-ориентированный подход стал фундаментом развития системы здравоохранения, кардинально меняя традиционные представления об оценке качества медицинских услуг: акцент смещается на активное участие пациента в лечении и учет его индивидуального опыта, ценностей и ожиданий, что позволяет рассматривать пациента не как пассивного получателя, а как равноправного участника медицинского процесса [1; 27].

В России основным институциональным механизмом получения обратной связи от пациентов является независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями (НОК), которая предполагает заполнение пациентами стандартизированной анкеты и охватывает пять критериев: открытость информации, комфортность условий, время ожидания, доброжелательность персонала и общая удовлетворенность [3]. Также проводятся масштабные социологические обследования: согласно общероссийскому опросу, уровень удовлетворенности существенно зависит от половозрастных характеристик респондентов, сроков ожидания медицинской помощи и места проживания, а сама удовлетворенность — многокомпонентный конструкт [9]. Зарубежные методики оценки также начинают применяться в российском контексте: так, исследование с использованием международного опросника EUROPEP подтвердило, что пациентоориентированность первичной медицинской помощи в России может быть охарактеризована через показатели коммуникации с врачом, информированности и вовлеченности пациента [4]. Параллельно с традиционными опросами расширяются и цифровые каналы взаимодействия с пациентами, однако, несмотря на рост интереса к телемедицине и электронным сервисам, уровень их использования в России остается невысоким, а доверие пациентов к дистанционным форматам медицинской помощи существенно различается в зависимости от социально-демографических характеристик [6]. Все перечисленные подходы основаны на опросных данных и не учитывают обратную связь, формирующуюся на интернет-платформах.

В последние годы возрастает интерес к использованию онлайн-отзывов пациентов как дополнительного источника данных о воспринимаемом качестве медицинских услуг. Методологической основой для работы с такими

данными служит сентимент-анализ — автоматическая оценка эмоциональной тональности текстов, методы которой активно разрабатываются и применительно к русскоязычным текстам [7]. Ряд российских исследователей начали применять методы машинного обучения и обработки естественного языка для анализа русскоязычных отзывов с интернет-платформ [2; 8]. Однако таких работ пока немного, и они, как правило, сосредоточены на решении технических задач классификации тональности и определения объекта отзыва, тогда как вопросы теоретического обоснования выделяемых аспектов качества, связи с существующими моделями оценки и внешней валидации результатов остаются малоизученными.

Цифровизация и массовое распространение интернета создали новую, оперативную и недорогую возможность получения обратной связи от пациентов. Их публичные онлайн-отзывы, размещаемые на интернет-платформах, — источник контекстуализированной информации о реальном опыте получения медицинских услуг. В отличие от формализованных анкет текстовые отзывы часто содержат детальные описания ситуаций, мотиваций, ожиданий и эмоциональных реакций, что дает возможность оценивать не только степень удовлетворенности, но также ее смысловые основания и поведенческие последствия. Анализ отзывов важен для выявления проблем и деталей, которые не видны в общих формализованных показателях. Отзывы, с одной стороны, освещают успешные практики, которые повышают доверие и лояльность пациентов, а, с другой стороны, помогают понять, где возникают трудности, как налажена коммуникация между медицинскими работниками и пациентами, есть ли проблемы с инфраструктурой или логистикой. Эти данные дополняют существующие системы мониторинга, особенно в условиях растущей нагрузки на систему здравоохранения и ограниченного бюджета на опросы. Вместе с тем анализ онлайн-отзывов сталкивается с рядом сложностей: во-первых, отзывы часто отражают крайние точки зрения, что приводит к поляризации оценок [17; 26]; во-вторых, выборка отзывов может быть подвержена систематическим искажениям — как правило, распределение отзывов неравномерно (на многих врачей нет отзывов, а небольшая часть специалистов аккумулирует большинство комментариев); отзывы характеризуются низкой репрезентативностью относительно генеральной совокупности пациентов (только небольшая их часть пишет отзывы). Хотя между онлайн-рейтингами и результатами стандартизированных опросов удовлетворенности наблюдается умеренная корреляция ($r \approx 0.3–0.5$) [17; 26], перечисленные особенности ограничивают использование отзывов в качестве объективного индикатора качества медицинских услуг.

Современные методы обработки естественного языка (NLP — Natural Language Processing) предоставляют инструментарий для извлечения значимой информации из больших текстовых массивов, позволяя фиксировать семантические нюансы высказываний, выявлять латентные тема-

тические структуры, систематизировать содержательные и оценочные элементы высказываний. При этом значительная часть прикладных исследований с использованием алгоритмов NLP ограничивается анализом тональности и тематическим моделированием, не применяя социологические концепты и не связывая количественные результаты с теоретическими моделями [8; 11; 23]. Надо признать, что и сами модели оценки качества медицинских услуг ориентированы на структурированные опросные данные [13; 18; 24; 28], что не позволяет учитывать такие особенности отзывов, как спонтанность, неструктурированность и контекстуальность.

Цель нашего исследования — разработать и апробировать интегративную методологию оценки качества медицинских услуг, сочетающую автоматизированный анализ онлайн-отзывов пациентов с соответствующей теоретической моделью. Эмпирическая проверка предложенной методологии проводилась на основе совокупности онлайн-отзывов пациентов медицинских организаций Санкт-Петербурга. Полученные индикаторы сопоставлялись с оценкой качества медицинских услуг на основе опросов, которую публикует Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга и которая использовалась как внешний критерий, поскольку она формируется по единым правилам отчетности, охватывает несколько аспектов качества и подходит для сравнительного анализа. Суть сопоставления заключалась в анализе согласованности вариаций между агрегированными индикаторами качества из онлайн-отзывов и опросных данных.

Теоретические подходы к изучению удовлетворенности и воспринимаемого качества медицинских услуг

В изучении качества медицинских услуг и удовлетворенности пациентов, как правило, в разных комбинациях используются два типа моделей: модели ожидания-опровержения, объясняющие субъективную оценку качества через согласование ожиданий пациента и фактического опыта, и модели воспринимаемого качества медицинских услуг, в которых акцент смещен в сторону общей оценки процесса и результата независимо от предварительных ожиданий. В моделях ожидания-опровержения удовлетворенность трактуется как результат соответствия или расхождения между ожиданиями и опытом пациента [18; 25]. Эти модели часто критикуются за редукционизм, сводящий удовлетворенность к различиям между ожиданиями и реальностью, и за недостаточный учет эмоциональных и контекстуальных факторов [21]. Возможны разные вариации моделей: так, в модели зоны допустимости (zone of tolerance) заложена идея допустимого диапазона отклонений от ожиданий пациентов, в пределах которого услуги остаются для него приемлемыми; ширина зоны меняется в зависимости от вовлеченности пациента в лечение, частоты обращений, социальной поддержки и субъ-

ективного восприятия финансовых затрат [19]. Данная модель объясняет, почему при небольших отклонениях от ожиданий оценка качества услуг остается стабильной. При выходе за пределы этой зоны степень неудовлетворенности растет пропорционально величине разрыва. Применительно к анализу отзывов можно предположить, что отсутствие упоминания о том или ином аспекте может означать либо его незначимость для автора, либо полную удовлетворенность по этому параметру. Нельзя не упомянуть двухфакторную модель качества Гренрооса [15], в которой выделены технический и функциональный аспекты качества, поскольку для потребителя важно не только что он получает в результате, но и как он это получает. Данная модель также опирается на концепцию ожиданий и наблюдаемого качества, предполагающую, что если ожидания будут слишком завышены по сравнению с реальным качеством услуги, то недовольство пациента будет расти.

Наиболее широкое распространение для оценки медицинских услуг получила модель «структура–процесс–результат» [12; 13], в которой структура — это инфраструктура и квалификация персонала, т.е. условия оказания помощи; процесс — взаимодействие между врачом и пациентом, включая оценку внимания, эмпатии и процесса лечения; результат — влияние медицинской помощи на здоровье пациента, включая долгосрочные последствия. В данной модели особое место занимают отношения между врачом и пациентом, поскольку характер межличностного взаимодействия нередко оказывает решающее влияние на качество медицинской помощи.

В прикладных исследованиях часто используется модель оценки качества услуг SERVQUAL (Service Quality — метод измерения качества обслуживания) на основе пяти измерений: материальные элементы — материальная среда (помещения, оборудование, чистота, внешний вид персонала); надежность — способность стабильно и точно предоставлять услугу; отзывчивость — готовность быстро помочь и оперативно реагировать; доверие — компетентность, вежливость и внушаемое чувство безопасности; эмпатия — индивидуализированное внимание и уважение к ценностям пациента [24]. Восприятие качества услуги трактуется как результат наличия или отсутствия разрывов между опытом и ожиданиями, оцениваемым по пяти параметрам. Были разработаны вариации модели, адаптированные к особенностям оценки качества услуг в системе здравоохранения, например модель HEALTHQUAL включает такие переменные, как эмпатия, материальные элементы, безопасность, эффективность лечения и степень улучшения медицинских услуг, поскольку пациенты считают таковые наиболее важными [20].

Сегодня исследователи стремятся объединить перечисленные подходы, комбинируя измерения ожиданий и восприятия процесса, учитывая эмоциональные реакции и социальные сравнения, сопоставляя субъективные

оценки пациентов с объективными клиническими результатами [14; 30]. Многомерный подход позволяет получать более полную картину качества услуг с точки зрения пациента, однако такие сложные модели ориентированы в первую очередь на использование структурированных опросных данных, а в неструктурированных текстах (отзывы пациентов) информация о некоторых аспектах, необходимых для использования данных моделей, может отсутствовать.

На основе краткого обзора существующих моделей можно выделить ключевые моменты для создания интегративной теоретической модели оценки качества медицинских услуг на основе онлайн-отзывов. Во-первых, удовлетворенность формируется во взаимодействии исходных ожиданий пациента и фактического опыта, и значимы как результативность помощи, так и ее процессуальный аспект (корректность оказания услуги и качество коммуникации). Во-вторых, не все аспекты, выделяемые на теоретическом уровне, могут быть операционализированы и корректно измерены эмпирически, поэтому модели, описанные в литературе, ограничиваются небольшим числом повторяющихся измерений, пригодных для эмпирических исследований. В-третьих, онлайн-отзывы, как правило, отражают компоненты воспринимаемого качества и эмоционального опыта, а их связь с объективными результатами лечения не всегда понятна, что требует корректного выделения уровней анализа и аккуратной интерпретации.

Теоретическая модель оценки качества медицинских услуг на основе онлайн-отзывов пациентов

Цель разработки нашей теоретической модели — описание механизма трансформации опыта взаимодействия пациента с системой здравоохранения в субъективную оценку на основе интеграции существующих подходов к оценке качества медицинских услуг и их адаптации к особенностям онлайн-отзывов. Мы опирались на следующие подходы: модель оценки качества медицинского обслуживания «структура–процесс–результат» как общая логика компонентов качества; теория ожидания–опровержения, объясняющая, как расхождение между ожиданиями и опытом влияет на удовлетворенность; модель «зоны допустимости», задающая интервал приемлемых уровней сервиса с точки зрения пациента; двухфакторная модель качества Гренрооса; модели оценки качества услуг SERVQUAL и HEALTHQUAL. Сформированная теоретическая модель описывает оценку качества медицинских услуг как результат взаимодействия ожиданий пациента и опыта получения помощи, опосредованного когнитивными и эмоциональными механизмами восприятия и влиянием внешнего контекста. В модели три базовых блока: ожидания пациентов, которые формируются под влиянием предшествующего опыта, индивидуальных потребностей и доступной информации; наблюдаемый сервис, отражающий

фактический опыт получения услуг и их результативность; восприятие качества услуг, включающее когнитивный и эмоциональный компоненты оценки. Визуальное представление теоретической модели, отражающей взаимосвязь когнитивных и эмоциональных компонентов восприятия качества медицинских услуг, приведено на рисунке 1.

Рис. 1. Теоретическая модель воспринимаемого качества медицинских услуг

В когнитивный компонент восприятия включена рациональная оценка — осмысленное и рефлексивное суждение пациента о материальных элементах услуги, безопасности и эффективности (инфраструктура, оснащение, организационная слаженность, клинические решения и динамика состояния здоровья пациентов). Эмоциональный компонент — оценка межличностной коммуникации с медицинскими работниками (вежливость, эмпатия, объяснение особенностей лечения и т.п.) и аффективные реакции пациента (положительные и отрицательные эмоции). Если опросные методы могут включать оценку всех трех блоков, то в онлайн-отзывах иногда

имеется возможность зафиксировать только восприятие качества услуг, а ожидания и наблюдаемый сервис будут рассматриваться как латентные факторы, влияющие на наблюдаемые оценки, но не фиксируемые непосредственно. Описание индикаторов теоретической модели приведено в таблице 1. Операционализация модели при анализе отзывов пациентов может осуществляться через выявление частоты позитивных и негативных упоминаний соответствующих аспектов качества услуг, описываемых пациентами в их текстовых отзывах.

Таблица 1

Индикаторы теоретической модели

	Аспект качества	Краткое описание	Примеры проявления
Когнитивный компонент качества	Материальная среда	Физические и инфраструктурные условия, которые обеспечивают возможность и комфорт получения медицинской помощи	Состояние и новизна оборудования, комфорт палат и приемных, доступность помещений, чистота и дизайн помещений
	Безопасность	Общее ощущение и реальные практики, гарантирующие безопасность пациентов: квалификация персонала, соблюдение протоколов и минимизация рисков	Чувство уверенности, что врачи/медсестры не совершат ошибок, квалифицированный медицинский персонал
	Эффективность	Степень, в которой организация и клинические практики обеспечивают правильный, нужный и результативный уход при разумных затратах	Адекватность назначений, организация процессов, логистика лечения, улучшение состояния пациента
Эмоциональный компонент качества	Межличностный аспект	Качество взаимодействия между пациентом и персоналом: уважение, эмпатия, внимание и информирование	Вежливость, выслушивание, объяснение диагноза и плана лечения, персонализированный подход
	Эмоциональные реакции пациента	Субъективные эмоциональные переживания, вызванные взаимодействием с учреждением и персоналом — положительные и отрицательные	Благодарность, спокойствие, надежда; раздражение, страх, разочарование

Для автоматизированного категориального и тонального анализа отзывов с помощью парсинга информации с веб-страниц была сформирована выборка из 26027 отзывов пациентов о 120 медицинских организа-

циях Санкт-Петербурга, размещенных на платформах «Яндекс.Карты» и «ПроДокторов». Обе платформы применяют собственные механизмы модерации и проверки подлинности материалов: «ПроДокторов» в рамках программы «Отзывы без обмана» описывает алгоритмы верификации, включающие защиту авторов и анонимность, что минимизирует риск фальсификаций отзывов; «Яндекс.Карты» модерирует все отзывы, удаляя недостоверные и нарушающие правила, при обязательной дополнительной проверке модераторами. Для обеспечения качества анализа из исходного корпуса исключались тексты, написанные не по-русски и дубликаты, а также тексты объемом менее 15 слов (примерно 80–100 символов), что позволило убрать малосодержательные записи. Очистка текстов включала удаление HTML-тегов, спецсимволов и чисел. Стоп-слова в задачах классификации и тонального анализа не удалялись, чтобы сохранить контекст, учитываемый предобученными моделями. Для токенизации и преобразования текстов в векторные представления использовалась предобученная модель ruRoBERTa Large от ai-forever через библиотеку Transformers.

В рамках тематического моделирования предобработка включала приведение текста к нижнему регистру, удаление пунктуации, удаление стоп-слов (производилось с использованием списка стоп-слов библиотеки NLTK) и лемматизация с помощью морфологического анализатора для русского языка pymorphy3, что позволило повысить качество выделения тем. Тематическое моделирование текстов отзывов проведено при помощи библиотеки BERTopic [16], которая дала возможность снизить размерность эмбеддингов (векторного представления текста) методом UMAP, после чего для выделения плотных кластеров и маркировки «шума» применялся алгоритм HDBSCAN. Далее для каждого кластера метод c-TF-IDF позволял выделить ключевые термины и сделать интерпретацию темы более наглядной. Выбор трансформерных моделей и BERTopic обусловлен их способностью формировать контекстуализированные эмбеддинги, устойчивые к разговорной лексике и орфографическим вариациям, и моделировать дальние зависимости в тексте посредством механизма самовнимания (self-attention) [10; 22; 29]. По сравнению с традиционными методами (TF-IDF + SVM, LDA) трансформеры обеспечивают более высокую точность классификации и лучшую интерпретируемость тематических кластеров. Для обеспечения воспроизводимости исследования код парсинга, предобработки текстов, дообучения классификатора и тематического моделирования размещен в открытом репозитории GitHub: SXlink/OPRsNLP. Репозиторий включает конфигурационные файлы с гиперпараметрами моделей и скрипт расчета интегрального балла.

Классификация аспектов качества услуг и тональный анализ отзывов выполнены с применением предобученных трансформерных моделей

для русского языка. Для выделения аспектов качества услуг использовалась модель ruRoBERTa Large [31], дообученная на рандомизированной выборке (5020 размеченных отзывов), сформированной из исходного корпуса отзывов о медицинских организациях Санкт-Петербурга (далее выборка случайным образом делилась на обучающую и тестовую подвыборки в пропорции 70/30). Разметка корпуса выполнялась методом селективного кодирования по когнитивным и эмоциональным аспектам: каждому фрагменту текста присваивалась метка «позитивный» или «негативный» в зависимости от того, как в отзыве упоминался соответствующий аспект качества. Модель обучалась в течение пяти эпох; ее качество оценивалось по Macro F1-score (гармоническое среднее precision и recall, где precision — доля верно предсказанных объектов класса среди всех его предсказаний, recall — доля верно найденных объектов класса среди всех его истинных объектов) и достигло ~0,8053 на тестовой выборке; пороги вероятности для принятия меток по категориям были установлены выше 0,7 для обеспечения баланса точности и полноты кодирования массива с отзывами. Тональный анализ реализован в специальной версии ruRoBERTa Large RuGoEmotion от fyaronskiy, позволяющей классифицировать отзывы по широкому спектру эмоций (позитивные, негативные, нейтральные) и фиксировать лексико-семантические оттенки эмоциональных реакций.

Для внешней валидизации была проведена оценка согласованности результатов, полученных на корпусе неструктурированных текстовых данных, с показателями независимой оценки качества медицинских услуг (НОК) методом опроса Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга [5]. Для сопоставления показателей оценки качества на основе анализа отзывов с официальными баллами (НОК) по 120 медицинским организациям использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена: каждому отзыву присваивался интегральный балл по шкале 1–5: исходный балл 5 уменьшался на единицу за каждую негативную категорию; отсутствие упоминания негативного аспекта трактовалось как соответствие ожиданиям. Такой метод оценивания позволил учесть эмпирическую асимметрию описания опыта пациентов: в отзывах негативные аспекты услуги выделяются чаще, чем положительные, что согласуется с логикой теории ожидания-опровержения. Средние баллы организаций служили «онлайн-рейтингом» и сопоставлялись с НОК на основе опросных данных НОК [3] методом корреляционного анализа.

Результаты применения модели

Анализ содержания отзывов по выделенным в теоретической модели аспектам качества выявил следующую картину: по материальному аспекту зафиксировано 33 % позитивных и 18 % негативных упоминаний; по безопас-

ности — 9 % позитивных и 5 % негативных; эффективность оказалась наиболее часто обсуждаемой категорией — 46 % позитивных и 37 % негативных упоминаний, что может указывать на существенную неоднородность практик и высокую заинтересованность пациентов в организационной составляющей медицинских услуг; межличностный аспект получил 48 % позитивных 19 % негативных упоминаний — практически каждый второй отзыв отмечал дружелюбие персонала, что делает этот аспект ключевым драйвером удовлетворенности; эмоциональные реакции доминируют — 65 % позитивных и 22 % негативных упоминаний, т.е. две трети отзывов содержат положительную эмоциональную окраску взаимодействия с клиниками. На рисунке 2 показано распределение упоминаний основных аспектов качества в текстах отзывов в абсолютных цифрах.

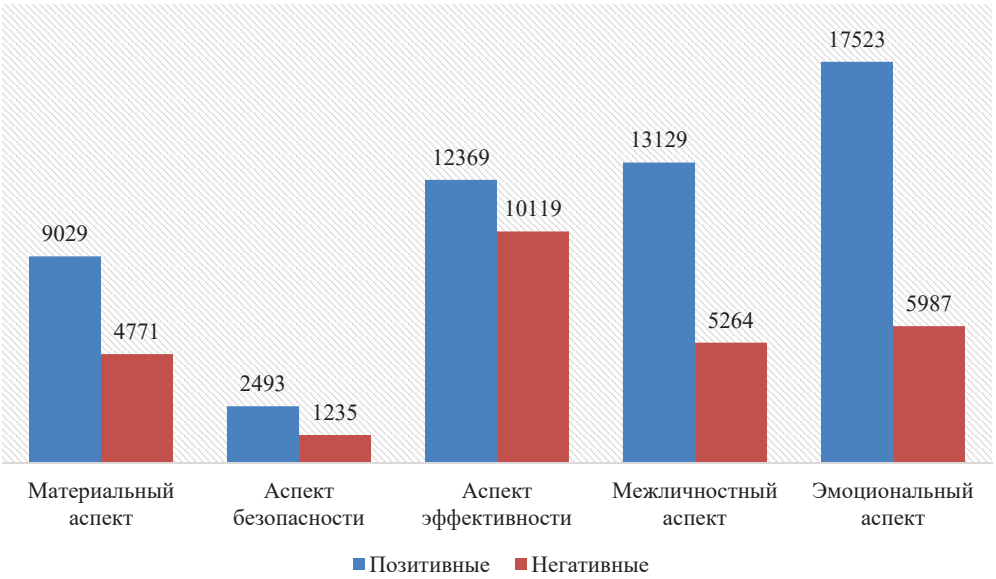

Рис. 2. Распределение отзывов по упоминанию аспектов качества

Детализированный тональный анализ показал, что среди позитивных эмоций (рис. 2) доминировало «восхищение» (56,8 % всех позитивных проявлений), затем «одобрение» (20 %) и «благодарность» (15,9 %), менее частые позитивные эмоции — «любовь» (2,8 %), «забота» (1,8 %) и «радость» (1,6 %) — свидетельствуют о присутствии личностно-ориентированных откликов, но их вклад в общий объем позитивных эмоций ограничен. Негативные эмоции распределились более равномерно (рис. 4): «разочарование» (27,8 %), затем «раздражение» (24,8 %) и «неодобрение» (22 %), реже встречались «отвращение» (10,7 %), «страх» (7 %) и «печаль» (4,9 %), указывающие на отдельные серьезные инциденты или состояния.

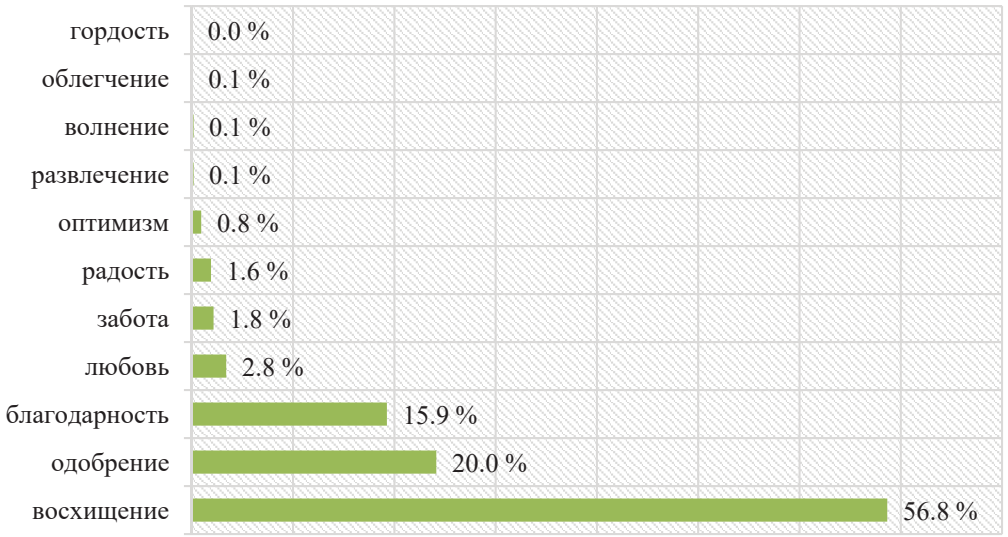

Рис. 3. Распределение позитивных эмоций в онлайн-отзывах

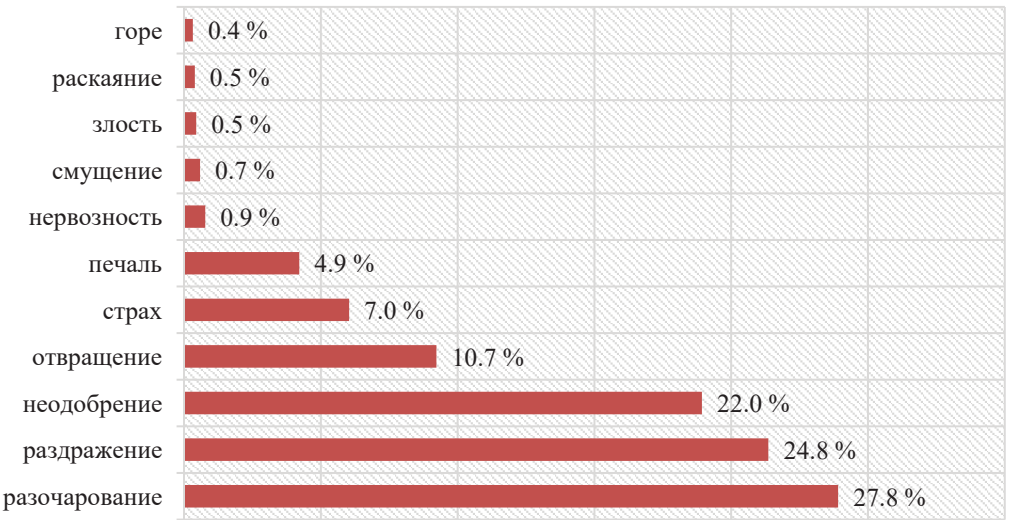

Рис. 4. Распределение негативных эмоций в онлайн-отзывах

Для конкретизации причин неудовлетворенности и выявления успешных практик, ассоциированных с высокой оценкой качества медицинских услуг, а также определения основных тем отзывов был проведен тематический анализ. Корпус отзывов был автоматически размечен по эмоциональной окраске и выделены две большие группы: с негативными эмоциями (5987 отзывов) и с позитивными (17523), нейтральные отзывы в анализ не включались. Разделение отзывов на две группы по признаку эмоционального тона

обусловлено как содержательными, так и аналитическими соображениями: эмоциональная окрашенность отзыва, как правило, отражает общее восприятие пациентом полученной медицинской услуги, а значит, существенно влияет на тематическое наполнение текста. Для каждой подгруппы был проведен анализ методом BERTopic: выделены 72 темы в негативном корпусе и 132 — в позитивном. Были проанализированы 25 наиболее часто встречающихся тем в каждой группе, что дало компактную, но репрезентативную картину ключевых сценариев взаимодействия пациентов с системой здравоохранения.

В группе негативных отзывов заметно выделяются несколько крупных блоков: «доступность и логистика» — системные трудности записи (дозвон, сбои электронных форм, дефицит приемных «окошек»), частые задержки приема и длительные очереди (около 67 % негативных упоминаний, относящихся к аспекту эффективности); «взаимодействие с медицинским персоналом» — грубость, равнодушие, неполное информирование о диагнозе и плане лечения, которые усиливают чувство незащищенности; «дополнительные платежи и навязывание платных услуг» — аспекты, воспринимаемые как скрытая коммерциализация медицинской помощи; «инфраструктурные недостатки» — старые здания, тесные коридоры, антисанитария и неудобная навигация, плохая транспортная доступность, создающие ощущение пренебрежения базовыми условиями безопасности и комфорта. Отдельно выделяется блок «проблемы стоматологической помощи» — жалобы на боль, поспешные рекомендации к удалению зубов, низкое качество пломб, болезненное лечение: можно предположить, что пользователи с большей готовностью пишут отзывы о стоматологических услугах, что, возможно связано с наибольшим объемом таких услуг среди всей совокупности медицинских вмешательств (наряду со стоматологией в тройку наиболее востребованных услуг входят сдача анализов и диагностические процедуры, которые предположительно генерируют меньше отзывов).

В группе позитивных отзывов также было выделено несколько тематических блоков: «благодарность и признание профессионализма» — внимательное, чуткое отношение врачей и персонала, оперативность и компетентность в решении проблем; «улучшенная инфраструктура и комфорт» — ремонт, чистота, удобные зоны ожидания, парковка и грамотная регистратура; «слаженная командная работа» — доброжелательность и оперативность персонала, высокий уровень организации работы. Определенная часть позитивных отзывов просто фиксирует «отсутствие проблем», отмечается нормальная работа учреждения, соответствующая ожиданиям. Позитив в основном связан с качеством коммуникации, вниманием и организацией процесса, тогда как негатив сконцентрирован на нарушениях базовых ожиданий — доступности, предсказуемости и уважительном обращении. Особенно проблематичными оказались организация приема (запись, очереди, задержки) и финансовая практика; в стоматологии дополнительно выражены претензии к клинической компетентности и качеству процедур.

В целях внешней валидизации проведенного анализа мы сопоставили два источника данных: интегральные рейтинги медицинских организаций, рассчитанные на основе автоматизированного анализа онлайн-отзывов пациентов, и показатели НОК из отчетности Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга за 2023–2024 годы. По результатам этого сопоставления была установлена устойчивая положительная связь между показателями (коэффициент Спирмена $\rho = 0{,}424$, $p < 0{,}001$ при 95 % ДИ [0,25; 0,63]). Более высокие позиции медицинской организации в интегральной оценке по онлайн-отзывам, как правило, соответствовали более высоким формальным показателям по результатам опроса, несмотря на различия в инструментах сбора и шкалировании. Значимость и величина корреляции заметно превосходят результаты стандартной пятибалльной («звездной» — от 1 до 5 звезд) оценки, которую пациенты ставят при публикации онлайн-отзыва: корреляция со значениями НОК оказалось слабее ($r \approx 0{,}21$; $p \approx 0{,}058$). Сравнение двух подходов показывает, что предложенная методика шкалирования отзывов дает более точные результаты и лучше согласуется с формальными показателями удовлетворенности качеством медицинских услуг (анкетирование).

Распределение интегральных оценок по пятибалльной оценочной шкале продемонстрировало выраженный сдвиг в положительную сторону: среднее значение составило 3,95, медиана — 5, что отражает склонность пользователей к крайним (особенно положительным) оценкам (рис. 5). При этом предложенная шкала дает менее поляризованное распределение оценок: агрегированные оценки оказываются более сбалансированными по сравнению с пятибалльной оценочной шкалой, которая используется в сервисах для работы с отзывами, где преобладают крайние значения.

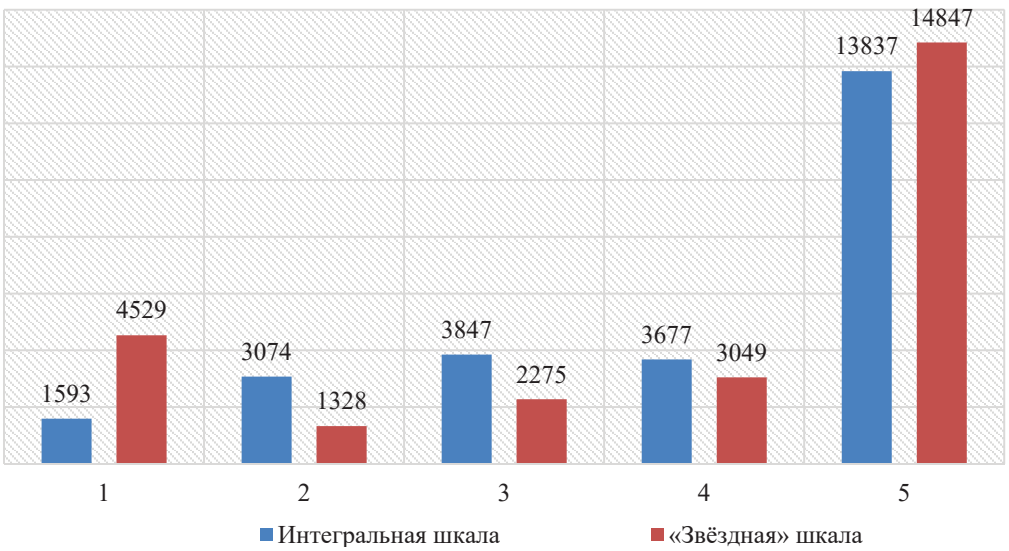

Рис. 5. Распределение оценок отзывов по двум шкалам

Таким образом, автоматизированный анализ текстов онлайн-отзывов дает релевантную и сопоставимую с результатами опроса картину восприятия качества медицинских услуг, при этом методика учета контента отзывов превосходит пятибалльную рейтинговую шкалу по степени согласованности, дает более равномерное распределение оценок, их меньшую поляризацию и тем самым позволяет выявлять не только крайние положительные и отрицательные мнения, но и умеренные оценки, отражающие рутинные аспекты оказания медицинской помощи и потому содержащие информацию о системных, а не исключительных проблемах и практиках, что делает их критически значимыми для управления качеством медицинских услуг. Полученные результаты подкрепляют идею продуктивности использования комбинации данных из онлайн-отзывов и опросных данных для более эффективного мониторинга качества медицинских услуг.

Следует отметить, что сопоставление рейтингов медицинских организаций, рассчитанных на основе анализа онлайн-отзывов и опросных показателей, охватывало только организации, которые вошли в выборку Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга, а структура онлайн-активности и характер удовлетворенности качеством услуг у пациентов других медицинских организаций могут отличаться. Кроме того, не все тексты отзывов поддаются распознаванию на предмет эмоционального тона и категориального анализа: многозначность, сарказм и отсутствие явно эмоционально окрашенных слов могут приводить к искажению результатов даже при достаточной надежности модели, продемонстрированной на тестовой выборке.

Важно подчеркнуть, что алгоритмы тематического моделирования эффективны в первую очередь на больших объемах текстов, соответственно, при применении данного подхода к оценке качества услуг медицинских организаций с невысокой онлайн-активностью пациентов потребуется предварительная адаптация алгоритмов и, возможно, использование ручного кодирования для повышения надежности выводов. Для корректного мониторинга необходим большой и регулярно пополняемый массив отзывов, при малом объеме данных репрезентативность существенно снижается. Поскольку характер публикаций в онлайн-среде отличается выраженной полярностью оценок, для более сбалансированного анализа необходимо стимулировать пациентов оставлять отзывы, а также формировать дополнительные каналы обратной связи, позволяющие фиксировать весь спектр опыта взаимодействия пациентов с конкретной медицинской организацией.

В целом методика анализа онлайн-отзывов — более доступная альтернатива или дополнение к более затратным опросным методам. Например, в рамках НОК традиционные опросы, как правило, охватывают лишь часть медицинских организаций, а остальные могут обследоваться с помощью анализа пользовательских отзывов, что позволит расширить охват и обеспечит непрерывный мониторинг при снижении затрат на сбор и обработ-

ку данных мониторинга удовлетворенности качеством медицинских услуг. Применение подхода, сочетающего количественное шкалирование отзывов с выявлением скрытых тем дает многомерную картину восприятия пациентами медицинских услуг и позволяет разрабатывать более конкретные рекомендации по совершенствованию медицинского обслуживания как для конкретных организаций, так и для городской системы здравоохранения.

Информация о финансировании
Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 22-18-00261-П.

Библиографический список/References

1. *Доника А.Д.* Оценка качества медицинской помощи с позиций пациент-ориентированного подхода // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2023. Т. 20. № 1 / Donika A.D., Adzhienko V.L. Otsenka kachestva meditsinskoi pomoshchi s pozitsii patsient-orientirovannogo podkhoda [Assessment of the medical care quality in the patient-oriented perspective]. *Volgogradsky Nauchno-Meditsinsky Zhurnal*. 2023; 20 (1). (In Russ.).
2. *Калабихина И.Е., Мошкин В.С., Колотуша А.В., Кашин М.И., Клименко Г.А., Казбекова З.Г.* Анализ отзывов пациентов с использованием методов машинного обучения и лингвистических методов // Онтология проектирования. 2025. Т. 15. № 1 / Kalabikhina I.E., Moshkin V.S., Kolotusha A.V., Kashin M.I., Klimenko G.A., Kazbekova Z.G. Analiz otzyvov patsientov s ispolzovaniem metodov mashinnogo obucheniya i lingvisticheskih metodov [Analysis of patient reviews using machine learning and linguistic methods]. *Ontologiya Proektirovaniya*. 2025; 15 (1). (In Russ.).
3. Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга: Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями Санкт-Петербурга / Komitet po zdravookhraneniyu Sankt-Peterburga. Nezavisimaya otsenka kachestva usloviy okazaniya uslug meditsinskimi organizatsiyami Sankt-Peterburga [Saint Petersburg Health Committee: Independent assessment of the quality of services provided by medical organizations of Saint Petersburg]. URL: http://zdrav.spb.ru/ru/for-people/reitingi. (In Russ.).
4. *Кузнецова М.А., Васильева Т.П., Зудин А.Б., Аксенова Е.И., Груздева О.А., Кузнецова К.Ю.* Оценка общеврачебной практики в многомерной конструкции удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи // Здравоохранение РФ. 2023. Т. 67. № 5 / Kuznetsova M.A., Vasilyeva T.P., Zudin A.B., Aksenova E.I., Gruzdeva O.A., Kuznetsova K.Yu. Otsenka obshchevrachebnoi praktiki v mnogomernoi konstruktsii udovletvorennosti patsientov kachestvom meditsinskoi pomoshchi [Assessment of the general medical practice in a multidimensional model of patient satisfaction with the quality of medical care]. *Zdravookhranenie RF*. 2023; 67 (5). (In Russ.).
5. Об организации работ по обеспечению технической возможности выражения мнения пациентами о качестве условий оказания услуг медицинскими организациями на официальном сайте Министерства здравоохранения РФ в сети Интернет: приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 июля 2018 г. № 442 / Ob organizatsii rabot po obespecheniyu tekhnicheskoi vozmozhnosti vyrazheniya mneniya patsientami o kachestve usloviy okazaniya uslug meditsinskimi organizatsiyami na ofitsialnom saite Ministerstva zdravookhraneniya RF v seti Internet: prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 13 iyulya 2018 g. № 442 [On the organization of work to ensure the technical capability for patients to express opinions on the quality of services provided by medical organizations on the official website of the Ministry of Health of the Russian Federation on the Internet. Order No. 442 of July 13, 2018]. (In Russ.).
6. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Развитие телемедицины в России: взгляд потребителей // Здоровье населения и среда обитания. 2021. № 12 / Pokida A.N.,

Zybunovskaya N.V. Razvitie telemeditsiny v Rossii: vzglyad potrebitelei [Development of telemedicine in Russia: Consumers' perspective]. *Zdorovye Naseleniya i Sreda Obitaniya*. 2021; 12. (In Russ.).

7. *Посевкин Р.В., Бессмертный И.А.* Применение сентимент-анализа текстов для оценки общественного мнения// Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Т. 15. № 1 / Posevkin R.V., Bessmertny I.A. Primenenie sentiment-analiza tekstov dlya otsenki obshchestvennogo mneniya [Application of sentiment analysis for the public opinion assessment]. *Nauchno-Tekhnichesky Vestnik Informatsionnyh Tekhnologiy, Mekhaniki i Optiki.* 2015; 15 (1). (In Russ.).
8. *Русских Т.Н., Тинякова В.И., Кухарец Д.В.* Семантический анализ отзывов пациентов для обеспечения поддержки принятия решений на рынке медицинских услуг// Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 2 / Russkih T.N., Tinyakova V.I., Kukharets D.V. Semantichesky analiz otzyvov patsientov dlya obespecheniya podderzhki prinyatiya resheniy na rynke meditsinskih uslug [Semantic analysis of patient reviews in support of decision-making in the medical services market]. *Kreativnaya Ekonomika*. 2024; 18 (2). (In Russ.).
9. *Тюфилин Д.С., Чигрина В.П., Медведев В.А., Деев И.А., Кобякова О.С.* Удовлетворенность медицинской помощью в Российской Федерации: факторы, влияющие на оценку // Менеджер здравоохранения. 2023. № 8 / Tyufilin D.S., Chigrina V.P., Medvedev V.A., Deev I.A., Kobyakova O.S. Udovletvorennost meditsinskoi pomoshchyu v Rossiiskoi Federatsii: faktory, vliyayushchie na otsenku [Satisfaction with medical care in the Russian Federation: Factors of assessment]. *Menedzher Zdravookhraneniya.* 2023; 8. (In Russ.).
10. Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. 2018. arXiv:1810.04805.
11. Doing-Harris K., Mowery D.L., Daniels C., Chapman W.W., Conway M. Understanding patient satisfaction with received healthcare services: A natural language processing approach. *AMIA Annual Symposium Proceedings*, 2017–2016.
12. Donabedian A. The quality of care: How can it be assessed? *Journal of the American Medical Association*. 1988; 260 (12).
13. Donabedian A. Evaluating the quality of medical care. *Milbank Quarterly*. 2005; 83 (4).
14. Dubé L., Menon K. Multiple roles of consumption emotions in post-purchase satisfaction with extended service transactions. *International Journal of Service Industry Management.* 2000; 11 (3).
15. Grönroos C. A service quality model and its marketing implications. *European Journal of Marketing.* 1984; 18 (4).
16. Grootendorst M. BERTopic: Neural Topic Modeling with a Class-Based TF-IDF Procedure. 2022. arXiv:2203.05794.
17. Hong Y.A., Liang C., Radcliff T.A., Wigfall L.T., Street R.L. What do patients say about doctors online? A systematic review of studies on patient online reviews. *Journal of Medical Internet Research*. 2019; 21 (4).
18. Hudak P.L., Hogg-Johnson S., Bombardier C., McKeever P.D., Wright J.G. Testing a new theory of patient satisfaction with treatment outcome. *Medical Care*. 2004; 42 (8).
19. Johnston R. The zone of tolerance: Exploring the relationship between service transactions and satisfaction with the overall service. *International Journal of Service Industry Management*. 1995; 6 (2).
20. Lee D. HEALTHQUAL: A multi-item scale for assessing healthcare service quality. *Service Business*. 2017; 11 (3).
21. Like R., Zyzanski S.J. Patient satisfaction with the clinical encounter: Social-psychological determinants. *Social Science & Medicine*. 1987; 24 (4).
22. Liu Y., Ott M., Goyal N., Du J., Joshi M., Chen D., Levy O., Lewis M., Zettlemoyer L., Stoyanov V. RoBERTa: A Robustly Optimized BERT Pretraining Approach. 2019. arXiv:1907.11692.
23. Murray C., Mitchell L., Tuke J., Mackay M. Probabilistic emotion and sentiment modelling of patient-reported experiences. *Artificial Intelligence in Medicine*. 2025; 167.

24. Parasuraman A., Zeithaml V.A., Berry L.L. SERVQUAL: A multiple-item scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*. 1988; 64 (1).
25. Pascoe G.C. Patient satisfaction in primary health care: A literature review and analysis. *Evaluation and Program Planning*. 1983; 6 (3–4).
26. Placona A.M., Rathert C. Are online patient reviews associated with health care outcomes? A systematic review of the literature. *Medical Care Research and Review*. 2022; 79 (1).
27. Stewart M., Brown J.B., Weston W.W., Freeman T., Ryan B.L., McWilliam C.L., McWhinney I.R. *Patient-Centered Medicine: Transforming the Clinical Method*. CRC Press; 2024.
28. Strasser S., Aharony L., Greenberger D. The patient satisfaction process: Moving toward a comprehensive model. *Medical Care Review*. 1993; 50 (2).
29. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser L., Polosukhin I. Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2017; 30.
30. Yu Y.T., Dean A. The contribution of emotional satisfaction to consumer loyalty. *International Journal of Service Industry Management*. 2001; 12 (3).
31. Zmitrovich D., Abramov A., Kalmykov A., Tikhonova M., Taktasheva E., Astafurov D., Baushenko M., Snegirev A., Kadulin V., Markov S., Shavrina T., Mikhailov V., Fenogenova A. A Family of Pretrained Transformer Language Models for Russian. 2024. arXiv:2309.10931. https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.10931.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-394-412
EDN: ZKBGZT

Natural language processing methods in the assessment of healthcare service quality based on online patient reviews*

V.I. Dudina, A.A. Karelin

Saint Petersburg State University,
Smolny St., 1/3, Saint Petersburg, 191124, Russia

(e-mail: viktoria_dudina@mail.ru; ansxim.51ru@gmail.com)

Abstract. Today survey methods for assessing patient satisfaction with medical services are supplemented by the analysis of unstructured online reviews, which expands the empirical research base. Such data sources have complementary functions: surveys provide standardized data, while text reviews reflect the context of patients' interaction with the healthcare organization, emotional and organizational aspects of care. Thus, we need methodologically sound approaches that integrate sociological theories of patient satisfaction with natural language analysis in the assessment of medical services and provide data comparable to survey methods. The study aims at developing and testing an integrative methodology for assessing the quality of healthcare services through the analysis of online patient reviews based on an appropriate theoretical model. The authors conducted an analysis of 26,000 online public reviews of 120 healthcare organizations in Saint Petersburg: texts underwent preprocessing; contextual embeddings from ruRoBERTa were

*© V.I. Dudina, A.A. Karelin, 2026
The article was submitted on 28.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

used together with the BERTopic algorithm for topic modeling. For external validation, integrated rankings of healthcare organizations were compared with indicators derived from the survey data. The proposed theoretical model integrated the following key approaches to the healthcare quality assessment: "structure–process–outcome" concept; expectation–disconfirmation theory; "zone of tolerance" model; service quality model; SERVQUAL and HEALTHQUAL models. The analysis revealed moderate but statistically significant consistency between aggregated indicators based on textual reviews and healthcare quality assessments based on survey data, and thematic analysis allowed to identify the most frequent sources of patient dissatisfaction (organizational, communicational, and infrastructural). Positive reviews most frequently focus on the medical staff professionalism, latest clinic equipment, comfortable waiting conditions, and transparency of organizational processes.

Key words: patient satisfaction; sociology of health; healthcare service quality; online reviews; survey; natural language processing methods; topic modeling; sentiment analysis; unstructured textual data

For citation: Dudina V.I., Karelin A.A. Natural language processing methods in the assessment of healthcare service quality based on online patient reviews. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 394–412. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-394-412 EDN: ZKBGZT

Funding
The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No 22-18-00261-P.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 413–424**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-413-424
EDN: ZJGWWX

Удовлетворенность трудом и лояльность сотрудников вуза в контексте социального контракта между организацией и работником*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Аннотация. В статье предлагается рассматривать общественный договор не только на макроуровне (взаимодействие народа с государством), но и на иных уровнях, поскольку социальный контракт существует как на региональных уровнях, так и на уровне отдельных организаций и предприятий. Такой подход позволяет расширить применение концепта «общественный договор» и лучше понять социальное взаимодействие его субъектов. В статье предлагаемый подход проиллюстрирован на примере социального контракта между вузом и его сотрудниками: данный социальный контракт определяется как баланс интересов между организацией и ее работниками, а его эмпирическими показателями выступают удовлетворенность трудом в организации и лояльность сотрудников. Исходя из этих теоретико-методологических установок в октябре 2024 года в Российском государственном гуманитарном университете было проведено эмпирическое исследование: в ходе опроса помимо профессорско-преподавательского состава (ППС) был опрошен и административный корпус (административно-управленческий персонал — АУП). Исследование выявило параметры сложившегося социального контракта: работники удовлетворены работой в университете и демонстрируют высокую лояльность к организации, однако наблюдается расхожде-

*© Анисимов Р.И., 2026
Статья поступила в редакцию 26.10.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

ние между ППС и АУП в различных аспектах социального контракта. Для преподавателей большое значение имеет содержание трудовой деятельности, для администрации — условия труда и психологическая атмосфера. Также было выявлено существенное расхождение в материальном вознаграждении ППС и АУП: заработные платы административного персонала находятся на более низком уровне, чем у преподавателей. В результате был сделан вывод о разных «жизненных мирах» администрации и преподавателей, цели и интересы которых лишь частично пересекаются, что приводит к непониманию и стереотипизации двух групп. Для успешной реализации социального контракта в вузе необходимо учитывать выявленные в ходе опроса аспекты, дифференцировано работать с кадрами, а также способствовать их взаимодействию, создавая единую вузовскую общность.

Ключевые слова: общественный договор; высшее образование; преподаватели; администрация; удовлетворенность трудом; лояльность

Для цитирования: *Анисимов Р.И.* Удовлетворенность трудом и лояльность сотрудников вуза в контексте социального контракта между организацией и работником // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 413–424. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-413-424 EDN: ZJGWWX

Очередная реформа высшего образования, ставя перед собой цель улучшить качество подготовки специалистов, в своей реализации должна опираться на сотрудников вузов, которые будут непосредственными проводниками преобразований. Для выполнения любых производственных задач необходим работающий общественный договор между организацией и работниками.

Сама идея общественного договора возникла в XVII–XVIII веках в связи с возрастанием роли новых социальных классов, осознанием ими своих интересов и их требованием более широкого участия в управлении государством. Теоретический фундамент концепции общественного договора заложили английские философы Т. Гоббс и Дж. Локк и философы-просветители (Ш. Монтескье, Ж-Ж Руссо, П. Гольбах) [2; 3; 9; 10; 13]. Практическим результатом воплощения идей общественного договора стал новый постреволюционный общественный строй в Англии, открывший дорогу свободному развитию капитализма, и Великая французская революция, проходившая под влиянием идей философов-просветителей и, как в Англии, завершившаяся новым общественным строем, обеспечивающим господство буржуазии. Следует отметить, что дискуссии об общественном договоре начались, когда государство не реагировало на новые экономические и социальные условия, не замечало назревающих противоречий, что повлекло переформатирование самого государства и смену модели управления страной.

В XX веке разработка концепций общественного договора велась в русле обсуждения преимуществ социально-ориентированного государства с развитой системой социальных гарантий (например, теория справедливости Дж. Ролза [12]) или «либерального» государства с минимальным участием правительства в экономической и социальных сферах (см.,

напр.: [11]). Дискуссии об общественном договоре в основном ведутся в общенациональном масштабе, оперируя понятиями «народ» и «государство» в качестве основных субъектов общественного договора. В российской научной традиции дискуссии также ведутся на макроуровне [1; 4; 8; 16–18], и под общественным договором понимается «социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное становление баланса интересов между народом и государством, которое открыто и в тоже время латентно демонстрирует согласованность взаимоотношений и взаимодействий государства и народа по организации и устройству общественной и личной жизни» [18. С. 97].

Однако общественный договор существует и на других средовых уровнях. Так, Р. Флорида в работе «Креативный класс» под общественным договором понимает систему взаимодействий между работниками и предприятием, констатируя исчезновение общественного договора в виде преданности и лояльности организации [19. С. 106–109]. Р. Сеннет, описывая деятельность компании IBM по отношению к сотрудникам, использует выражение «социальный контракт» [14. С. 204]. И.В. Демидов также сужает понятие общественного договора до взаимоотношений между работником и работодателем [6. С. 28]. Кроме того, в обществе могут существовать несколько общественных договоров: например, Э. де Сото предположил, что в отдельных странах возможны несколько вполне реальных конвенций между жителями и лидерами неформальных сообществ в рамках формального легального общественного договора («крышки Броделя»), который накрывает эти конвенции, а на самом деле соблюдается только в наиболее развитых центрах страны [18. С. 42]. Таким образом, можно предположить, что концепция общественного договора вполне применима не только на макро-, но и на других уровнях (региона или крупной организации), поэтому можно рассматривать взаимоотношения между работником и предприятием в контексте концепции общественного договора. Далее в статье для анализа этих взаимоотношений будет использовано понятие «социальный контракт» — дословный перевод общественного договора с английского языка. Вводя понятие «социальный контракт», мы подчеркиваем, что исследуем мезоуровень функционирования общественного договора — в уровне взаимодействия работника и организации, тем самым расширяя область исследования общественного договора, что позволяет лучше понять функционирование обществ, состоящих из значительного количества социальных институтов и сред, в каждой из которых функционирует свой социальный контракт, и из множества социальных контрактов складывается общий макроуровневый общественный договор.

Под социальным контрактом на уровне организации понимается баланс интересов между организацией и работниками, выражающийся в удовлетворенности трудом и лояльности организации. Удовлетворенность трудом

предполагает, что организация выполняет свою часть социального контракта, а лояльность предполагает, что работники готовы выполнять свою часть социального контракта. Для апробации концепта социального контракта на мезоуровне была выбрана система высшего образования — один университет в системе Министерства науки и высшего образования, отчасти в силу доступности для эмпирического наблюдения, отчасти вследствие постоянного изменения социального контракта в этой сфере в ходе уже ставшей перманентной реформы высшего образования. Статья отвечает на вопросы: в какой мере сложился социальный контракт между сотрудниками вуза и организацией, что является основой данного контракта, где есть проблемные места.

Эмпирическая база статьи — опрос сотрудников РГГУ (1): были опрошены не только представители профессорско-преподавательского состава (ППС), но и административно-управленческий персонал (АУП), про который часто забывают, когда анализируют состояние кадров высшего образования. Множество работ посвящены нагрузке, заработной плате, удовлетворенности трудом и прочими аспектами деятельности ППС, но практически нет исследований, которые освещают труд секретарей, администраторов, бухгалтеров, кадровиков в вузе, хотя АУП играет важную роль в работе организации — без него невозможно нормальное функционирование вуза, социальный контракт представителей АУП с организацией представляет особый интерес для создания целостной картины работы вуза. В качестве кейса был выбран Российский государственный гуманитарный университет — как типичный вуз под юрисдикцией Министерства науки и высшего образования: вероятно, результаты исследования можно экстраполировать на все вузы, но данное утверждение требует дополнительной проверки.

Итак, социальный контракт между организацией и работником включает множество параметров: разделяемые ценности компании, доверие к руководству, материальное и моральное стимулирование, общая корпоративная культура и т.д., но для создания общей картины достаточно двух хорошо замеряемых эмпирически показателя — удовлетворенность трудом в организации, что свидетельствует об успешной или неуспешной деятельности компании по выполнению своей части социального контракта, и лояльность сотрудников, что говорит об их приверженности компании и, соответственно, о готовности выполнять свою часть социального контракта.

Удовлетворенность трудом в организации как составляющая социального контракта. Удовлетворенность трудом следует разделять на удовлетворенность работой в конкретной организации (условиями труда, заработной платой, т.е. формой труда) и удовлетворенность трудом как деятельностью (содержанием труда). Опрос показал определенное расхож-

дение в оценках работы в РГГУ и содержания труда: работой в целом довольны 89 % опрошенных, а трудом как деятельностью — 94 % (табл. 1, 2). Данные показывают расхождение ответов по удовлетворенности работой и трудом между ППС и АУП: удовлетворены и скорее удовлетворены работой в РГГУ 93 % ППС и 81 % АУП; еще больше разрыв в удовлетворенности своим трудом — 97 и 86 % соответственно, причем полностью удовлетворенных своим трудом АУП на 20 % меньше, чем ППС. Эти данные позволяют сделать вывод, что различаются условия труда для преподавателей и администрации и что содержание труда для администрации менее привлекательно, чем для преподавателя. РГГУ как образовательная организация имеет разные «жизненные миры» [15] для преподавателей и администрации: находясь в едином физическом пространстве, работники образуют разные социальные пространства, в которых осуществляют свои трудовые практики. Эти пространства пересекаются, как и люди, принадлежащие к разным социально-профессиональным группам, работающие вместе, но их интересы не всегда совпадают.

Таблица 1

Удовлетворенность работой в РГГУ, %

Насколько Вы удовлетворены РГГУ как местом своей работы? *(один ответ)*	**ППС (n = 742)**	**АУП (n = 382)**	**Итого (n = 1124)**
Полностью удовлетворен(а)	32,2	26,4	30,2
Скорее удовлетворен(а), чем не удовлетворен(а)	60,5	54,5	58,5
Скорее не удовлетворен(а), чем удовлетворен(а)	4,3	8,4	5,7
Не удовлетворен(а)	0,9	0,8	0,9
Затрудняюсь ответить	2	9,9	4,7

Таблица 2

Удовлетворенность трудом работников РГГУ, %

Насколько Вы удовлетворены своим трудом как видом профессиональной деятельности? *(один ответ)*	**ППС**	**АУП**	**Итого**
Полностью удовлетворен(а)	56,7	36,9	50
Скорее удовлетворен(а), чем не удовлетворен(а)	40,6	49,5	43,6
Скорее не удовлетворен(а), чем удовлетворен(а)	1,3	5,8	2,8
Не удовлетворен(а)	0,1	1	0,4
Затрудняюсь ответить	1,2	6,8	3,1

Социальный контракт двух групп также различается: выше говорилось о высокой удовлетворенности обеих групп формальными и содержательными аспектами трудовой деятельности, однако группы демонстрируют разные аспекты этой удовлетворенности. Для обеих групп наивысшим значением обладает заработная плата, но если для ППС, помимо заработной платы, наибольшим значением обладает интересная работа и осознание ее высокой миссии («полезность работы для общества»), то для администрации это атмосфера в коллективе, условия и организация труда (рис. 1). Для ППС более значим содержательный характер труда, для АУП — удовлетворенность работой в РГГУ, и АУП удовлетворены ею в меньшей степени, чем преподаватели. В первую очередь это связано с материальным вознаграждением за труд: 42 % представителя администрации считают свой уровень заработной платы ниже среднего и низкой, тогда как среди преподавателей таковых 16 % (рис. 2).

Рис. 1. Наиболее важные характеристики работы

Каждый третий представитель администрации отметил ограниченность своего бюджета, которого хватает, используя марксистскую терминологию, только для воспроизводства себя как рабочей силы («живу от зарплаты к зарплате»), тогда как среди ППС этот вариант ответа выбрало 17 % (рис. 3).

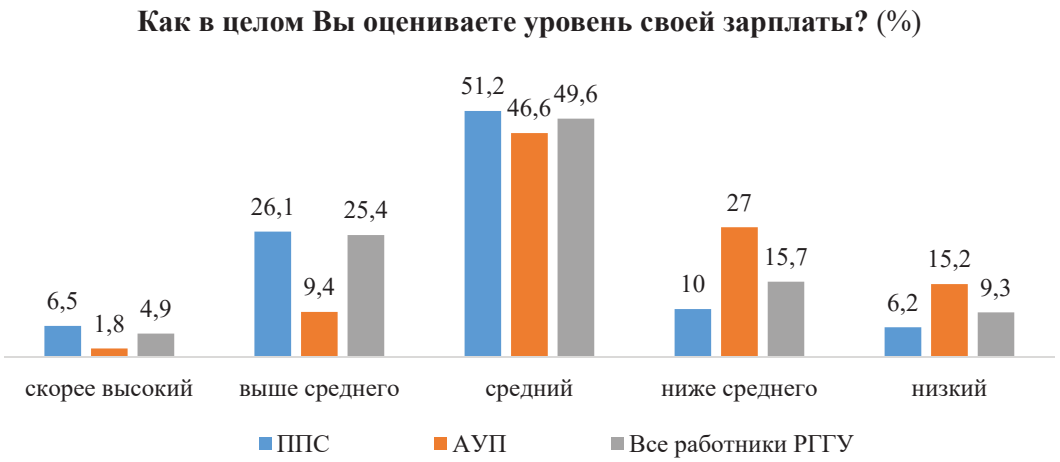

Рис. 2. Оценка заработной платы

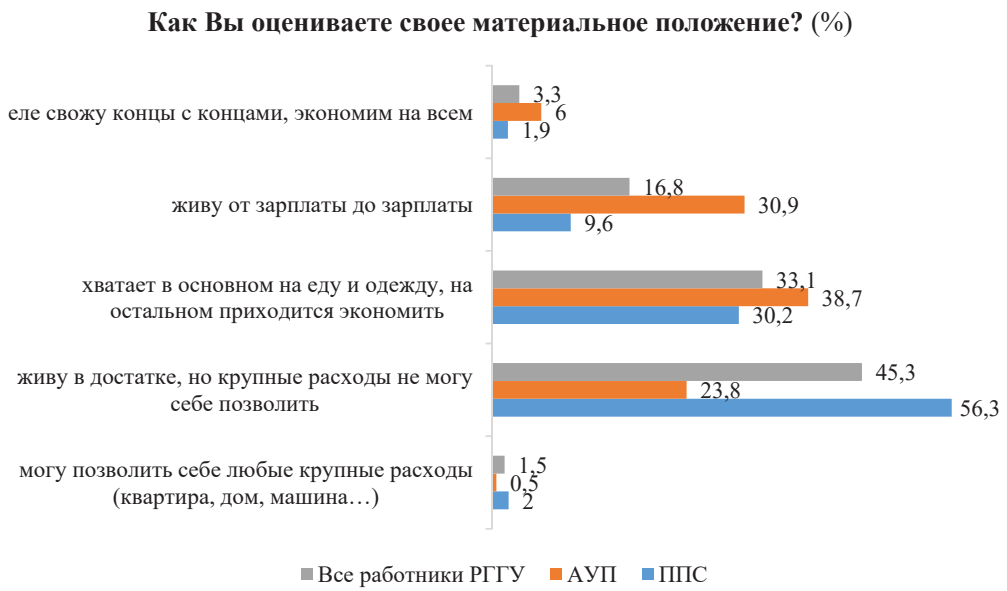

Рис. 3. Оценка материального положения

Низкая материальная обеспеченность сотрудников администрации, видимо, связана, с недостаточным финансированием высшего образования и с выполнением «майских указов» 2012 года. На основании этих указов руководство вузов было обязано довести среднюю заработную плату преподавателей до 200 % от средней заработной платы по региону, однако финансирование увеличения возлагалось на руководство вузов

без кардинального увеличения финансирования высшего образования: возникли и распространились дробление ставок, увеличение нагрузки, сокращение иных расходов, оптимизация структуры и т.д. В результате заработная плата педагогов увеличилась, но финансов не хватило на увеличение заработных плат АУП (тем более, что они не были указаны в «майских указах» и на них требование по увеличению зарплаты не распространялось). Поэтому возник разрыв в материальном обеспечении сотрудников вуза, который еще больше осложняет взаимодействие двух «жизненных миров» и отражает различные аспекты социального контракта у разных групп сотрудников.

Лояльность организации как составляющая социального контракта проявляется прежде всего в (не) желании сменить работу: сотрудники РГГУ, как и в оценках удовлетворенности демонстрируют высокий уровень преданности и не хотят покидать университет (табл. 3). Хотя прямое желание сменить работу высказывают лишь 4 % опрошенных, 22 % ответили уклончиво — «еще не определился с планами», и в администрации такой вариант ответа выбрал каждый третий (31 %). Выше было отмечено, что для АУП большую роль играет не сам труд — он рутинизирован, во многом состоит из подготовки и запуска документов, их переделки, согласования и совещаний, т.е. предельно бюрократизирован и обладает многими атрибутами «бесполезной работы» [5]. Заработная плата не компенсирует содержание работы АУП, однако 61 % административных работников не собираются покидать вуз. Чтобы понять их причины оставаться в РГГУ, респондентов просили отметить сильные стороны РГГУ: оказалось, что это удобное расположение и благоприятная психологическая обстановка, т.е. достаточно опосредованные, напрямую не касающиеся трудовой деятельности аспекты (рис. 4).

Таблица 3

Планы о смене места работы, %

Планируете (не планируете) ли Вы искать новое место работы? (*один ответ*)	**ППС**	**АУП**	**Итого**
Эта работа меня устраивает	80,2	61,3	73,8
Хочу сменить работу	2,2	7,6	4
Еще не определился с планами	17,7	31,2	22,2

Рис. 4. Сильные стороны РГГУ

Что касается благоприятной психологической атмосферы, то, вероятно, важную роль играет эффект «организационной колеи» аналогичный «профессиональной колее» [7] — когда человек длительное время работает в одной организации, адаптируется, ему психологически комфортно в ней и достаточно тяжело принять решение об уходе на другое место работы, где придется все начинать сначала, да и с возрастом все сложнее меняться и адаптироваться к новым условиям (у 34 % опрошенных представителей АУП стаж работы в РГГУ свыше десяти лет). Эти причины повышают лояльность сотрудников администрации и заставляют их трудиться, несмотря на низкую заработную плату и несодержательный труд. Благоприятная психологическая атмосфера — противоречивый фактор лояльности организации, так как, с одной стороны, позволяет нивелировать конфликты, но, с другой стороны, может препятствовать внутривузовским реформам, например повышению эффективности путем дифференцированного премирования или перераспределению функционала, так как они затронут устоявшиеся трудовые практики и в итоге уничтожат благоприятную психологическую атмосферу.

Таким образом, концепция общественного договора применима на разных уровнях взаимодействия государства и общества, что позволяет расширить область ее использования и углубить наше понимание функционирования общественного договора. Так, социальный контракт в РГГУ, безусловно, сложился, о чем свидетельствуют результаты опроса, но для разных групп

сотрудников он имеет разные аспекты. Преподаватели нацелены на труд как содержательный процесс, им нравится преподавание и занятия наукой, которые к тому же неплохо оплачиваются. Администрация больше внимания уделяет условиям труда, сложившемуся коллективу, а содержание труда менее важно. Было выдвинуто предположение, что администрация лояльна вузу вследствие имеющих косвенное отношение к трудовой деятельности факторов (удобное территориальное расположение и эффект «организационной колеи»). В пространстве вуза сложились разные «жизненные миры» администрации и преподавателей — они пересекаются, но на основе разных трудовых практик, разных условий и содержания труда, что порождает непонимание и стереотипы относительно друг друга. Университет — не монолитное пространство, состоящее из однородных элементов, имеющих одинаковые цели и ценности, поэтому для успешного функционирования социального контракта в вузе необходимо дифференцировано работать с кадрами, создавая единую для всех вузовскую общность.

Информация о финансировании
Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект № 23-18-00093.

Примечание

(1) Социологический опрос «Труд работников РГГУ» был проведен методом онлайн-анкетирования в период со 2 по 21 октября 2024 года. Было опрошено 1124 респондента, что составляет 60 % генеральной совокупности: ППС — 742 респондента, из которых 599 штатных сотрудников, 143 внештатных сотрудника и почасовиков (67 %), АУП — 382 респондента (49 %); ошибка выборки составила 1,85 %.

Библиографический список

1. *Аузан А.А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
2. *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1991.
3. *Гольбах П.А.* Основы всеобщей морали или катехизис природы // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1963.
4. *Гореликов Е.С.* Особенности онтогенеза гражданского общества в России // Власть. 2024. Т. 32. № 2.
5. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М., 2020.
6. *Демидов Н.В.* Общественный договор в системе трудовых отношений современной России // Право. 2021. № 4.
7. *Ильин В.И.* Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 4.
8. *Ильичева Л.Е., Паршина Е.В.* Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства // Власть. 2024. Т. 32. № 2.
9. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
10. *Монтескье Ш.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1955.
11. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
12. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
13. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре: трактаты. М., 2000.
14. *Сеннетт Р.* Коррозия характера. Новосибирск; М., 2004.
15. *Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1.

16. *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6.
17. *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 3.
18. *Тощенко Ж.Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М., 2025.
19. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М., 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-413-424
EDN: ZJGWWX

Job satisfaction and loyalty of university staff in the context of social contract between the organization and the employee*

R.I. Anisimov

Russian State University for the Humanities,
Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. This article proposes considering social contract not only at the macrolevel (interaction of the people with the state), but also at other levels, since social contract exists at both regional and organizational levels. This approach allows for a broader application of the "social contract" concept and a better understanding of social interactions between its subjects. The article illustrates the proposed approach on the example of the social contract between university and its employees: this social contract is defined as a balance of interests between the organization and its employees, and its empirical indicators include job satisfaction and employee loyalty. Based on these theoretical-methodological principles, the author conducted an empirical study at the Russian State University for the Humanities in October 2024: in addition to teachers, respondents from the administrative-management staff were surveyed. The study identified the following parameters of the social contract: employees are satisfied with their work at the university and demonstrate high loyalty to the organization. However, there are discrepancies between the faculty and administrative staff in various aspects of the social contract. For teachers, the content of work is of great importance, while for administration rather working conditions and psychological atmosphere. Moreover, administrative staff salaries are lower than those of teachers. The author makes a conclusion that administration and teachers have different "life worlds", only partially overlapping in their goals and interests, which leads to misunderstandings and stereotyping of two groups. To successfully implement social contract at the university, it is necessary to consider aspects identified in the survey, interact with staff differently and develop a unified university community.

Key words: social contract; higher education; teachers; administration; job satisfaction; loyalty

* © R.I. Anisimov, 2026
The article was submitted on 26.10.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

For citation: Anisimov R.I. Job satisfaction and loyalty of university staff in the context of social contract between the organization and the employee. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 413–424. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-413-424 EDN: ZJGWWX

Funding
The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 23-18-00093.

References

1. Auzan A.A. Obshchestvenny dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Social contract and civil society]. *Mir Rossii*. 2005; 3. (In Russ.).
2. Hobbes T. *Sochineniya* [Works]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; 1991. (In Russ.).
3. Holbach P.H. *Osnovy vseobshchej morali ili katekhizis prirody* [Foundations of Universal Morality or Catechism of Nature]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; 1963. (In Russ.).
4. Gorelikov E.S. Osobennosti ontogeneza grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Features of the civil society ontogenesis in Russia]. *Vlast*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
5. Graeber D. *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Demidov N.V. Obshchestvenny dogovor v sisteme trudovyh otnosheniy sovremennoy Rossii [Social contract in the system of labor relations in contemporary Russia]. *Pravo.* 2021; 13 (4). (In Russ.).
7. Ilyin V. Professiya kak individualnaya zhiznennaya koleya: kontseptualizatsiya kategorii [Profession as an individual life path dependency: Conceptualization of the category]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoj Politiki*. 2015; 13 (4). (In Russ.).
8. Ilyicheva L.E., Parshina E.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo kak sub`ekty politiki sotsialnogo partnerstva [State and civil society as subjects of social partnership policy]. *Vlast.* 2024; 32 (2). (In Russ.).
9. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two treatises of government]. *Sochineniya*: in 3 vols. Vol. 3. Moscow; 1988. (In Russ.).
10. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 2 vols. Moscow; 1955. (In Russ.).
11. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow; 2008. (In Russ.).
12. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk; 1995. (In Russ.).
13. Rousseau J.J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [The Social Contract]. Moscow; 2000. (In Russ.).
14. Sennett R. *Korroziya kharaktera* [The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism]. Novosibirsk; Moscow; 2004. (In Russ.).
15. Toshchenko Zh.T. Zhiznenny mir i ego smysly [Life world and its meanings]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
16. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor kak noumen: opyt sotsiologicheskogo osmysleniya [Social contract as a noumenon: Sociological understanding]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 6. (In Russ.).
17. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor v rossiyskom ispolnenii: realnost i uroki [Social contract in Russian version: Reality and lessons]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie.* 2023; 3. (In Russ.).
18. Toshchenko Zh.T. *Sudby obshchestvennogo dogovora v Rossii: evolyutsiya idej i uroki realizatsii* [Fate of Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons]. Moscow; 2025. (In Russ.).
19. Florida R. *Kreativny klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow; 2016. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 425–441**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-425-441
EDN: ZJEINR

Учеба в России глазами китайских студентов*

С.А. Барков[1], Е.А. Свердликова[1, 2]

[1]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

[2]Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: barkserg@live.ru; sverdlikovaea@my.msu.ru)

Аннотация. Китайские студенты активно делятся своими впечатлениями от учебы в России в своих социальных сетях. Анализ представленной в них информации позволяет определить общее отношение к обучению в нашей стране, выявить наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются китайские студенты, раскрыть специфику восприятия процесса получения высшего образования и сравнить ее с той, что характерна для россиян. В рамках инициативного исследования группа китайских магистрантов кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета собрала информацию из китайских социальных сетей и произвела первичный количественный и качественный контент-анализ размещенных в них постов. В статье авторы — руководители инициативного проекта — представили результаты обобщенного анализа данных по отдельным направлениям исследования. В целом для китайцев характерно положительное отношение к учебе в России — студенты отмечают относительно небольшую стоимость и одновременно высокое качество образования по ряду направлений (естественные науки и литература). Негативной характеристикой служит отсутствие российских университетов в мировых рейтингах вузов или невысокие позиции в них. К наиболее острым проблемам учебы в России, которые часто воспринимаются как неразрешимые, китайцы отнесли языковой барьер, различия в питании («диетический дискомфорт») и климатические условия. Важнейшей особенностью восприятия китайцами высшего образования является его жесткая связь с возможностью трудоустройства на престижную работу — следствие тысячелетней практики сдачи экзаменов для получения высоких должностей в императорском Китае, поэтому в китайских социальных сетях так много постов о рейтингах вузов — только закончив университет с высоким рейтингом, китаец может претендовать на высокий социальный статус. Согласно представлениям россиян образование делает человека умным, а умный может быть как успешным, так и неуспешным в жизни; хорошее образование — только один из многочисленных факторов, способствующих получению богатства, власти и высокого места в социальной иерархии.

Ключевые слова: высшее образование; китайские студенты; учеба в России; экзамены; китайские социальные сети; языковой барьер; культурные различия; рейтинги вузов

Для цитирования: *Барков С.А., Свердликова Е.А.* Учеба в России глазами китайских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 425–441. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-425-441 EDN: ZJEINR

---

*© Барков С.А., Свердликова Е.А., 2026
Статья поступила в редакцию 24.10.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

За последние три десятилетия китайские студенты стали неотъемлемой частью контингента обучающихся в российских вузах. С социальной, экономической, политической и культурной точек зрения нельзя переоценить те возможности, которые открывает активное получение китайцами российского образования: многие лидеры Китая и представители ее элиты получали образование в СССР, что непосредственным образом способствовало налаживанию разнообразных контактов между китайцами и россиянами. В постиндустриальном обществе образование становится важнейшей основой политического нетворкинга [3] и инструментом «мягкой силы».

Обучение за границей продолжает набирать популярность среди студентов и молодых специалистов, стремящихся не только получить качественное образование, но и расширить профессиональные перспективы, обрести опыт международных коммуникаций и повысить свою конкурентоспособность на глобальном рынке труда. Глобализация и цифровая трансформация способствуют ускоренному обмену знаниями, технологиями и культурными ценностями, и международное обучение обретает не только академическое, но и социальное значение [1]. Учеба за рубежом предоставляет доступ к инновационным образовательным методикам, передовым научным исследованиям и уникальным академическим программам, которые зачастую недоступны в родной стране, а пребывание в мультикультурной среде способствует развитию креативности и навыков кросс-культурного общения, которые становятся основой успешной карьеры в международных компаниях [8].

Несмотря на очевидные преимущества, обучение за границей связано и с проблемами — это необходимость адаптации к иной культуре и изменениям в системе обучения, финансовые затраты и языковой барьер [4]. У китайских студентов в России возникают как отмеченные, так и другие проблемы, причем с трудностями сталкиваются и преподаватели, работающие с китайскими студентами. Все это объясняет необходимость получения обратной связи от этой категории обучающихся в нашей стране. Традиционно такая обратная связь собирается с помощью опросов, инициируемых администрацией вузов, в них принимают участие все студенты — и отечественные, и иностранные. Однако вопросы в соответствующих анкетах касаются преимущественно учебного процесса, конкретных предметов и преподавателей, а также самых общих проблем обучения. Более глубокое исследование данного проблемного поля сегодня возможно с использованием анализа социальных сетей, где студенты достаточно открыто высказываются относительно проблем обучения и связанных с ним явлений и процессов.

В год 270-летия Московского государственного университета кафедра экономической социологии и менеджмента провела инициативное ис-

следование восприятия образа университета, образовательного процесса и студенческой жизни на основе анализа постов в социальных сетях. Методология и методика исследования были неоднократно апробированы преподавателями кафедры в изучении других социальных явлений [2; 5] и в целом представляют собой синтез классического количественного контент-анализа с качественным анализом содержания и логики высказываний в социальных сетях. Первичную информацию собирали и обрабатывали китайские магистранты кафедры, работая с китайскими социальными сетями. Понятно, что во многом предметы исследований китайских и российских студентов пересекались, что дало возможность провести сравнительный анализ остроты и восприятия ряда проблем, поэтому в статье будут отсылки и к тому материалу, который собрали россияне в отечественных социальных сетях. Кроме того, в отличие от предыдущих исследований кафедры в данном случае преподаватели — авторы статьи — могли выступить не только как исследователи, но и как эксперты и дать комментарии к высказываниям китайских студентов (по результатам более чем тридцати лет работы с ними).

Прежде чем приступить к разбору особенностей студенческой жизни и проблем китайских студентов в России, следует сделать ряд общих замечаний относительно всего анализируемого материала. Во-первых, как и в других странах, в Китае подавляющее большинство постов в социальных сетях анонимны, созданы под ником, их нельзя соотнести с возрастом и полом пишущего и даже понять, в каком вузе он учится, хотя в значительном количестве сообщений на это есть указание. Во-вторых, высказывания в китайских социальных сетях чаще всего носят выраженную эмоциональную окраску, а в российских социальных сетях большой процент составляют нейтральные высказывания. У китайцев очень легко понять, положительную или отрицательную оценку человек дает тому явлению, о котором пишет, нейтральных сообщений мало. По всей видимости, китаец считает возможным высказаться, только когда сформировал четкое отношение к предмету. Китайцы не любят абстрактных рассуждений по типу «с одной стороны — с другой стороны». Впрочем, возможно, что они как читатели склонны приписывать всем высказываниям положительную или отрицательную окраску, а при оценке аналогичных высказываний россиянин отнес бы многие из них к эмоционально нейтральным.

В ходе исследования студенты анализировали наиболее популярные в Китае соцсети и цифровые платформы — Weibo, Kuglo, Xiaohongshu, Baidu Tieba, WeChat, Zhihu, Xhslink и Douyin. Они выбирали группы и сообщества студентов (относящихся к одному вузу или нет) и анализировали последние (за 2–3 года) посты о студенческой жизни и проблемах студентов. Был рассчитан удельный вес отдельных тем, определена общая эмоциональная окраска сообщений, выявлены временные изменения, отражающее разную

степень внимания к проблемам, затем проведен качественный анализ — выбраны наиболее яркие и содержательные суждения, отражающие суть отношения к определенному явлению или проблеме.

Обучение за рубежом

Первая группа китайских студентов анализировала восприятие китайцами учебы за рубежом (безотносительно России). Китайцы всегда активно получали образование за пределами страны, но это явление стало массовым и поддерживаемым государством после реформ Дэн Сяо Пина в 1980-е годы. В 1990-е годы в России даже был популярен анекдот: «Что такое американское образование? Это когда русский профессор учит китайских студентов на деньги американских налогоплательщиков». Несмотря на наличие внушительного количества китайских студентов в России, большинство китайцев едет получать высшее образование в другие страны: в постах об учебе за рубежом чаще всего упоминались американские и британские университеты, занимающие самые высокие позиции в международных рейтингах вузов.

Общее количество строк в отобранных сообщениях составило 433, содержащих полезную информацию — 206 строк (47,6 %). Для контент-анализа были отобраны следующие содержательные характеристики: улучшение знания иностранного языка; расширение кругозора; повышение конкурентоспособности на рынке труда; расширение сети контактов; усиление независимости и уверенности в себе; высокие расходы; проблемы питания; высокая учебная нагрузка; языковой барьер; культурная адаптация (табл. 1). Положительные и отрицательные оценки распределились приблизительно поровну, что отражает наличие как преимуществ, так и сложностей в процессе получения образования за пределами родной страны и свидетельствует о многообразии жизненного опыта студентов. Высокие финансовые затраты возглавляют список негативных факторов: видимо, обучение за рубежом — крупная инвестиция для большинства китайских семей. Плата за обучение, проживание, визовые и дорожные расходы часто выходит за рамки семейного бюджета, особенно в условиях экономической нестабильности и колебаний обменного курса. Вторая по значимости проблема — отсутствие возможности питаться, как дома: китайским студентам часто бывает трудно найти в чужой стране еду, соответствующую их личным предпочтениям или религиозным нормам, что сказывается на их здоровье и качестве жизни. Языковой барьер, занявший третье место среди проблем обучения за рубежом, оказывает непосредственное влияние на эффективность обучения и социализацию, поскольку студенты могут испытывать трудности с терминологией, академическим стилем письма и общением на бытовом уровне. Кроме того, у многих студентов возникает стресс от большой академической нагрузки и высоких требований.

Таблица 1

Удельный вес содержательных характеристик в общем массиве проанализированных сообщений по теме «учеба за рубежом»

Характеристика	Эмпирические индикаторы	%	
		до 2024	2024
Улучшение знания иностранного языка	Ежедневная практика аудирования через подкасты/фильмы, использование языковых приложений (Duolingo, Memrise), участие в языковых клубах, подготовка к международным экзаменам (IELTS/TOEFL)	4,8	11,3
Расширение кругозора	Посещение междисциплинарных лекций, чтение научно-популярной литературы, участие в культурных обменах, анализ кейсов из разных профессиональных сфер	7,7	11,3
Повышение конкурентоспособности на рынке труда	Прохождение стажировок, получение микро-сертификатов (Coursera), формирование портфолио проектов, участие в карьерных воркшопах	6	9,4
Расширение сети контактов	Посещение профессиональных митапов, использование LinkedIn для нетворкинга, участие в конференциях, создание коллабораций с представителями других вузов	8,9	8,3
Усиление независимости и уверенности в себе	Самостоятельное планирование долгосрочных целей, практика публичных выступлений, рефлексия личных достижений, развитие лидерских качеств	8,3	14,7
Высокие расходы	Трекер личных расходов (приложения MoneyFlow), поиск студенческих скидок, оптимизация бюджета на жилье/питание, использование краудфандинга для образовательных проектов	25,6	10,2
Проблемы питания	Анализ доступности привычных продуктов, время на адаптацию к местной кухне, частота употребления фастфуда из-за нехватки времени, использование сервисов доставки здорового питания	20,2	5,3
Высокая учебная нагрузка	Количество часов на подготовку к семинарам, использование методов Pomodoro для тайм-менеджмента, частота ночных занятий, динамика успеваемости при повышенных требованиях	3	9,8
Языковой барьер	Частота использования переводчика в академических работах, сложности в понимании лекций, ошибки в письменных заданиях, потребность в дополнительных консультациях	7,7	8,7
Культурная адаптация	Время на привыкание к новой образовательной системе, участие в адаптационных тренингах, изменение коммуникативных паттернов, использование местных традиций в повседневной жизни	7,7	10,9

Причины этих проблем различны: во-первых, многие китайские студенты не имеют стипендий или финансовой поддержки от государства или частных фондов и вынуждены полагаться на финансовую помощь своих семей или подработку для завершения учебы. Во-вторых, студенты сталкиваются с различиями в культуре и образе жизни (питании, режиме труда и отдыха, стиле общения, бытовых привычках и т.д.), а на адаптацию требуются время, силы и специальные умения. В-третьих, очевидна существенная разница между системами преподавания и академическими стандартами, поэтому студенты часто сталкиваются с неожиданными сложностями (особенностями взаимодействия с преподавателем и товарищами по курсу, непонятными основаниями для получения высокой оценки, новыми методами научного исследования). Участники коммуникаций в китайских социальных сетях отмечают, что обучение за границей, способствуя развитию способностей и карьерному росту, в то же время предъявляет повышенные требования к психологической устойчивости, финансовым возможностям и культурной адаптивности студентов.

Общая оценка учебы в России

Обучение в России обладает явными особенностями в сравнении с обучением в других странах, прежде всего западных. Для поиска информации о восприятии российского образования в китайских соцсетях, а также о проблемах китайских студентов в России магистранты ввели в поисковик следующие запросы: 俄罗斯 留学 — учеба в России; 中国 学生 俄罗斯 问题 — проблемы китайских студентов в России; 俄罗斯 教育 — российское образование; 俄罗斯 留学 生活 — жизнь студентов в России. Затем были отобраны соответствующие сайты и сообщества, после анализа отдельных постов и дискуссий были сформированы содержательные характеристики, отражающие наиболее обсуждаемые темы. Магистры, которым удалось собрать наиболее полную информацию, выделили следующие характеристики: языковой барьер; культурная адаптация; различия в образовании; отсутствие подходящих учебников; трудности с трудоустройством; качество образования; возможности исследовательской работы; культурный опыт; улучшение владения русским языком; международный опыт и развитие карьеры (табл. 2). Общий объем обработанных постов и комментариев в китайских соцсетях составил 427, количество полезных постов и комментариев — 221 (51, 8 %).

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении таблиц 1 и 2 — отсутствие во второй пункта, отражающего высокую стоимость обучения. В отличие от западных стран Россия предоставляет китайским студентам относительно недорогое образование, а в ситуации падения курса рубля оно может быть даже дешевле, чем на родине. Конечно, расходы студента за границей не ограничиваются формальной стоимостью обучения, но и сопутствующие расходы в нашей стране для иностранцев не так велики. Китайцы ценят качество российского образования, чаще всего отмечая естественные науки — прежде всего математику и физику.

Таблица 2

Удельный вес содержательных характеристик в общем массиве проанализированных сообщений по теме «проблемы учебы в России»

Характеристика	Эмпирические индикаторы	%	
		до 2024	2024
Языковой барьер	Затруднения в понимании учебных материалов, снижение эффективности коммуникации между преподавателями и обучающимися, ограниченность участия в научных конференциях и стажировках, психологический дискомфорт при публичных выступлениях	8,6	33,7
Культурная адаптация	Трудности в установлении контактов с местными жителями и студентами, необходимость понимания русских традиций, праздников и общения в повседневной жизни, различия в питании, отношении ко времени, уважению к личному пространству и манерам	19,6	6,4
Различия в образовании	Различия в подходах к обучению, количество самостоятельной работы, доля исследовательской и проектной работы, оценка знаний (экзамены), работа в командах, особенности преподавания (изложение материала)	17,6	3,5
Отсутствие подходящих учебников	Низкая доступность учебников в библиотеках и книжных магазинах, отсутствие дополнительной литературы, устаревшие или неподходящие учебные материалы, отсутствие обновленных изданий, соответствующих современным образовательным стандартам	3,9	13,4
Трудности с трудоустройством	Возросшая доля выпускников вузов, которые не могут найти работу в первые полгода после окончания учебы, увеличивающаяся разница между требованиями рынка труда и компетенциями молодых специалистов, превалирование временной или неполной занятости среди недавних выпускников (фриланс, подработка), недостаточно эффективная система профориентации и отсутствие отлаженных механизмов взаимодействия вузов с работодателями (стажировки, партнерские программы)	16,5	22,7
Качество образования	Низкий уровень зарплаты молодых специалистов по сравнению со среднерыночными показателями, отсутствие механизмов сотрудничества между вузами и работодателями (стажировки, практики)	2	9,3
Возможности и исследовательской работы студентов	Наличие современных научно-исследовательских лабораторий и оборудования, доступ к базам данных, электронным библиотекам и научным журналам, объем финансирования исследований и гранты, интеграция студентов в исследовательскую деятельность	10,6	0
Культурный опыт	Частота посещений культурных мероприятий (музеи, театры, выставки и т.д.), количество прочитанных книг, число подписок на культурные СМИ, блоги, подкасты, доля расходов на культурные развлечения, число публикаций/отзывов о культурных событиях в соцсетях, участие в культурных кружках, курсах, мастер-классах	4,7	2,3
Улучшение владения русским языком	Частота использования переводчика в академических работах, сложности в понимании лекций, ошибки в письменных заданиях, потребность в дополнительных консультациях	6,3	7
Международный опыт и развитие карьеры	Знание иностранных языков и опыт международного общения как фактор построения карьеры, возможности поработать в российских компаниях	10,2	1,7

Эти достоинства уравновешиваются, с точки зрения китайцев, существенным недостатком — отсутствием российских вузов в международных рейтингах или их невысокими позициями, что обуславливает сложности в трудоустройстве выпускников. Китайские студенты внимательно следят за международными рейтингами и обмениваются информацией по поводу повышения или понижения рейтинга тех вузов, в которых они учатся или собираются учиться. Вот типичный пост такого рода: «Программа по литературе имеет высокий международный рейтинг, но среднее признание на рынке труда для студентов, которые планируют остаться и работать в России» (1). Другая трудность в этом же блоке проблем связана с нежеланием российских компаний принимать на работу китайцев, закончивших российские вузы, что практикуется в ряде стран, где китаец получает не только диплом, но и опыт работы в международной среде, что позволяет вписать привлекательные для работодателя строки в резюме по возвращении из-за границы.

В китайских соцсетях обсуждаются самые разные проблемы, связанные с учебой в России — от специфики образовательного процесса до бытовых условий, но среди них можно выделить наиболее острые и часто упоминаемые: с ними сталкиваются практически все студенты, и большинство склонно причислять их к разряду неразрешимых.

«Неразрешимые» проблемы учебы в России

В действительности «неразрешимые» для китайских студентов проблемы трудно преодолимы, и только одна из них поистине неразрешима, но в восприятии китайских студентов и две другие настолько сложны и требуют так много сил, что могут считаться неразрешимыми. Первая проблема — языковой барьер: в таблице 2 видно, как много постов (особенно в последнее время) посвящено этой проблеме. Российские преподаватели солидарны с китайцами и ощущают на себе всю сложность преподавания в аудитории, которая просто не понимает, что ей говорят.

Китайский и русский язык относятся к наиболее трудным в изучении на планете, но при этом они очень разные. Их фонетика и грамматика настолько отличны, что следует признать: более 90 % китайских студентов, обучавшихся в России, никогда не смогут сносно говорить на русском языке, тем более недоступны для них научные дискуссии и русский стиль научного повествования. В результате они осваивают только небольшую часть того материала, который входит в проблемное поле российского высшего образования. Несмотря на это, китайцы высоко ценят возможность улучшить свое владение русским языком и активно пишут об этом в социальных сетях.

Проблема языкового барьера усиливается рядом сопутствующих факторов. Первый — свойственное для российских университетов компактное размещение китайских студентов в общежитиях. Китайцы чаще всего живут с китайцами, т.е. только небольшое время из своего бодрствования — часы

или даже минуты — говорят на русском языке. К сожалению, такая практика чаще всего устраивает и российских студентов, и китайских. Если же китайцы делят комнаты с россиянами, их языковая и культурная адаптация происходит намного легче. Вот типичный китайский пост: «Я живу в комнате общежития университета, а моим соседом является русский студент. Поскольку я только что приехал и не был знаком с окружающей обстановкой, он взял на себя инициативу отвезти меня в близлежащий супермаркет и на автобусную остановку, а также поделился некоторыми жизненными советами, например, как выбирать свежие продукты на местном рынке и как выгоднее оформить проездной на автобус. Если возникали проблемы в учебе, он с энтузиазмом помогал их решить и познакомил меня с методами и приемами изучения русского языка. Такая дружеская взаимопомощь позволила мне даже в чужой стране почувствовать тепло родного дома, и я быстро адаптировался к жизни в России» (2).

Второй фактор, обуславливающий языковой барьер, связан с цифровизацией. Китайцы активно освоили электронные переводчики и на лекциях не слушают преподавателя, а смотрят на перевод в смартфонах. Понятно, что такая практика не только нивелирует возможность изучить язык, но и подрывает мотивацию к этому.

Наконец, третий фактор — китайская культурная специфика. В книге американки китайского происхождения Цзинь Ли «Культурные основы обучения. Восток и Запад» [7], где детально проанализированы причины высокой успеваемости китайских студентов и их побед в международных студенческих соревнованиях и олимпиадах, отмечено, что китайцам свойственны упорство и скромность. Упорство полезно для изучения иностранных языков, а вот скромность совсем не то качество, которое способствует развитию навыков коммуникации. Скромность проистекает из боязни китайцев «потерять лицо», которая составляет важную часть восточных культур: китаец стесняется показаться смешным. Российские преподаватели часто сталкиваются с ситуацией, когда они задают простой вопрос китайской аудитории, и все молчат — боятся сказать что-то не то и глупо выглядеть в глазах товарищей. Гастарбайтеры из Средней Азии, которые никогда не учили русский язык, но не боятся разговаривать на «тарабарщине», уже через 2–3 года сносно обещаются с русскими, по крайней мере, могут объяснить, что им нужно, и в общих чертах понять собеседника. В то же время китайцы, имеющие дипломы лучших российских вузов, не могут не только высказать свои мысли по предмету, который изучали, но и общаться на бытовые темы.

Безусловно, русский язык, как и любой другой, можно выучить, и такие прецеденты существуют в Китае. В центре Пекина расположен рынок Ябаолу, где продаются вещи для иностранцев, прежде всего для туристов из России и стран СНГ. Там работают люди без высшего образования, большинство из них никогда не посещали курсы русского языка и не были

в России, но они бойко и с небольшим акцентом говорят по-русски, даже както умудряются записывать русские слова китайскими иероглифами. Однако китайские студенты, в подавляющем большинстве принадлежащие к более высокому классу общества и специально изучающие русский язык, в силу обозначенных выше особенностей не могут преодолеть языковой барьер и считают его для себя неразрешимой проблемой.

Вторая неразрешимая проблема, с которой китайцы сталкиваются не только в России, — проблема питания, или «диетический дискомфорт». Китайские блюда непохожи на то, что едят в других странах, для них нужны специальные ингредиенты, которые достаточно трудно найти за пределами Поднебесной, поэтому с проблемой питания китайские студенты сталкиваются по всему миру. Специфическим является и приготовление еды — чаще всего жарение в большом количестве масла. При этом в кухне собирается то, что русские люди называют чадом, и нужны хорошие вытяжки, которых нет в российских общежитиях. Очень точно ситуацию описал один китайский студент: «Если обратиться к приготовлению пищи, то домашняя жарка очень дымная… Во многих странах вытяжка — это просто украшение кухни! Китайские студенты часто готовят, постоянно оглядываясь на пожарную сигнализацию» (3).

Как и языковой барьер, проблема питания отчасти преодолима. В условиях глобализации и налаживания тесных экономических связей между Россией и Китаем многие китайские продукты становятся доступными в нашей стране, хотя их, конечно, нельзя найти в обычных российских магазинах. Главным направлением преодоления проблемы питания стало открытие китайских ресторанов и кафе в местах проживания китайцев. За последние годы в Москве появились сотни таких заведений общественного питания, многие доступны китайским студентам, но все время питаться к кафе дорого и неудобно. Поэтому в китайских соцсетях студенты постоянно обмениваются опытом приготовления пищи в российских условиях и жалуются на «диетический дискомфорт».

Наконец, действительно непреодолимую проблему для китайцев в России представляет климат. На севере Китая зимы бывают очень холодные, но подавляющее большинство китайских студентов никогда не сталкивались с холодами. Многие пишут о русской зиме как о времени, когда трудно выйти из зданий, требуется специальная одежда и высока вероятность заболеть. Интересно, что китайцы видят в климате объяснение других проблем, с которыми сталкиваются в России. В частности, плохое состояние многих общежитий они объясняют дороговизной ремонта в условиях холодного климата. При наличии северных регионов в своей стране (например, Харбина и окрестностей) китайцы не понаслышке знают, насколько дороже строить и ремонтировать здания, которые рассчитаны на морозы. Уроженцы нашей страны в большинстве своем винят в отсутствии ремонта руководи-

телей, а китайцы пишут, что ремонт стоит дорого и поэтому значительная часть жилого фонда университетов находится в ненадлежащем состоянии: «С одной стороны, российские общежития имеют долгую историю, многие из них построены еще в советский период, и вполне естественно, что они приходят в негодность. С другой стороны, холодный климат России также сильно удорожает содержание и ремонт зданий общежитий» (4).

Общая логика восприятия образования китайскими и русскими студентами

Логическим началом к определению «китайского» отношения к образованию послужили упоминавшиеся многочисленные посты студентов о рейтингах университетов. Российские соцсети полны сообщений, содержащих критику таких рейтингов, например: «Как человек, учившийся и преподававший в США и Китае, скажу просто: лучше МГУ нет. МГУ — номер 1 в мире, а рейтинги дутые и лживые. Раньше Запад только их составлял, теперь и Китай стал» (5). В китайских сетях такого не увидишь: китайцы воспринимают данные о рейтингах как абсолютно объективную информацию, всецело ориентированы на то, чтобы поступить и закончить учебное заведение, которое занимает высокое место в рейтинге. В чем причины принципиального отличия отношения россиян и китайцев к рейтингам? Ответ — в трактовке связи образования и рынка труда. Для описания рынка труда в нашей стране китайцы использовали термин, который перевели на русский язык как «неструктурированный»: в России образование, полученное в хорошем вузе, не гарантирует престижное место работы и вообще счастье в жизни. В Китае — в условиях «структурированного» рынка труда — дела обстоят иначе. В рейтинги верят и работодатели, и чиновники, и рядовые китайцы, поэтому диплом престижного вуза почти автоматически обеспечивает хорошую заплату, высокий социальный статус и самые широкие перспективы в реализации жизненных стратегий.

Истоки такой ситуации можно найти в истории страны. Китайское общество в течение тысячелетий имело строго иерархическое строение, и для занятия высоких мест в иерархии сдавали экзамены. Если они это делали успешно, то поднимались вверх по социальной лестнице автоматически. Система кэцзюй просуществовала с 605 по 1905 годы и сформировала специфический институциональный контекст развития образования и общественного отношения к нему. Сегодня социальный статус не определяется близостью к императору или уровнем в чиновничьей иерархии, но общее отношение к вертикальной карьере осталось прежним, только экзамены, организуемые государством, заменил диплом о высшем образовании. Важнейшим этапом в жизни китайца стал гаокао — государственный вступительный экзамен в вузы (аналог нашего ЕГЭ). Но так как университетов много, важен не просто диплом — только с дипломом «хорошего» университета можно занять

высокое место в государстве или корпорации. Для определения «хорошего» университета и существуют рейтинги, и в них нужно верить, чтобы вся система работала, и люди, хорошо сдавшие экзамены, закономерно продвигаются вверх по социальной лестнице.

В России система экзаменов для повышения социального статуса не приживалась никогда, хотя попытки ее введения не раз имели место. От дореволюционных попыток остался веселый рассказ А.П. Чехова «Экзамен на чин», в котором показано, насколько нелепыми были и воспринимались экзаменационные процедуры оценивания знаний у людей, проработавших долгие годы, для получения соответствующего чина. В начале XXI века с тем же успехом пытались ввести экзамены для руководителей государственных унитарных предприятий, не подвергшихся приватизации (6). В 2022 году эти экзамены были отменены Государственной Думой (7).

Образование в нашей стране всегда было только одним из факторов получения хорошей работы и повышения социального статуса, и речь не только о пресловутых связях. У русских людей всегда было понимание, что для успешного руководства или хорошего исполнения должностных обязанностей специалиста высокого класса образования недостаточно. Так, Президент России ввел программу продвижения в руководители участников военных действий — «Время героев»: в ее рамках никто не будет смотреть на то, какой вуз закончил будущий руководитель, проявивший себя в экстремальных условиях, и тем более на какие оценки он сдавал экзамены. Появился новый социальный лифт для попадания в элиту страны, о чем говорят и чиновники, и журналисты, причем этот лифт не связан с образованием.

Понятно, что речь идет прежде всего об особенностях общественного мнения в России и Китае, хотя они обусловлены реальными социальными практиками. В обеих странах существуют люди, получившие хорошее образование, но не добившиеся успеха. В Китае такие случаи считают исключениями, подтверждающими правило, — люди верят в образование как инструмент повышения социального статуса, поэтому китайские семьи немалую часть своего бюджета откладывают на образование детей. В России указанные случаи воспринимаются как показательные и реально нарушающие жесткую связь образования с успехом: можно вспомнить судьбу высокообразованных людей в эпоху революции 1917 года; в 1990-е годы у всех на виду были те, кто не мог найти работу, несмотря на отличную учебу; на протяжении всей нашей истории, начиная с торговца пирожками А.Д. Меньшикова, не сдававшего ни одного экзамена и ставшего вторым человеком в государстве, образование не воспринималось как гарантия жизненного успеха. В России люди получают образование, чтобы быть умными, в Китае — чтобы получить хорошую работу и быть богатыми.

Из разных предпосылок выстраивается принципиально разное отношение к учебе и всем ее элементам. Так, китайские студенты активно конку-

рируют друг с другом и даже обижаются, когда их представляют «законченными» коллективистами: «Китайские университеты известны высокой конкуренцией среди студентов. Ежегодные рейтинги успеваемости и вступительные экзамены создают напряженную атмосферу. Однако это стимулирует академические достижения: 90 % выпускников топ-вузов Китая трудоустраиваются в течение полугода» [9]. Китайские студенты и в своей стране, и за ее пределами реально борются за «место под солнцем». Если же образование воспринимается как абстрактное благо, можно легко кооперироваться в получении знаний, что и делают российские студенты. «В интервью для “Коммерсанта” декан МФТИ Игорь Семенов подчеркнул: “Наши студенты редко конкурируют за оценки. Вместо этого они объединяются в группы для решения сложных задач — от моделирования климата до разработки спутников”. Например, в 2022 году команда из пяти студентов МИСиС совместно создала материал для защиты космических аппаратов, получив международный патент. Один из участников, Алексей Козлов, сказал: “Здесь ценят не лидерство, а умение работать вместе. Даже если проект провалится, мы учимся на ошибках всей командой» (8). Интересно то, что для россиян вопрос о конкуренции и кооперации в вузах вообще не актуален и даже не понятен: группа русских студентов, которым была дана эта тема для анализа в соцсетях, с заданием не справилась — под кооперацией они чаще всего понимали дружбу, а под конкуренцией — конфликтные ситуации, в частности, «стукачество» старост групп при фиксации присутствия на лекциях и семинарах.

В Китае налицо фетишизация экзаменов, что прослеживается в соцсетях. Часто китайцы высказывают свое неудовольствие тем, что в России для подготовки к экзамену по курсу предоставляют мало времени. Также одним из культурных барьеров для них служит практика выставления финальной оценки на основе «достижений» в течение семестра — активности на занятиях, участия в проектах (особенно групповых), выполнения домашних заданий и др. Экзамен для китайца — решающий момент в жизни, снижение его важности и роли в образовании воспринимается как нечто неправильное. Для россиян (и для студентов, и для преподавателей) экзамен — часто формальность, несравнимая по значению с реальным получением знаний и только «удостоверяющая» их получение, как печать удостоверяет подпись.

О чем умолчали китайские студенты (вместо заключения)

В целом в китайских соцсетях нашлось много информации об учебе в России — поступлении в российские вузы, особенностях образовательного процесса, проживании в общежитиях, общении с преподавателями и однокурсниками, проведении досуга и др. Но есть тема, которая не нашла отражение в отчетах по результатам контент-анализа, — относительная легкость получения образования в России. Отсутствие такой информации может иметь двоякое объяснение: с одной стороны, обучающиеся и обучавши-

еся в нашей стране китайцы не хотят, чтобы их воспринимали как людей, «ищущих легкие пути в жизни», что может быть непосредственно связано с боязнью «потери лица»; с другой стороны, не исключена возможность, что такая информация имеется в соцсетях, но китайские студенты сознательно умолчали о ней (о том, что в целом не сильно напрягаются, чтобы получить российский диплом).

Информация по этой теме появилась у российских студентов: с ними китайцы могут быть достаточно откровенными, и такие мнения китайцев об образовании в России попадают не в китайские, а в российские соцсети. Выяснилось, что там много соответствующих постов, например: «Както общался с несколькими ребятами, которые приехали из Китая, говорили, что одна из причин, по которой он/она выбрали МГУ, связана с тем, что здесь им легче получить образование (в плане самого процесса, про поступление не знаю), чем в Китае, как минимум, с них спрос меньше. Поэтому я бы не ориентировался на количество китайцев как метрику для оценки “силы” вуза» (9); «Учусь в МГУ, учился в Пекине, лично знаю кучу китайцев, все говорят одно и то же: поступают в МГУ, потому что поступить легче, чем в китайский вуз» (10).

Мы в силу своей долгой работы с китайскими студентами можем выступить в качестве экспертов по исследуемой проблеме и со всей определенностью заявить, что для китайцев в российских вузах делается «большая скидка» в том, что касается освоения материалов курсов и проставления финальных оценок (по крайне мере в гуманитарных подразделениях вузов). Преподаватели «входят в положение» иностранцев, не знающих русский язык, но пытающихся что-то усвоить, и оценивают не столько реальные знания, сколько стремление их получить. Причины такой ситуации множественны. Общекультурной причиной служит уже ставший традицией пиетет перед иностранцами. О нем писали как классики литературы (начинания с А.С. Грибоедова с его французиком из Бордо, который чувствовал себя в России царьком), так и отечественные философы и социологи (вплоть до наших дней): «Поразительно преклонение у нас перед иностранцами. Казалось — разденься голым, укрась себя перьями или надень пеструю скатерть и начни лопотать бессмыслицу, и перед тобой откроются двери любой гостиницы, музея, бара. Тебя встретят с почетом и поклонами» [6. С. 478]. Понятно, что такое отношение к иностранцам составляет не столько причину относительной легкости обучения китайцев в России, сколько культурный фон для ее реализации на практике. Но все же весьма «либеральное» отношение к китайским студентам укладывается в общую тенденцию, характерную для нашей страны уже не одно столетие.

Более существенные причины сложившейся ситуации связаны как с укреплением двухсторонних отношений между Россией и Китаем, так и с выгодой, которую получают вузы от китайских студентов. Лояльность

к студентам из дружественной страны выглядит вполне закономерной. Причем традиционно качество образования в учебном заведении подтверждалось в том числе наличием иностранных студентов. В сложившихся геополитических условиях основным контингентом иностранных студентов были и остаются китайцы, поэтому с точки зрения имиджа вуза присутствие в числе его студентов китайцев — существенный плюс в создании позитивной репутации. Кроме того, нельзя забывать об экономической выгоде: китайские студенты приносят вузам дополнительные деньги, увеличивая их бюджет, поэтому администрация и преподаватели готовы идти на компромиссы в отношении оценки их знаний и навыков.

В заключение следует отметить, что ситуация в сфере образования меняется очень быстро, и образование китайских студентов в России здесь не исключение. Уже через несколько лет во многих аспектах (кроме описанных выше неразрешимых проблем) положение дел с обучением данного контингента может приобрести новые специфические черты. Преподаватели все в большей мере осваивают методы работы с китайскими студентами, разрабатывают новые методики, совершенствуют стиль общения с ними. Вузы начинают активно адаптировать управленческие, административные, организационные и иные практики к запросам китайцев. Одновременно новые возможности и угрозы возникают в связи со стремительной цифровизацией образования. Поэтому исследование, результаты которого представлены в статье, будет целесообразно продолжить, хотя выделенные базовые характеристики восприятия китайцами российского образования с высокой долей вероятности останутся неизменными и могут стать основой совершенствования практик их обучения и проживания в нашей стране.

Примечания

(1) Пост на китайской образовательной платформе Zhihu от 3.10. 2024 года. URL: https://www.zhihu.com/answer/XXXXX.
(2) Пост из китайской соцсети Zhihu от 18.08.2024. URL: https://www.zhihu.com/question/4354578885.
(3) Пост из китайской соцсети Xhslink от 7.08.2023. URL: http://xhslink.com/a/E5gq9u6Hk8b7.
(4) Пост из китайской соцсети Xiaohongshu от 16.04.2024. URL: https://www.xiaohongshu.com/discovery/item/661dd54d000000000d030d6f?source=webshare&xhsshare=pc_web&xsec_token=ABAqLfMUsabM2sF1OwNJwvZixJ1ewMw8OjIFmytGoGCzI=&xsec_source=pc_share.
(5) Пост из российской соцсети VK от 18.08.2023. URL: https://vk.com/wall-54295855_448314?reply=448326.
(6) Постановление Правительства РФ от 16.03.2000 № 234 «О порядке заключения трудовых договоров и аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий».
(7) Федеральный закон от 29.12.2022 № 645 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”».
(8) Материал из новостной ленты цифровой платформы КоммерсантЪ в разделе «Образование». 25.02.2023. URL: https://www.kommersant.ru/education.

(9) Пост из российской соцсети VK от 18.08.2023. URL: https://vk.com/wall-54295855_448314?reply=448326.
(10) Там же.

Библиографический список

1. *Альтбах Ф.Дж.* Глобальные перспективы высшего образования. М., 2018.
2. Артефакты организационной культуры / под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.
3. *Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В.* Политический нетворкинг и высшее образование элит // ЭКО. 2025. № 1.
4. *Береговая О.А., Кудашов В.И.* Интернационализация высшего образования в условиях глобализации // Перспективы науки и образования. 2019. № 3.
5. Виртуальные русские и их экономические реалии / под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой. М., 2019.
6. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. М., 2014.
7. *Цзинь Ли.* Культурные основы обучения. Восток и Запад. М., 2017.
8. *Deardorff D.K.* Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in International Education. 2006. Vol. 10. No. 3.
9. *Wei Zhang.* Taming the Wild Horse of Shadow Education: The Global Expansion of Private Tutoring and Regulatory Responses. N.Y., London: Routledge, 2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-425-441
EDN: ZJEINR

Studying in Russia in the Chinese students' opinion*

S.A. Barkov, E.A. Sverdlikova

[1]Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

[2]RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: barkserg@live.ru; sverdlikovaea@my.msu.ru)

Abstract. Chinese students actively share their impressions about studying in Russia on their social media. The analysis of such information allows to identify their general attitudes towards studying in our country, the most pressing challenges faced, specific perceptions of the higher education, and compare them with those of Russian students. As a part of initiative research of materials posted on social media about higher education and student life, a group of Chinese Master's students of the Department of Economic Sociology and Management of the Moscow State University collected information on these topics from Chinese social media and conducted a primary quantitative and qualitative content analysis. In this article, the authors — supervisors of the project — present the results of a comprehensive analysis of the data collected in specific areas of the study. In general, Chinese students have a positive attitude towards studying in Russia, mentioning such its main advantages as the relatively low cost and high quality of education

*© S.A. Barkov, E.A. Sverdlikova, 2026
The article was submitted on 24.10.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

in some fields (mainly natural sciences and literature). The absence of Russian universities in global university rankings or their low positions is considered the main negative characteristic. Chinese students name the language barrier, food differences (which they call “dietary discomfort”) and climate as the most pressing challenges of studying in Russia, which are often perceived as insurmountable. The key feature of the Chinese perception of higher education is its strong connection with getting a prestigious job. This connection stems from the millennia-old practice of passing exams for high positions in imperial China (keju). This is why there are so many posts about university rankings on Chinese social media — only by graduating from a highly ranked university can a Chinese hope for a high social position. Such a strong connection is not typical for Russians who believe that education makes a person intelligent, but an intelligent person can be successful or unsuccessful in life. Good education is only one of many factors of wealth, power and a high place in the social hierarchy.

Key words: higher education; Chinese students; studying in Russia; examinations; Chinese social media; language barrier; cultural differences; university rankings

For citation: Barkov S.A., Sverdlikova E.A. Studying in Russia in the Chinese students’ opinion. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 425–441. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-425-441 EDN: ZJEINR

References

1. Altbach Ph.G. *Globalnye perspektivy vysshego obrazovaniya* [Global Perspectives on Higher Education]. Moscow; 2018. (In Russ.).
2. *Artefakty organizatsionnoi kultury* [Artifacts of Organizational Culture]. Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov. Moscow; 2023. (In Russ.).
3. Barkov S.A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. *Politichesky netvorking i vysshee obrazovanie elit* [Political networking and higher education of elites]. *ECO*. 2025; 1. (In Russ.).
4. Beregovaya O.A., Kudashov V.I. *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v usloviyah globalizatsii* [Internationalization of higher education under globalization]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. 2019; 3. (In Russ.).
5. *Virtualnye russkie i ih ekonomicheskie realii* [Virtual Russians and Their Economic Realities]. Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov, A.V. Markeeva. Moscow; 2019. (In Russ.).
6. Likhachev D.S. *Zametki o russkom* [Notes on the Russian]. Moscow; 2014. (In Russ.).
7. Jin Li. *Kulturnye osnovy obucheniya. Vostok i Zapad* [Cultural Foundations of Education. East and West]. Moscow; 2017. (In Russ.).
8. Deardorff D.K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in International Education*. 2006; 10 (3).
9. Wei Zhang. *Taming the Wild Horse of Shadow Education: The Global Expansion of Private Tutoring and Regulatory Responses*. New York; London; 2023.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 442–454**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-442-454
EDN: ZEMHXC

Двойной конфликт ценностей в контексте ESG-трансформации*

М.Л. Ивлева[1], Е.В. Нежникова[1], Н.Б. Сафронова[2,3]

[1]Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

[2]Московский государственный строительный университет
Ярославское ш., 26, Москва, 129337, Россия

[3]Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 86, Москва, 119517, Россия

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; nezhnikova-ev@rudn.ru; safronovanb@mgsu.ru)

Аннотация. В статье представлено исследование восприятия ESG-повестки (Environmental, Social, Governance — экологическая, социальная ответственность и корпоративное управление) студенческой молодежью в контексте профессиональной социализации. Актуальность проблематики обусловлена отставанием российского бизнеса в реализации принципов устойчивого развития и ключевой ролью системы высшего образования в формировании кадрового потенциала для ESG-трансформации. Цель исследования — преодоление поверхностного анализа информированности и сравнительно-социологическое изучение ценностных ориентаций будущих специалистов из нескольких профессиональных групп. Методологическую основу исследования составила теория базовых ценностей Ш. Шварца, эмпирическую базу — результаты анкетирования студентов управленческих (РАНХиГС, РУДН) и инженерно-строительных (МГСУ) специальностей. Главным результатом опроса стало выявление «двойного конфликта ценностей»: первый конфликт лежит в плоскости индивидуальных приоритетов — это напряженность между традиционными карьерно-материальными ориентациями будущих специалистов и ESG-ценностями альтруистической направленности; второй, более масштабный конфликт — это межпоколенческий ценностный разрыв, существенное отличие ценностного профиля группы студентов от общенационального «защитно-стабилизационного» типа. Если для общества в целом доминирующей ценностью является безопасность, то у студентов формируется индивидуально-гуманистический ценностный профиль с приоритетами доброты (фокус на межличностные отношения) и самостоятельности (стремление к независимости), а ценность безопасности отходит на третий план. Это создает область потенциального ценностного консенсуса с ESG-повесткой в ее социальном (S) аспекте, но одновременно зону отчуждения в отношении ценностей стабильности и безопасности, значимых для общества и традиционного бизнеса. Таким образом, успешная интеграция ESG-принципов в стратегические цели развития экономики требует от системы высшего образования не просто передачи знаний, а последовательной работы

*© Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б., 2026
Статья поступила в редакцию 09.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

по устранению двойного конфликта — между личными карьерными целями студентов и требованиями устойчивого развития, между их инновационными стремлениями и доминирующим в обществе защитным консерватизмом.

Ключевые слова: ESG; ценностные ориентации; ценностные матрицы; теория Шварца; профессиональная социализация; студенчество; безопасность; устойчивое развитие; сравнительный анализ

Для цитирования: *Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова, Н.Б.* Двойной конфликт ценностей в контексте ESG-трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 442–454. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-442-454 EDN: ZEMHXC

Стратегия устойчивого развития, выраженная в ESG-повестке и получившая формализацию и широкое распространение в 2000-е годы благодаря инициативам ООН (1), трансформировалась из добровольной инициативы в систему требований инвесторов, регуляторов и потребителей. Для современной экономики ESG — императив, означающий, что долгосрочная финансовая устойчивость и конкурентоспособность компании неразрывно связаны с ее вкладом в решение общественных и экологических проблем, а также с безупречной репутацией, что напрямую влияет на ее стоимость, доступ к финансированию, лояльность клиентов и управление рисками. Формальным подтверждением этого тренда является, например, Директива Европейского Союза (2) о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD), вступившая в силу в 2023 году и сделавшая такую отчетность обязательной для тысяч компаний. Однако вовлеченность российского бизнеса в ее реализацию отстает от уровня тех ведущих стран, с которыми Россия сотрудничает на международных рынках [1] (хотя такое сравнение проводить сложно вследствие множества рейтингов): «По итогам 2024 года видна позитивная динамика отчетности – все больше компаний публикуют нефинансовые данные. Увеличилось число компаний-дебютантов ESG-отчетности, но в масштабах российского рынка их доля остается крайне низкой. Важным элементом ESG-стратегий также остается информирование и обучение по вопросам устойчивого развития» (3).

Сложность подготовки кадров для реализации принципов ESG в деятельности компаний связана с тем, что социальная справедливость, ответственность перед будущими поколениями, честность и открытость не могут быть сведены к регламентам и инструкциям — в их основу заложены ценности, без личного принятия которых даже самая строгая регламентация не даст долгосрочного результата. Поэтому, прежде чем вводить ESG-повестку в образовательное пространство вузов при подготовке кадров, необходимым понимать, как и в какой степени ценностные ориентации представителей студенчества совпадают с ценностями, лежащими в основе ESG-принципов. Такие исследования (см., напр.: [9; 17]) часто ограничиваются констатацией среднего уровня осведомленности о принципах устойчивого

развития, не раскрывая механизмов, определяющих это восприятие (система личностных ценностей). Наша цель — сравнительно-социологический анализ ценностных оснований восприятия ESG-повестки будущими специалистами, что необходимо для успешного формирования общекультурных и профессиональных компетенций, обеспечивающих будущим акторам знания и мотивы для успешной реализации ESG-принципов независимо от сферы деятельности, что, в свою очередь, важно для устойчивости российской экономики. Теоретической основой исследования выступает теория базовых ценностей Ш. Шварца [35], которая позволяет диагностировать индивидуальные приоритеты и выявлять динамические отношения между ценностями, формирующими сложные паттерны поведения и профессиональной идентичности (см., напр.: [10–12; 29]).

В научной литературе отсутствует единая трактовка понятия «ценностные ориентации», что обусловлено многомерностью феномена и различиями в методологических подходах [24]. С позиций структурно-функционального анализа обращение к четкому разграничению понятий «ценности» и «ценностные ориентации» — методологическая необходимость: стабильность общества как целостной системы обеспечивается разделением функций и, что критически важно, наличием разделяемой всеми системы ценностей [4; 22], которые трактуются как абстрактные, коллективно разделяемые представления о желаемом, выполняющие функцию нормативных эталонов и легитимирующие социальный порядок. Однако для объяснения социального действия и, в частности, его вариативности внутри нормативной системы требуется понятие, связывающее общие ценности с индивидуальным поведением. В теоретико-методологической традиции, восходящей к концепции социального действия М. Вебера [20], ценностные ориентации понимаются как результат субъективной интерпретации общественных ценностей, как индивидуальная иерархия значимости, формирующая персональную «матрицу» выбора и оценки ситуаций [29]. Таким образом, если ценности (например, справедливость, безопасность) представляют собой объективный элемент социальной системы, то ценностные ориентации — их субъективное преломление в сознании индивида, обусловленное опытом, воспитанием и социальной позицией.

Данная дифференциация получила развитие в рамках Чикагской социологической школы**,** представители которой сместили исследовательский фокус с макроструктур на взаимосвязь личности и социальной среды [16], что заложило основания для операционализации связи между социальными нормами (ценностями) и индивидуальным поведением через внутренние диспозиции (ценностные ориентации). Дальнейшее развитие базовых теоретических концепций ценностей привело к формированию ряда практико-ориентированных направлений (см., напр.: [2; 5; 13; 32; 34]), например, механизмы формирования социальных норм, ситуативная динамика ценностного

выбора и согласование индивидуально-групповых приоритетов остаются ключевыми темами в изучении трудовой мотивации и организационного поведения.

Для эмпирического исследования была избрана модель Ш. Шварца [36], популярность которой для «измерения» ценностей определяется устойчивостью психометрик, кросс-культурной валидностью, широким использованием в связи с понятными формулировками абстрактных ценностей без привязки к профессиональным особенностям, в том числе применительно к молодежи (см., напр.: [6; 7; 10; 23]). Методика Шварца предлагает универсальную типологию из 10 ценностей [30], объединенных в четыре макрогруппы: открытость изменениям (самостоятельность, стимуляция, гедонизм), сохранение (безопасность, конформность, традиции), самоутверждение (власть, достижения), самопреодоление (доброта, универсализм). Данная модель позволяет анализировать не только отдельные ценности, но и динамические отношения между ними, выявляя ценностные конфликты и слияния, которые формируют сложные паттерны поведения и профессиональной идентичности [23].

Эмпирическая база исследования — результаты анкетирования студентов бакалавриата в РАНХиГС, РУДН [17] и НИУ МГСУ (N = 297). Использовалась адаптированная методика портретного ценностного вопросника Шварца (PVQ Portrait Value Questionnaire) [12]. Расчет средневзвешенных баллов для 10 базовых ценностей позволил построить ценностные профили групп, статистическая значимость различий между группами оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Анкетирование проводилось в 2024–2025 учебном году, опросник включал следующие тематические блоки: измерение ценностных ориентаций по методике Шварца (7-балльная шкала, 30 вопросов), оценка уровня осведомленности об ESG-концепции и приоритетов в распределении бюджета на ESG-инициативы (10-балльная шкала), анализ карьерных предпочтений. Для обеспечения репрезентативности отслеживалось соответствие выборки гендерной и возрастной структуре генеральной совокупности.

Результаты анкетирования сравнивались с данными общенационального опроса «Россияне о перспективах 2024», проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2024 году [8], которые показали доминирующие ценностные тенденции в российском обществе. Цель сопоставления — не экстраполяция данных студенческой выборки на общество, а выявление вектора ценностных различий**.** Общество выступает как носитель доминирующей, институционализированной ценностной матрицы (защитно-стабилизационный тип), и сравнение с ней показывает, насколько ценностный профиль будущих специалистов (как будущих агентов изменений) отклоняется от «нормы». Опрошенные студенты (менеджеры, экономисты, строители) — будущие агенты ESG-трансформации, которым предстоит работать в условиях, за-

даваемых общими социально-экономическими и регуляторными трендами. Сравнение ценностей студентов с общепринятыми позволяет спрогнозировать потенциальный конфликт или консенсус при реализации ими принципов устойчивого развития внутри существующей системы [28; 31].

Согласно данным общенационального опроса, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН, в российском обществе четко выражен защитно-стабилизационный ценностный профиль, сфокусированный на безопасности, социальной справедливости и стабильности базовых социальных институтов (табл. 1). Приоритет безопасности и общественного порядка (37 %) и семейных ценностей (37 %) отражает существующий в обществе запрос на стабильность и защищенность в макро- и микросоциальной среде, что может быть обусловлено как внешнеполитической, так и социально-экономической ситуацией. Высокие позиции социальной справедливости (34 %) подтверждают ориентацию на сохранение традиционных институтов и принципов распределительной справедливости.

Таблица 1

Ценностные приоритеты российского общества [8]

Ранг	Ценность	%
1	Безопасность и общественный порядок	37,2
1	Семейные ценности	36,6
2	Социальная справедливость	33,8
3	Свобода и права человека	30,7
3	Патриотизм	30,4

Ценностные ориентации студентов (объединенные данные по направлениям подготовки менеджеров и строителей) демонстрируют существенные отличия от общенационального ценностного профиля: если для общества характерен защитно-стабилизационный профиль, то для студенчества — индивидуально-гуманистический профиль (авторы понимают ограничения сравнения общенационального и локального ценностного «срезов») (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия ценностей: общество — студенчество

Ценностный кластер	Общество	Студенчество
Сохранение	Безопасность, семья (1 место)	Безопасность (3 место)
Самопреодоление	Социальная справедливость (2 место)	Доброта (1 место)
Открытость изменениям	Свобода (3 место)	Самостоятельность (2 место)

Высшая ценность для студентов — доброта, что говорит о фокусе на межличностных отношениях, вторая по значимости — самостоятельность, отражающая стремление к независимости, а ценность безопасности, доминирующая в общественном сознании, у студентов выражена значительно слабее. Студенчество, разделяя базовые для общества ценностные приоритеты семьи и справедливости, демонстрирует более выраженную ориентацию на самореализацию, личную свободу и качество межличностных отношений, нежели на коллективную безопасность и традиционные идеологические маркеры.

В ходе сравнительного анализа по двум профессиональным группам студентов были выявлены различия между их ценностными профилями, предположительно детерминированные профессиональной социализацией (табл. 3).

Таблица 3

Ценностные ориентации студентов (средние баллы по 7-балльной шкале)

Ценность	Менеджеры (n = 158)	Строители (n = 139)
Доброта	5,72	5,83
Самостоятельность	5,77	5,75
Безопасность	**5,18**	**5,96**
Универсализм	5,55	5,08
Гедонизм	5,38	5,23
Стимуляция	4,93	4,96
Достижение	**4,83**	**4,01**
Традиция/Конформность	4,78	4,82
Власть	**3,97**	**3,12**

Студенты-менеджеры демонстрируют синтез ценностей открытости изменениям и самопреодоления: высокие баллы по самостоятельности (5,77) и стимуляции (4,93) указывают на стремление к независимости, новизне и готовность к риску, что сочетается с добротой (6,02) и универсализмом (5,55) и отражает широкую просоциальную направленность. Студенты-строители сфокусированы на сохранении и самопреодолении в узком круге: абсолютный приоритет доброты (5,83) в ближнем круге (семья, друзья, коллектив), высокое значение безопасности (5,96) (потребность в стабильности, порядке и предсказуемости), менее выраженная, чем у менеджеров, ценность власти (3,12). Наибольшее расхождение прослеживается по таким позициям, как безопасность — выше у строителей, достижение и власть — выше у менеджеров.

Гипотеза о различиях в осведомленности и значимости ESG повестки для двух групп студенчества подтверждается данными, приведенными в таблице 4: у менеджеров познавательная активность в сфере ESG имеет внутреннюю мотивацию, подпитываемую ценностями самостоятельности (стремление быть в тренде, понимать контекст) и универсализма (интерес к глобальным проблемам), которые находят отражение в повестке устойчивого развития. Для строителей характерна внешняя мотивация к познанию ESG — их ведущие ценности доброты и безопасности не находят прямой смысловой связи с абстрактной концепцией. Низкая приверженность ценности универсализма объясняет, почему экологическая составляющая (E) является слабым мотиватором.

Таблица 4

Уровень осведомленности об ESG-концепции, %

Уровень осведомленности	Менеджеры	Строители
Активное понимание (знают термин и значение)	78,7	25
Пассивное знакомство (знали термин, но не полностью понимали)	10,6	16,1
Ошибочное восприятие (считали, что относится только к экологии)	6,4	16,1
Поверхностное знакомство (встречали, но не знали значения)	0	8,9
Полная неосведомленность (не встречали термин)	4,3	33,9

Анализ предпочтений (табл. 5) в финансировании ESG-направлений позволяет определить приоритеты в реализации ESG-инициатив.

Таблица 5

Приоритеты в распределении бюджета на ESG-инициативы (средний балл по 5-балльной шкале)

Направление ESG	Менеджеры	Ранг	Строители	Ранг
Сохранение экосистем (E)	2,79	1	2,97	1
Декарбонизация производства (E)	1,05	1	2,04	2
Льготы сотрудникам с детьми (S)	1,69	3	2,03	3
Рабочие места для инвалидов (S)	1,37	5	1,17	5
Внутрикорпоративные СМИ (G)	1,51	4	1,36	4
Корпоративный конкурс ESG-инициатив (G)	2,07	2	1,05	6

Менеджеры отдают приоритет корпоративному управлению (G), что соответствует выбранным ими ценностям власти и самостоятельности: они видят в управлении фундамент для системных изменений и достижения стратегических целей. Строители абсолютным приоритетом считают экологию (E), что является прямым следствием профессионального опыта и прагматизма, а второе место социальной политики (S) идеально согласуется с их доминирующей ценностью доброты (забота о коллективе и людях, для которых они строят).

Необходимо отметить, что ценностные ориентации влияют на карьерные предпочтения будущих специалистов (табл. 6). Высокий интерес менеджеров к самозанятости и фрилансу коррелирует с высокими показателями ценностей самостоятельности и стимуляции. Предпочтения строителей основаны на выборе традиционных форм занятости (бизнес или работа по найму), что согласуется с высокой ценностью безопасности.

Таблица 6

Карьерные предпочтения студентов, %

Карьерная ориентация (кем хочет стать)	Менеджеры	Строители
Владельцем/совладельцем бизнеса	60,9	64,7
Суперпрофи в своей профессии	54,3	59,3
Самозанятым/фрилансером	47,8	23,2
Наемным работником в должности руководителя	19,6	48,8
Пока не знаю	2,2	8,1

Таким образом, на макросоциальном уровне существует фундаментальное противоречие между доминирующим в обществе защитно-стабилизационным ценностным запросом и необходимостью перехода к модели устойчивого развития (ESG), которая требует открытости изменениям, инновациям и глобальной ответственности. Это противоречие не нивелируется, а, напротив, усугубляется и дифференцируется в социально-профессиональных группах студенчества: различия в восприятии ESG-повестки будущими менеджерами и строителями носят не поверхностный, а ценностно-мотивационный характер — это разрыв между стратегическим, интегративным мышлением, с одной стороны, и операционно-прагматическим — с другой.

По сути, данный разрыв воспроизводит структурный конфликт между стратегией и исполнением в организациях, но без его преодоления успешная ESG-трансформация экономики будет затруднена, так как стратегические установки, носителями которых являются менеджеры, не будут находить адекватной реализации на операционном уровне, где работают строители.

Менеджеры с их установкой на стратегию, универсализм и самостоятельность видят в ESG органичную основу для преобразований, а строители с их фокусом на прагматике, безопасности и доброте в ближнем кругу воспринимают ESG как внешний, оторванный от реальности набор норм. Следствием этого двойного конфликта ценностных матриц является системный кризис восприятия и реализации ESG-повестки: стратегические установки, формируемые у одной группы будущих специалистов (менеджеров), не находят ценностного отклика и адекватного воплощения у другой группы (строителей), что ставит под сомнение саму возможность целостной ESG-трансформации российской экономики: подобные профессиональные ценностные разрывы служат барьером для внедрения принципов устойчивого развития, несмотря на их декларируемую важность.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при грантовой поддержке ФГСН РУДН в рамках инициативного проекта «Идеологический капитал как новый “перфоманс” идеологии в современном российском обществе» № 100941-0-000.

Примечания

(1) Principles for Responsible Investment. 2006. URL: https://www.unpri.org.

(2) Commission Delegated Regulation (EU) 2023/2772 of July 31, 2023 supplementing Directive 2013/34/EU of the European Parliament and of the Council as regards sustainability reporting standards. URL: http://data.europa.eu/eli/reg_del/2023/2772/2025-01-01.

(3) Нефинансовая отчетность переходит на национальные стандарты. URL: https://expert.ru/rating/arkhiv_r/ekonomikar/reyting-ustoychivogo-razvitiya-kompaniy-rossiir/nefinansovaya-otchetnost-perekhodit-na-natsionalnye-standarty.

Библиографический список

1. Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». Количественный этап. М., 2022.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб., 2001.
3. *Арендачук И.В.* Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1991.
5. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
6. *Зеленков М.Ю.* Особенности формирования ценностных ориентаций современной молодежи России // Конфликтология/Nota Bene. 2023. № 4.
7. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4.
8. *Иванов В.Н.* Идеология: pro et contra. М., 2025.
9. *Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б.* Влияние ценностных ориентаций молодежи на восприятие ESG-повестки // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
10. *Исаев А.В., Алексеенок Е.А.* Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1.
11. *Карабущенко Н.Б., Чхиквадзе Т.В.* Ценностно-ориентационная составляющая психологии профессиональной элиты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 2.

12. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
13. *Кононова Т.М.* Формирование ценностных ориентаций молодежи на этапе высшего образования // Академический вестник. 2009. № 3.
14. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984.
15. *Левин К.* Динамическая теория личности // Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
16. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. М., 2000.
17. *Молчанов,С.В.* Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование. 2005. Т. 10. № 3
18. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
19. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Сравнительный подход как базовая исследовательская ориентация: ключевые методологические проблемы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4.
20. *Осипова Н.Г., Епишев С.О.* Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 гг. // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3.
21. *Парсонс Ф.* Выбор профессии. М., 2021.
22. *Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю.* Ценностные ориентации молодежи в структуре межпоколенных отношений на начальном этапе профессионального развития // Мир педагогики и психологии. 2021. № 12.
23. *Расторгуев С.В.* Методологические подходы к изучению ценностей молодежи в современном российском научном дискурсе // Власть. 2025. № 1.
24. *Санькова О.А.* К проблеме формирования ценностных ориентаций современной молодежи // Образование и общество. 2019. № 3.
25. *Сусленко В.В.* Ценностные ориентации личности как предмет социально-философского исследования. М., 2008.
26. *Троцук И.В., Савельева Е.А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4.
27. *Федотова В.А.* Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского госуниверситета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1.
28. *Фролов С.С.* Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп // Управление. 2016. № 1.
29. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. Т. 9. № 1.
30. *Шереги Ф.И.* Политические установки студентов российских вузов // Социологические исследования. 2013. № 1.
31. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013.
32. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.
33. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y., 1973.
34. *Schwartz S.H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden, 2003.
35. *Schwartz S.H.* An overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. No. 1.
36. *Yaban E.H., Sayil M.* The intergenerational similarity of social value orientations in adolescents and emerging adults: Variable-centered and person-centered approaches // Journal of Social & Personal Relationships. 2021. Vol. 38. No. 9.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-442-454
EDN: ZEMHXC

Double conflict of values under the ESG transformation*

M.L. Ivleva[1], E.V. Nezhnikova[1], N.B. Safronova[2,3]

[1]RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

[2]Moscow State University of Civil Engineering,
Yaroslavskoe Sh., 26, Moscow, 129337, Russia

[3]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 86, Moscow 119571, Russia

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; nezhnikova_ev@rudn.ru; safronova@ranepa.ru)

Abstract. The article presents a study of student perceptions of the ESG (Environmental, Social, and Governance) agenda in the context of professional socialization. The relevance of this issue is determined by the lag of Russian business in implementing sustainable development principles and by the key role of the higher education system in developing human resources for ESG transformation. The study aims at overcoming superficial awareness analysis and conducting a comparative sociological analysis of the value orientations of future specialists from several professional groups. The methodological basis of the study is Schwartz's theory of values, and the empirical base is the results of the survey of students majoring in management (RANEPA, RUDN University) and engineering-construction (MGSU). The authors identified a "double conflict of values": the first conflict lies in the realm of individual priorities — it is the tension between the traditional career-oriented, materialistic orientations of future specialists and the altruistic ESG values; the second, more widespread conflict is a generational value gap, a significant difference between the value profile of students and the national "protective-stabilizing" type. While security is the dominant value in the Russian society, students have a more individual-humanistic value profile that prioritizes kindness (focusing on interpersonal relationships) and autonomy (striving for independence), while the value of security is less significant. This creates an area of potential value consensus with the ESG agenda in its social (S) aspect and a zone of alienation with respect to the values of stability and security, which are significant for society and traditional business. Thus, for the successful integration of ESG principles into strategic economic development goals the higher education system should consistently eliminate the double conflict between students' personal career goals and the demands of sustainable development, between students' innovative aspirations and the society's protective conservatism.

Key words: ESG; value orientations; value matrices; Schwartz's theory; professional socialization; student youth; security; sustainable development; comparative analysis

For citation: Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. Double conflict of values under the ESG transformation. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 442–454. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-442-454 EDN: ZEMHXC

Funding
This research was supported by the grant (No. 100941-0-000) from the RUDN University (Faculty of Humanities and Social Sciences) as part of the funded R&D project "Ideological Capital as a New "Performance" of Ideology in the Contemporary Russian Society".

*© M.L. Ivleva, E.V. Nezhnikova, N.B. Safronova, 2026
The article was submitted on 09.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Analitichesky otchet “Itogi monitoringa tsennostnyh orientatsiy sovremennoj molodezhi 2022”. Kolichestvenny etap [Analytical report “Results of monitoring the value orientations of today’s youth in 2022”. Quantitative stage]. Moscow; 2022. (In Russ.).
2. Ananyev B.G. *O problemah sovremennogo chelovekoznaniya* [On Issues of Contemporary Studies of Humanity]. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
3. Arendachuk I.V. Dinamika tsennostno-smyslovyh kharakteristik sotsialnoy aktivnosti sovremennoy molodezhi [Dynamics of the value-semantic characteristics of the contemporary youth’s social activity]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics.* 2018; 15 (3). (In Russ.).
4. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1991. (In Russ.).
5. Zdravomyslov A.G. *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values]. Moscow; 1986. (In Russ.).
6. Zelenkov M.Yu. Osobennosti formirovaniya tsennostnyh orientatsiy sovremennoy molodezhi Rossii [Features of the formation of the contemporary Russian youth’s value orientations]. *Konfliktologiya/Nota Bene.* 2023; 4. (In Russ.).
7. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Samoregulyatsiya smyslozhiznennyh tsennostey v kulturnom prostranstve molodezhi [Self-regulation of life-purpose values in the youth’s cultural space]. *Vestnik Instituta Sotsiologii.* 2019; 10 (4). (In Russ.).
8. Ivanov V.N. *Ideologiya: pro et contra* [Ideology: Pro et Contra]. Moscow; 2025. (In Russ.).
9. Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. Vliyanie tsennostnyh orientatsiy molodezhi na vospriyatie ESG-povestki [The influence of value orientations of the youth on the perception of the ESG agenda]. *RUDN Journal of Sociology.* 2025; 25 (2). (In Russ.).
10. Isaev A.V., Alekseenok E.A. Tsennostnye predpochteniya i ozhidaniya sovremennoy molodezhi v sfere truda: sotsiologichesky analiz [Value preferences and expectations of today’s youth in the sphere of labor: Sociological analysis]. *Izvestiya Tulskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2023; 1. (In Russ.).
11. Karabushchenko N.B., Chkhikvadze T.V. Tsennostno-orientatsionnaya sostavlyayushchaya psikhologii professionalnoy elity [Value-orientation component of the psychology of the professional elite]. *Akmeologiya.* 2013; 2. (In Russ.).
12. Karandashev V.N. *Metodika Schwartza dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz’s Method for Studying Personal Values: Concept and Methodological Guide]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
13. Kononova T.M. Formirovanie tsennostnyh orientatsiy molodyozhi na etape vysshego obrazovaniya [Formation of value orientations of the youth at the stage of higher education]. *Akademichesky Vestnik.* 2009; 3. (In Russ.).
14. Kon I.S. *V poiskah sebya: Lichnost i ee samosoznanie* [In search of Oneself: Personality and Self-Awareness]. Moscow; 1984. (In Russ.).
15. Lewin K. Dinamicheskaya teoriya lichnosti [A dynamic theory of personality]. *Teoriya polya v sotsialnyh naukah*. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
16. Leontiev D.A. *Test smyslozhiznennyh orientatsiy* [Test of Life-Meaning Orientations]. Moscow; 2000. (In Russ.).
17. Molchanov S.V. Osobennosti tsennostnyh orientatsiy lichnosti v podrostkovom i yunosheskom vozrastah [Features of personal value orientations in adolescence and youth]. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie.* 2005; 10 (3). (In Russ.).
18. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossiyskih studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students’ life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology.* 2014; 2. (In Russ.).
19. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sravnitelny podkhod kak bazovaya issledovatelskaya orientatsiya: klyuchevye metodologicheskie problemy [Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems]. *RUDN Journal of Sociology.* 2015; 15 (4). (In Russ.).

20. Osipova N.G., Epishev S.O. Sotsialnoe neravenstvo i molodezh: klyuchevye trendy 2020 g. [Social inequality and the youth: Key trends of 2020]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2021; 27 (3). (In Russ.).
21. Parsons F. *Vybor professii* [Choosing a Vocation]. Moscow; 2021. (In Russ.).
22. Petrash M.D., Strizhitskaya O.Yu. Tsennostnye orientatsii molodezhi v strukture mezhpokolennyh otnosheniy na nachalnom etape professionalnogo razvitiya [Value orientations of the youth in the structure of intergenerational relations at the initial stage of professional development]. *Mir Ppedagogiki i Psikhologii.* 2021; 12. (In Russ.).
23. Rastorguev S.V. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu tsennostey molodezhi v sovremennom rossiyskom nauchnom diskurse [Methodological approaches to the study of the youth's values in the contemporary Russian scientific discourse]. *Vlast*. 2025; 1. (In Russ.).
24. Sankova O.A. K probleme formirovaniya tsennostnyh orientatsiy sovremennoy molodezhi [On the formation of value orientations of today's youth]. *Obrazovanie i Obshchestvo.* 2019; 3. (In Russ.).
25. Suslenko V.V. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak predmet sotsialno-filosofskogo issledovaniya* [Personal Value Orientations as an Object of Social-Philosophical Research]. Moscow; 2008. (In Russ.).
26. Trotsuk I.V., Savelieva E.A. Sravnitelnye issledovaniya tsennostnyh oriyentatsiy: vozmozhnosti, ogranicheniya, logika razvitiya [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development]. *RUDN Journal of Sociology.* 2015; 15 (4). (In Russ.).
27. Fedotova V.A. Tsennosti rossiyan v kontekste vozrastnyh razlichiy [Russians' values in the context of age differences]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya.* 2017; 1. (In Russ.).
28. Frolov S.S. Individualnye matritsy tsennostey kak osnova korrektsii povedeniya chlenov sotsialnyh grupp [Individual value matrices as a basis for correcting the behavior of social groups members]. *Upravlenie.* 2016; 1. (In Russ.).
29. Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovyh individualnyh tsennostey: primenenie v Rossii [Refined theory of basic individual values: Application in Russia]. *Psikhologiya.* 2012; 9 (1). (In Russ.).
30. Sheregi F.I. Politicheskie ustanovki studentov rossiyskih vuzov [Political attitudes of students of Russian universities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2013; 1. (In Russ.).
31. Yadov V.A. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsialnogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-Regulation and Prediction of Social Behavior of the Individual: Dispositional Theory]. Moscow; 2013. (In Russ.).
32. Yanitsky M.S. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema* [Personal Value Orientations as a Dynamic System]. Kemerovo; 2000. (In Russ.).
33. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York; 1973.
34. Schwartz S.H. Mapping and interpreting cultural differences around the world. *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden; 2003.
35. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Readings in Psychology and Culture*. 2012; 2 (1).
36. Yaban E.H., Sayil M. The intergenerational similarity of social value orientations in adolescents and emerging adults: Variable-centered and person-centered approaches. *Journal of Social & Personal Relationships*. 2021; 38 (9).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 455–474**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-455-474
EDN: YSYFEX

Статус профессии инженера и перспективы профессиональной биографии: оценка студентов технических вузов*

Е.М. Колесникова[1], И.А. Куденко[2]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

[2]«Куденко консалтинг — глобальные услуги по оценке и исследованиям»,
Бишофсхолер Дамм, 40, Ганновер, 30173, Германия

(e-mail: kolesnikova@mail.ru; irkudenko@googlemail.com)

Аннотация. Сегодня остается актуальной дискуссия о недооценке труда инженеров и нежелании выпускников профильных вузов работать по специальности. Цель исследования — представить мнения студентов инженерных направлений подготовки о своей будущей профессии, диверсифицированности рынка труда и его влиянии на их будущее. Эмпирическая база статьи — данные опроса студентов, проведенного в 2024 (N = 610) и 2015 (N = 290) году. В целом доход, карьера и социальная ответственность — важные составляющие представлений студентов о профессиональной занятости, инженерной профессии и своих карьерных траекториях. Студенты полагают, что профессия инженера востребована, она видится ими как сфера открытых возможностей, но они отмечают различные пути профессионального будущего, признавая, что достоинства и недостатки потенциальных рабочих мест скажутся на их социальном статусе. В представлениях студентов государство формирует варианты практической занятости инженеров, обеспечивающие умеренные достижения и стабильность, тогда как частный сектор воспринимается как источник высоких заработков и успешной карьеры. Экспертный опрос позволил дополнить эту картину значением корпоративной культуры разных организаций. Чтобы привлечь и сохранить молодых специалистов, ориентированных на меритократию, необходимо помнить о важности ощущения ими конкурентоспособного баланса между ответственностью и привилегиями рабочего места. Профессиональные сообщества ориентированы на сочетание высокого уровня образования, знаний, опыта и социального статуса: для решения инженерных проблем требуются не только глубокие теоретические знания, но и практический опыт, непрерывное профессиональное развитие и корпоративная культура, основанная на партнерстве.

Ключевые слова: социология профессий; социальная мобильность; инженеры; профессионализация; социальный статус; карьера; профессиональные группы/сообщества

---

*© Колесникова Е.М., Куденко И.А., 2026
Статья поступила в редакцию 27.11.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: *Колесникова Е.М., Куденко И.А.* Статус профессии инженера и перспективы профессиональной биографии: оценка студентов технических вузов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 455–474. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-455-474 EDN: YSYFEX

Сегодня много говорят о том, что нужно делать все возможное, чтобы выпускники вузов шли работать по специальности, в частности молодые инженеры. Прежде чем обсуждать, почему выпускники вузов не хотят идти в профессию, необходимо понять, насколько для них важна именно профессиональная занятость, которая подразумевает сочетание ответственности и привилегий, и какие варианты карьеры они в принципе рассматривают. Вопрос о том, как сбалансировать социальную ответственность и привилегии в профессиональном труде, — классический для исследований профессий: «Мы доверяем наше здоровье врачу, а наше состояние и иногда нашу жизнь и репутацию — юристу и адвокату. Такое доверие нельзя без риска оказать людям, находящимся в очень бедственном или низком положении. А, следовательно, и вознаграждение их труда должно быть таким, чтобы давать им в обществе ранг, коего требует столь важное доверие» [9]. При решении этого вопроса нельзя не учитывать внутреннюю дифференциацию рынка труда в рамках каждой профессии. Сочетание разных уровней ответственности и объема привилегий исторически сформировало многогранную среду, в которой сосуществовали разные модели практики профессионалов: от врача в сельской местности до руководителя профильного департамента или главного врача элитной клиники в столице; от рядового инженера в провинциальном городе до ведущего конструктора крупного завода; от технического сотрудника судебного аппарата до высшего должностного лица прокуратуры.

Классическим решением рассматриваемого вопроса считались взаимовыгодные отношения между традиционными профессиями и национальным государством: первые обеспечивали общество социально значимыми услугами, а государство гарантировало им высокий статус, стараясь сглаживать внутрипрофессиональное неравенство [9]. Эта модель начинает давать сбои с началом неолиберальной политики с ее рыночными критериями оценки труда, глобализации экономик и производства, развития технологий, осложняя ситуацию со статусом и независимостью профессионалов. В профессиях распространяются практики, базирующиеся на жесткой экономии ресурсов, строгом регламенте, интенсивных нагрузках, ограниченном или плохо контролируемом внедрении технологий и, как результат, меньшем пространстве для принятия самостоятельных решений, накопления опыта и профессионального роста. Профессии начинают испытывать серьезные проблемы с привлекательностью и престижем, уже работающим профессионалам и молодым специалистам становится все сложнее сохранять интерес к профессии-

ональным практикам, которые проигрывают в сравнении с другими рабочими местами, доступными для специалистов с их навыками.

Казалось бы, инженер сегодня востребован и является одной из ключевых фигур на производстве (1), что объяснимо на фоне санкций и контрсанкций, существенного государственного финансирования промышленности и импортозамещения. Социально-профессиональные позиции инженеров оцениваются как вполне успешные [11], но ситуация не столь однозначна. В частности, для промышленности (классической сфера труда инженера) характерны одновременно высокая экономическая эффективность, ориентация на государственный заказ [3], сокращение затрат на исследования и разработки (по сравнению с высокотехнологичными отраслями в целом) (2), низкая производительность труда [1] и политика высокой занятости [6]. Аналогичная ситуация наблюдается на предприятиях несырьевых секторов экономики, в частности в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, строительстве и транспорте [14]. Несмотря на спрос на инженеров, продолжаются дискуссии о недооценке их труда и неоднозначности характеристик рабочих мест как среди профессионалов (3), так и социологов [5; 16; 18].

Теоретическая основа исследования — неовеберианский подход, трактующий профессиональные группы как статусные: статус достигается за счет закрепления за профессиями исключительных прав предоставлять определенные услуги на рынке труда [12; 20] и контролировать условия труда [27; 41], т.е. оптимально для профессионалов уравновешивать ответственность и привилегии. Профессиональные группы способны устанавливать связи между высоким уровнем формального образования и желаемыми социальными позициями и/или вознаграждениями для всей группы, преобразовывать экспертное знание в рыночные возможности, привилегии, общественное признание или высокое положение в иерархии государственного аппарата. Соответственно, престижные профессии (медицина, правоведение, преподавание и инженерия) — это мощные группы интересов, которым удавалось закрепить за собой доминирующее, фактически монопольное положение в своих сферах (медицинские услуги, юридическая практика, образование, наука и высокие технологии). Достигаются и воспроизводятся высокие статусные позиции через механизмы «социального закрытия» — систему подготовки и сертификации, контроль над содержанием труда. Профессии стремятся отгородиться от влияния государства, организованного капитала, менеджериального контроля в целях сохранения автономии в условиях труда, что позволяет поддерживать символические и материальные привилегии профессий (доход, престиж, автономия) [12].

Стратегии, институционализированные в период индустриального капитализма и государства всеобщего благосостояния, сегодня сталкиваются с новыми вызовами: сокращение влияния государства на экономическую и социальную среду, передача в частные руки предприятий и учреждений

общественного сектора, экспансия транснациональных компаний трансформируют традиционные условия труда профессионалов. Профессия перестает быть безусловным монополистом и превращается в один из институтов, вынужденных бороться за выживание в окружении иных, родственных институциональных форм [12], что становится серьезным испытанием для фундаментальных механизмов социального закрытия профессий. Частные корпорации и крупные коммерческие структуры, функционирующие в сфере профессиональных услуг и активно внедряющие новые технологии на рабочих местах, вступают в конкурентную борьбу с независимыми экспертами, что разрушает сложившуюся монополию профессий на определенные рыночные ниши, тем самым оспаривается обязательность и общегрупповой характер привилегий профессий (доход, престиж, автономия). В данном контексте важное значение обретает восприятие студентами-инженерами своих будущих профессиональных траекторий — с каким работодателем они связывают карьеру и какой социальный статус ожидают получить, т.е. как будущие члены профессионального сообщества интерпретируют актуальное состояние и перспективы профессионального проекта «инженер».

В социологии профессий традиционное определение свободного профессионала предполагает независимого специалиста, ведущего частную практику, или консультанта, обладающего высоким общественным положением [25]. Ключевые черты такого профессионала — автономия от коммерческих мотивов и административного давления, приоритет интересов граждан и общества, фокус на обеспечении высокого качества предоставляемых услуг [36], ориентация на профильные ассоциации и их этические кодексы [9]. Профессиональная деятельность до сих пор часто называется фидуциарной — подразумевает обязательство специалиста действовать исключительно в интересах клиента, так как взаимоотношения между ними основаны на доверии, и организацию работы на принципах саморегуляции внутри профессионального сообщества равных (коллег), в отличие от корпоративного бизнеса и государственной бюрократии с их иерархией наемных работников [28; 42].

По мере распространения высокотехнологичных и крупномасштабных производств, неолиберальной политики, крупных частных и государственных корпораций на рынке труда независимая практика уступает место найму профессионалов как штатных сотрудников, поэтому профессии вынуждены по-новому выстраивать отношения с государством, бизнесом и клиентами [24; 26; 29; 40; 41]. Исследователи говорят о депрофессионализации и пролетаризации труда, делая упор не на теоретическом противоречии профессиональных и организационных императивов, а на фактическом доминировании последних [2; 15; 17; 30] и профессионализации организаций [23]. Статус профессионала ситуативно может пересматриваться — от непререкаемого эксперта до консультанта [24; 31]; отношения с работодателем переосмысли-

ваются [9; 19], трактуются как сложные [33; 34; 38], но с возможностью совпадения и пересечения интересов [24]. Несмотря на сохраняющиеся различия труда в государственном и частном секторах [32; 37; 38], в обоих случаях работодатель по-прежнему ориентирован не просто на компетентного и высококвалифицированного работника, а на профессионала (trustee professional), хотя и в современной трактовке — мотивированного, преданного работе, заинтересованного в общении и сотрудничестве с коллегами, клиентами и заказчиками в организационных и профессиональных рамках [22].

В инженерной профессии наемный труд стал доминирующим трендом уже в конце XIX — начале XX века как в России (4), так и в других странах [34], важнейшим следствием чего стал иной способ развития экспертного знания (локализации его внутри организаций и их коллективов), принадлежность авторских прав на технологии бизнесу, а не профильным экспертам и профессиональным сообществам, что может существенно ограничивать статус профессии и менять трактовку профессиональной роли. С другой стороны, инженеры могут развиваться, работая в крупных и высокотехнологичных проектах, которые не по карману малому и среднему независимому предпринимательству [21; 34]. Сегодня высокий статус профессии не может в полной мере определяться противопоставлением наемному труду, и рынок труда профессионалов диверсифицирован: государственные структуры, крупные и международные организации все чаще выступают в роли работодателей, и профессии вынуждены принимать во внимание их стандарты и ожидания, чтобы сохранить и укрепить свои позиции.

Соответственно, представления студентов о статусе профессии были структурированы по трем основаниям: 1) социально-экономическая составляющая — мнения о потенциальном доходе и дополнительных социальных благах по месту занятости (соцпакет), благоприятных рыночных позициях (востребованность профессии на рынке труда и потенциальное качество жизни, обеспечиваемое профессией); 2) властная позиция — представления о потенциальных должностях и клиентах, карьерных перспективах, автономии на рабочем месте (возможности принятия самостоятельных решений по ключевым аспектам деятельности), типах отношений на работе; 3) социокультурная составляющая — мнение о профессии как полезной для общества (обеспечивающей его социально значимыми услугами), престижной (вызывающей доверие и почтение), интересной и дающей возможности самореализации. Были опрошены студенты технических вузов Москвы и Самары — городов с длительной историей промышленного сектора и профильными учреждениями высшего образования (подготовка инженеров для разных отраслей): Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский политехнический университет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Исследование стало продолжением проекта «Инженерные династии России»

(2015–2017) [7], но в статье акцент сделан не на сопоставлении результатов, а на выявлении стабильных трендов в мнениях студентов о статусе профессии и рынке труда инженера, о том, как они влияют на перспективы карьеры.

В опросе приняли участие 610 (290 в 2015 году) студентов (300 в Москве и 310 в Самаре), и доля девушек — 28 % (27 % в 2015 году) (5). Учитывался как социальный капитал студентов (ресурс, получаемый от семьи) в форме социально-профессионального статуса отца, так и человеческий капитал — ресурсы, приобретаемые в результате свободного выбора и личных усилий (успеваемость и курс обучения). Доля студентов с высоким показателем социального капитала (чьи отцы занимали/занимают позиции «предприниматель», «руководитель предприятия/подразделения») — 46 % (36 % в 2015 году), с низким (специалист, служащий, рабочий) — 37 % (41 %). Доля студентов с высоким накопленным человеческим капиталом (самооценкой академической успеваемости на уровне «отлично» и «хорошо») — 71 %, с низким («удовлетворительно» и «плохо») — 29 % (62 % и 37 % в 2015 году соответственно). Опрос студентов был дополнен полуструктурированными экспертными интервью: практикующие инженеры и представители профильных образовательных организаций (N = 5) прокомментировали результаты опроса и поделились своими мыслями на тему исследования.

Статус и мотивы выбора профессии. Отправной точкой анализа были представления студентов об особенностях высокостатусной занятости, их мотивы выбора инженерной профессии и планы работать по специальности. Высокий доход и карьерные шансы, хорошие условия труда и «возможность приносить пользу обществу», улучшая жизнь других благодаря своей профессии — наиболее существенные для студентов характеристики труда, которые позволяют в принципе считать профессию инженера «высокостатусной» (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики «высокостатусных» профессий, %

Характеристики	2015	2024
Возможность достойного дохода	66	69
Возможность карьерного роста	60	53
Хорошие условия труда	41	36
Возможность приносить пользу обществу	32	41
Возможность самостоятельно принимать решения на рабочем месте	30	23
Ощущение уважения за свой труд	16	25
Чувствовать уважение за свой труд со стороны государства	16	17
Возможность контролировать/влиять на решения государства в отношении профессии	14	16

Свой выбор инженерного направления студенты мотивируют статусом профессии и возможностью выполнять сложную и интересную работу (особенно те студенты, кто хорошо учится) (табл. 2).

Таблица 2

Мотивы выбора профессии инженера/обучения в техническом вузе, объединенные группы мотивов (по 4 варианта в каждой подгруппе), %

Мотив	Год	В целом	Статус отца «высокий» / «низкий»	Самооценка успеваемости «высокая» / «низкая»
«содержание труда»	2015	24,6	26 / 24,9	27,6 / 19,6
	2024	26	25 / 28,4	28,2 / 20
«случайный выбор»	2015	16,8	13 / 17,9	15 / 20,6
	2024	13	13 / 12,3	10,2 / 20
«статус профессии»	2015	40	35 / 43,7	40,8 / 37,8
	2024	47	45 / 49	48,4 / 43
«рекомендации семьи и знакомых»	2015	18,6	26 / 13,5	16,6 / 22
	2024	14	17 / 10,3	13,2 / 17
Количество выборов	2015	619	242 / 245	399 / 214
	2024	1525	696 / 585	1105 / 416

Студенты считают свою профессию востребованной и перспективной — 94 % отметили, что «в ближайшее время нашему обществу понадобится больше таких специалистов». Большинство не только планируют работать по профессии после завершения обучения (69 % в 2024 году и 58 % в 2015), но и полагают, что будут успешны в ней (69 и 61 %). Наиболее существенный вклад в данный результат вносят студенты с хорошей успеваемостью (накопленным человеческим капиталом) — 75 % с высоким и 52 % с низким капиталом в 2024 году и 65 и 44 % — в 2015; 79 / 45 % и 71 / 45 % — с низким. В отношении статуса профессии оптимизм студентов убывает по мере обучения — в среднем 55 % (38 % в 2015 году) согласны с утверждением, что профессия инженера в современной России — это залог достойной жизни, но 61 % студентов 1–2 курсов и 46 % — на старших; в среднем 36 % (41 % в 2015 году) полагают, что профессия инженера не дает дополнительных шансов на достойную жизнь (32 % младшекурсников и 43 % старшекурсников).

Таким образом, студенты, выбирают профессию инженера за те качества, которые способствуют высокому статусу и возможности самореализации. Выбор инженерной специальности они воспринимают как шаг к высокостатусной занятости, особенно студенты с личными достижениями, опытом и знаниями, именно они более уверены в своих шансах на успех. Однако по мере обучения студенты все больше утверждаются в мнении, что быть инженером недостаточно для достижения успеха, необходима индивидуальная социальная мобильность, а не просто принадлежность к определенной профессии.

Специфика работодателя. Конкретизация профессиональных планов требует учета сложности внешнего контекста — разнообразия потенциальных работодателей и предлагаемых ими рабочих мест. Принимая решение, кого выбрать в качестве нанимателя (самих себя, государство или частный бизнес), будущие инженеры должны иметь представления о рабочих местах. Студенты стабильно предпочитают наемный труд в крупных государственных или частных корпорациях как более выгодный вариант для начала профессиональной карьеры, а собственный бизнес — для занятости в будущем (табл. 3). В начале карьеры государство как нанимателя чаще предпочитают студенты 1–2 курсов (49 % против 37 % старшекурсников), а частный бизнес — студенты старших курсов (47 % против 35 %). Во многом постоянны и трактовки достоинств и недостатков рабочих мест с точки зрения вклада в статус инженера (табл. 4). Неизменными главными преимуществами государственного сектора студенты считают стабильность, а частного — высокую оплату труда, перспективы карьерного роста и хорошие условия труда. Государственный сектор, по мнению студентов, опережает частный в размерах рынка труда для инженера, спросе на специалистов, наборе льгот и компенсаций для работников. Показательно, что оба сектора не различаются для студентов с точки зрения шансов для самореализации — «возможности многому научиться и расти как специалист».

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какое место работы Вы бы посчитали для себя идеальным», %

Варианты ответов	в начале карьеры		через 20 лет	
	2015	2024	2015	2024
Крупная государственная компания	41	44	23	26
Крупная частная компания	31	40	22	31
Средний бизнес	12	13	2	2
Собственный бизнес	10	9	49	46
Семейный бизнес	3	2	3	3

Таблица 4

Основные преимущества рабочих мест, %

Преимущества	Государственный сектор		Частный сектор	
	2015	2024	2015	2024
Стабильность предприятий	63	58	12	11
Большое количество предприятий / большой рынок труда по моей специальности	26	38	15	22
Большой спрос на специалистов: им нужно много работников-инженеров	28	45	18	26
Возможность многому научиться и расти как специалист	24	34	21	31
Хороший социальный пакет	30	32	12	11
Перспективы карьерного роста	28	26	49	53
Высокая оплата труда	19	20	78	78
Хорошие условия труда	21	18	50	51
Наличие профсоюза / правовая защищенность работников	18	13	6	3

Таким образом, студенты воспринимают работодателей как имеющих порой взаимоисключающие наборы характеристик в отношении возможностей дохода и карьерного роста, но с одинаковыми, хотя и относительно скромными, перспективами профессионального развития. Работа на государство, с ее устойчивостью и значительной емкостью рынка труда, представляется практически альтернативой частному сектору с надеждами на финансовый и должностной успех. С одной стороны, такие выраженные различия предполагают сосуществование разных типов внутрипрофессиональных практик и переключение с одних приоритетов на другие при смене типа работодателя. С другой стороны, будущие инженеры готовы пробовать разные варианты, не отдавая раз и навсегда предпочтение только государственному или частному, наемному или самозанятому вариантам, что свидетельствует о стремлении менять свой статус в сторону лучших условий: студенты не отказываются от наемного труда, но предпочитают, чтобы их нанимателем была организация со значительными ресурсами, хотя потенциально работа на себя считается наиболее успешным вариантом карьеры. Карьера, включающая доход и самостоятельность, видится наиболее привлекательным, хотя и не единственным вариантом, а профессиональное развитие — востребованной, но сложно достижимой при любых условиях характеристикой труда инженера.

Профессиональная роль. Сегодня роль профессионала, занятого в организации, все чаще предполагает объединение разных областей деятельно-

сти, навыки командной работы и межпрофессионального сотрудничества. Умение общаться с клиентами, мотивация к сотрудничеству между внутренними подразделениями и с внешними партнерами, понимание ценности взаимодействия формально лежат в основе подавляющего большинства корпоративных культур. Соответственно, важный аспект будущей карьеры инженера — трактовка профессиональной роли, баланса в отношениях с разными партнерами (работодателями, представителями государственного и частного секторов). В целом студенты считают, что «люди прислушиваются к инженерам и следуют их советам» (82 %). Среди признаков высокостатусной занятости — относительно стабильные позиции сохраняют «ощущение уважения за свой труд» и «возможность самостоятельно принимать решения на своем рабочем месте». Однако, выбирая наиболее типичные варианты отношений из статусно-иерархических (доминирование/подчинение) и партнерских (конкуренция/диалог), студенты чаще отдают предпочтение партнерским в работе с частным бизнесом, но не с государством — здесь мнения студентов разделились поровну между диалогом и подчинением (табл. 5). Отметим, что такие характеристики профессии, как «ощущение уважения за свой труд со стороны государства» и «возможность контролировать/влиять на решения государства в отношении профессии» стабильно имеют слабые позиции (табл. 1). Получается, что студенты ценят экспертное положение инженера, но предполагают разницу в возможностях устанавливать равноправные отношения в командах и организациях в зависимости от того, кто будет их работодателем — государство или частный наниматель.

Таблица 5

Мнения студентов о профессиональной роли, %

Будущий работодатель	конкуренция	диалог	подчинение	доминирование
Заказчики инженерных решений из государственного сектора	11	35	35	18
Заказчики инженерных решений из частного сектора	20	44	22	13

Статус профессии. Эксперты, рассуждая о профессии инженера, отметили распространенное рассогласование статусных показателей и дисбаланс ответственности и привилегий. С одной стороны, для инженеров как профессионального сообщества характерны высокие квалификационные требования, владение современными технологиями и такие личные качества, как умение общаться с людьми, эффективно организовывать свое время, творчески мыслить, принимать решения и брать на себя ответственность: «*Инженер — это технический специалист… от которого многое зависит. Это ответственная работа. Она связана и с уголовной ответственностью… и с административной… Ты должен постоянно совершенствовать-*

ся, что-то новое узнавать, не стоять на месте». С другой стороны, инженеры на рабочих местах зачастую недооценены государством и работодателем: «*Инженер низведен до уровня исполнителя, и этому способствует многое. Во-первых, это пренебрежительное отношение к правилам со стороны высшего руководства, к нормам, которые кровью написаны. И это транслируется сверху вниз… Часто получается, что инженер — это такой бесправный винтик в системе, которая не направлена на защиту его интересов*»; «*В большинстве случаев люди выгорают… потому что специалист, который занимает должность и от которого зависит функционирование такого города, как Москва, не последнего города, получает на руки 80 тысяч рублей. Это уже смешно… руки часто опускаются*». Вклад в данное положение дел вносит не только диверсифицированность рынка труда, но и низкая профессиональная солидарность в сочетании с ориентацией на индивидуальную социальную мобильность: «*Инженеры если и имеют идейную общность, то фактически ее никак не реализуют… Есть набор частных людей и частных интересов*».

Результат сложности конвертации экспертного капитала в социальное положение — нежелание молодежи выбирать профессию инженера, частый отказ от нее на ранних этапах профессиональной биографии: «*Молодежь не хочет брать на себя ответственность… специалисты, которые к нам [предприятие, производящее нефтяное оборудование] приходят, держатся года три. Остаются по большей части энтузиасты, которые болеют этой работой*».

Специфика работодателя. Эксперты видят в диверсифицированности рынка инженерного труда не только недостатки, но и возможности — выбрать оптимальные профессиональные стратегии. Различия небольших и крупных организаций сосредоточены в перспективах профессионального и карьерного роста: «*В маленькой компании… карьерного роста не будет … Хотя там меньше индивидуальной специализации и там, скорее всего, придется быть на все руки мастером. … В большой компании, наоборот, есть куда расти. Там ты начинаешь стажером и заканчиваешь генеральным директором. Под твоим началом может быть 1000 или 3000 человек, но там выше специализация*».

Особенность собственного бизнеса, по мнению экспертов, — выраженные независимость и ответственность, что совпадает с классической трактовкой профессионального труда: «*Самостоятельная деятельность в принципе настраивает на то, что человек готов отстаивать свои интересы… приходится отстаивать не только технические позиции. Приходится спорить… и с конкурентами, и с контролирующими органами, и с заказчиками»;* «*собственный бизнес — это избыточная ответственность*».

Что касается государственной и частной форм предприятий, то эксперты подчеркивают забюрократизированность первой и перспективность для

работника второй. В случае сильного государственного влияния на организацию всем ее сотрудникам необходимо соблюдать множество формальностей, которые могут ограничивать выполнение основных профессиональных обязанностей: «*в государственных программах нельзя использовать некоторые зарубежные комплектующие, а они являются самыми популярными и удобными для работы… И получается, что на бумаге мы используем только отечественную продукцию, а реально делаем на том, что имеем*»; «*у нас бюрократия, которая сильно тормозит рабочий процесс*». Частная инициатива и предпринимательство ассоциируются и с инженерными прорывами, и с преимуществами для работника: «*Если искать что-то идеальное… то, наверное, это что-то частное, как SpaceX от Илона Маска*».

Таким образом, рассуждая о траекториях профессии и профильного сообщества эксперты отмечали, что, несмотря на общую суть работы, инженеры — сложно структурированная группа, в которой представлены разные модификации социальных отношений и ролей, отражающие специфику рабочих мест с их достоинствами и недостатками. Делая выбор, студент, а впоследствии и инженер, отдает предпочтение не просто организации, а определенному варианту инженерной деятельности — в условиях острой конкуренции или безопасности, с перспективой перехода в управленческую карьеру или без, за гонорар или фиксированный заработок, полагаясь на себя или на работодателя и т.д.

Профессиональная роль и значение культуры/коллектива организации. Социальные отношения и роли инженера, по мнению экспертов, во многом определяются особенностями корпоративной культуры, так как она становится принципиально важной в условиях наемного труда, вносит существенный вклад в то, как организован рабочий процесс, отношения инженера с партнерами: «*Есть культура наставничества, а есть организации, в которых считается, что мои результаты, мой KPI (ключевые показатели эффективности) — это главное, и я буду работать только на себя. Если ты работаешь на меня, если ты делаешь вклад в мои результаты, то я с тобой поделюсь своими знаниями, информацией, ресурсами. Просто так тратить на кого-то время я не буду*».

Традиции и правила организации важны потому, что для инженеров характерна локализация развития знания внутри профессионального коллектива: «*все предприятия между собой конкурируют и не любят делиться своими наработками… ты растешь внутри своего коллектива*». Формальная принадлежность авторских прав на инженерные решения бизнесу, а не профильным экспертам или профессиональному сообществу меняет трактовку профессиональной роли: «*Если поделиться знаниями, то… информация не должна составлять государственную или корпоративную тайну… и твое поведение не будет нарушать корпоративную этику*». Инициатива стимулирования профессионального развития закрепляется за руководством орга-

низации, желательно с профильными компетенциями, и только если инженер совмещает роли профессионала и собственника, то избегает ведомости: *«Если ты работаешь на себя, то ты больше замотивирован получить какой-то результат и настроить людей на этот результат. Когда человек работает на кого-то, то работодатель должен тебя заинтересовать… должен быть грамотный управленец и не просто управленец, а в прошлом грамотный инженер, который может поделиться с тобой каким-то знанием, может тебя направить так, что ты сможешь развиваться и приносить пользу*». Фактически инженер ограничен в своем развитии темой и уровнем задач, которые ставит перед ним организация, а также своими коллегами как профессиональным сообществом, в котором он может обсуждать инженерные решения. Специфика рабочего места определяет профессиональное развитие и накладывает отпечаток на то, как приобретаются новые знания и формируется круг, в котором они обсуждаются.

Подводя итоги, отметим, что у нынешних студентов, готовящихся стать инженерами, восприятие профессии выходит за рамки узкого понимания профессионализма как узкоспециализированной деятельности, где практика не отражает общественные ценности. Безусловно, финансовое вознаграждение, продвижение по службе и гарантированная занятость играют существенную роль в выборе профессиональной деятельности, инженерной отрасли и будущих карьерных путей, однако не только материальные блага и стабильность рабочего места, но и также применение профессиональных знаний на благо общества, возможности для личного и профессионального развития, партнерские отношения с коллегами, клиентами и заказчиками формируют основу представлений о потенциальном месте работы и роли инженера.

Студенты считают, что профессия инженера востребована и открывает широкие возможности, особенно она интересует тех, кто демонстрирует высокие достижения в учебе, — этот человеческий капитал не только служит стимулом для выбора инженерной профессии, но и укрепляет уверенность в успешности своей профессиональной карьеры. По мнению студентов, рынок труда для инженеров предлагает широкий спектр карьерных стратегий: будущие инженеры открыты для сочетания наемной работы и предпринимательства, трудовой деятельности в государственных и частных структурах. Несмотря на непрекращающиеся дискуссии о масштабах и эффективности госсектора в экономике России (6), государство (7) [4; 13] и частный бизнес (8) [8; 10] были и остаются важнейшими игроками на рынке труда, поддерживая конкурентоспособность профессии инженера. Однако студенты воспринимают государственный и частный сектор как две разные карьерные истории: госсектор ассоциируется с более скромными карьерными ожиданиями, рисками внешнего давления и бюрократического контроля; частный бизнес воспринимается как площадка для карьерного роста, финансовых

успехов и жизненных перспектив. В целом молодые инженеры склонны постепенно, используя открытые карьерные стратегии, перемещаться на рабочие места с бо́льшими шансами на благоприятные условия труда.

Такая трактовка профессионального труда и карьерных траекторий молодым поколением инженеров важна для политики и практики. Сегодня продолжается дискуссия о необходимости всячески способствовать профильной занятости выпускников вузов и увязывать прием в вузы за счет государства, а, возможно и на коммерческой основе, с кадровыми потребностями экономики и госзаказом (9). Очевидно, что государство таким образом рассчитывает заполнить и наиболее проблемные вакансии. Рассуждая о том, что выпускники профильных вузов не приходят в профессию или пытаются избежать в ней рабочих мест с наиболее рассогласованными статусными показателями, не стоит забывать, что выбирают они ее именно ради статуса, сочетающего ответственность с привилегиями. Отсутствие одного из компонентов устраняет возможность трактовать данный труд как профессиональный и снижает заинтересованность в нем. Выраженная диверсифицированность рынка профессионального труда способствует тому, что в длительной перспективе сложно удерживать интерес к позициям, чьи достоинства уступают конкурентам внутри и вне профессии.

В свою очередь, эксперты-практики подчеркивают частое рассогласование статусных показателей в карьерных траекториях инженеров, которые, по их мнению, формируют разнородную профессиональную общность со сложной внутренней структурой. В таких условиях корпоративная среда и рабочие коллективы оказывают существенное влияние на способность инженеров сохранять приверженность общественным ценностям и обеспечивать свое профессиональное и карьерное развитие в долгосрочной перспективе. В целом такая оценка ситуации свидетельствует о том, что инженерному сообществу сложно рассчитывать на самостоятельное отстаивание своего статуса, достижение высокого уровня дохода, престижа и профессиональной автономии без поддержки работодателей (государственных и частных).

Благодарности

Авторы выражают благодарность МГТУ им. Н.Э. Баумана, Московскому Политеху, Самарскому университету им. С.П. Королева за помощь в проведении исследования.

Примечания

(1) Потребность в инженерах растет. URL: https://issek.hse.ru/news/875130529.html?ysclid=m6jlgo9n9y46981455.

(2) Инновационный потенциал высокотехнологичных отраслей. URL: https://issek.hse.ru/news/885863948.html.

(3) Статус профессии инженера будет повышаться. Интервью с с первым вице-президентом Российского союза инженеров Иваном Андриевским. URL: https://rg.ru/2024/03/20/rabota-ishchet-inzhenera.html?ysclid=m6jtb1jcjn219676856.

(4) История технических прорывов в Российской империи в XVIII — начале XX века: уроки для XXI века? URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/projects/istoria_proryrovXVIII-XIX.pdf.
(5) Данное распределение можно считать отражением гендерной дифференциации на разных направлениях профессиональной подготовки. Так, доля девушек, обучающихся по инженерным специальностям в российских вузах, относительно стабильна в последние годы и составляет порядка 25 % // В России четверть студентов инженерных специальностей составляют девушки. URL: https://tass.ru/obschestvo/20187585.
(6) Госсектор экономики: инерция или эффективность? URL: https://www.csr.ru/ru/research/gossektor-ekonomiki-inertsiya-ili-effektivnost.
(7) Круглый стол на тему «Госплан 2.0 как механизм стимулирования экономического развития». 31.10.2022. URL: https://rutube.ru/video/bd8484f7e93fc6b1560d2adb49fb055a/?ysclid=m7uafx36ch265037372.
(8) Отказ от госкапитализма — ключ к трансформации российской экономики. URL: https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/strategicheskoe-planirovanie/otkaz-ot-goskapitalizma-klyuch-k-transformatsii-rossiyskoy-ekonomiki.
(9) Инженеры по расчету: кого на самом деле не хватает рынку труда. URL: https://www.forbes.ru/education/543483-inzenery-po-rascetu-kogo-na-samom-dele-ne-hvataet-rynku-truda?ysclid=mgwmtl294j77303883.

Библиографический список

1. *Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И.* Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики // Вопросы экономики. 2023. № 11.
2. *Аникин В.А.* Прекаризация среднего класса в новой России: о чем говорят результаты исследования гетерогенных слоев? // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4.
3. *Буклемишев О.В.* «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4.
4. *Буров М.П.* Планирование в экономике XXI века: уроки истории и выводы из опыта Госплана СССР // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 10.
5. Инженерные династии России / научн. ред. В.А. Мансуров. М., 2017.
6. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8.
7. *Колесникова Е.М.* Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии молодых специалистов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1.
8. *Корнаи Я.* Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4.
9. *Маршалл Т.Х.* Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1.
10. *Образцова О., Чепуренко А.* Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики. 2008. № 8.
11. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М., 2022.
12. *Сакс М.* Неовеберианство и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6.
13. *Сапрыкин Д.Л.* Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1.
14. *Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Зайцев А.А., Юревич М.А.* Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний // Вопросы экономики. 2021. № 3.
15. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1.

16. *Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д.* Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. 2022. Т. 31. № 1.
17. *Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И.* Прекарный труд в России: состояние и тенденции // Экономическое возрождение России. 2019. № 2.
18. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М., 2023.
19. *Ядова М.А.* Эветтс Дж. Новый тип профессионализма: проблемы и возможности // Социальные и гуманитарные науки. отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2014. № 3.
20. *Abbott A.* The System of Professions. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
21. *Adams T.L.* Professions, knowledge, and workplace change: The case of Canadian engineers // Professions and Proficiency. Knowledge and Space. Ed. by J. Glückler, C. Winch, A.M. Punstein. London: Springer, 2023.
22. *Aven H.B., Alm Andreassen T.* Trustee professionalism transformed: Recruiting committed professionals // Current Sociology. 2020. Vol. 73. No. 6.
23. *Barley S.R., Bechky B.A., Milliken F.J.* The Changing nature of work: Careers, identities, and work lives in the 21st century // Academy of Management Discoveries. 2017. Vol. 3. No. 2.
24. *Bourgeault I.L., Hirschkorn K., Sainsaulieu I.* Relations between professions and organizations: More fully considering the role of the client // Professions and Professionalism. 2011. Vol. 1.
25. *Etzioni A.* The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, and Social Workers. New York: Free Press, 1969.
26. *Evetts J.* New professionalism and new public management: Changes, continuities and consequences // Comparative Sociology. 2009. Vol. 8. No. 2.
27. *Freidson E.* The changing nature of professional control // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10.
28. *Freidson E.* Professionalism: The Third Logic. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
29. *Gleeson D., Knights D.* Challenging dualism: Public professionalism in 'troubled' times // Sociology. 2006. Vol. 40. No. 2.
30. *Jonna R.J.* Monopoly capital and labor: The work of Braverman, Baran, and Sweezy as a dialectical whole // Labor Studies Journal. 2015. Vol. 40. No. 3.
31. *Ludewigs S., Narchi J., Kiefer L., Winkler E.C.* Ethics of the fiduciary relationship between patient and physician: The case of informed consent // Journal of Medical Ethics. 2025. Vol. 51. No. 1.
32. *Markovits Y., Davis A.J., Fay D., Dick R. van.* The link between job satisfaction and organizational commitment: Differences between public and private sector employees // International Public Management Journal. 2010. Vol. 13. No. 2.
33. *Muzio D., Kirkpatrick I.* Introduction: professions and organizations — a conceptual framework // Current Sociology. 2011. Vol. 59. No. 4.
34. *Noordegraaf M.* Hybrid professionalism and beyond: (New) forms of public professionalism in changing organizational and societal contexts // Journal of Professions and Organization. 2015. Vol. 2. No. 2.
35. Nygaard P. Professional autonomy versus corporate control. Professions and Professionalism. 2012. Vol. 2. No. 1.
36. *Raelin J.A.* The Clash of Cultures: Managers and Professionals. Boston: Harvard Business Press, 1986.
37. *Schmidt W., Müller A.* Differing industrial relations: The public and the private sector in Germany // Industrial Relations Journal. 2024. No. 55.
38. *Skelcher C., Smith S.R.* Theorizing hybridity: Institutional logics, complex organizations, and actor identities: The case of nonprofits // Public Administration. 2014. Vol. 93. No. 2.

39. *Suzuki K., Hur H.* Bureaucratic structures and organizational commitment: Findings from a comparative study of 20 European countries // Public Management Review. 2019. Vol. 22. No. 6.
40. *Svensson L.* New professionalism, trust and competence: Some conceptual remarks and empirical data // Current Sociology. 2006. Vol. 54. No. 6.
41. *Waring J.* Restratification, hybridity and professional elites: Questions of power, identity and relational contingency at the points of 'professional — organizational intersection' // Sociology Compass. 2014. Vol. 8. No. 6.
42. *Waters M.* Collegiality, bureaucratization, and professionalization: A Weberian analysis // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-455-474
EDN: YSYFEX

The status of the engineering profession and prospects for professional biography: An assessment by students of technical universities*

E.M. Kolesnikova[1], I.A. Kudenko[2]

[1]Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St. 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

[2]Kudenko Consulting — Global Evaluation and Research Services,
Bischofsholer Damm, 40, Hannover, 30173, Germany

(e-mail: kolesnikova@mail.ru; irkudenko@googlemail.com)

Abstract. Today the debate about the undervaluation of the engineering profession and the reluctance of engineering graduates to pursue careers in their field remains relevant. The study aims at presenting the opinions of engineering students about their future profession, labor market diversification, and its impact on their future. The empirical basis is the data from the student surveys conducted in 2024 (N = 610) and 2015 (N = 290). In general, income, career and social responsibility are important components of students' perceptions of professional employment, the engineering profession, and their career trajectories. Students believe that the engineering profession is in demand and see it as a field of open opportunities. However, they note different professional future paths and admit that advantages and disadvantages of potential jobs would affect their social status. Students perceive the state as providing such employment options for engineers that ensure moderate achievements and stability, while the private sector is perceived as a source of high earnings and a successful career. The expert survey added to this picture the importance of corporate culture in various organizations. To attract and retain young professionals focused on meritocracy, it is crucial to remember the importance of their feeling of a competitive balance between responsibilities and benefits of the workplace. Professional communities focus on combining a high level of education, knowledge, experience and social status: solving engineering problems requires not only deep theoretical knowledge but also practical experience, continuous professional development, and a corporate culture based on partnership.

*© E.M. Kolesnikova, I.A. Kudenko, 2026
The article was submitted on 27.11.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

Key words: sociology of professions; social mobility; engineers; professionalization; social status; career; professional groups/communities

For citation: Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. The status of the engineering profession and prospects for professional biography: An assessment by students of technical universities. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 455–474. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-455-474 EDN: YSYFEX

Acknowledgment. The authors express gratitude to the Bauman Moscow State Technical University, Moscow Polytechnic University and Samara University named after Academician S.P. Korolev for supporting the research

References

1. Abramov A.E., Dzhaokhadze E.D., Radygin A.D., Chernova M.I. Sovokupnaya faktornaya proizvoditelnost rossijskih kompanij: etscenki, trendy i faktory dinamiki [Total factor productivity of Russian companies: Assessments, trends, and factors of dynamics]. *Voprosy Ekonomiki*. 2023; 11. (In Russ.).
2. Anikin V.A. Prekarizatsiya srednego klassa v novoj Rossii: o chem govoryat rezultaty issledovaniya geterogennyh sloev? [Precarization of the middle class in new Russia: The results of the study of heterogeneous middle strata]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2019; 4. (In Russ.).
3. Buklemishev O.V. "Strukturnaya transformatsiya" rossijskoj ekonomiki i ekonomicheskaya politika ["Structural transformation" of the Russian economy and economic policy]. *Problemy Prognozirovaniya*. 2023; 34 (4). (In Russ.).
4. Burov M.P. Planirovanie v ekonomike XXI veka: uroki istorii i vyvody iz opyta Gosplana SSSR [Planning in the 21st-century economy: Lessons from history and conclusions from the experience of the USSR State Planning Committee]. *Zemleustroystvo, Kadastr i Monitoring Zemel*. 2023; 10. (In Russ.).
5. *Inzhenernye dinastii Rossii* [Engineering Dynasties of Russia]. Ed. by V.A. Mansurov. Moscow; 2017. (In Russ.).
6. Kapelyushnikov R.I. Rossijsky rynok truda: statistichesky portret na fone krizisov [Russian labor market: A statistical portrait under crises]. *Voprosy Ekonomiki*. 2023; 8. (In Russ.).
7. Kolesnikova E.M. Inzhenernye dinastii i perspektivy professionalnoj biografii molodyh specialistov [Engineering dynasties and prospects for professional biographies of young specialists]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2018; 24 (1). (In Russ.).
8. Kornai Ya. Innovatsii i dinamizm: vzaimosvyaz sistem i tekhnicheskogo progressa [Innovation and dynamism: Interrelationship of systems and technological progress]. *Voprosy Ekonomiki*. 2012; 4. (In Russ.).
9. Marshall T. Novejshaya istoriya professionalizma v svyazi s sotsialnoj strukturoj i sotsialnoj politikoj [The recent history of professionalism in relation to social structure and social policy]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoi Politiki*. 2010; 1. (In Russ.).
10. Obraztsova O., Chepurenko A. Razvitie rossijskogo chastnogo predprinimatelstva v mezhstranovom sopostavlenii [Development of the Russian private entrepreneurship in a cross-country comparison]. *Voprosy Ekonomiki*. 2008; 8. (In Russ.).
11. *Obshchestvo neravnyh vozmozhnostej: sotsialnaya struktura sovremennoj Rossii* [Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Today's Russia]. Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow; 2022. (In Russ.).
12. Saks M. Neoweberianstvo i professii [Neo-Weberianism and the professions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 6. (In Russ.).
13. Saprykin D.L. Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy [Engineering education in Russia: History, concept, prospects]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2012; 1. (In Russ.).

14. Simachev Yu.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Zaytsev A.A., Yurevich M.A. Proizvoditelnost truda v nesyrevyh sektorah rossijskoj ekonomiki: faktory rosta na urovne kompanij [Labor productivity in the non-resource sectors of the Russian economy: Growth factors at the company level]. *Voprosy Ekonomiki*. 2021; 3. (In Russ.).
15. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Trudovye tsennosti samostoyatelnoj i organizatsionnoj zanyatosti [Work values of self-employment and organizational employment]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 1. (In Russ.).
16. Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Bednost rossijskih professionalov: rasprostranennost, prichiny, tendentsii [Poverty of Russian professionals: Scale, causes, trends]. *Mir Rossii*. 2022; 31 (1). (In Russ.).
17. Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I. Prekarny trud v Rossii: sostoyanie i tendentsii [Precarious labor in Russia: State and trends]. *Ekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii*. 2019; 2. (In Russ.).
18. *Chelovechesky kapital rossijskih professionalov: sostoyanie, dinamika, faktory* [Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors]. Ed. by N.E. Tikhonova, Yu.V. Latov. Moscow; 2023. (In Russ.).
19. Yadova M.A. Evetts J. Novy tip professionalizma: problemy i vozmozhnosti [A new professionalism? Challenges and opportunities]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. 2014; 3. (In Russ.).
20. Abbott A. *The System of Professions.* Chicago: University of Chicago Press; 1988.
21. Adams T.L. Professions, knowledge, and workplace change: The case of Canadian engineers. *Professions and Proficiency. Knowledge and Space.* Ed. by J. Glückler, C. Winch, A.M. Punstein. London: Springer; 2023.
22. Aven H.B., Alm Andreassen T. Trustee professionalism transformed: Recruiting committed professionals. *Current Sociology*. 2020; 73 (6).
23. Barley S.R., Bechky B.A., Milliken F.J. The changing nature of work: Careers, identities, and work lives in the 21st century. *Academy of Management Discoveries.* 2017; 3 (2).
24. Bourgeault I.L., Hirschkorn K., Sainsaulieu I. Relations between professions and organizations: More fully considering the role of the client. *Professions and Professionalism*. 2011; 1.
25. Etzioni A. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, and Social Workers.* New York: Free Press; 1969.
26. Evetts J. New professionalism and new public management: Changes, continuities and consequences. *Comparative Sociology.* 2009; 8 (2).
27. Freidson E. The changing nature of professional control. *Annual Review of Sociology.* 1984; 10.
28. Freidson E. *Professionalism: The Third Logic.* Chicago: University of Chicago Press; 2001.
29. Gleeson D., Knights D. Challenging dualism: Public professionalism in 'troubled' times. *Sociology*. 2006; 40 (2).
30. Jonna R.J. Monopoly capital and labor: The work of Braverman, Baran, and Sweezy as a dialectical whole. *Labor Studies Journal*. 2015; 40 (3).
31. Ludewigs S., Narchi J., Kiefer L., Winkler E.C. Ethics of the fiduciary relationship between patient and physician: The case of informed consent. *Journal of Medical Ethics.* 2025; 51 (1).
32. Markovits Y., Davis A.J., Fay D., Dick R. van. The link between job satisfaction and organizational commitment: Differences between public and private sector employees. *International Public Management Journal*. 2010; 13 (2).
33. Muzio D., Kirkpatrick I. Introduction: professions and organizations — a conceptual framework. *Current Sociology*. 2011; 59 (4).
34. Noordegraaf M. Hybrid professionalism and beyond: (New) forms of public professionalism in changing organizational and societal contexts. *Journal of Professions and Organization*. 2015; 2 (2).
35. Nygaard P. Professional autonomy versus corporate control. *Professions and Professionalism*. 2012; 2 (1).

36. Raelin J.A. *The Clash of Cultures: Managers and Professionals.* Boston: Harvard Business Press; 1986.
37. Schmidt W., Müller A. Differing industrial relations: The public and the private sector in Germany. *Industrial Relations Journal*. 2024; 55.
38. Skelcher C., Smith S.R. Theorizing hybridity: Institutional logics, complex organizations, and actor identities: The case of Nonprofits. *Public Administration*. 2014; 93 (2).
39. Suzuki K., Hur H. Bureaucratic structures and organizational commitment: Findings from a comparative study of 20 European countries. *Public Management Review.* 2019; 22 (6).
40. Svensson L. New professionalism, trust and competence: Some conceptual remarks and empirical data. *Current Sociology.* 2006; 54 (6).
41. Waring J. Restratification, hybridity and professional elites: Questions of power, identity and relational contingency at the points of 'professional — organizational intersection'. *Sociology Compass*. 2014; 8 (6).
42. Waters M. Collegiality, bureaucratization, and professionalization: A Weberian analysis. *American Journal of Sociology.* 1989; 94 (5).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 475–490**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-475-490
EDN: YJDBZI

Управленческое восприятие реформ в системе образования (по материалам опроса директоров школ Санкт-Петербурга)*

И.В. Гришина[1], К.Ю. Белоусов[2], М.Н. Яшина[3]

[1] Гимназия № 114 Выборгского района Санкт- Петербурга,
ул. Есенина, 34, к. 2, Санкт-Петербург, 194358, Россия

[2]Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского,
ул. Ломоносова, 11–13, Санкт-Петербург, 191002, Россия

[3]Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия

(e-mail: giv0201@mail.ru; beloysov@mail.ru; mnya@mail.ru)

Аннотация. Современная школа переживает этап непрерывных реформ, затрагивающих управленческую и педагогическую практику. В этих условиях особую значимость приобретает восприятие изменений директорами школ как ключевыми агентами образовательной политики. В современной науке лидерство директора школы трактуется как многомерный феномен, объединяющий стратегическое мышление, педагогическую направленность, социальную чувствительность и готовность к коллективному осмыслению. Исследования управленческого лидерства показывают, что эффективность деятельности директора определяется сочетанием профессиональных компетенций и институционального контекста. **Цель авторов —** выявить типы управленческого восприятия реформ в системе образования и определить факторы, влияющие на различия в оценках директоров школ (N = 183 директора школ Санкт-Петербурга). Методологическое основание исследования — теории ресурсных условий, управленческих ограничений и осмысления образовательной политики. Анализ данных позволил выделить две типологические группы руководителей: «оптимисты» (48 %) и «скептики» (52 %), отличающиеся моделями интерпретации реформаторской повестки. Скептики — директора, оценивающие большинство перемен в системе образования как слабые или умеренно заметные, а оптимисты — как заметные в значительной степени. Причинами такого восприятия реформ является оценка профессиональных задач директора: скептики демонстрируют более критичные оценки всех задач, акцентируя ресурсные проблемы. Самые значительные расхождения относятся к сферам управления и оценки, в первую очередь по параметру «независимая оценка качества образования»: оптимисты видят наибольшие позитивные изменения, а как скептики более сдержаны. Результаты исследования демонстрируют неоднородность управленческого восприятия реформ и указывают на наличие двух доминирующих управленческих фреймов — «управления в условиях дефицита» и «управления, ориентированного на развитие».

*© Гришина И.В., Белоусов К.Ю., Яшина М.Н., 2026
Статья поступила в редакцию 04.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Ключевые слова: управление школой; директор; образовательные реформы; управленческое восприятие; управление дефицитом; управление развитием; образовательная политика

Для цитирования: *Гришина И.В., Белоусов К.Ю., Яшина М.Н.* Управленческое восприятие реформ в системе образования (по материалам опроса директоров школ Санкт-Петербурга) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 475–490. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-475-490 EDN: YJDBZI

Фигура директора школы занимает особое место в современной образовательной системе — это ключевой агент образовательных изменений и проводник государственной политики на уровне организации, поэтому его управленческое восприятие становится одним из значимых инструментов понимания «перевода» государственной политики в практику конкретной школы (сформировалось широкое междисциплинарное поле исследований школьного лидерства и управления образованием — Educational Leadership and Management Studies [16]). Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений, сосредоточенных на роли директора как агента образовательных изменений: изучение роли администрирования в повышении эффективности школы (Leadership and School Improvement) [19], например, устойчивость изменений во многом определяется тем, как руководители школ интерпретируют цели и содержание реформ; оценка способов реагирования на изменения и стратегий адаптации в условиях политического давления [22; 23] применительно к образованию, например, концепты усталости от реформ (reform fatigue) и сопротивления изменениям (change resistance) описывают снижение доверия, эмоциональное выгорание и стратегическую осторожность руководителей в условиях непрерывных политико-административных изменений. Директора нередко оказываются в ситуации «избыточных преобразований», когда количество нововведений превышает организационные возможности их реализации, и директора школ нередко выступают в роли посредника между требованиями сверху и реальными возможностями педагогического коллектива, формируя адаптивные стратегии и выборочно фильтруя нововведения (selectively buffering). Другой важный аспект исследований — профессиональная поддержка и доверие внутри коллектива как факторы эффективного лидерства [24], которые рассматриваются и в концепции образовательного посредничества (policy mediation), акцентирующей внимание на том, что школьные лидеры выступают в роли «переводчиков» государственной политики, трансформируя общие установки реформ в управленческие решения, соответствующие контексту конкретной школы [25].

Исследования ресурсных условий и управленческих ограничений (Resource Management and Constraints) — как директора оценивают и распределяют ресурсы, действуя в условиях дефицита кадров и финансирования — показывают, что способность «переводить» политические требования на язык профессиональных задач определяет устойчивость образовательных измене-

ний. Причем управленческое восприятие реформ формируется не только через интерпретацию политики, но и через структурные условия функционирования школы: степень автономии, характер внешней отчетности и доступность профессиональных сетей существенно влияют на то, как руководители осмысливают приоритеты развития и распределяют управленческие ресурсы [20]. В этой логике директор предстает как «стратег в условиях ограничений», вынужденный соотносить требования реформ с реальными педагогическими и организационными возможностями школы. Непосредственное восприятие реформ зависит от того, насколько согласованны действия муниципальных и региональных структур, какие механизмы обратной связи существуют между школами и органами управления образованием.

Также важны институциональные и ресурсные рамки управленческих решений, в которых работает директор школы [16]: сегодня руководитель образовательной организации действует под растущим давлением внешней отчетности, ограниченности кадровых и финансовых ресурсов, несовпадающих ожиданий разных уровней управления. В подобных условиях управленческие решения требуют постоянного соотнесения задач развития с нормативными требованиями и доступными ресурсами, что дает основания рассматривать управленческое поведение директора как форму балансирования и посредничества между требованиями государственных и муниципальных структур, профессиональными возможностями педагогического коллектива и ожиданиями родительской общественности. Кроме того, реализация реформ в школе зависит от культурного и ресурсного контекста, внутри которого директор интерпретирует внешние предписания и адаптирует их к возможностям организации [15]: эффективность руководителя определяется не только профессиональными компетенциями, но и степенью автономии, зрелостью организационной культуры и качеством отношений внутри коллектива.

Проблематика соотношения управленческой автономии и внешней подотчетности директора школы широко представлена в исследованиях школьного лидерства, посвященных условиям принятия управленческих решений в ситуации усиливающегося контроля в русле реализуемой образовательной политики (accountability and autonomy) [21; 26]: способность руководителя выступать в роли стратегического лидера, формировать видение развития школы и поддерживать культуру совместной ответственности связана с устойчивостью образовательных изменений. В смежной концепции профессиональной идентичности руководителя школы директор рассматривается как агент педагогического развития и носитель ценностных ориентиров организации: успешность руководителя во многом определяется его способностью координировать интересы участников образовательного процесса и поддерживать культуру сотрудничества в условиях внешнего институционального давления [18].

В теории осмысленного действия (sensemaking in organizations) [26] организационные изменения рассматриваются как процесс совместного конструирования значений — управленческие решения формируются в условиях неопределенности через интерпретацию и переосмысление внешних сигналов, что применимо и к образовательной политике (policy sensemaking) [28]: директор школы — не пассивный исполнитель нормативных предписаний, а активный интерпретатор реформ, конструирующий понимание целей и средств изменений в соответствии с организационным контекстом школы. Восприятие реформ становится частью управленческой практики и зависит от профессионального опыта руководителя, характеристик организационной культуры и уровня доверия между участниками образовательного процесса, причем школьный руководитель задает рамки интерпретации политики для педагогического коллектива [17].

В отечественной научной традиции также сформировался обширный корпус исследований разных аспектов управленческой деятельности директоров школ. В частности, рассматриваются вопросы профессиональной подготовки и повышения квалификации руководителей образовательных организаций в интересах развития их управленческих и лидерских компетенций [13]; роль директора как организатора профессионального развития педагогического коллектива [9]; институциональные основания управленческих решений, включая профессиональные стандарты и механизмы оценки управленческой компетентности [10]; распространение управленческого опыта и включенность директоров в профессиональные сети [2]; восприятие директорами школ конкретных направлений реформаторской повестки, включая цифровую трансформацию школы [4]. В совокупности данные работы подтверждают, что управленческая деятельность директора российской школы осуществляется в условиях множественности требований и ограничений, что обусловливает вариативность управленческих практик и способов интерпретации образовательных изменений [5–8]. В частности, была предложена типология моделей управления директоров школ: «авторитарный хозяйственник» и «демократичный хозяйственник», «авторитарный предводитель» и «демократичный предводитель» — как конфигурации субъектности директора и режимов делегирования [12], которые имеют институциональные и ситуативные детерминанты [1]. Важный источник эмпирической информации об управленческой деятельности директоров школ России — международное исследование TALIS, реализуемое под эгидой OECD, в котором принимали участие и российские образовательные организации [11].

Результаты отечественных исследований во многом совпадают с зарубежными: директор школы выступает посредником между государственными инициативами и практикой их реализации, а его восприятие реформ

служит индикатором состояния системы образования. Цель нашего исследования — выявить типы управленческого восприятия реформ в системе образования и определить факторы, влияющие на различия оценок директоров школ. На основе анкетирования директоров школ Санкт-Петербурга была предложена типология управленческих позиций и определены взаимосвязи между задачами, стоящими перед руководителями, и их оценками реформ (с опорой на: [3]). Анкета включала 17 вопросов, сгруппированных по пяти направлениям: социально-демографический и профессиональный профиль директора; оценка ресурсных условий (оснащенность, кадровый потенциал, повышение квалификации); восприятие задач и результатов Национального проекта «Образование»; управленческие приоритеты и факторы развития школы; оценка характера изменений в системе образования и ключевых проблем ее развития. Отбор респондентов имел случайный характер с обеспечением территориального представительства районов города: были опрошены 183 директора школ Санкт-Петербурга, представляющих разные типы образовательных организаций и разные возрастные группы управленческого корпуса (преобладают руководители в возрасте от 51 до 60 лет (44 %) и группа 41–50 лет (26 %), доля директоров старше 60 лет — 22 %; молодые директора до 30 лет составили 3,8 %, столько же директоров в возрасте 31–40 лет), т.е. выборка характеризуется доминированием специалистов зрелого возраста, обладающих значительным управленческим опытом. Большинство опрошенных имеют от 10 до 20 лет опыта работы в должности директора (42 %), 20–35 лет — около 17 %, свыше 35 лет — 3,3 %, от 5 до 10 лет — 17 %, менее 5 лет — 21 %. Более трети респондентов трудятся в должности менее 10 лет (38 %), из них более половины (59 %) в возрасте до 50 лет, что может свидетельствует о постепенном обновлении управленческих кадров.

Директора школ в целом положительно оценивают уровень оснащенности своих образовательных организаций: 56 % считают оснащенность удовлетворительной, еще четверть (26 %) — достаточно хорошей, но лишь 5,5 % — высокой, а 12 % — неудовлетворительной. Как правило, обеспечены в базовых потребностях, но не всегда располагают современным оборудованием, необходимым для реализации новых образовательных практик. Подавляющее большинство директоров (92 %) согласны с тем, что оснащенность школы современным оборудованием — один из факторов эффективности образовательной среды (табл. 1), влияющей на качество проектной и исследовательской деятельности (76 %); конкурентоспособность и организационную культуру (75 %); отношение к школе со стороны участников образовательных отношений (71 %). Значительно реже отмечалось влияние на достижения учащихся (53 %), особенно на образовательные результаты (30 %), и здоровье детей (32 %). 7 % отрицают такое влияние в принципе.

Таблица 1

Влияние современного оборудования, %

на качество организации проектной и учебно-исследовательской деятельности	76,1
на конкурентоспособность школы, ее организационную культуру	75
на отношение к школе участников образовательных отношений	70,7
на достижения учащихся (победы в олимпиадах, конкурсах)	52,7
на сохранение здоровья детей	32,1
на образовательные результаты (ОГЭ, ЕГЭ)	29,9

Наличие современного оборудования само по себе не гарантирует его продуктивного использования в образовательном процессе, поэтому был задан вопрос об организации обучения педагогов работе с техникой и новыми средствами обучения (табл. 2). Наибольшая доля выборов пришлась на варианты, связанные с системой повышения квалификации — 73 %, каждый второй (50 %) респондент отметил освоение педагогами оборудования в рамках самообразования и творческих инициатив, реже отмечались внутришкольные формы обучения — мастер-классы, наставничество и обмен опытом (19 %). Ответы, указывающие на дефицит качественных программ повышения квалификации (13 %) или недостаток организаций, предлагающих специализированное обучение (5 %), встречались значительно реже. Только 3,3 % опрошенных считают, что педагогам подобное обучение не требуется. То, что повышение квалификации педагогов по вопросам использования современного оборудования в основном осуществляется в рамках системы ДПО, отражает сложившуюся институциональную практику, однако директора школ дополняют внешние курсы локальными формами методической поддержки и поощряют самообразовательные инициативы педагогов, что можно рассматривать как признак управленческой активности и внутренней мотивации коллектива.

Таблица 2

Формы обучения педагогов использованию современного оборудования, %

Обучение происходит в системе повышения квалификации	73,4
Обучение происходит в процессе самообразования и творчества учителя	50
Есть специально организованное обучение	19
Существует дефицит качественных курсов ПК	12,5
Недостаточно организаций, программ для проведения целенаправленной переподготовки	4,9
Обучение не требуется	3,3

Завершающий блок исследования был направлен на выявление оценок значимости изменений, произошедших в системе образования за последние годы, а также на определение наиболее сложных проблем и условий, необходимых для их решения. Респондентов просили оценить степень изменений по пятибалльной шкале — от «слабо заметны» до «весьма заметны». Директора школ в целом отмечают, что изменения заметны в значительной степени (медианная оценка 4) в целях образования, обновлении содержания образования и технологий обучения, усилении поддержки индивидуального развития учащихся, образовательной среде школы, совершенствовании системы профессионального роста работников и независимой оценке качества образования. Руководители прежде всего отмечают изменения, затрагивающие внутреннюю систему функционирования школы и профессиональную культуру педагогов. В то же время самым заметным изменением по мнению большинства стала бюрократизация и рост отчетности, что воспринимается как одно из наиболее ощутимых и противоречивых последствий реформ. Сферы, где изменения умеренно заметны (медианная оценка 3), — формы партнерства с учреждениями дополнительного образования, развитие государственно-общественного управления образованием, обновление финансово-экономического обеспечения и технологий управления школой.

В числе наиболее часто упоминаемых управленческих затруднений (табл. 3) — кадровые и ресурсные проблемы, а также задачи, связанные с повышением результативности образовательной деятельности. Так, 63 % директоров отметили дефицит учительских кадров, 56 % — необходимость оснащения учебных кабинетов, а 51 % — ремонта помещений. Около трети опрошенных (29 %) считают сложной задачей увеличение числа побед в олимпиадах, 27 % — улучшение результатов государственной итоговой аттестации (ГИА), 12 % — повышение результатов ВПР, что указывает на сохраняющееся внимание к внешним показателям деятельности, создающим дополнительную нагрузку на педагогический коллектив. При этом организационно-управленческие трудности упоминаются реже: 18 % сообщили о проблемах с поиском научного руководителя или наставника, 11 % — о необходимости развития платных образовательных услуг, 9 % — о сложностях формирования эффективно работающих органов государственно-общественного управления. В целом спектр управленческих трудностей, фиксируемых директорами, носит преимущественно ресурсно-инфраструктурный характер, отражая системные ограничения, с которыми сталкиваются школы. Менее выражены вопросы организационного развития, управленческих инноваций и взаимодействия с внешними стейкхолдерами, что может свидетельствовать о доминировании оперативной, «пожарной» логики управления над стратегическим планированием.

Таблица 3

Актуальные проблемы школы, %

Ликвидация дефицита учительских кадров	62,8
Оснащение учебных кабинетов	56,3
Ремонт помещений	50,8
Увеличение количества побед в школьных олимпиадах	29,0
Улучшение результатов по ГИА	26,8
Поиск адекватного научного руководителя для школы	17,5
Улучшение результатов по ВПР	12,0
Развитие платных услуг	10,9
Формирование органов государственно-общественного управления	9,3
Повышение квалификации учителей	6,0
Налаживание отношений в педагогическом коллективе	3,8
Нет никаких проблем	3,3
Налаживание отношений с вышестоящими органами власти	2,7

Следующий вопрос был направлен на выявление условий, которые могли бы способствовать решению обозначенных проблем (табл. 4): управленцы в первую очередь видят способ устранения системных трудностей в ресурсной и нормативной сферах, чаще всего указывая на необходимость обеспечения школ необходимыми ресурсами (68 %). 42 % считают важным сокращение отчетности и бюрократических процедур, а 41 % — изменение общественного отношения к проблемам школы. Руководители воспринимают свои затруднения не как результат локальных управленческих просчетов, а как следствие внешних институциональных ограничений, прежде всего дефицита ресурсов и чрезмерной административной нагрузки.

Таблица 4

Представления директоров об условиях решения ключевых проблем школы, %

Обеспечение школы необходимыми ресурсами	67,8
Уменьшение отчетности и бюрократических процедур	42,1
Изменение отношения общества к проблемам школы	41
Изменение государственной политики в образовании	31,7
Изменения в деятельности органов управления образованием	26,2
Все проблемы решаемы, если приложить усилия	24
Расширение полномочий руководителя школы	17,5
Создание системы государственно-общественного управления школой	4,9

Треть опрошенных (33 %) связывает возможность решения проблем школы с изменением государственной политики в сфере образования, а 26 % — с корректировкой деятельности органов управления образованием. Думается, что управленцы так фиксируют зависимость результатов работы школ от стратегических решений на уровне государства и региона, подчеркивая свою ограниченную автономию в управленческих действиях. 24 % директоров выразили убежденность, что все проблемы решаемы, если приложить усилия, что можно рассматривать как проявление профессионального оптимизма и субъектности. Реже выбирались варианты, предполагающие расширение управленческой самостоятельности: 18 % отметили необходимость расширения полномочий директора школы, 5 % — создания системы государственно-общественного управления. Приоритет отдается внешним условиям, а не внутренним механизмам развития: руководители школ ожидают решения ключевых проблем прежде всего через снятие административных барьеров, ресурсную поддержку и изменение государственной политики, оценивая потенциал локальных управленческих инициатив как ограниченный. В совокупности представленные данные отражают характерную для современной системы образования картину: директора школ осознают масштаб происходящих изменений и ограниченность своих ресурсов для их реализации. С одной стороны, управленцы фиксируют обновление содержания и технологий обучения, развитие профессиональной среды и усиление требований к качеству образования, с другой — нерешенность проблем (кадровый дефицит, недостаток материальных ресурсов, рост бюрократической нагрузки), что снижает потенциал управленческой инициативы. Можно говорить о двойственном восприятии реформ: директора школ выступают одновременно проводниками и заложниками изменений, демонстрируя готовность адаптироваться, но ощущая дефицит инструментов для самостоятельного влияния на систему.

Результаты двухэтапного кластерного анализа позволяют увидеть внутреннюю неоднородность управленческого восприятия изменений в системе образования. В выборке были выделены два кластера: директора, оценивающие изменения как слабые или умеренно заметные (средние значения по всем показателям близки к 3) — это кластер «скептиков» (52 %); второй кластер — «оптимисты», оценивающие изменения как заметно положительные (средний балл около 4; 48 %) (табл. 5).

В обеих группах изменения в той или иной мере фиксируются в целях образования, образовательной среде школы, содержании и технологиях обучения, системе повышения квалификации. Самые значительные расхождения относятся к сферам управления и оценки: по параметру «независимая оценка качества образования» оптимисты видят наибольшие позитивные изменения, а скептики более сдержаны. Также отличия наблюдаются в отношении развития государственно-общественного управления образованием, системы

профессионального роста и поддержки индивидуального прогресса учащихся. Наиболее пессимистично обе группы оценивают перемены в финансово-экономическом обеспечении и технологиях управления школой: несмотря на различия, оба параметра получили самые низкие оценки (малозаметные изменения для скептиков и умеренные для оптимистов). Все перечисленные параметры имеют статистически значимые различия между группами, за исключением оценки бюрократизации, усиления отчетности и контроля, по которым мнения схожи, независимо от общего отношения к переменам.

Таблица 5

Восприятие директорами школ изменений в системе образования за последние 3–5 лет, %

Изменения в системе образования	Скептики	Оптимисты
Независимая оценка качества образования	2,98	4,31
Изменились цели общего образования	3,42	4,19
Меняется образовательная среда школы	3,27	4,15
Произошло совершенствование системы профессионального роста работников	3,01	4,15
Произошло обновление содержания образования и технологий обучения	3,18	4,14
Бюрократизация, увеличение отчетности и контроля	3,86	4,09
Усилилась поддержка индивидуального прогресса учащихся	2,95	4,05
Развитие государственно-общественного управления	2,65	3,99
Произошло качественное изменение форм партнерства с учреждениями дополнительного образования	2,86	3,9
Обновление технологий управления школьной организацией	2,68	3,86
Обновление финансово-экономического обеспечения	2,38	3,63

В целом представленная типология показывает, что директора школ не составляют однородного сообщества, что свидетельствует о различиях в уровне управленческой автономии, степени доверия государственным инициативам и готовности к инновациям. Конечно, успешность изменений определяется тем, насколько директор способен интегрировать реформы в повседневную управленческую и педагогическую практику, но само восприятие реформ неразрывно связано с тем, как директора школ интерпретируют и адаптируют их к ресурсам своей организации. На основе теории управления ресурсами и ограничениями в анкете была представлена структура управленческой деятельности директора школы, включающая четыре ключевые задачи: развитие человеческого капитала, администриро-

вание организационно-управленческих ресурсов, управление репутационно-культурным потенциалом и делегирование полномочий (суммы баллов по каждой группе переменных отражают степень значимости задач для директора школы; α Кронбаха от 0,724 до 0,853) [22; 27]. Развитие человеческого капитала фокусируется на образовательных результатах учащихся, профессиональном росте учителей и обмене педагогическим опытом, что напрямую повышает качество преподавания в условиях ресурсных ограничений. Организационные ресурсы представляют функционально-организационный аспект, связанный с администрированием, распределением ресурсов, стратегическим планированием с учетом институциональных ограничений и возможностей профессионального саморазвития. Репутационно-культурный потенциал школы ориентирован на представления о роли школы в местном сообществе, ее воспитательную функцию, отношения с внешними участниками (партнеры и родительское сообщество), что подчеркивает символическую функцию ресурсов как фактора, укрепляющего корпоративную культуру и доверие заинтересованных сторон. Делегирование полномочий оценивается через управление информационными потоками и развитие распределенного лидерства.

Несмотря на функциональную тождественность деятельности директоров, оптимисты каждую из профессиональных задач считают более значимой, нежели скептики (табл. 6). Принадлежность к кластеру оптимисты/скептики объясняет до 11 % вариации в восприятии управленческих задач. Однако обе группы демонстрируют идентичный порядок значимости задач, что указывает на консенсус в приоритетах, несмотря на различия в оценках: администрирование организационных ресурсов лидирует, что подтверждает его центральную роль в профессиональной деятельности директора.

Таблица 6

Значимость задачи в зависимости от восприятия изменений в системе образования

Профессиональные задачи	Скептики	Оптимисты
администрирование организационных ресурсов	4,54	4,85
развитие человеческого капитала	4,43	4,76
репутационно-культурный потенциал	4,29	4,69
делегирование полномочий	4,25	4,42

С точки зрения решаемых проблем (табл. 7) руководители-скептики озабочены в первую очередь ресурсными ограничениями (78 % против 57 % среди оптимистов), особенно оснащением учебных кабинетов (63 %)

и ремонтом помещений (58 %) (у оптимистов соответственно 49 и 43 %) (χ^2 = 17,946; p < 0,001). Подобные различия связаны с тем, что в группе скептиков оказались преимущественно директора, оценивающие низко и неудовлетворительно уровень оснащенности своей школы.

Таблица 7

Восприятие изменений в системе образования и уровень оснащения школы, %

Уровень оснащения школы	Скептики	Оптимисты
высокий	40	60
достаточно хороший	27,1	72,9
удовлетворительный	62,1	37,9
неудовлетворительный	63,6	36,4

Несмотря на схожесть позиций в отношении образовательных результатов и кадрового потенциала, руководителей-скептиков больше волнует система обучения кадров использованию современного оборудования (21 % против 3,4 % у оптимистов), так как цифровая и техническая модернизация школьной среды способствует улучшению образовательных результатов лишь в сочетании с изменением педагогических и управленческих практик [14; 28]. Репутационно-культурный потенциал школы — также более проблемный кейс для скептиков по причине низкой вовлеченности их школ в городские (39 %) и районные (14 %) (у оптимистов 22 и 4,5 % соответственно). В целом налицо когнитивное предубеждение: директора с оптимистическим настроем чаще интерпретируют задачи и изменения в позитивном ключе, в то время как скептики дают более критические оценки, что отражается и на готовности решать возникающие проблемы: среди оптимистов 33 %, в группе скептиков — 16 %.

Представленная типология руководителей показывает, что оптимисты чаще ориентированы на результативно-имиджевый фрейм, связанный с публичной успешности школы, тогда как для скептиков характерен ресурсно-дефицитный управленческий профиль. Между этими полюсами возникает функциональное напряжение: чем больше школа вынуждена решать инфраструктурные проблемы, тем меньше управленческих усилий остается на развитие содержания, инноваций и внешнего имиджа. Такая структура указывает на дилемму современного школьного управления — поиск баланса между стратегиями «управления в условиях дефицита» и «управления, ориентированного на развитие».

Библиографический список

1. *Волков В.Н.* К проблеме принятия решений школьным руководителем в современных условиях // Научное обозрение. Педагогические науки. 2018. № 1.
2. *Гордашникова О.Ю., Кузнецов А.Н., Федорчук Ю.М.* Развитие механизма диссеминации управленческого опыта директоров школ системы общего образования // Человек и образование. 2022. № 2.
3. *Гришина И.В.* Профессиональная управленческая деятельность руководителя образовательной организации: будущее в настоящем // Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. 2020. № 1.
4. *Дерябин А.А., Бойцов И.Э., Попов А.А.* Анализ представлений директоров школ России о цифровой трансформации // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 10.
5. *Каспржак А.Г.* Директор российской школы: между «вчера» и «завтра» // Народное образование. 2015. № 7.
6. *Каспржак А.Г., Бысик Н.В.* Как директора российских школ принимают решения // Вопросы образования. 2014. № 4.
7. *Каспржак А.Г., Исаева Н.В.* Почему директора авторитарны и что из этого следует? // Народное образование. 2015. № 8.
8. *Каспржак А.Г.* Директор российской школы: педагог или менеджер? // Директор школы. 2015. № 9.
9. *Лазарева М.В.* Директор школы как организатор и лидер профессионального развития коллектива: практико-ориентированный подход // Человек и образование. 2025. № 3.
10. *Морозов А.В.* Профессиональный стандарт директора школы как индикатор управленческой компетентности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 3.
11. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018: национальный отчет. Часть II. М., 2020.
12. *Фархатдинов Н., Евстигнеева Н., Куракин Д., Малик В.* Модели управления общеобразовательной организацией в условиях реформ: опыт социологического анализа // Вопросы образования. 2015. № 2.
13. *Шафажинская Н.Е., Голубева Т.И., Фирсова С.В.* Профессиональная подготовка директоров школ в европейских странах // Педагогика. 2025. Т. 89. № 10.
14. *Barrett P., Zhang Y., Davies F., Barrett L.* Clever Classrooms: Summary Report of the HEAD Project. Salford, 2015.
15. *Braun A., Maguire M., Ball S.J.* Policy enactments in the UK secondary school: Examining policy, practice and school positioning // Journal of Education Policy. 2010. Vol. 25. No. 4.
16. *Bush T.* Research on educational leadership and management: Broadening the base // Educational Management Administration & Leadership. 2018. Vol. 46. No. 3.
17. *Coburn C.E.* Shaping teacher sensemaking: School leaders and the enactment of reading policy // Educational Policy. 2005. Vol. 19. No. 3.
18. *Day C., Gurr D.* Leading Schools Successfully: Stories from the Field. Routledge, 2014.
19. *Fullan M.* The New Meaning of Educational Change. N.Y., 2016.
20. *Greany T., Higham R.* Hierarchy, markets and networks: Analyzing the policy architecture for school leadership in England // Educational Management Administration & Leadership. 2018. Vol. 46. No. 3.
21. *Hallinger P.* Leadership for learning: Lessons from 40 years of empirical research // Journal of Educational Administration. 2011. Vol. 49. No. 2.
22. *Hargreaves A.* Inclusive and exclusive educational change: Emotional responses of teachers and leaders to policy innovation // Journal of Educational Change. 2004. Vol. 24. No. 3.
23. *Hargreaves A., Fullan M.* Professional Capital: Transforming Teaching in Every School. Teachers College Press, 2012.
24. *Harris A.* Distributed leadership and school improvement: Leading or misleading? // Educational Management Administration & Leadership. 2004. Vol. 32. No. 1.

25. *Honig M.I.* District central office leadership as teaching: How central office administrators support principals' development as instructional leaders // Educational Administration Quarterly. 2012. Vol. 48. No. 4.
26. *Leithwood K., Jantzi D.* Linking leadership to student learning: The contributions of leader efficacy // Educational Administration Quarterly. 2008. Vol. 44. No. 4.
27. Students, Computers and Learning: Making the Connection. OECD Publishing, 2015.
28. *Spillane J.P., Reiser B.J., Reimer T.* Policy implementation and cognition: Reframing and refocusing implementation research // Review of Educational Research. 2002. Vol. 72. No. 3.
29. *Weick K.E.* Sensemaking in Organizations. Sage Publications, 1995.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-475-490
EDN: YJDBZI

Managerial perceptions of educational reforms (based on the survey of Saint Petersburg school principals)*

I.V. Grishina[1], K.Yu. Belousov[2], M.N. Yashina[3]

[1]Gymnasium No. 114 of the Vyborg district of Saint Petersburg,
Yesenina St,, 34, bldg. 2, Saint Petersburg, 194358, Russia

[2]K.D. Ushinsky Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,
Lomonosov St., 11–13, Saint Petersburg, 191002, Russia

[3]Saint Petersburg State University,
Smolny St., 1/3 (Entrance 9), St. Petersburg, 191124, Russia

(e-mail: giv0201@mail.ru; beloysov@mail.ru; mnya@mail.ru)

Abstract. Today schools go through a period of continuous reforms affecting management and pedagogical practices. In this context, the perception of change by school principals as key agents of educational policy is particularly significant. Researchers consider school principal leadership as a multidimensional phenomenon combining strategic thinking, pedagogical focus, social sensitivity, and a willingness to engage in collective reflection. Research on managerial leadership shows that principal's effectiveness is determined by a combination of professional competencies and institutional context. The authors aimed at identifying types of managerial perception of reforms in education and factors influencing differences in principals' assessments (N = 183 of Saint Petersburg school principals). The methodological basis of the study is the theory of resource conditions and managerial constraints, and approaches to educational policy sensemaking and enactment at the school level. Data analysis allowed to identify two typological groups of principals: "optimists" (48 %) and "skeptics" (52 %), who differ in their models of interpreting the reform agenda. Skeptics assess most changes in education as little or moderately significant, while optimists — as clearly significant. This perception of reforms is determined by the assessment of the principal's professional tasks: skeptics more critically assess all tasks, emphasizing resource constraints. The most significant differences are observed in the areas of management and evaluation, primarily in the "independent assessment

*© I.V. Grishina, K.Yu. Belousov, M.N. Yashina, 2026
The article was submitted on 04.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

of education quality": optimists see the greatest positive changes, while skeptics are more reserved. The study results show heterogeneity in managerial perception of reforms, pointing to two dominant managerial frames: "deficit-oriented management" and "development-oriented management".

Key words: school management; principal; educational reforms; managerial perception; deficit-oriented management; development-oriented management; educational policy

For citation: Grishina I.V., Belousov K.Yu., Yashina M.N. Managerial perceptions of educational reforms (based on the survey of Saint Petersburg school principals). *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 475–490. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-475-490 EDN: YJDBZI

References

1. Volkov V.N. K probleme prinyatiya resheniy shkolnym rukovoditelem v sovremennyh usloviyah [On the school principal's decision-making in contemporary conditions]. *Nauchnoe Obozrenie. Pedagogicheskie Nauki.* 2018; 1. (In Russ.).
2. Gordashnikova O.Yu., Kuznetsov A.N., Fedorchuk Yu.M. Razvitie mekhanizma disseminatsii upravlencheskogo opyta direktorov shkol sistemy obshchego obrazovaniya [Development of mechanism for disseminating managerial experience of school principals]. *Chelovek i Obrazovanie*. 2022; 2. (In Russ.).
3. Grishina I.V. Professionalnaya upravlencheskaya deyatelnost rukovoditelya obrazovatelnoy organizatsii: budushchee v nastoyashchem [Professional managerial activity of the head of educational organization: Future in the present time]. *Nepreryvnoe Obrazovanie v Sankt-Peterburge.* 2020; 1. (In Russ.).
4. Deryabin A.A., Boytsov I.E., Popov A.A. Analiz predstavleniy direktorov shkol Rossii o tsifrovoy transformatsii [Analysis of the Russian school principals' ideas about digital transformation]. *Obrazovaniye i Nauka.* 2021; 23 (10). (In Russ.).
5. Kasprzhak A.G. Direktor rossiyskoy shkoly: mezhdu "vchera" i "zavtra" [Principal of the Russian school: Between "yesterday" and "tomorrow"]. *Narodnoe Obrazovanie.* 2015; 7. (In Russ.).
6. Kasprzhak A.G., Bysik N.V. Kak direktora rossiyskih shkol prinimayut resheniya [How Russian school principals make decisions]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2014; 4. (In Russ.).
7. Kasprzhak A.G., Isaeva N.V. Pochemu direktora avtoritarny i chto iz etogo sleduyet? [Why are directors authoritarian and what does this mean?]. *Narodnoe Obrazovanie.* 2015; 8. (In Russ.).
8. Kasprzhak A.G. Direktor rossiyskoy shkoly: pedagog ili menedzher? [Russian school director: Teacher or manager?]. *Direktor Shkoly.* 2015; 9. (In Russ.).
9. Lazareva M.V. Direktor shkoly kak organizator i lider professionalnogo razvitiya kollektiva: praktiko-orientirovanny podkhod [School principal as an organizer and leader of professional development of the team: A practice-oriented approach]. *Chelovek i Obrazovanie.* 2025; 3. (In Russ.).
10. Morozov A.V. Professionalny standart direktora shkoly kak indikator upravlencheskoy kompetentnosti [Professional standard of the school principal as an indicator of managerial competence]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya.* 2019; 8 (3). (In Russ.).
11. Otchet po rezultatam mezhdunarodnogo issledovaniya uchitelskogo korpusa po voprosam prepodavaniya i obucheniya: natsionalny otchet [TALIS 2018 Results (Vol. II): Teachers and School Leaders as Valued Professionals]. OECD Publishing; 2020. (In Russ.).
12. Farkhatdinov N., Evstigneeva N., Kurakin D., Malik V. Modeli upravleniya obshcheobrazovatelnoy organizatsiey v usloviyah reform: opyt sotsiologicheskogo analiza [Models for managing secondary schools under reforms: A sociological analysis]. *Voprosy Obrazovaniya.* 2015; 2. (In Russ.).

13. Shafazhinskaya N.E., Golubeva T.I., Firsova S.V. Professionalnaya podgotovka direktorov shkol v evropeyskih stranah [Professional training of school principals in European countries]. *Pedagogika.* 2025; 89 (10). (In Russ.).
14. Barrett P., Zhang Y., Davies F., Barrett L. *Clever Classrooms: Summary Report of the HEAD Project*. Salford; 2015.
15. Braun A., Maguire M., Ball S.J. Policy enactments in the UK secondary school: Examining policy, practice and school positioning. *Journal of Education Policy.* 2010; 25 (4).
16. Bush T. Research on educational leadership and management: Broadening the base. *Educational Management Administration & Leadership.* 2018; 46 (3).
17. Coburn C.E. Shaping teacher sensemaking: School leaders and the enactment of reading policy. *Educational Policy.* 2005; 19 (3).
18. Day C., Gurr D. *Leading Schools Successfully: Stories from the Field*. Routledge; 2014.
19. Fullan M. *The New Meaning of Educational Change*. New York; 2016.
20. Greany T., Higham R. Hierarchy, markets and networks: Analyzing the policy architecture for school leadership in England. *Educational Management Administration & Leadership.* 2018; 46 (3).
21. Hallinger P. Leadership for learning: Lessons from 40 years of empirical research. *Journal of Educational Administration. 2011*; 49 (2).
22. Hargreaves A. Inclusive and exclusive educational change: Emotional responses of teachers and leaders to policy innovation. *Journal of Educational Change*. 2004; 24 (3).
23. Hargreaves A., Fullan M. *Professional Capital: Transforming Teaching in Every School*. Teachers College Press; 2012.
24. Harris A. Distributed leadership and school improvement: Leading or misleading? *Educational Management Administration & Leadership.* 2004; 32 (1).
25. Honig M.I. District central office leadership as teaching: How central office administrators support principals' development as instructional leaders. *Educational Administration Quarterly*. 2012; 48 (4).
26. Leithwood K., Jantzi D. Linking leadership to student learning: The contributions of leader efficacy. *Educational Administration Quarterly*. 2008; 44 (4).
27. *Students, Computers and Learning: Making the Connection.* OECD Publishing; 2015.
28. Spillane J.P., Reiser B.J., Reimer T. Policy implementation and cognition: Reframing and refocusing implementation research. *Review of Educational Research.* 2002; 72 (3).
29. Weick K.E. *Sensemaking in Organizations*. Sage Publications; 1995.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 491–510**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510
EDN: YIPEIC

Религиозность, религиозная идентичность и безопасность населения регионов азиатского приграничья России в условиях постсекулярной реальности*

Д.А. Омельченко[1,2], С.Г. Максимова[1,2], О.Е. Ноянзина[1], П. Цэденбал[2], Ч.Б. Мунхбаяр[2]

[1]Российский биотехнологический университет,
Волоколамское ш., 11, Москва, 125080, Россия

[2]Алтайский государственный университет,
ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия

[3] Филиал Западного региона Монгольского государственного университета,
Жаргалант баг, Ховд аймаг, Жаргалант сум, Ховд, 84000, Монголия

(e-mail: omelchenko@socio.asu.ru; Svet-maximova@yandex.ru; noe@list.ru;
purevsuren.khu@gmail.com; munkh9998@gmail.com)

Аннотация. Постсекулярное общество, формирующееся в условиях этнического и конфессионального многообразия, характеризуется сосуществованием и взаимопроникновением традиционных религиозных практик, индивидуализированных форм духовности и секулярных установок, что создает уникальные вызовы и возможности для обеспечения духовной безопасности и социальной стабильности. В статье рассматриваются особенности религиозности, религиозной идентичности и восприятия безопасности в регионах азиатского приграничья России (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва) на основе данных социологических опросов, проведенных в 2024 году. Применение индекса центральности религиозности и методов статистического моделирования позволило выявить многоуровневую структуру религиозного сознания и специфику его влияния на субъективные оценки личной и духовной безопасности, а также на общее социальное самочувствие населения. Результаты опросов показали, что религиозность и религиозная идентичность выступают значимыми факторами духовной безопасности, однако их влияние зависит от регионального этноконфессионального контекста. В регионах с преобладанием традиционных религиозных практик религиозная идентичность тесно связана с ощущением защищенности, тогда как в более секуляризованных сообществах духовная безопасность приобретает нерелигиозное содержание. Кроме того, восприятие угроз духовной безопасности во многом определяется религиозными установками и уровнем религиозной интеграции личности. Представленные данные расширяют представления о религиозности как сложном социально-психологическом конструкте в постсекулярном обществе и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения меха-

*© Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Цэденбал П., Мунхбаяр Ч.Б., 2026
Статья поступила в редакцию 04.08.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

низмов духовной безопасности в многонациональных и поликонфессиональных приграничных регионах.

Ключевые слова: постсекулярное общество; этноконфессиональное разнообразие; религиозность; религиозная идентичность; духовная безопасность; азиатское приграничье

Для цитирования: *Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Цэденбал П., Мунхбаяр Ч.Б.* Религиозность, религиозная идентичность и безопасность населения регионов азиатского приграничья России в условиях постсекулярной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 491–510. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510 EDN: YIPEIC

Религия как механизм социальной регуляции значительно трансформируется под влиянием изменений, характерных для постсекулярного мира. Священное и профанное, религиозное и секулярное перестают восприниматься как противоположности, уступая новым, гибридным по форме моделям репрезентации социальной реальности [4; 13]. В качестве новых тенденций исследователи отмечают ориентацию на духовность и медитативные практики без привязки к конкретной религии [24], формирование религиозных движений, интегрирующих научные и псевдонаучные знания [1; 10], распространение практик «сетевой религиозности», формирующих личную «историю» посредством цифровых ресурсов и медиа и способствующих взаимовлиянию цифрового и «аналогового» религиозных миров [16; 17]. Эти и другие феномены ставят под сомнение как поступательную секуляризацию, так и возврат к домодерновому опыту проживания религиозности, характеризуются гибкостью, индивидуализацией и деинституционализацией, сочетанием традиционных и модернизационных ориентаций, трансгрессией приватного и публичного [6; 20].

С начала 2000-х годов «религиозный вопрос» отчетливо ассоциируется с проблемами безопасности в связи с актуализацией угроз терроризма и международной преступности [23]. Российский дискурс, помимо аналогичного тренда, подчеркивает роль религии в сохранении и укреплении нравственных ценностей, патриотизма и гуманизма, гармонизации межконфессиональных отношений, церковно-государственного сотрудничества в противодействии деструктивным явлениям в религиозной сфере [3; 7].

В условиях поликонфессиональности и постсекулярности как интерпретационной рамки [25], в которой представления о линейном развитии общества от традиционного к современному (безрелигиозному) сменяются признанием секулярных и десекулярных (П. Бергер) тенденций, возникают закономерные вопросы о том, как структурировано религиозное сознание, как представления о религии взаимосвязаны с проявляющимися в реальном этноконфессиональном пространстве религиозными идентичностями, как религиозность и религиозная идентичность сообразуются с императивами безопасности, в том числе в плоскости духовных потребностей, особенно в мультикультурных российских регионах, где приграничное положение соз-

дает особые условия для межрелигиозных взаимодействий и взаимовлияния конфессий. Обширная зона контакта с соседними государствами, высокая миграционная активность и трансграничные связи в приграничье способствуют воспроизводству этнического многообразия и формированию диаспор по обе стороны границы. Динамика развития приграничных регионов часто характеризуется дисбалансом модернизации по отношению к центру и к прилегающей территории иной страны [12].

Учитывая актуальный «поворот на Восток», в фокусе политического и научного внимания оказываются приграничные регионы азиатской части России — огромные слабо заселенные площади Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Спецификой данных регионов является высокий удельный вес и численность тех народов, что составляют основное население соседних государств — казахов, китайцев, монголов и корейцев, исторически сложившиеся в результате форсированных и добровольных процессов заселения фронтира особые отношения пришлых и местных, единоверцев и иноверцев [11]. Цель исследования — анализ показателей религиозности, религиозной идентичности и безопасности на основе социологических опросов населения трех регионов азиатского приграничья, отличающихся по этноконфессиональному составу (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва), выявление взаимосвязи между религиозными установками, субъективными оценками безопасности и показателями социального самочувствия. Полученные данные позволяют представить обобщенную модель, релевантную для данной зоны азиатского приграничья, выявить факторы, стимулирующие или ограничивающие религиозные практики, уточнить особенности взаимовлияния религии и безопасности населения на региональном уровне.

В отношении измерения религиозности не существует строгих канонов. Перечень возможных показателей включает убеждения, мнения о религиозных нормах и ценностях, проявления религиозных чувств, индивидуализированное поведение (молитва, чтение религиозных текстов), коллективные практики (посещение церковных служб, участие в религиозных праздниках, благотворительной, просветительской деятельности) [21; 26]. Авторы опираются на методологический подход Ш. и О. Хуберов, согласно которому религиозность — многомерный психосоциальный конструкт, состоящий из интеллектуального (когнитивного) измерения (система знаний о религиях, интерес к религиозным вопросам, оценка важности религии в жизни отдельного индивида и общества), идеологического (содержание верований, отношение к религиозным институтам, взаимодействие между формальными религиями, властью и обществом), публичного (внешние проявления религиозной идентичности, измерения приватных практик, аспекты духовных практик как часть личного пространства) и религиозного опыта (восприятие религиозных явлений, религиозные чувства и опыт

взаимодействия с трансцендентным) [22]. Индекс центральности религиозности (Centrality of Religiosity Scale), сконструированный на основе данного подхода, позволяет оценить выраженность указанных измерений в поликонфессиональной среде. Стандартизированные оценки по индексу дополнялись самооценкой религиозности по 10-бальной шкале (0 — полное неверие в бога) и вопросами о религиозной идентичности, операционализация которой осуществлялась путем выделения двух осей: внешней, формально-идеологической — на основе показателей вероисповедания, принадлежности к религии (по аналогии с гражданством, профессией, общественно-политическими предпочтениями и пр.), и внутренней, субъективно выраженной (сила ощущаемой близости с представителями своего вероисповедания).

Инструменты оценки безопасности в сфере духовных отношений также в значительной степени дискуссионны. Отечественные публикации сконцентрированы на анализе дефиниций, внешних признаков духовного кризиса и угроз духовной безопасности (см., напр., [2; 5; 8; 9]), тогда как в зарубежных публикациях духовная безопасность чаще рассматривается как проявление психического, экзистенциального благополучия (см., напр.: [18; 19]). Принимая во внимание ограничения неустоявшихся методологических подходов, в ходе исследования использовалась комбинированная методика, в которой субъективная оценка защищенности в духовной сфере сопоставлялась с общей оценкой личной безопасности и субъективного благополучия. В инструментарий также были включены показатели распространенности угроз духовной безопасности, дифференцированные по сферам общественной жизни. Широкий подход к пониманию духовного как противоположного материальному, а духовности — как не тождественного религиозности качества внутреннего опыта человека, его внутренних переживаний, которые на социетальном уровне тесно связаны с объединяющими началами общества, моралью, нравственностью, духовными традициями, позволил включить в список (17 показателей) разноплановые проявления бездуховности — от равнодушия и недостатка ответственности до нарушений законодательства. Задачей исследования было выявление актуализированных в общественном сознании угроз и их взаимосвязей с показателями религиозности и религиозной идентичности: согласно гипотезе, на восприятие угроз безопасности в духовной сфере влияет религиозный фактор. Эмпирическая основа статьи — результаты социологических опросов (в гибридном формате — онлайн анкетирование и личные интервью) населения Алтайского края, Республики Алтай и Республики Тыва, проведенные в 2024 году. В каждом регионе в опросе приняли участие 400 человек старше 18 лет, выборка квотная, контролируемой по показателям пола, возраста и места проживания (город и село).

Конфессиональная мозаика азиатского приграничья: между институциональной и индивидуальной религией

В опросах общественного мнения и научных публикациях последних лет (см., напр.: [15]) фиксируется тенденция смещения религиозности из институциональной в индивидуальную сферу, что проявляется в отказе следовать традиционным церковным предписаниями и в большей осознанности внутренних переживаний и религиозного опыта. Пандемия еще больше усилила отход в сторону индивидуализированной и все более «викарной» религии, когда вместо личного присутствия воцерковленному меньшинству и духовенству делегируются функции отправления религиозных ритуалов, или участие осуществляется в дистанционном формате. На долю «верующего большинства» остается индивидуальное, иногда полностью лишенное мистического переживания чувство сопричастности общей религиозной культуре.

Религиозная ситуация в приграничье продолжает определяться сильным присутствием традиционных религий: 35,8 % идентифицировали себя как православных (не ответивших 6,7 %), 2,3 % отнесли себя к другим христианским конфессиям (католичество, протестантизм, пятидесятничество, адвентизм и др.), доля буддистов — 9,6 %, лиц, сочетающих буддизм и шаманизм — 3,7 %, исключительно шаманизм — 2 %, последователей ислама — 2,7 %, алтайской веры (бурханизма) — 4,5 %. Около трети опрошенных отнесли себя к неверующим, 2,2 % — последователи других религий, 5,9 %, имеют диффузную идентичность и не могли сказать, верят они или нет и во что именно. В Алтайском крае православие доминирует (более 70 %), в Республике Алтай православных около 57 %, в Республике Тыва — 11,5 %. В Республике Алтай, кроме православия, значимыми религиями являются ислам (17,6 %) и «алтайская вера» — бурханизм (11,8 %). В Республике Тыва около 58 % исповедуют буддизм, 15,4 % — сочетание буддизма и шаманизма, 7,7 % — христиане. Только в Алтайском крае 3,2 % указали, что не считают себя верующими.

Значения индекса религиозности (CRS) также указывают на значимость религиозности как характеристики сознания, оказывающей организующее влияние на жизнь человека, его взаимоотношения с окружающими, формирование специфических социальных связей и активностей. Среднее значение индекса по выборке — 2,62 балла (чуть выше среднего по России), низкий уровень (1–2 балла) выявлен у 31,1 %, средний (от 2,06 до 3,94 балла) — у 60,4 %, высокий (от 4 до 5 баллов) — у 8,5 %. Оценки по индексу более «усредненные» по сравнению с самооценкой, по которой количество лиц с «нулевой религиозностью» составило 13,4 %, 26,7 % имели низкие оценки (в совокупности 40,1 %), 16,6 % — высокие, 43,3 % — средние. В целом взаимосвязь между самооценкой и индексом центральности религиозности достаточно высокая и статистически достоверная: коэффициент корреля-

ции r в Алтайском крае — 0,65, в Республике Алтай — 0,72, в Республике Тыва — 0,58 ($p < 0,01$).

Наибольший индекс религиозности был выявлен у жителей Республики Тыва (2,95), наименьший — в Алтайском крае (2,55), в Республике Алтай — промежуточные значения (2,73). Женщины обладают достоверно более высоким уровнем религиозности (2,75), чем мужчины (2,39), а молодежь до 30 лет — более низким (2,5), чем у лиц среднего (2,63) и старшего (2,70) возраста. При этом религиозность не зависит от образования, доходов и социального статуса. Сравнение по вероисповеданию показало, что основные различия наблюдаются между не считающими себя верующими или имеющими неопределенную идентичность и теми, кто сделал осознанный конфессиональный выбор. Максимальные значения имели последователи ислама (3,48 балла), но различия в уровне религиозности между конфессиями лежат в пределах статистической погрешности ($F_{df=143}=1,389$, $p = 0,192$).

Важной характеристикой религиозной идентичности, отражающей ее имманентную социальность, выступает близость связей с единоверцами: около трети (27,6 %) испытывают привязанность к представителям «своей» религии (по сумме положительных ответов), 18,3 % — крайне редко, 20,5 % — никогда. Необходимые для функционирования религиозных сообществ такие связи выступают в качестве «социального клея», в более широком социальном контексте обеспечивая чувство единства с людьми со схожими общекультурными ориентациями, не обязательно напрямую связанными с верой: взаимосвязь с индексом центральности религиозности по tau-b Кендалла составила 0,35, с самооценкой религиозности — 0,49 ($p < 0,01$). Таким образом, в структуре религиозной идентичности жителей приграничных территорий религиозность — важный, но не единственный элемент самосознания, определяющий выбор в системе межконфессиональных связей и идентификаций.

Религиозность и безопасность: через физическую уязвимость к духовной стабильности и угрозам национальной духовной безопасности

Анализ ответов на общий вопрос «Насколько в целом Вы ощущаете себя в безопасности?» показал, что только 20,4 % ощущают себя полностью в безопасности, 44,4 % испытывают чувство относительной защищенности, 21,5 % — некоторую уязвимость, 5,5 % совсем не ощущали себя в безопасности (совокупная доля положительных ответов — 64,8 %, отрицательных — 27 %, затруднились с ответом — 8,2 %). Взаимосвязь ответов с полом незначима, а с возрастом — нелинейная: максимум отрицательных ответов дали респонденты в возрасте 31–49 лет (32,2 %), в младшей и старшей возрастных группах уровень воспринимаемой уязвимости ниже (24,9 и 29,6 %). Различия по уровню образования статистически не достоверны, но заметна тенденция

лиц с высшим образованием ощущать себя в менее защищенном положении (32 %, среди лиц с меньшими образовательными уровнями — в среднем 25,1 %). Материальное благополучие оказывает самый сильный эффект: доли отрицательных ответов «богатых» и «бедных» (по самооценке) различаются почти в 2 раза (47–51 % отрицательных ответов среди бедных и 23–29 % среди богатых). То есть уже на уровне социально-структурных факторов различия в оценках говорят об антагонизме социальных позиций по уровню безопасности (более «доступна» привилегированным или менее подверженным рефлексии категориям населения).

Уровень оцениваемой духовной безопасности несколько выше общей (личной) безопасности. Положительно на вопрос «Насколько Вы чувствуете себя защищенным(ной) в духовном плане?» ответили 76,3 % (28,5 % ощущали себя полностью в безопасности). В опасном положении находятся 2,3 % (доля затруднившихся с ответом — 8,7 %), больше всего духовно уязвимых в Алтайском крае (20 %). Духовная уязвимость присуща лицам с невысоким уровнем образования — не выше среднего профессионального (21–24 % отрицательных ответов), тогда как образованные граждане чаще ощущают себя в духовной безопасности (14,3–15,7 %). Оценки также коррелируют с финансовым благополучием: наиболее защищенными в духовном плане себя чувствуют лица со средней и достаточной обеспеченностью (доля уязвимых в этих группах — 12,1 % и 15, 8 %). Больше всех уязвимых среди тех, кто живет очень бедно (46,7 %) и бедно (33,6 %) или, напротив, богато (20,8 %). Контраст оценок духовной и личной (физической) безопасности и разная направленность воздействия ключевых факторов указывают на необходимость дифференцированного подхода к анализу разных видов безопасности в силу их несводимости к одному показателю.

Обращение к религии ассоциируется с чувством защищенности, устойчивости духовного «Я»: респонденты, у которых ценность религии является одной из ведущих, имеющие более высокие показатели религиозности, те, кто воспитывался в религиозных семьях, реже ощущают себя в уязвимом положении (среди разделяющих религиозные ценности — 8,6 %, среди тех, кто не указал их в качестве значимых, — 17,2 %, среди лиц, воспитывающихся в очень религиозной семье — 13,9 %, умеренно религиозной — 12,8 %, слабо религиозной — 19,3 %, не религиозной — 16,9 %, среди лиц с низкой религиозностью — 14,5 %, средней — 18,4 %, высокой — только 7,9 %).

Оценивая свое эмоциональное состояние, характеризующее не только индивидуально-психологические особенности, но и оценку общественного благополучия, только 8,3 % отметили, что чувствовали прилив духовных и физических сил, 17,5 % — находились в состоянии душевной гармонии, спокойствия, 44 % — чувствовали себя относительно нормально (69,8 % положительных или нейтральных ответов), 17 % испытывали эмоциональное напряжение, 3,8 % — апатию, безысходность, потерю смысла жизни, 9 %

не смогли идентифицировать свои чувства. Социально-демографические различия прослеживаются в основном в выборе крайних позиций (безысходности или душевного подъема), тогда как центральные позиции, указывающие на относительно стабильное положение, примерно схожи. Как и по остальным показателям безопасности, не обнаружено значимых различий по полу, но чаще всего прилив духовных и физических сил испытывали респонденты до 30 лет (14,3 %), а в старших возрастах эта доля резко снижается (до 6–8 %). Аналогичная ситуация прослеживается в отношении образования: чем выше уровень образованности, тем реже отмечается прилив душевной энергии — среди лиц с высшим образованием 9,6 %, со средним профессиональным — 12,9 %, с основным общим — 17,9 %. Взаимосвязь между социальными настроениями и материальным положением неоднозначна: с одной стороны, финансовое благополучие защищает от апатии и безысходности (таковых среди бедных в десять раз больше, чем среди богатых, — 20 % и 2,1 %); с другой стороны, яркие положительные эмоции испытывают либо самые бедные (26,7 %), либо самые богатые (29,2 %) — у респондентов со средним достатком скорее нормальное самочувствие (50 %).

Корреляция социальных настроений с оценками духовной безопасности составила tau-b=0,33, с общей оценкой безопасности tau-b = 0,41, что указывает на их общую семантическую составляющую. По индексу религиозности максимальные различия наблюдались между лицами с высоким уровнем религиозности, существенно чаще испытывающими прилив духовных и физических сил (18 %) и всеми остальными (7,6–8,6 %). В отношении апатии и безысходности соотношение ответов иное: если у лиц с низким уровнем религиозности такое состояние наблюдалось в 1,6 чаще, чем по выборке (6 %), то среди лиц со средним и высоким уровнем– в два раза реже (3 %). Лица с высокой религиозностью существенно реже испытывали эмоциональное напряжение, раздражение и беспокойство (9,4 % против 20 % в других группах), в то время как доли лиц с нормальным самочувствием были сопоставимыми. Таким образом, результаты предварительного анализа подтверждают гипотезу о защитной роли религиозности как личностного и социального конструкта, способствующего формированию внутренних ресурсов, которые помогают справиться с нестабильностью и неопределенностью окружающего мира, обеспечивают позитивный взгляд на мир. Между тем такой подход, учитывающий общие оценки религиозности, религиозной идентичности и безопасности, дает только поверхностное знание о механизмах из взаимовлияния, что требует их горизонтального (учет различных компонентов) и вертикального (выход за пределы индивидуального уровня) расширения, что и было сделано на основе анализа угроз духовной безопасности на уровне региона и страны.

Учитывая геополитическую ситуацию, усиление государственного регулирования ценностно-идеологической сферы и формирование семей-

ной политики, ориентированной на традиционные модели супружеского и родительского поведения, многие ответы были ожидаемыми. Основные угрозы, по мнению опрошенных, — разрушение традиционных семейных ценностей (41,6 %), разрыв в восприятии мира между бедными и богатыми (41,5 %), равнодушие и безответственность людей (40,4 %); деградация общей культуры, снижение уровня образованности, интеллектуального уровня граждан (39 %), низкое качество образования и школьного воспитания (35,2 %); проблемы домашнего насилия, негативного влияния западных ценностей и массовой культуры (26,9 %); каждый пятый обеспокоен преступностью и отсутствием общественного консенсуса по вопросам национального развития.

Факторный анализ показал, что оценки угроз укладываются в шесть основных компонент (табл. 2). Первый фактор — *угрозы российским традиционным ценностям*: максимальные нагрузки имеют варианты «разрушение традиционных семейных ценностей, низкое качество семейного воспитания» (0,75) и «влияние западных ценностей и массовой культуры» (0,46). Второй фактор — *угрозы, проявляющиеся в межнациональных и межконфессиональных отношениях:* «расовая и этническая нетерпимость, межнациональная вражда» (0,56), «противостояние и враждебность между различными религиозными течениями» (0,7), «непонимание и конфликты между коренным населением и мигрантами» (0,47). Третий фактор — *внешнеполитические угрозы духовной безопасности*: «информационные угрозы со стороны Запада, распространение ложной информации» (0,78) и «влияние западных ценностей и массовой культуры» (0,56). В четвертый фактор с максимальной нагрузкой вошли угрозы «рост преступности, криминализация общества» (–0,46), «распространение новых религий, деструктивных религиозных течений и культов» (0,72) и «религиозный фундаментализм, экстремизм» (0,58) — *фактор, связанный с деструктивными явлениями*, а различающийся знак нагрузки, видимо, обозначает противопоставление массовых и уникальных явлений — указывает на наличие (религиозный фундаментализм, экстремизм) или отсутствие (массовая преступность, криминализация) идеологической (религиозной или политической) мотивации девиантного поведения. Пятый фактор связывает *экзистенциальные угрозы* (равнодушие и безответственность) (–0,61) с деградацией культуры (0,61), упадком науки, инновационного и интеллектуального развития граждан (0,43). В шестом факторе нашли отражения опасения в отношении *ценностного раскола и отсутствия единства* по важным вопросам, связанным с развитием страны — идеологический кризис (0,56), отсутствие национальной идеи и сплоченности граждан (0,76) (о том, что такие угрозы имеются, сообщил каждый пятый). В целом факторная структура достаточно информативна и описывает 69,4 % дисперсии.

Таблица 1

Результаты факторного анализа духовных угроз (метод главных компонент, нагрузки после вращения Varimax (показаны нагрузки выше 0,4))

Духовные угрозы	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Разрушение традиционных семейных ценностей, низкое качество семейного воспитания	0,75					
Влияние западных ценностей и массовой культуры	0,46		0,56			
Противостояние и враждебность между различными религиозными течениями		0,7				
Расовая и этническая нетерпимость, межнациональная вражда		0,56				
Непонимание и конфликты между коренным населением и мигрантами		0,47				
Информационные угрозы со стороны Запада, распространение ложной информации			0,78			
Распространение новых религий, деструктивных религиозных течений и культов				0,72		
Религиозный фундаментализм, экстремизм				0,58		
Рост преступности, криминализация общества				–0,46		
Равнодушие и безответственность людей					–0,61	
Деградация общей культуры, снижение уровня образованности, интеллектуального уровня граждан					0,61	
Упадок науки, технического, инновационного развития					0,43	
Ценностный раскол, отсутствие единства по важным вопросам, связанным с развитием страны						0,76
Идеологический кризис, отсутствие национальной идеи, сплоченности граждан						0,56

Далее факторы угроз были сохранены как отдельные, и с ними был проведен корреляционный анализ на предмет выявления взаимосвязей с религиозными показателями: религиозность достоверно взаимосвязана с оценками угроз трех типов — российским традиционным ценностям (первый фактор) ($r_{самооценка} = –0,18$, $r_{CRS} = –0,27$, $r_{рел.идент.} = –0,21$, $p < 0,001$), внешними информа-

ционными угрозами (третий фактор) ($r_{самооценка} = 0,1$, $r_{CRS} = 0,17$, $r_{рел.идент.} = 0,14$, $p < 0,001$) и угрозами культурного развития (пятый фактор), в то время как угрозы межгрупповых отношений, идеологические и угрозы деструктивной деятельности оценивались независимо от характеристик религиозного сознания и установок.

Результаты статистического моделирования механизма взаимовлияния

На последнем этапе анализа все рассмотренные выше показатели были сведены в единую статистическую модель (рис. 1), оцениваемую с помощью метода структурных уравнений (SEM). Формула модели включала уравнения, позволяющие проверить гипотезы о взаимовлиянии компонентов религиозности (по индексу CRS), религиозной идентичности, личной и духовной безопасности, угроз духовного развития общества: на опросных данных подтвердились предположения, что личная безопасность и социальные настроения в значительной степени определяются оценками безопасности в духовной сфере ($\beta = 0,456$, и $\beta = 0,370$). Духовная безопасность на индивидуальном уровне, в свою очередь, зависит от выраженности трех составляющих религиозности: публичного компонента ($\beta = 0,134$), близости с единоверцами ($\beta = 0,1$) и самооценки ($\beta = –0,14$). Поскольку высокие значения зависимой переменной соответствуют состоянию уязвимости, а низкие — безопасности, внешние проявления религиозности (участие в религиозных службах, слушание проповедей, работа в общине, близость с единоверцами) ассоциируются с потерей духовного спокойствия, а внутренняя религиозность, напротив, соответствует более высоким оценкам. Среди других выявленных взаимосвязей отметим, что на восприятие угроз российским традиционным ценностям оказывают воздействие степень близости к единоверцам ($\beta = –0,113$) и идеологический компонент религиозности ($\beta = –0,158$), что говорит о формировании картины мира, в которой усвоенные религиозные нормы коррелируют с установками, транслируемыми в публичном пространстве (схожая ситуация с угрозами семейным ценностям). В отношении экзистенциальных угроз было выявлено три значимых детерминанты — интеллектуального компонента религиозности ($\beta = 0,455$), публичных практик ($\beta = –0,440$) и религиозного опыта ($\beta = –0,231$). Учитывая, что положительный полюс фактора определялся через оценку состояния науки и культуры, а отрицательный — через нравственные составляющие (ответственность и эмпатию), интеллектуальная активность в религиозной сфере ассоциируется с обеспокоенностью состоянием культуры и проблемами научно-технического развития, тогда как публичное проявление религиозности и трансцендентный опыт «высвечивают» проблемы равнодушия и безответственности.

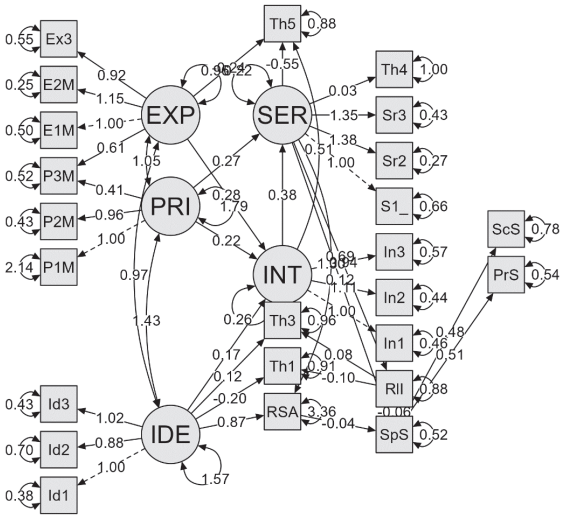

Рис. 1. Модель взаимосвязей показателей религиозной идентичности и духовной безопасности (CFI = 0,929, TLI = 0,917, RMSEA = 0,059, χ^2 = 1748,345, p < 0,001)

На завершающем этапе анализа мы апробировали модель на региональных подвыборках, что позволило выявить особенности взаимосвязей между отдельными аспектами религиозной идентичности и духовной безопасности с учетом региональных особенностей. Для Алтайского края не получили подтверждения связи между индивидуальными оценками духовной безопасности, публичными практиками, близостью с единоверцами и религиозной самооценкой (только на уровне статистической тенденции). Первый фактор угроз (семейным ценностям) также не был связан с религиозной идентичностью, а третий фактор (внешних информационных угроз) — с идеологическим измерением религиозности. Отсутствие связей не означает, что жители региона не придают значения этим угрозам — по обоим факторам оценки в Алтайском крае были одними из наиболее высоких среди регионов. Скорее речь идет о единстве мнений и отсутствии раскола по религиозному признаку — важность сохранения крепких семей на основе традиционных ценностей в равной степени признавали как верующие, так и неверующие. Все связи между показателями религиозности сохранились, подтвердилась и обусловленность показателей социальных настроений и общей безопасности оценками духовной безопасности. В отношении угроз экзистенциального плана выводы, сделанные на общей модели, также нашли свое подтверждение.

Для Республики Тыва также не подтвердилось влияние на уровень субъективно воспринимаемой духовной безопасности со стороны публичного измерения религиозности и самооценки, а на выраженность угроз семейным ценностям и традиционным основам общества — со стороны оценки близости к единоверцам. Также не подтвердилась связь

религиозного опыта и оценок угроз духовной безопасности по пятому фактору. Однако, если в Алтайском крае незначимость этих связей может быть связана с достаточно низким уровнем религиозности населения, то в Республике Тыва, где этот уровень один из самых высоких, речь может идти об особенностях религиозного самосознания тувинцев, в значительной степени сохраняющих черты традиционного общества и, значит, независимо от вариабельности религиозности, сфокусированных на вопросах сохранения семьи и семейных ценностей. Кроме того, в Республике Тыва доля давших отрицательные оценки своей духовной безопасности существенно ниже, чем в Алтайском крае и Республике Алтай. Предположение об уникальности религиозной ситуации подтверждается и некоторыми коэффициентами. Так, стандартизированный коэффициент взаимосвязи между частными духовными практиками и публичными проявлениями религиозности в Тыве очень высок ($\gamma = 0{,}808$, $p < 0{,}001$) — в 1,6 раз выше, чем в Алтайском крае. Направленность коэффициента означает, что чем более значимы молитва и медитация в частной жизни, тем более важны посещение публичных молебнов и других ритуалов. И если в Туве публичные практики действительно имеют религиозный характер, то в Алтайском крае они в большей степени формальны, поскольку религиозная идентичность чаще принимает культурные, а не религиозные формы.

В Республике Алтай третий фактор духовных угроз не имеет значимых связей с показателями религиозности. Как и в других регионах, фактор угроз семейным ценностям оказался незначимо детерминирован религиозной идентичностью (по связям с единоверцами). Оценка духовной безопасности не имеет связей с самооценкой религиозности и ее публичным измерением, а из детерминант интеллектуального измерения выпала связь с приватными практиками: видимо, интеллектуальное измерение рассматривается в республике как фактор, обусловливающий публичное поведение, и эта связь получила статистическое подтверждение. Дополнительно в число детерминант близости с религиозным сообществом вошло идеологическое измерение. На интеллектуальные практики религиозности оказывают воздействие ощущение личной веры и опыт взаимодействия с сакральным, тогда как молитва и медитация не так важны, иными словами, происходит трансформация ритуальных практик в сторону их обращения во внутренний мир и установления взаимосвязей с когнитивными процессами. В свою очередь, публичная демонстрация религиозности в большей степени опосредована интеллектуальной деятельностью, а уже потом необходимостью перенесения в публичное пространство приватных практик. Но публичное измерение очень важно, поскольку повышает самооценку религиозности и усиливает связь с единоверцами, что повышает уровень субъективно воспринимаемой духовной безопасности.

***

Религиозная идентичность — многомерный феномен, имеющий внешние и внутренние, индивидуальные и социальные, когнитивные и эмоциональные, оценочные и поведенческие проявления. Современные концепции религиозной идентичности подчеркивают роль осознанного выбора и целенаправленных усилий наряду с традиционными механизмами и принадлежностью к религиозному сообществу, социальных коммуникаций и ситуативных факторов в конструировании религиозной идентичности. Опираясь на пятичастную структуру религиозности, мы постарались, во-первых, проверить эмпирическую адекватность такой структуры, во-вторых, установить, как одни измерения влияют на другие, в-третьих, увязать их с другими показателями религиозной идентичности и, в-четвертых, показать, что религиозность, религиозная идентичность тесно связаны с показателями духовной безопасности населения приграничных регионов.

Конфирматорный факторный анализ подтвердил кросс-культурную и внутристрановую устойчивость пяти измерений религиозности, однако в моделях для регионов мы были вынуждены добавить одну перекрестную связь, которая возможно, указывает на некоторую специфичность религиозности в приграничье и объединяет спонтанные религиозные практики (внезапную молитву по незапланированным случаям) с опытом взаимодействия с трансцендентным. Одновременно было установлено, что на интеллектуальную активность в религиозной сфере значимое влияние оказывают показатели опыта, личной веры и приватных практик, которые имеют скорее чувственное содержание и выступают в качестве стимулов для переосмысления, рационализации религиозных чувств и переживаний. В свою очередь, интеллектуальная активность вместе с частными проявлениями религиозности определяют потребности в ее публичной демонстрации и установления взаимосвязей с другими членами религиозной общины (прихода, организации). Эти внешние связи и совместные коллективные действия участвуют в формировании чувства принадлежности к религиозному сообществу. В итоге самооценка религиозности, будучи результатом субъективного осознания и осмысления своей религиозности, актуализированная в момент проведения опроса, зависит как от внутренних детерминант (религиозной веры и интериоризации церковных догматов), так и от участия во внешней религиозной жизни.

Уровень духовной безопасности населения приграничных регионов довольно высок, оценки не имеют гендерных детерминант, но в наиболее уязвимом положении находится поколение, чье активное взросление пришлось на период длительного отсутствия публично демонстрируемой религиозности, сменившийся на слабо регулируемую либерализацию конфессиональной политики в 1990-е. Несмотря на то, что духовное и материальное представляют две противоположные ипостаси, их явная связь указывает

на первичность материальных потребностей и необходимость их удовлетворения по крайней мере на минимальном уровне, чтобы духовная безопасность воспринималась как достаточная. Получение образования оказывает защитный эффект — с повышением уровня образованности растет ощущение духовной защищенности. Религиозность, религиозное воспитание в семье, ориентация на религиозные ценности также формируют чувство духовной защищенности.

Оценки духовной безопасности связаны с оценками общей безопасности и социальными настроениями. Только пятая часть жителей приграничья высоко оценивают собственную безопасность, остальные испытывают сомнения или отмечают уязвимость своего положения. В Алтайском крае — крупном урбанизированном регионе — уровень субъективно оцениваемой безопасности ниже, чем в национальных республиках. Для оценок общей безопасности важны те же факторы, что и для духовной безопасности, но их воздействие различается: материальное положение однозначно ассоциируется с возможностями обеспечения безопасности, тогда как высшее образование, напротив, способствует осознанию уязвимости и часто сопровождается потерей душевных сил и энергии. Религиозность — способ преодоления негативных настроений, обретения смысла существования: среди религиозных людей почти в два раза меньше тех, кто испытывает напряжение и безысходность, и больше тех, кто испытывает положительные чувства.

Общая модель взаимосвязи религиозной идентичности и безопасности подтвердила предположение, что оценки личной безопасности и социальные настроения в значительной степени определяются показателями духовной безопасности, выступающей в качестве их определяющего фактора. На духовную безопасность, помимо отдельных социально-демографических и экономических факторов, положительное воздействие оказывает религиозная идентичность (осознание своей религиозности), что сопровождается высокой самооценкой себя как верующего человека, и ощущение тесной связи с единоверцами. В то же время публичные проявления религиозности способствуют усилению беспокойства относительно духовной безопасности, что, вероятно, связано с проповеднической деятельностью духовных лидеров, часто акцентирующих внимание на социальных и духовных проблемах современности. Чем больше ощущаемая близость со своей религиозной группой и сильнее вера в бога, тем более значимы для респондента угрозы семейным и традиционным ценностям, в то время как на восприятие угроз в сфере науки, культуры и образования наибольший эффект оказывают факторы интеллектуального и публичного измерений религиозности, а также фактор религиозного опыта.

В региональных моделях, при сохранении общих взаимосвязей между отдельными компонентами религиозности и религиозной идентичности, вос-

приятия угроз в культурной, образовательной и научной сферах, детерминации общей безопасности и социальных настроений со стороны духовной безопасности населения, наблюдаются свои особенности. Так, в Алтайском крае оценки духовной безопасности практически не связаны с личной религиозностью, участием в богослужениях и связями с религиозными сообществами, т.е. духовная безопасность воспринимается в секулярном контексте и что среди населения эти измерения религиозности не слишком выражены и значимы. В Республике Тыва индивидуальная духовная безопасность не зависит от публичного измерения, но тесно связана с религиозной идентичностью, причем в регионе более выражена зависимость между частными и публичными религиозными практиками. Особенности Республики Алтай — необусловленность восприятия угроз традиционным ценностям характеристиками религиозного сознания и поведения, отсутствие связи между оценками угроз распада семейным ценностям, встроенностью в религиозную общину и интеллектуальным измерением — с одной стороны — и приватными практиками — с другой.

Таким образом, оценка угроз духовной безопасности дифференцируется в зависимости от того, какое измерение религиозности эти угрозы затрагивают в большей степени, тогда как религиозность, религиозная идентичность выступают важным защитным фактором духовной безопасности личности, а через нее — населения. Между тем очевидно, что духовность населения получает защиту от религии только в регионах и группах с традиционным укладом жизни и более высокими показателями религиозности, тогда как в регионах с преобладающим православным населением, где велика доля культурной (формальной) религиозной идентичности, не сопровождающейся сильными религиозными переживаниями, усвоением религиозных догм и устоявшимися нормами религиозного поведения, а также в группах с низкой религиозностью духовная безопасность получает нерелигиозное содержание, перестает быть связана с религиозной системой и становится индивидуальным бременем, с которым приходится справляться собственными усилиями и духовными ресурсами.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Библиографический список

1. *Васильева Е.Н.* Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1.
2. *Возьмитель А.А.* Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15. № 2.
3. *Забелин С.А.* Религия и безопасность: новые подходы ОБСЕ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2.

4. *Казанова Х.* Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 4.
5. *Кисляков П.А.* Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 5.
6. *Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А.* Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1.
7. *Пономарев М.В.* Закрепление императива традиционных духовно–нравственных ценностей: религиозно-институциональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12.
8. *Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А.* Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1.
9. *Саенко Н.Р., Саенко А.В.* Духовная безопасность как составляющая национальной безопасности России // Успехи современной науки. 2016. № 1.
10. *Сидоренко Н.С., Шахторин А.А.* Феномен новых религиозных движений: трансформация религиозности в современной социокультурной ситуации // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4.
11. *Смирнова Т.Б., Блинова А.Н.* Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 3.
12. *Узбекова Ю.И.* Трансграничные регионы азиатской России в парадигме центр-периферийных отношений // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды. М., 2017.
13. *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М., 2020.
14. *Хубер Ш., Хубер О.В.* Шкала центральности религиозности (CRS) // Социология: 4М. 2018. № 47.
15. *Элбакян Е.С.* Метаморфозы институциональной религиозности (на примере христианства) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2023. № 3.
16. *Campbell H.A.* Introduction: The rise of the study of digital religion // Digital Religion. Routledge, 2012.
17. *Campbell H.A., Bellar W.* Digital Religion: The Basics. Routledge, 2022.
18. *Ellison C.W.* Spiritual well-being: Conceptualization and measurement // Journal of Psychology and Theology. 1983. Vol. 11. No. 4.
19. *Gomez R., Fisher J.W.* Domains of spiritual well-being and development and validation of the Spiritual Well-Being Questionnaire // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 35. No. 8.
20. *Hann C.* Problems with the (de) privatization of religion // Anthropology Today. 2000. Vol. 16, No. 6.
21. *Hill P.C., Hood Jr. R.W.* Measures of Religiosity. Birmingham, 1999.
22. *Huber S., Huber O.W.* The centrality of religiosity scale (CRS) // Religions. 2012. Vol. 3. No. 3.
23. *Marsden L.* Religion and International Security. John Wiley & Sons, 2019.
24. *Seiple C., Hoover D.R., Otis P.* (Eds.). The Routledge Handbook of Religion and Security. Routledge, 2012.
25. *Stoeckl K.* Multiple Modernities and Postsecular Societies. Routledge, 2016.
26. *Zwingmann C., Klein C., Büssing A.* Measuring religiosity/spirituality: Theoretical differentiations and categorization of instruments // Religions. 2011. Vol. 2. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510
EDN: YIPEIC

Religiosity, religious identity and security in the Asian border regions of Russia in postsecular reality*

D.A. Omelchenko[1,2], S.G. Maximova[1,2], O.E. Noyanzina[1], P. Tsedenbal[2], Ch.B.Munkhbayar[2]

[1]Russian Biotechnological University,
Volokolamskoe Sh., 11, Moscow 125080, Russia

[2]Altai State University,
Dimitrova St., 66, Barnaul, 656049, Russia

[3]Western Regional Branch of Mongolian State University,
Zhargalant bag, Khovd aimag, Zhargalant sum, Khovd, 84000, Mongolia

(e-mail: omelchenko@socio.asu.ru; Svet-maximova@yandex.ru; noe@list.ru; purevsuren.khu@gmail.com; munkh9998@gmail.com)

Abstract. Postsecular society developing under ethnic and confessional diversity is characterized by the coexistence and interpenetration of traditional religious practices, individualized forms of spirituality, and secular attitudes, which creates unique challenges and opportunities for ensuring spiritual security and social stability. The article examines the features of religiosity, religious identity and perceptions of security among the population of Russia's Asian border regions (Altai Region, Altai Republic, Republic of Tuva) based on the sociological surveys conducted in 2024. The Centrality of Religiosity Scale and statistical modeling allowed the authors to identify the multilevel structure of religious consciousness and its influence on subjective assessments of personal and spiritual security and on social well-being. The results show that religiosity and religious identity are significant factors of spiritual security, but their impact depends on the regional ethno-confessional context. In regions with prevailing traditional religious practices, religious identity is closely linked to the sense of security, while in more secularized communities, spiritual security acquires a non-religious character. The analysis also revealed that the perception of spiritual security threats is largely determined by religious attitudes and the level of individual religious integration. The presented data broaden the understanding of religiosity as a complex social-psychological construct in postsecular society and highlight the need for further research of spiritual security mechanisms in multiethnic and multiconfessional border regions.

Key words: postsecular society; ethnic-confessional diversity; religiosity; religious identity; spiritual security; Asian border regions

For citation: Omelchenko D.A., Maximova S.G., Noyanzina O.E., Tsedenbal P., Munkhbayar Ch.B. Religiosity, religious identity and security in the Asian border regions of Russia in postsecular reality. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 491–510. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-491-510 EDN: YIPEIC

Funding
The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 24-48-03002 "Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderland: Institutional and network mechanisms for constructing religious and ethnic identities and security in a post-secular reality" (2024–2026).

*© D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina, P. Tsedenbal, Ch. B.Munkhbayar, 2026
The article was submitted on 04.08.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Vasileva E.N. Novye religioznye dvizheniya: ponyatie i spetsifika [New religious movements: Concept and features]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2016; 1. (In Russ.).
2. Vozmitel A.A. Dukhovnaya bezopasnost: sotsiologichesky analiz [Spiritual security: Sociological analysis]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2006; 15 (2). (In Russ.).
3. Zabelin S.A. Religiya i bezopasnost: novye podkhody OBSE [Religion and security: New OSCE approaches]. *Naucho-Analiticheskiy Vestnik Instituta Evropy RAN*. 2020; 2. (In Russ.).
4. Kazanova Kh. Razmyshlyaya o postsekulyarnom: tri znacheniya "sekulyarnogo" i tri vozmozhnosti vykhoda za ego predely [Reflecting on the postsecular: Three meanings of "secular" and three possibilities beyond its limits]. *Gosudarstvo, Religiia, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2018; 36 (4). (In Russ.).
5. Kislyakov P.A. Sotsialnaya bezopasnost lichnosti: funktsionalnye komponenty i napravleniya formirovaniya [Personal social security: Functional components and directions of formation]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012; 5. (In Russ.).
6. Noyanzina O.E., Maksimova S.G., Omelchenko D.A. Traditsionnoe i modernizatsionnoe v konstruirovanii tsennostnyh osnovaniy zhiznennyh perspektiv molodezhi (Tuva i drugie regiony) [Traditional and modernization aspects in constructing value foundations of the youth life prospects (Tuva and other regions)]. *Novye Issledovaniia Tuvy*. 2023; 1. (In Russ.).
7. Ponomarev M.V. Zakreplenie imperativa traditsionnyh dukhovno-nravstvennyh tsennostei: religioznno-institutsionalny aspekt [Consolidation of the imperative of traditional spiritual-moral values: A religious-institutional aspect]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniia*. 2023; 12. (In Russ.).
8. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantieva V.A. Dukhovnaya bezopasnost v sovremennom rossiyskom obshchestve: ugrozy i puti ih preodoleniya [Spiritual security in the contemporary Russian society: Threats and ways to overcome them]. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*. 2019; 1. (In Russ.).
9. Saenko N.R., Saenko A.V. Dukhovnaya bezopasnost kak sostavlyayushchaya natsionalnoi bezopasnosti Rossii [Spiritual security as a component of Russia's national security]. *Uspekhi Sovremennoi Nauki*. 2016; 1. (In Russ.).
10. Sidorenko N.S., Shakhtorin A.A. Fenomen novyh religioznyh dvizheniy: transformatsiya religioznosti v sovremennoi sotsiokulturnoi situatsii [Phenomenon of new religious movements: Transformation of religiosity in the contemporary social-cultural situation]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kultura*. 2019; 4. (In Russ.).
11. Smirnova T.B., Blinova A.N. Etnodemograficheskie protsessy v prigranichnyh regionah Aziatskoi Rossii v novyh usloviiah povorota na Vostok [Ethnic-demographic processes in border regions of Asian Russia under the new turn to the East]. *Zhurnal Frontirnyh Issledovaniy*. 2024; 9 (3). (In Russ.).
12. Uzbekova Yu.I. Transgranichnye regiony aziatskoi Rossii v paradigme tsentr-periferiynyh otnosheniy [Cross-border regions of Asian Russia in the paradigm of center-periphery relations]. *Mnogovektornost v razvitii regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy*. Moscow; 2017. (In Russ.).
13. Uzlaner D. *Postsekuliarny povorot. Kak myslit o religii v XXI veke* [Postsecular Turn: How to Think about Religion in the 21st Century]. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Huber S., Huber O.W. Shkala tsentralnosti religioznosti (CRS) [Centrality of Religiosity Scale (CRS)]. *Sotsiologiia: 4M*. 2018; 47. (In Russ.).
15. Elbakyan E.S. Metamorfozy institutsionalnoy religioznosti (na primere khristianstva) [Metamorphoses of institutional religiosity (on the example of Christianity)]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2023; 3. (In Russ.).
16. Campbell H.A. Introduction: The rise of the study of digital religion. *Digital Religion*. Routledge; 2012.
17. Campbell H.A., Bellar W. *Digital Religion: The Basics.* Routledge; 2022.

18. Ellison C.W. Spiritual well-being: Conceptualization and measurement. *Journal of Psychology and Theology*. 1983; 11 (4).
19. Gomez R., Fisher J.W. Domains of spiritual well-being and development and validation of the Spiritual Well-Being Questionnaire. *Personality and Individual Differences*. 2003; 35 (8).
20. Hann C. Problems with the (de) privatization of religion. *Anthropology Today*. 2000; 16 (6).
21. Hill P.C., Hood Jr. R.W. *Measures of Religiosity*. Birmingham; 1999.
22. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*. 2012; 3 (3).
23. Marsden L. *Religion and International Security*. John Wiley & Sons; 2019.
24. Seiple C., Hoover D.R., Otis P. *The Routledge Handbook of Religion and Security*. Routledge; 2012.
25. Stoeckl K. *Multiple Modernities and Postsecular Societies*. Routledge; 2016.
26. Zwingmann C., Klein C., Büssing A. Measuring religiosity/spirituality: Theoretical differentiations and categorization of instruments. *Religions*. 2011; 2 (3).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 511–524**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524
EDN: YGSXIH

Фронтовое добровольчество как новая форма историчности: анализ локальных практик в логике А. Турена*

М.А. Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Б. Андроньевская ул., 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу локальных практик добровольчества на исторических территориях России в условиях специальной военной операции (СВО). Вопреки институциональным интерпретациям добровольчества как инструмента государственной политики или социального капитала исследование применяет активистский подход А. Турена, рассматривая добровольчество как форму новых социальных движений, где участники обретают гражданскую субъектность и историчность через триаду: идентичность («кто мы»), противник («против чего или за что боремся») и объект конфликта («что меняем»). Добровольчество предстает не реакцией на кризис, а активным конструированием автономии актора в «программируемом обществе», где СВО возвращает «лишнего человека» к статусу исторического субъекта, способного определять смыслы жизни через практики солидарности, риска и взаимоподдержки. Основной исследовательский вопрос: в какой мере и какими средствами региональные/городские добровольческие группы формируют автономную субъектность в условиях СВО, особенно в прифронтовых зонах (Северодонецк, Донецк, Курск, Белгород, Скадовск и др.). В исследовании применена методная триангуляция: 21 глубинное интервью с координаторами направлений, кураторами групп и добровольцами, трехлетнее невключенное наблюдение за несколькими добровольческими организациями регионального/местного уровня, включенное наблюдение — участие в миссии РПЦ в Северодонецке (октябрь 2025). Согласно полученным данным, идентичность добровольцев конструируется в формате «мы/свои» против внутренних оппонентов (россиян, игнорирующих СВО), с дистанцированием от «программных идеологем» государства; в отношении противника прослеживается системное отчуждение (атомарность в обществе, равнодушие части россиян), а объект конфликта описывается как восстановление «формы историчности» через солидарность. СВО катализирует трансформацию: успешная молодежь и менеджеры из мегаполисов обретают подлинность, выходя из имитации к телесному опыту риска и человечности, преодолевая ценностный вакуум «культуры шума». Практики солидаризации усиливают историчность: 7 из 10 рассмотренных кейсов — постоянное возвращение в места добровольческого служения, мифологизация героев среди фронтовых добровольцев, возникновение сетей (браки, переписки), региональная специфика «типичного» добровольца (конкретные личные и профессиональные качества).

*© Подлесная М.А., 2026
Статья поступила в редакцию 16.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Ключевые слова: добровольчество; специальная военная операция (СВО); А. Турен; субъектность; новые социальные движения; прифронтовые территории; солидарность

Для цитирования: *Подлесная М.А.* Фронтовое добровольчество как новая форма историчности: анализ локальных практик в логике А. Турена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 511–524. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524 EDN: YGSXIH

С социальной точки зрения добровольчество принципиально важно как показатель наличия гражданского общества и гражданской инициативы, а также для сохранения в обществе здорового нравственного чувства, при котором альтруизм и помощь ближнему остаются для части граждан устойчивой жизненной позицией и источником солидаризации [6]. О последнем свидетельствует как активность добровольцев во время пандемии, причем не только профилирующих категорий (например, студентов-медиков и медицинских работников), но и «серебряных волонтеров» [3] (пожилых людей, которые по возрасту сами могли нуждаться в помощи), так и многочисленная «народная» самоорганизация, проявившаяся в ходе специальной военной операции (СВО) на Украине. Вопреки ожиданиям институциональной социологии, где добровольчество (чаще используется термин волонтерство) трактуется преимущественно как инструмент государственной политики или социального капитала [10], активистский подход А. Турена позволяет увидеть в добровольчестве проявление субъектности, способной конкурировать с официальными нарративами солидарности.

Социологические опросы подтверждают рост добровольчества в ходе СВО: по данным ВЦИОМ, доля волонтеров выросла с 27 % (2023) до 36 % (2025), с акцентом на помощь СВО (36 %) (1); по данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в 2024 году помощь военнослужащим на СВО оказали 17 % опрошенных, в 2023 году — 18 %, в 2022 — 9 % (2). Исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (2022–2024) подчеркивают альтруистическую и социальную мотивацию волонтеров в чрезвычайных ситуациях [2]. Объединяет эти исследования фокус на массовых опросах и федеральных платформах, без учета локальных практик. Вместе с тем возможно изучение добровольчества, сосредоточенное на социально-психологических мотивах [12; 13], включая их эмпатико-альтруистическую природу [11], или на сугубо прагматических задачах, например факторах удовлетворенности, способствующих развитию волонтерства [4]. Однако без внимания остаются социальные практики конструирования гражданского субъекта на локальном уровне, особенно в регионах с высокой военно-политической напряженностью и неопределенностью статуса (например, присоединенные в ходе СВО территории обозначаются в медийном дискурсе то как новые, то как исторические).

В отличие от эпизодического волонтерства в мирное время (например, «серебряные волонтеры» или студенческие акции, часто мотивированные внешними факторами), прифронтовое добровольчество предполагает погружение в риск и обретение субъектности через телесный опыт. Это не обесценивает другие формы волонтерства как гражданской активности, но подчеркивает специфику конфликтного контекста по Турену. Основной исследовательский вопрос статьи — в какой мере и какими практическими средствами добровольческие/волонтерские группы на локальном уровне (региональные/городские) конструируют субъектность в условиях СВО в логике «социологии действия» Турена, и каковы региональные вариации этих практик на исторических территориях России, включая зоны повышенного риска (прифронтовые города).

Теоретической базой исследования выступает активистский подход А. Турена, в котором он развивает «социологию действия» (actionnalisme), противопоставляя ее структурно-функционалистским моделям и фокусируясь на историческом субъекте, способном через коллективные действия вмешиваться в социальное развитие общества [16; 8]. В этой перспективе добровольцы и добровольческие группы рассматриваются не как производная от структурных условий, а как акторы, конструирующие новые формы солидарности и гражданской субъектности. Для анализа важны не столько декларируемые установки, сколько практики действия, через которые добровольцы присваивают себе статус субъекта, а также конфликтные и амбивалентные измерения этой субъектности (напряжение между «помощью своим» и дистанцированием от политики, между локальной лояльностью и общегосударственным дискурсом).

Методологически исследование имеет качественный дизайн, позволяющий реконструировать субъективную и практическую сторону добровольчества. Во-первых, были проведены полуструктурированные интервью (21) с координаторами направлений, кураторами групп, добровольцами местного, а не федерального уровня. Такой выбор информантов обусловлен задачей выявить, каким образом «снизу» конструируются формы участия, распределяются роли, выстраиваются отношения с местными властями, бизнесом, военными и другими акторами. В интервью акцент делался на биографических траекториях, мотивации, способах организации повседневной работы, опыте конфликтов и переговорах о границах «допустимого» активизма. Во-вторых, использовалось длительное невключенное наблюдение (в течение трех лет) за деятельностью нескольких волонтерских организаций, организованных как частными лицами, так и в рамках действующих институций (например религиозных). Этот метод позволил отслеживать эволюцию практик, смену форматов участия, появление и исчезновение инициативных групп, а также увидеть, как декларируемые ценности (патриотизм, помощь «своим», христианское милосердие и др.) превращаются в устойчивые организационные

практики или, наоборот, наталкиваются на сопротивление и выгорание. В терминологии Турена наблюдение было направлено на фиксацию «работы актора» — как участники задают смыслы своим действиям и пересобирают социальное пространство вокруг себя. В-третьих, применялось включенное наблюдение в качестве участника добровольческой гуманитарной миссии Русской православной церкви в прифронтовом городе Северодонецке (октябрь 2025 года). Этот опыт помог увидеть, как формируются временные команды, как распределяется ответственность, как проживаются страх, уязвимость и взаимная поддержка. В логике активистского подхода этот уровень анализа важен для понимания, как субъектность добровольцев конституируется через переживаемый опыт риска, близости к военным действиям и постоянного морального выбора.

Сочетание трех методов обеспечивает триангуляцию данных: нарративы организаторов, длительное наблюдение за институционализированными форматами и «изнутри» переживаемый опыт взаимно дополняют друг друга, позволяя рассматривать добровольчество в условиях СВО не только как форму помощи или гражданской активности, но и как процесс становления и испытания гражданского субъекта в конфликтном и высоко политизированном контексте, что соответствует ключевым интенциям активистского подхода. Таким образом, методологически исследование близко к туреновской логике «социологической интервенции», где центральная задача — реконструкция смыслов, которые акторы придают своим действиям [14; 17]. Хотя в проекте не воспроизводится формальная процедура групповых сессий с участием исследователей, сохраняется ключевой принцип Турена: описание и интерпретация добровольчества строятся вокруг работы акторов по самоанализу и переопределению своих практик, а не вокруг внешне задаваемых категорий. Интервью и наблюдения — не только техники сбора данных, но и способы «социологической интервенции», поскольку исследователь стимулирует артикуляцию актором собственных смыслов и конфликтов, связанных с его участием в добровольчестве, что особенно важно в ситуации, когда оно оказывается на пересечении гуманитарных, военных и политических логик, и акторы вынуждены рефлексировать границы своего участия. Соответственно, в эмпирическом анализе рассмотрены три уровня добровольческой субъектности по Турену: идентичность («кто мы»), противник/вызов («против чего или за что боремся»), объект конфликта («что меняем»).

Идентичность добровольцев в условиях СВО. Напомним, что Турена к разработке «социологии действия» и концепции «новых социальных движений как защитников субъекта» подвел конкретный исторический опыт: переход к постиндустриальному обществу, волна протестов 1960–1970-х годов и кризис классического рабочего движения [16; 17]. Характер этих событий и возникших на их волне новых движений (студенческих, феминист-

ских, экологических, культурных и др.) свидетельствовал об иных запросах общества, нежели простое перераспределение материальных благ или экономические интересы. Речь шла прежде всего об идентичности, правах, участии и смысле жизни, что позволило новым движениям выступить от имени «субъекта» против безличных систем власти, рынка, бюрократии и коррумпированного права [17]. В отличие от прежних классовых движений, ориентированных на изменение объективных структур производства, новые движения, по Турену, боролись за «форму историчности» — за то, как будет устроена культура, идентичности, тело, сексуальность, отношения с природой и т.д., т.е. за возможность самим определять характер социальных отношений, представление о человеке и его будущем.

Нечто похожее наблюдается сегодня в российском обществе, где катализатором вскрытия латентных, подспудно тлевших запросов (частично и в элитах, и в массах) выступила СВО, поэтому можно интерпретировать добровольческие инициативы, возникшие на волне СВО, не только как инструмент «помощи» или ресурс государственной политики, но и как современную форму защиты и артикуляции субъектности в условиях «программируемого» и конфликтного общества [15]. Об этом свидетельствуют нарративы участников добровольческих организаций: отвечая на вопросы «кто мы», «против чего или за что боремся», добровольцы апеллируют — зачастую неосознанно и на протяжении всего интервью — к поиску и защите собственной субъектности, конструируя идентичность через практики солидарности и гражданской ответственности.

В терминах Турена конструкция идентичности добровольцев соответствует первому измерению социального движения: определению «кто мы» как коллективного субъекта, противостоящего не столько внешнему врагу (что предсказуемо в конфликтном контексте), сколько внутренним оппонентам — тем российским гражданам, кто не поддерживают СВО, выражают оппозиционные взгляды или игнорируют происходящее. На поверхностном уровне это может казаться включенностью в государственный патриотический дискурс (фронтовые добровольцы его действительно поддерживают), однако длительное наблюдение говорит об ином: «группа “мы” или “свои”» дистанцируется от тех, кто транслирует «программные», выхолощенные идеологемы, воспринимая в том числе и государство как не полностью «свое», если оно не отражает подлинных нужд и ожиданий фронта. Дистанцирование от государственных институтов проявлялось, например, в отказе куратора небольшой местной добровольческой группы от руководства более крупной волонтерской организацией, учредителем которой были местные органы власти. Кроме того, символические награды и поощрения от органов региональной/местной власти воспринимаются многими опрошенными скорее как формальность, обусловленная этикой публичной коммуникации, нежели как значимое признание заслуг. В то же время большой

эмоциональный отклик вызывали грамоты и поощрения, полученные от военных с фронта или, что важно в контексте изучения отношений с властью, от президента страны.

Ключевой элемент идентичности обнаруживается во втором туреновском измерении — определении «противника/вызова»: добровольцы фокусируют солидарность не на абстрактном государстве, а на участниках боевых действий (называя их в интервью «сыночки», «братья», «наши ребята»), идеализируя их и сохраняя при этом критический нейтралитет по отношению к власти. Тесное взаимодействие с военными разрушает иллюзии «программных» нарративов, обнажая реальные проблемы фронта. В результате добровольцы конструируют субъектность, близкую по своей автономии оппозиционерам (несмотря на их взаимные стереотипы: оппозиция видит в добровольцах «служителей государства», добровольцы в оппозиции — «игнорирующих своих»).

Идентичность фронтовых добровольцев представляет собой «движение защиты субъекта», где третье измерение — «объект конфликта» — заключается в изменении «формы историчности»: не поддержка институционального патриотизма, а восстановление подлинных связей солидарности со «своими» на фронте против системного отчуждения (включая государственные безличные идеологемы и равнодушие «граждан»). Это отличает нарративы добровольцев как от государственной риторики, так и от оппозиции: отличие от последней состоит не в лояльности к власти, а в этике близости к участникам СВО, где субъектность утверждается через отказ от «запрограммированных» смыслов в пользу локальных живых контактов и практик взаимоподдержки. Таким образом, формула идентичности добровольцев в условиях СВО такова: неконфронтационная дистанция от государства + солидарность с фронтом как «движение субъекта».

Возвращение «лишнего человека» и поиск субъектности. Следует сделать небольшое теоретическое отступление и обозначить предпосылки выбора объекта добровольчества в условиях СВО как объекта изучения. В 2020 году О.В. Аксенова описывала одновременно пугающие и неоднозначные тенденции в российских регионах, связанные с развитием технологической системы и все большим погружением российской действительности в процессы глобального регулирования, обезличивания профессиональной деятельности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, преобладанием городской среды и утратой человеком субъектности. Эти тенденции она отождествляла, во-первых, с появлением заметного числа «лишних людей» — люмпенизированной, пассивной группы, живущей на периферии, не связанной с цифровизацией и алгоритмами и не являющейся ни агентами, ни акторами социального действия [1. С. 48]. На практике это означало отсутствие ярко выраженной позиции, превращение субъекта действия в «никто», без шансов быть востребованным и сколь-нибудь зна-

чимым для системы и окружающей среды. Во-вторых, Аксенова отмечала рождение в системах власти так называемого имитатора, или имитации субъекта-функции [1. С. 50], при которой деятельность человека становится настолько бесполезной в условиях доминирующих технологий и алгоритмизации, что остается лишь имитировать свою функциональную значимость. Обе тенденции Аксенова ставила под вопрос в смысле непредсказуемости их развития — сможет ли российское общество преодолеть подобную энтропийность, связанную с утратой человеком субъектности и вектора социального действия.

В терминах Турена эти тенденции можно интерпретировать как проявление кризиса «программируемого общества», где субъект теряет способность к автономному действию под давлением системной логики власти, рынка и технологий. В этом смысле СВО создала прецедент возвращения действующего субъекта, и «лишний человек», намеренно или случайно не замечаемый системой, оказался вновь востребован. В этом проявился как вполне расчетливый, холодный утилитаризм государства по отношению к человеку, так и всколыхнувшаяся в обществе надежда на возможность проявить себя, т.е. на восстановление субъектности через коллективные практики солидарности, что соответствует туреновской трактовке новых социальных движений как «защитников субъекта» [15], что затронуло не только людей среднего возраста, но и молодые поколения. Как показало наше исследование, доброволец в условиях СВО — это не только пожилая женщина, в основном плетущая маскировочные сети, но и молодежь в возрасте 25–35 лет, приезжающая в прифронтовые города с гуманитарной помощью в свои отпуска и выходные дни, оставляя мирную жизнь, комфортный быт и удовольствия городской, зачастую столичной среды.

По сути, обнаруженный Аксеновой «лишний человек» — явление не столько территориальное, преимущественно связанное с жизнью на периферии, и не исключительно социальное, но и глубоко духовное, этическое: даже в крупных городах, при наличии вполне успешной работы и благополучной семьи, человек может оказаться и чувствовать себя лишним или лишенным жизненных смыслов. В отличие от «лишнего человека» в понимании Аксеновой (условно неинтересный и незаметный для системы), человек, лишенный смыслов, напротив, может быть востребован системой, но, не обнаруживая с ее стороны генерации подлинных смыслов, он существует в своеобразном ценностном вакууме, ведя имитационную деятельность, избегая тесного контакта с системой и отчасти прячась от нее. В этом смысле прифронтовая зона предстает своеобразным местом погружения, «ухода» во внесистемную реальность или частично связанную с ней, а добровольчество — как средство выхода из пустоты, обретения подлинной человечности, где через практики (взаимо) действия конструируется новая форма историчности и туреновская гражданская субъектность. Таким образом, СВО стала

своеобразным катализатором проявления активности еще недавно «лишних людей», с одной стороны, не замечаемых системой, а с другой — интересных системе, но не находящих себя в ней с точки зрения генерируемых ею смыслов и ценностей. В этом смысле добровольческая помощь предстает борьбой за человека — как с точки зрения того, кто в ней нуждается, так и с точки зрения субъекта помощи, который в условиях ценностной пустоты (в терминологии Дж. Сибрука — «культуры шума», «шумящего сумбура» [7]) пытается вернуть себе достоинство и качества подлинного, а не мнимого (имитационного) субъекта действия. Примечательно, что это относится не только к добровольцам условно низового уровня, но и к кураторам добровольческих групп, координаторам региональных направлений, среди которых много людей с опытом собственного бизнеса, топ-менеджерства и т.д.

Показателен рассказ руководителя добровольческого направления, который в беседе с добровольцами делился историей своего прихода к этой деятельности на постоянной, а не эпизодической основе. Этот момент был связан с обходом разрушенных после артобстрелов домов: в одном из подъездов, где лежали трупы людей и бегали крысы, у респондентки зазвонил телефон, и робот колл-центра сообщил об акциях на парфюмерию компании «Dior». Контраст потребительской коммуникации и реальности разрушения фиксирует разрыв имитационных практик катализирующий переход к устойчивому участию в добровольческом служении. В логике активистского подхода Турена добровольчество в условиях СВО предстает как «новое социальное движение», где субъект не просто реагирует на кризис, но активно конструирует идентичность через конфликт между «культурой шума» системного потребления и практиками солидарности. Это движение борется за «форму историчности» — восстановление автономии актора в «программируемом обществе», где технологии и алгоритмы размывают субъектность, а конфликтная реальность возвращает ее через телесный и эмоциональный опыт риска и взаимоподдержки. Фронтовое добровольчество становится пространством, где «лишний человек» обретает статус исторического субъекта, способного определять смыслы своей жизни и социальных отношений. При этом такие мотивы, как альтруизм, желание самореализации и пр., также присутствуют, но вторичны по отношению к поиску своей субъектности. Если говорить об объекте конфликта («что меняем») в туреновской триаде, то это прежде всего атомарность общества и отчуждение государства от человека и человека от государства, к которому есть вопросы, определенная степень недоверия и главное — ценностные противоречия — у части россиян.

В 7 из 10 проанализированных кейсов (на основе отчетов и наблюдений кураторов добровольческих направлений в прифронтовых зонах, что озвучивалось в интервью) добровольчество носит постоянный характер: участники возвращаются неоднократно, формируя устойчивые сети; приехавшие однажды для помощи пострадавшим в результате военных действий снова

и снова возвращаются, причем, как правило, пробуя себя в разных регионах и делясь полученным опытом в беседах с добровольцами. В результате возвращения добровольцев в конкретные места формируется их нарратив о нюансах служения в разных регионах, а также определенная мифологизация отдельных личностей, которые становятся легендами и героями для подражания. В случае молодых добровольцев, для которых особенно важны личностные ориентиры [9. С. 780], это ключевой фактор вовлеченности и идентификации с движением, а в условиях СВО еще и фактор обретения своего независимого пространства, места для проявления собственной, не навязанной идентичности [5. С. 170–171].

Примечательно, что по завершении добровольческой миссии и смены часто возникают тесные контакты между добровольцами, продолжающиеся личными переписками, встречами на «гражданке», дружескими связями и нередко браками. Одну из ключевых ролей в поддержании подобных контактов играют социальные сети, особенно телеграмм-каналы добровольческих групп, в случае добровольческой миссии РПЦ — организуемые форумы, конференции, встречи участников миссии и т.д. Важно, что информационное сопровождение относится не только к институциональному добровольчеству, но и активно используется руководителями частных добровольческих организаций, особенно для привлечению средств на реализацию их мероприятий и проектов. В логике Турена эти процессы иллюстрируют формирование идентичности социального движения через устойчивые сети солидарности, выходящие за рамки эпизодического участия и конструирующие коллективного актора как субъекта с собственной историчностью. Постоянное возвращение и обмен опытом фиксируют не просто индивидуальные практики, но и коллективную работу по самоопределению — через региональные нарративы и «своих» героев, что укрепляет автономию движения относительно внешних институтов.

Имея опыт включенного наблюдения в качестве участника гуманитарной миссии РПЦ, мы столкнулись с тем, что не все участники добровольческого движения от РПЦ являются верующими или церковными людьми: для кого-то религия представляет философский или историко-культурологический интерес, для кого-то — источник самопознания (например, практикующий индуист, глубоко увлеченный православием); кто-то, приезжая на служение в прифронтовые территории, находился в духовном кризисе и искал возможность заново обрести веру, понять ее подлинные смыслы; кто-то, оставаясь индифферентным к религиозным вопросам или даже испытывая к ним некоторую враждебность, искал особого напряжения жизни, угрозы ей, чтобы получить импульс к жизни и т.д. Состав добровольчества в рамках православной миссии РПЦ оказывается весьма разношерстным и разноформатным: люди встраиваются в него не по формальной или институциональной принадлеж-

ности, а главным образом по необходимости служения и доступу к пострадавшим территориям и людям. В логике активистского подхода это демонстрирует фрагментированность новых социальных движений, где идентичность конструируется не через унифицированную идеологию, а через разнообразные траектории субъективного опыта и практик солидарности, объединенных общим «противником» — системным отчуждением и ценностным вакуумом. Религиозная рамка РПЦ выступает здесь не как догматическая предпосылка, а как пространство для артикуляции субъектности, доступное даже для неверующих или инаковерующих, что подчеркивает автономию акторов в определении смысла своего участия.

Роль актора. По оценке координаторов добровольческих направлений, в исторических и прифронтовых регионах (Донецк, Скадовск, Северодонецк, Курск, Белгород и др.) вид оказываемой помощи и формат добровольчества зависят не только от потребностей региона, но и от профессионального опыта координаторов и специфики их прошлой деятельности. Так, в Донецке широко развит патронаж, в том числе благодаря тому, что руководитель добровольческой миссии в регионе — сестра милосердия с большим опытом подобного служения. В Северодонецке ситуация противоположная: патронаж составляет малую часть деятельности, основной акцент делается на сборе, распределении и оказании гуманитарной помощи, что также связано с личностью координатора добровольческого направления. Отсюда и понимание миссии добровольчества как «*оказания поддержки другому в трудной для него жизненной ситуации, без распространения иждивенчества*». В результате такого подхода среди добровольцев Северодонецка особенно развита система контроля и проверки запросов со стороны нуждающихся — так происходит распределение тех, кто действительно нуждается в помощи, кто в первую, кто во вторую очередь, кому эта помощь не нужна. В терминах Турена это работа актора – способность координаторов самостоятельно определять идентичность движения, его противника и объект конфликта, адаптируя практики к локальному контексту и профессиональному опыту. Личностный фактор координатора становится ключевым элементом конструирования региональной специфики движения, где субъектность актора проявляется через автономное определение границ и приоритетов служения.

В итоге, изучая добровольчество на исторических территориях, мы невольно сталкиваемся с ролью отдельной личности в истории — ее влиянием на ход процессов и организацию работы в конкретной местности. Каждый отдельный случай требует самостоятельного изучения и, возможно, отдельной статьи, поэтому лишь подчеркнем, что подобная разнонаправленная координация приводит к тому, что у каждого направления формируется своя специфика и свой «типичный доброволец» с характерными для него

личностными и профессиональными качествами, который начинает чаще ездить в определенный регион, испытывая расположение к конкретному куратору добровольческих групп или руководителю направления. В логике Турена это иллюстрирует локальную автономию прифронтовых добровольческих движений, где идентичность конструируется не только через общий конфликт или противоречие, но и через харизматичных акторов-лидеров, определяющих траектории коллективного действия и укрепляющих лояльность участников.

Таким образом, впервые активистский подход Турена применяется к анализу фронтового добровольчества в гибридном конфликте, выходя за рамки традиционных мотивационных моделей [11–13] или институциональных подходов. Эмпирическая глубина исследования обеспечивается триангуляцией качественных методов, фиксирующих практики субъектности — нарративы, рутины, переживания, недоступные опросам. Кроме того, региональный фокус на прифронтовых зонах выявляет вариации локальных инициатив, пока не широко освещаемых в научной литературе. Среди ограничений исследования следует отметить нюансы качественного дизайна: выборка не обеспечивает полноту картины, а отсутствие количественной проверки снижает уверенность в устойчивости выявленных паттернов, что требует в дальнейшем применения количественных методов.

Примечания

(1) Волонтерство в России: мониторинг. 23.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring.

(2) Гражданам хватает на благотворительность. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7586542.

Библиографический список

1. *Аксенова О.В.* Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2.
2. *Воронина Н.С., Башева О.А.* Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2.
3. *Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А.* Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1.
4. *Краснопольская И.И., Гусева П.Д., Мейс Л., Кнаан Р.* Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2.
5. *Омельченко Е.Л.* Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 4.
6. *Певная М.В.* Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики / под науч. ред. Г.Е. Зборовского. М., 2019.
7. *Сибрук Дж.* Nobrow культура маркетинга, маркетинг культуры. М., 2005.

8. *Турен А*. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
9. *Шаповалова И.С., Заводян И.С.* Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32. № 4.
10. *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В.* Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. 2024. № 3.
11. *Batson C.D., Lishner D., Stocks E*. The empathy-altruism hypothesis // The Oxford Handbook of Prosocial Behavior. Oxford University Press, 2015.
12. *Clary E.G., Snyder M.* The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8. No. 5.
13. *Clary E.G., Snyder M., Stukas A.A*. Volunteers' motivations: Findings from a national survey // Nonprofit and Volunteer Sector Quarterly. 1996. Vol. 25.
14. *Martell L., Stammers N*. The study of solidarity and the social theory of Alain Touraine // Clark J., Diani M. (Eds.). Alain Touraine. Falmer, 1996.
15. *Touraine A*. Critique of Modernity. Basil Blackwell, 1995.
16. *Touraine A*. Sociologie de l'action. Paris, 1965.
17. *Touraine A*. The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements. Cambridge University Press, 1981.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524
EDN: YGSXIH

Frontline volunteerism as a new form of historicity: Analysis of local practices in the logic of A. Touraine*

M.A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS,
Bolshaya Andronievskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Abstract. The article considers local volunteer practices in Russia's historical territories during the Special Military Operation (SMO). Contrary to institutional interpretations of volunteerism as an instrument of state policy or social capital, the study applies A. Touraine's activist approach, examining volunteerism as a form of new social movements in which participants acquire civil agency and historicity through a triad: identity ("who we are"), opponent ("what we are fighting against or for"), and object of conflict ("what we want to change"). Volunteerism is presented not as a response to a crisis, but as an active construction of actor autonomy in a "programmable society", where the SMO returns the "unnecessary man" the status of a historical subject, capable of defining the meaning of life through practices of solidarity, risk, and mutual support. The main research question is to what extent and by what means regional/city volunteer groups form autonomous agency under the SMO, especially in frontline zones (Severodonetsk, Donetsk, Kursk, Belgorod, Skadovsk, etc.). The study is based on methodological triangulation: 21 in-depth interviews with regional coordinators, group curators, and volunteers; three-year non-participant observation of several regional/local volunteer organizations; participant observation during the Russian Orthodox Church mission

* © M.A. Podlesnaia, 2026
The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.04.2026.

in Severodonetsk (October 2025). According to the data obtained, the volunteers' identity is constructed in the logic of "us/ours" against internal opponents (Russians who ignore the SMO) and through distancing from the state "programmatic ideologies"; systemic alienation is observed in the attitude towards opponent (social atomization, indifference of some Russians); and the object of the conflict is described as the restoration of a "form of historicity" through solidarity. SMO has catalyzed transformation: successful youth and managers from megacities acquire authenticity, moving from imitation to a bodily experience of risk and humaneness, overcoming the value vacuum of the "culture of noise". Solidarity practices enhance historicity: 7 out of 10 cases examined show constant return to places of volunteering, mythologization of heroes among frontline volunteers, developed networks (marriages, correspondence), regional features of the "typical" volunteer (specific personal and professional qualities).

Key words: volunteerism; special military operation (SMO); A. Touraine; actor; new social movements; frontline territories; solidarity

For citation: Podlesnaia M.A.. Frontline volunteerism as a new form of historicity: Analysis of local practices in the logic of A. Touraine. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 511–524. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524 EDN: YGSXIH

References

1. Aksenova O.V. Sub`ekt sotsialnogo dejstviya v sovremennom razvitii Rossii: aktor, agent, nikto? [Subject of social action in Russia's contemporary development: Actor, agent, nobody?] *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2020; 11. (In Russ.).
2. Voronina N.S., Basheva O.A. Motivatsiya volonterov, uchastvuyushchih v reagirovanii na chrezvychajnye situatsii: rezultaty massovogo oprosa [Motivation of volunteers participating in emergency response: Results of the mass survey]. *Vestnik Instituta Sotsologii*. 2022; 13 (2). (In Russ.).
3. Kienko T.S., Pevnaya M.V., Ptitsyna N.A. Praktiki samoorganizatsii i sotsialnoj aktivnosti rossiyan starshego vozrasta kak rasshiryayushchie vozmozhnosti ("empowerment") tekhnologii [Self-organization and social activity of older Russians as empowering technologies]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2022; 1. (In Russ).
4. Krasnopolskaya I.I., Guseva P.D., Meis L., Knaan R. Faktory udovletvorennosti epizodicheskih volonterov [Factors of satisfaction of occasional volunteers]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Omelchenko E.L. Nachalo molodezhnoj ery ili smert molodezhnoj kultury? "Molodost" v publichnom prostranstve sovremennosti [Beginning of the youth era or death of the youth culture? "Youth" in the contemporary public space]. *Zhurnal Issledovanij Sotsialnoj Politiki*. 2006; 4 (2). (In Russ.).
6. Pevnaya M.V. *Upravlenie volonterstvom: mezhdunarodny opyt i lokalnye praktiki* [Management of Volunteering: International Experience and Local Practices]. Ed. by G.E. Zborovsky. Moscow; 2019. (In Russ.).
7. Seabrook J. *Nobrow kultura marketinga, marketing kultury* [Nobrow: The Culture of Marketing, the Marketing of Culture]. Moscow; 2005. (In Russ.).
8. Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society]. Moscow; 1998. (In Russ.).
9. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Molodezhnoe sotsioselfi: sotsialnye strategii regionalnoj molodezhi [Youth social selfie: Social strategies of the regional youth]. *Regionologiya*. 2024; 32 (4). (In Russ.).
10. Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya-Smirnova V.N., Kononenko R.V. Vidy kapitalov v pole "serebryanogo volonterstva" [Types of capital in the field of "silver volunteering"]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).

11. Batson C.D., Lishner D., Stocks E. The empathy-altruism hypothesis. *The Oxford Handbook of Prosocial Behavior*. Oxford University Press; 2015.
12. Clary E.G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*. 1999; 8 (5).
13. Clary E.G., Snyder M., Stukas A.A. Volunteers' motivations: Findings from a national survey. *Nonprofit and Volunteer Sector Quarterly*. 1996.; 25.
14. Martell L., Stammers N. The study of solidarity and the social theory of Alain Touraine. Clark J., Diani M. (Eds.). *Alain Touraine*. Falmer; 1996.
15. Touraine A. *Critique of Modernity*. Basil Blackwell; 1995.
16. Touraine A. *Sociologie de l'action*. Paris; 1965.
17. Touraine A. *The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements.* Cambridge University Press; 1981.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 525–539**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539
EDN: YFHHOS

Ценностные ориентации и репродуктивные установки населения: детерминанты выбора родительства и моделей детности в Республике Татарстан*

А.Ф. Шакирова

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан,
ул. Карла Маркса, 23/6, Казань, 420111, Россия

(e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru)

Аннотация. Статья посвящена ценностным ориентациям и репродуктивным установкам населения Республики Татарстан в условиях современного демографического кризиса. В работе анализируется феномен многодетной семьи как особой социальной модели, утрачивающей массовый характер, но сохраняющей значимость для воспроизводства общества. Теоретическая основа статьи — классические социологические подходы (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс) и современные концепции демографического перехода, что позволяет показать трансформацию института семьи от традиционной многодетности к доминированию двухдетности и распространению бездетности: социальные потрясения, индустриализация и изменение роли государства в XX веке определили снижение рождаемости и маргинализацию многодетности. Эмпирическая часть статьи основана на результатах опроса населения Республики Татарстан (N = 400) и глубинных интервью с многодетными матерями (N = 20): обозначены ключевые факторы принятия решений о рождении детей, включая здоровье, материальное положение, жилищные условия и поддержку партнера. Женщины демонстрируют более широкий спектр условий репродуктивного выбора, в то время как мужчины чаще затрудняются назвать конкретные причины. Также представлены барьеры для многодетности и предложения населения по мерам государственной поддержки рождаемости, среди которых доминируют доступное жилье и финансовая стабильность. Сделан вывод, что многодетность в России сохраняет статус исключительной модели детности, основанной преимущественно на ценностном выборе и институциональной поддержке.

Ключевые слова: репродуктивные установки; многодетность, ценностные ориентации, семья, демографическая политика, Республика Татарстан, региональные исследования

Для цитирования: *Шакирова А.Ф.* Ценностные ориентации и репродуктивные установки населения: детерминанты выбора родительства и моделей детности в Республике Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 525–539. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539 EDN: YFHHOS

*© Шакирова А.Ф., 2026
Статья поступила в редакцию 18.08.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Вопросы демографического воспроизводства, родительства и устойчивости семьи становятся особенно актуальными в условиях затяжного демографического спада, который переживает Россия с конца XX века. Одной из центральных тем, привлекающих внимание как демографов (см., напр.: [4; 7]), так и социологов (см., напр.: [12]), становится феномен многодетной семьи, в которой воспитываются трое и более детей. Несмотря на то, что на протяжении столетий многодетность воспринималась как естественная норма, в условиях постиндустриального общества она обрела статус исключения.

Классическая социология рассматривает семью как базовый элемент общественного устройства, обеспечивающий воспроизводство социальных норм, идентичностей и иерархий. О. Конт подчеркивал, что семья — первичная ячейка социальной морали, формирующая послушание, долг и устойчивость общественного порядка [9. С. 403]. Э. Дюркгейм рассматривал семью как источник социальной солидарности, в которой формируются моральные ценности и коллективное сознание [6. С. 125], отмечал, что без таких первичных форм социальной интеграции, как семья, невозможна стабильность общества. М. Вебер анализировал семью через категорию ценностно-рационального действия, указывая на ее роль в формировании индивидуальных установок, религиозных представлений и ориентации на долг [3. С. 503]. По Веберу, семья не только экономическая, но и культурная структура, задающая рамки поведения и норм [3. С. 598]. К. Маркс и Ф. Энгельс, напротив, трактовали семью прежде всего как механизм воспроизводства рабочей силы и передачи частной собственности, подчеркивая зависимость семейной структуры от экономического базиса и производственных отношений [18. С. 45].

Важно отметить, что классики социологии не акцентировали внимание на многодетности как отдельном феномене, поскольку в исторических условиях их времени высокая рождаемость воспринималась как само собой разумеющееся условие существования семьи, не требующее отдельной аналитической рефлексии. Поэтому для понимания эволюции многодетности необходимо обратиться к историко-демографическим реалиям. Исторический анализ позволяет проследить, каким образом макросоциальные потрясения — войны, революции и социально-экономические кризисы XX века — трансформировали традиционную модель многодетности и изменили ее социальный статус.

До начала XX века многодетность была господствующей моделью семьи в большинстве аграрных обществ, включая дореволюционную Россию. Высокая рождаемость (6–7 и более детей на женщину) компенсировала высокую младенческую смертность, обеспечивала рабочую силу в крестьянских хозяйствах и служила социальной гарантией в старости [8]. Семья одновременно выполняла производственную и воспитательную функции, и наличие

большого числа детей воспринималось как экономическое благо. В социологической перспективе такая модель соответствовала традиционалистской структуре общества, где воспроизводство происходило в рамках сакрализованных ролей и иерархий. Женщина рассматривалась прежде всего как мать, а рождение детей — как исполнение социального и религиозного долга [5. С. 78].

В период с 1914 по 1922 годы масштабные потрясения — Первая мировая война, революционные события 1917 года и Гражданская война — привели к глубокому демографическому кризису и разрушению уклада многодетных семей. Массовая мобилизация мужчин на фронт обусловила резкое увеличение числа вдов и сирот: по разным оценкам, к 1921 году в России насчитывалось от 4 до 7 миллионов беспризорных детей, значительная часть которых происходила из распавшихся многодетных семей [11. С. 65]. Экономическая разруха, дефицит продовольствия, голод (особенно в 1921–1922 годы) усугубили ситуацию. Многодетность, ранее считавшаяся демографической нормой в крестьянской среде, стала восприниматься как социальный и экономический риск. Снижение институциональной поддержки семьи и обесценивание традиционных социальных ролей усилили кризис модели многодетности.

В 1930-е годы государственная политика СССР взяла курс на индустриализацию, сопровождавшуюся насильственной коллективизацией, разрушением крестьянских хозяйств и массовыми репрессиями. Коллективизация (1929–1933) привела к демонтажу традиционного крестьянского уклада, в котором многодетность выполняла важную производственную функцию. Модель большой семьи как основы аграрной экономики была структурно вытеснена [10. С. 356]. Ключевым демографическим ударом по многодетности стал голод 1932–1933 годов, унесший колоссальное количество жизней. Многодетные семьи, имеющие больше иждивенцев, оказались в наиболее уязвимом положении: зафиксированы массовые случаи отказа от детей, роста числа беспризорных и полуголодных детей [1. С. 202].

До начала Великой Отечественной войны демографическая ситуация в СССР оставалась относительно стабильной: коэффициент рождаемости в среднем составлял около 4,6 ребенка на женщину. Война вызвала резкий демографический кризис: массовая смертность и социально-экономические последствия привели к падению рождаемости, которая в 1946–1950 годы снизилась до 2,8 ребенка [17. С. 415]. Осознавая угрозу депопуляции, государство в 1944 году издало Указ № 118/11, предусматривавший меры поддержки беременных, одиноких и многодетных матерей, а также ввело звание «Мать-героиня» и новые государственные награды одновременно с налогом на бездетность с целью стимулирования рождаемости [16]. В послевоенные десятилетия государство стремилось удерживать уровень воспроизводства населения, однако к 1970–1980-м годам в обществе

закрепилась двухдетная модель семьи, а многодетность постепенно утратила массовый характер [4. С. 356]. После распада СССР рождаемость упала до исторического минимума: к 1999–2000 годам в России фиксировалось менее 1,2 ребенка на женщину, что отражало распространение бездетных и однодетных семей в условиях экономической и социальной нестабильности [15].

Формирование установки на бездетность или отложенное родительство стало частью культурного сдвига: семья перестала быть обязательным элементом жизненного сценария, а рождение детей — социальной обязанностью [2. С. 156]. На фоне депопуляции и старения населения государство предпринимает целенаправленные шаги по возрождению многодетности: с 2007 года введен материнский капитал, расширены меры поддержки семей с детьми, а в официальной риторике многодетность начинает интерпретироваться как «демографический подвиг» и проявление «традиционных ценностей» [14]. Однако современная многодетность не возвращается в традиционную форму: а становится результатом осознанного, а нередко и идеологически окрашенного выбора — развиваются новые формы городских многодетных семей, мотивированных не бедностью или религией, а ценностной ориентацией и социальным капиталом [13. С. 52].

Современные демографические вызовы, в том числе снижение рождаемости, изменение репродуктивных стратегий и рост числа бездетных домохозяйств, требуют углубленного изучения факторов, определяющих установки на родительство и особенно на многодетность как редкую, но социально значимую модель детности. В связи с этим далее мы обратимся к данным опроса населения Республики Татарстан (N = 400) и серии глубинных интервью с многодетными матерями (N = 20), которые были проведены весной–летом 2025 года.

Большинство респондентов (78 %) назвали своей наиболее важной жизненной ценностью любовь, семью и детей, значительно реже отмечались такие ориентиры, как комфорт, здоровье, безопасность (7,8 %), деньги, статус, власть (5 %), карьера, знания, саморазвитие (4,3 %). Среди факторов, которые должны иметь наибольший вес при принятии решения о рождении ребенка, респонденты чаще всего отмечали состояние здоровья (76 %) и материальное положение (72 %), далее идут желание иметь детей (58 %), жилищные условия (38 %), поддержка партнера (37 %) и детородный возраст (31 %). Значительно меньшая доля респондентов указали ситуацию в стране (14 %) и карьерные планы (11 %), что говорит о преобладании факторов безопасности и уверенности в настоящем по сравнению с долгосрочным или внешним контекстом.

Между мужчинами и женщинами наблюдаются статистически значимые различия по ряду параметров. Женщины чаще, чем мужчины, акцентируют внимание на состоянии здоровья (83 % против 66 %; $\chi^2 = 16{,}069$,

p = 0,000). Желание иметь детей также важнее для женщин (68 % против 46 %; χ^2 = 18,806, p = 0,000), как и поддержка партнера (43 % против 28 %; χ^2 = 10,259, p = 0,001), жилищные условия (46 % против 29 %; χ^2 = 13,062, p = 0,000) и карьерные ограничения (14 % против 6,7 %; χ^2 = 5,528, p = 0,019), что указывает на более комплексный подход женщин к оценке условий родительства — с учетом как социальных, так и биологических факторов. Анализ по возрастным группам (младшая (18–29 лет), средняя (30–49 лет) и старшая (50+)) также выявил ряд значимых различий. Материальное положение наиболее важно для младшей группы (83 %) и менее значимо для старшей (64 %) (χ^2 = 11,276, p = 0,004), детородный возраст ожидаемо более значим для старшей группы (48 % против 14 % в младшей; χ^2 = 40,051, p = 0,000). Жилищные условия наиболее важны для младшей и средней групп (52 и 48 % соответственно), но реже упоминаются старшей (21 %) (χ^2 = 33,839, p = 0,000). Поддержка партнера значима в большей степени для младшей группы (48 %), что, вероятно, отражает б*о*льшую зависимость от партнера на начальном этапе построения семьи (χ^2 = 11,879, p = 0,003). Таким образом, для молодежи приоритетны экономические и социальные условия, для старших поколений — и биологические ограничения.

Преобладающий идеал для татарстанцев — двое детей (43 %), второй по популярности вариант — трое детей (36 %). Только 5,3 % опрошенных не хотели бы иметь детей, как и большие семьи (четверо детей и более) (это идеал для 5 %). Различия между возрастными группами статистически значимы (χ^2 = 24,979, p = 0,015). Отказ от родительства наиболее характерен для младшей группы (11 %), что может отражать временную установку или отсрочку решений. Идеал двух детей доминирует в среднем возрасте (50 %), старшие группы чаще хотят троих детей (43 %). Установки на большие семьи (четверо и пятеро детей) чаще фиксируются в средней и старшей группах, но все равно редки. Получается, что с возрастом усиливается желание иметь больше детей, что может быть связано с ретроспективной переоценкой или реализацией ранее сформированных установок.

Чтобы понять установки многодетных татарстанцев, обратимся к результатам глубинных интервью с многодетными матерями. Путь к многодетности индивидуален, и неудивительно, что ряд информантов признались, что всегда хотели иметь большую семью: «*Я с детства мечтала стать многодетной матерью. Люблю детей — это наше будущее*»; «*Хотели троих детей. Мое желание совпало с мнением супруга*». Многие не мечтали о большой семье изначально, для кого-то идеалом было не количество, а «качество», и решение о пополнении было вызвано желанием иметь ребенка определенного пола: «*Хотели девочку — родились два сына, пошли за третьим — родилась девочка*». У других желание было не обоюдным: «*Супруг больше настоял на третьем*». Иногда вместо желания сыгра-

ли жизненные обстоятельства (например, многоплодная или незапланированная беременность: «*Не планировали троих, но родилась двойня».*

Сопоставляя желания участников опроса по количеству детей с фактическими данными, можно сделать вывод, что более чем в половине случаев (57 %) фактическое количество детей совпадает с желаемым, в 40 % случаев респонденты имеют меньше детей, чем им хотелось бы, а в 1,7 % случаев — наоборот, больше. Кроме того, в редких случаях (1,2 %) оценить совпадение желаемого и фактического количества детей невозможно ввиду того, что опрошенные затрудняются сформулировать свои пожелания. Здесь также наблюдаются статистически значимые гендерные различия (χ^2 = 11,748, p = 0,008). У мужчин совпадение фактического и желаемого количества детей встречается чаще (65 % против 50 %), тогда как у женщин чаще детей оказывается меньше (46 % против 34 %) или больше (2,7 % против 0,6 %), чем им хотелось бы. Возраст — ключевой фактор, определяющий совпадение «плана» с фактом (χ^2 = 103,601, p = 0,000). Для младшей группы (76 %) характерно иметь меньше детей, чем хотелось бы, что отражает как объективно ранний этап репродуктивного пути, так и барьеры (материальные, карьерные, ценностные). В среднем возрасте совпадение достигается в половине случаев (52 %), хотя зачастую (45 %) фактическое количество детей, как и в целом по выборке, меньше желаемого. В старшей группе, в значительной степени реализовавшей репродуктивные потребности и потенциал, доля совпадения достигает 83 %.

Из ответов респондентов, фактическое количество детей которых меньше желаемого, можно выделить следующие факторы, обусловившие данную ситуацию: финансовые трудности (20 %); неподходящий возраст (еще рано или уже поздно) (17 %); неуверенность в будущем (15 %); неудовлетворительные жилищные условия (14 %). Реже назывались такие причины, как занятость на работе и/или учебе (10 %), проблемы с зачатием (8,7 %) и отсутствие подходящего партнера (6,8 %). При этом треть опрошенных, имеющих меньше детей, чем им хотелось бы (33 %), затрудняются назвать конкретную причину. Женщины чаще, чем мужчины, ссылались на отсутствие подходящего партнера (8,9 % против 3,3 %) и уверенности в будущем (19 % против 8,3 %), неподходящий возраст (19 % против 15 %) и проблемы с зачатием (10 % против 6,7 %), что может свидетельствовать о большей рефлексии и информированности женщин в вопросах репродуктивных ограничений. Мужчины же чаще упоминали занятость (13 % против 7,9 %) и чаще затруднялись назвать конкретную причину (45 % против 26 %), причем в последнем случае различия статистически значимы (χ^2 = 6,321, p = 0,012).

Возраст оказался одним из наиболее значимых факторов восприятия барьеров к рождению ребенка. Проблемы с зачатием упоминаются преимущественно в средней возрастной группе (21 %; χ^2 = 19,546, p = 0,000), а в младшей группе практически не фигурируют. Финансовые трудности

чаще упоминаются в среднем (26 %) и старшем возрасте (26 %). Доля указаний на неподходящий возраст (рано или поздно) резко возрастает в старшей группе (35 % против 15 % в младшей и средней группах). В младшей группе более половины опрошенных затруднились ответить (55 %), что значительно больше, чем в других возрастах (среднем — 16 %, старшем — 4,3 %), и эти различия статистически значимы ($\chi^2 = 33{,}600$, $p = 0{,}000$). Таким образом, восприятие репродуктивных барьеров зависит от жизненного этапа: молодежь чаще не формулирует четких причин, а в зрелом возрасте фиксируются биологические и материальные ограничения.

Поскольку прикладная задача исследования состояла в разработке предложений и рекомендаций по повышению количества многодетных семей и стимулированию желания иметь больше детей среди татарстанцев, мы попросили участников опроса уточнить, какие меры государственной поддержки могли бы способствовать увеличению рождаемости в республике. Две трети респондентов назвали доступное жилье для семей (79 %) и увеличение выплат на детей (63 %), почти половина — гибкие условия труда для родителей (50 %) и доступность детских садов (49 %), реже упоминались меры поддержки независимо от нуждаемости (37 %), улучшение здравоохранения (25 %) и бесплатные родительские курсы (18 %), т.е. доминирует запрос на структурные и экономические меры, облегчающие ведение семейной жизни.

Мужчины и женщины высказали схожие приоритеты в мерах господдержки, имеющиеся различия статистически незначимы. Возраст оказывает заметное влияние на предпочтения, особенно по менее приоритетным пунктам: увеличение выплат чаще поддерживают младшая (68 %) и средняя (66 %) группы по сравнению со старшей (57 %), курсы для родителей вызывают интерес преимущественно у молодых (28 %) и людей среднего возраста (23 %), а в старшей группе почти не упоминаются (6,2 %). Соцподдержка без нуждаемости также более актуальна для младшей группы (48 % против 28 % в старшей). Можно сказать, что молодежь склонна к комплексному подходу, включая просветительские и социальные меры, тогда как старшее поколение больше сосредоточено на экономических стимулах.

В ходе глубинных интервью с многодетными матерями республики мы также получили ряд предложений по мерам государственной поддержки рождаемости, ориентированной на укрепление в обществе нормы многодетности. В настоящее время информанты получают (или получали в статусе многодетной семьи) следующие меры поддержки: единое пособие, субсидии и компенсации расходов на детский сад и ЖКХ, материнский капитал, помощь в погашении ипотеки (450 тысяч рублей), предоставление земельного участка, бесплатное или льготное питание в школе. Вместе с тем, лишь немногие удовлетворены уровнем оказываемой поддержки: больше половины информантов считают, что поддержка либо недостаточна, либо отсутству-

ет вовсе. Во многом это связано с тем, что для ее получения ряда необходимо соответствовать таким формальным критериям, как доход семьи: «*Единовременное пособие мы не получали ни за второго, ни за третьего ребенка — превышает доход*»; «*Не удалось встать на очередь на землю… программу изменили»;* «*Не получаю, так как наша семья не является малоимущей».* Также встречаются жалобы на неравномерность помощи в разрезе регионов: «*В Татарстане нет помощи многодетным семьям… хочется хотя бы как в Москве*».

Что касается предложений, то бо́льшая часть из них — об адекватной современным ценам материальной помощи, пособиях, льготах и т.д., с акцентом на независимости помощи от текущих доходов многодетной семьи: «*Пособия до трех лет чтобы выплачивали… учитывать ипотеки и кредиты»;* «*Предоставить побольше льгот, выплачивать пособия на детей, несмотря на доходы»;* «*Сумма, которая выделяется на одного человека — смешная… учитывая рост цен на продукты, одежду, учебу, кружки»;* «*Финансовая поддержка в первую очередь, ежемесячное пособие всем, а не выборочно»;* «*Закон о пособии для каждого ребенка до 18 или 23 лет, если учится в университете, несмотря на обеспеченность! Например, я не малообеспеченная, пособий не получаю, работаю. Ребенка и обуть надо, и кормить, и одевать, и на разные кружки водить. Это все за счет нашей заработной платы».* Хотя некоторые информанты выражают сомнения по поводу целесообразности материальной мотивации многодетности и деторождения: «*Дети не собаки, чтобы их заводить. Имеющаяся материальная поддержка, к сожалению, приводит к тому, что рождаются дети в семьях, где их не любят и они нужны были, чтобы поправить финансовое положение. Можно родить и десять детей, но какими личностями они вырастут без искренней любви родителей?».*

Следующая группа предложений касается жилищных условий многодетных семей (доступное жилье имело наибольшее значение для многодетных респондентов в массовом опросе): «*землю, пониженные ставки по ипотеке»;* «*стабильное экономическое положение, снижение цен на ЖКХ, субсидии».* Также поступили предложения по материальной и нематериальной поддержке матерей в домашних делах, развитии и досуге: «*Бесплатная няня, чтобы матери не сходили с ума*»; «*Трудно одновременно полноценно заниматься детьми и работать… Нужны пособия для неработающих*»; «*Курсы и льготы для кружков… чтобы мамы могли разгружаться и наполняться ресурсами».* Наконец, это материальная помощь в получении образовательных и медицинских услуг для детей: «*льготы на все лекарства*»; «*льготное питание в школе, помощь с покупкой школьной формы*»; «*льготы на поступление в училище».*

Далее мы предложили респондентам и информантам ответить на вопрос, что нужно делать, чтобы современные семьи решались на троих и бо-

лее детей. Наиболее важными условиями для расширения семьи оказались финансовая стабильность (64 %), доступное жилье или ипотека для многодетных (62 %) и повышенные выплаты на детей (56 %), далее идут бесплатное или льготное образование (49 %) и государственная поддержка (46 %), менее значимы общественное признание многодетности (11 %), медицинское сопровождение беременности (21 %) и помощь с уходом за детьми (23 %), что говорит о доминировании материальных и институциональных факторов как условий для многодетности.

Отличия между мужчинами и женщинами значимы: женщины значительно чаще подчеркивают важность финансовой стабильности (74 % против 52 %; $\chi^2 = 20{,}400$, $p = 0{,}000$), жилья (67 % против 55 %; $\chi^2 = 5{,}694$, $p = 0{,}017$), возможности удаленной работы (42 % против 27 %; $\chi^2 = 8{,}804$, $p = 0{,}003$), помощи с детьми (29 % против 16 %; $\chi^2 = 10{,}508$, $p = 0{,}001$) и медицинского обслуживания во время беременности (25 % против 17 %; $\chi^2 = 3{,}903$, $p = 0{,}048$). Можно сказать, что женщины придают больше значения системам поддержки, снижению нагрузки и повышению уверенности в безопасности материнства, тогда как мужчины сосредоточены на базовых экономических аспектах. Возраст также влияет на представления об условиях многодетности. Финансовая стабильность наиболее актуальна для младшей (74 %) и средней (71 %) групп по сравнению со старшей (52 %) ($\chi^2 = 16{,}665$, $p = 0{,}000$). Доступ к образованию (детский сад, школа) более важен для средней и старшей групп (53 % и 55 % против 35 %; $\chi^2 = 10{,}893$, $p = 0{,}004$). Жилье и ипотека в приоритете у младшей и средней групп (по 68 % против 52 %; $\chi^2 = 10{,}464$, $p = 0{,}005$). В старшей группе существенно меньше доля тех, кто упоминает доверие к будущему (16 %), медицинское обслуживание (6,8 %) и общественное признание многодетности (5 %) (все различия статистически значимы при $p < 0{,}005$). Молодежь и респонденты среднего возраста чаще говорят о необходимости инфраструктурной и психологической поддержки, тогда как старшее поколение, вероятно, исходит из сложившегося опыта и менее подвержено ожиданиям внешней помощи.

В ходе интервью вопрос был сформулирован иначе, чтобы лучше раскрыть межличностную грань мотивационной основы многодетности: «Что, по Вашему мнению, можно предпринять со стороны семьи и личности для того, чтобы семьи чаще заводили троих и более детей?». Информанты часто подчеркивали роль эмоционального климата и психологической устойчивости в семье: «*Взаимопонимание и поддержка должна быть в первую очередь*»; «*Хорошо бы работать с психологом на регулярной основе*»; «*поддержка, одобрение*»; *«быть психически здоровым, финансово стабильным».* Некоторые информанты, связывая свое решение о многодетности с опытом родительской семьи, считают возможным содействовать ее распространению личным примером: «*Если семья, в которой ты рос, была многодетной, благополучной, где тебя любили и уделя-*

ли тебе время… это и будет влияющим фактором». Другие призывают освещать позитивный опыт, предлагать доступную помощь и таким образом менять общественные установки: «*Разрушать стереотипы о многодетстве, оказывать моральную поддержку, помогать физически*»; «*рассказывать о плюсах многодетности».* Однако многие участницы интервью подчеркивали, что решение о количестве детей — личное, и никто не должен вмешиваться: «*это решение каждого*»; «*отстать от личности и дать ей возможность самой решать, когда и сколько детей рожать*»; «*каждая семья думает по-своему».*

Наконец, мы попросили татарстанцев, у которых еще нет троих и более детей, сформулировать, что лично для них является препятствием к многодетности. Наиболее часто упоминалось достижение желаемого количества детей — 37 % указали, что не планируют больше детей, меньше ссылаются на финансовые трудности (16 %) и недостаточное жилищное пространство (14 %), еще реже упоминаются усталость и выгорание от воспитания детей (5,8 %), проблемы со здоровьем (6,3 %) и возраст (9,3 %). Поколенческие различия оказывают статистически значимое влияние на восприятие препятствий к многодетности. Среди наиболее выраженных различий можно отметить следующие: финансовые трудности — 30 % в младшей группе против 3,7 % в старшей ($\chi^2 = 34{,}181$, $p = 0{,}000$); недостаточная жилплощадь — 26 % против 3,1 % ($\chi^2 = 29{,}382$, $p = 0{,}000$); усталость и выгорание — 10 % против 1,2 % ($\chi^2 = 10{,}570$, $p = 0{,}005$); неподходящий возраст более значим в младшей группе (19 %), чем в средней (7,2 %) и старшей (5 %) ($\chi^2 = 15{,}539$, $p = 0{,}000$); карьерные планы упоминаются в младшей группе (12 %) и практически отсутствуют в старшей (0,6 %) ($\chi^2 = 17{,}742$, $p = 0{,}000$), достижение желаемого количества детей — 19 % против 46 % ($\chi^2 = 20{,}027$, $p = 0{,}000$). Эти различия демонстрируют, что младшие респонденты в большей степени сталкиваются с объективными социально-экономическими барьерами, тогда как у старших более выражено осознание завершенности репродуктивных планов.

Важно заметить, что многодетные татарстанцы также сталкивались с объективными и субъективными препятствиями на пути к этому статусу и продолжают испытывать трудности после его приобретения. Рассмотрим три самых важных из них, опустив такие очевидные, как финансовые трудности, нехватка жилплощади и др., по материалам интервью. Вспоминая свои первые чувства, связанные с ожиданием и/или рождением в их семьях третьего ребенка, информанты чаще всего сообщали, что были рады, горды и благодарны: «*Только чувства радости и гордости за себя и свою семью»;* «*Чувства стать матерью, а именно многодетной — это большая гордость для меня»;* «*Чувства счастья, радости и одновременно гордости»;* «*Радость и благодарность Аллаху, что дал нам возможность стать многодетными родителями».* Вместе с тем даже в тех случаях, когда многодетность стала

осознанным, эмоционально насыщенным и ценностно значимым решением, имеет место страх не справиться с новой ролью и переживания о будущем, пусть и оказавшиеся со временем напрасными, — это первое препятствие: «*Были переживания — справлюсь ли я со всеми, но все переживания были напрасны*»; «*Понимала, что это большая ответственность — нужно не просто закрывать основные потребности, но и воспитать хорошего человека*»; «*Было много страхов, когда только узнали о беременности*».

Второе препятствие связано с реакцией окружающих на ожидание и/или рождение третьего ребенка, особенно самых близких — супруга, старших детей, родителей, друзей и т.д. К счастью, в большинстве случаев многодетные мамы встретили поддержку со стороны мужей и детей, которые разделили, а частично развеяли их тревоги: «*Мой супруг всегда поддерживал и до сих пор продолжает поддержку*»; «*Конечно супруг поддержал, это наше обоюдное решение*»; «*Ощущала поддержку со стороны мужа и детей*»; «*Первые девочки уже большие, очень помогают*»; «*Дети очень рады и просят еще родить им братика или сестренку*». Однако ряд информантов признались, что, объявив о своем новом статусе или решении его принять, сначала столкнулись с удивлением и непониманием со стороны родителей и друзей: «*Родители, как и многое окружение, удивились, считали, что трое — это уже много, но сейчас все рады*»; «*Родители не совсем поддерживают мое решение*»; «*Друзья и родственники не сразу поддержали*».

Наконец, третье препятствие, которое в полной мере проявило себя в жизни информантов уже после обретения нового статуса, — нехватка времени, пространства и ресурсов для личностного и карьерного роста, занятий хобби и отдыха: «*Маленькому только пять, поэтому на себя времени, к сожалению, нет*»; «*Времени конечно на данный период для себя практически нет, все время занимает грудной ребенок*»; «*Времени нет, поддержки родителей нет, так как они проживают в другом городе. Муж дает возможность выбраться, но в конце дня уже нет сил*». Впрочем, некоторые информанты замечают, что отсутствие времени — это лишь временные трудности, и, когда младшие дети подрастают, период острого дефицита ресурсов проходит, и ситуация постепенно улучшается: *«Раньше, когда дети были маленькими, времени не хватало ни на что... Сейчас все нормально»*.

Более того, иногда декретный период используется многодетными мамами как точка роста — время для занятий хобби, получения дополнительного образования и построения карьеры: «*В разное время по-разному. Маленькие дети занимают больше времени... Сейчас дети подросли, и уже год как мое хобби переросло в работу*»; «*Я не карьеристка… играю в бадминтон и волейбол. Когда я одна хожу на тренировку, помогают родители и взрослые дети*»; «*Все дело в желании. Было бы желание, а все*

остальное приложится. Хобби у меня много… занимаюсь трейдингом, графическим дизайном»; «*Вполне достаточно времени, у меня много хобби… Сейчас работаю экономистом… совмещаю с удаленной работой бухгалтера… в декрете получила бесплатное дополнительное образование».*

***

Подводя итоги, можно сказать, что доминирование семейно-ориентированных ценностей среди опрошенных татарстанцев подтверждается, а их репродуктивные решения обусловлены совокупностью биопсихосоциальных факторов, среди которых наибольшее значение имеют здоровье, материальное положение и мотивация к родительству. Женщины отмечают более широкий спектр значимых условий, включая поддержку партнера, жилищную обеспеченность и ограничения карьеры, что указывает на большую рефлексивность и включенность женщин в репродуктивное планирование, а также на гендерную асимметрию восприятия родительства.

Многодетность остается ценностной нормой для ограниченного круга семей, чаще всего для тех, кто уже ее достиг, а многие не достигают желаемого числа детей, т.е. идеалы и реальность детности зачастую не совпадают. Как показали интервью с многодетными матерями, мотивация к многодетности в таких семьях многофакторная: некоторые с юности стремились к большой семье, другие хотели родить ребенка определенного пола, в ряде случаев инициатива исходила от супруга, значимы и жизненные обстоятельства — неплановая беременность или рождение двойни. Путь к многодетности оказывается в большинстве случаев осознанным, хотя и не всегда заранее спланированным.

Причины того, что детей в семьях татарстанцев оказывается меньше желаемого количества, — как объективные (финансовые, жилищные), так и субъективные (отсутствие уверенности в будущем, проблемы с зачатием). Барьеры к расширению семьи различаются по критериям возраста и пола: молодежь чаще ссылается на карьерные и финансовые ограничения, у старших доминирует установка на завершенность репродуктивного пути; мужчины чаще затрудняются назвать конкретные причины.

Запрос на поддержку рождаемости в целом и многодетности в частности сосредоточен вокруг экономических и инфраструктурных условий: доступное жилье, стабильные доходы, выплаты на детей. Меньшее внимание уделяется мерам социального признания и просвещения, что отражает прагматическую ориентацию. Молодежь выражает потребность в комплексной поддержке, включая гибкие условия труда, медицинское сопровождение и доверие к будущему, а старшие поколения ориентированы преимущественно на экономические стимулы. Интересно, что многодетные матери в большинстве своем критикуют существующие меры государственной поддержки за избирательность и привязку

к уровню дохода. Среди предложений — универсальные пособия независимо от статуса, снижение платы за ЖКХ, бесплатные няни, декретные выплаты для неработающих матерей, расширение медицинских и образовательных льгот. Большое значение придается эмоциональному климату, стабильности в семье, примерам успешного родительства, звучат инициативы по разрушению стереотипов, повышению осведомленности и вовлечению семей в общественные дискуссии.

Информация о финансировании
Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (Соглашение от 16.12.2024 № 108/2024-ПД).

Библиографический список

1. *Астахов В.И.* Социальная история России в XX веке. М., 2011.
2. *Бек У.* Общество риска. М., 2000.
3. *Вебер М.* Хозяйство и общество. М., 1990.
4. *Вишневский А.Г.* Демографическая модернизация России 1900–2000. М., 2006.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2004.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1991.
7. *Захаров С.В.* Демографический модерн и второй демографический переход в России // Демоскоп Weekly. 2007. № 305–306.
8. *Захаров С.П.* Демографическая история России: рубежи и повороты // Демоскоп Weekly. 2007. № 295–296.
9. *Конт О.* Курс позитивной философии. М., 2000.
10. *Кончаловская Н.С.* Демография и социальная политика в СССР: уроки и последствия. М., 2002.
11. *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013.
12. *Овчарова Л.Н., Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. и др.* Бедность в России: новые измерения. М., 2009.
13. *Павлюткин И.В., Борисова О.Н.* Многодетность как социальная миссия: новая реальность? // Социологические исследования. 2019. № 9.
14. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006. URL: http://www.kremlin.ru/acts/addresses.
15. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31270.
16. Указ от 8 июля 1944 г. № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133.
17. *Шакирова А.Ф., Коннова А.А.* Меры социальной поддержки многодетных матерей как инструмент преодоления демографического кризиса в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества. Курск, 2025.
18. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1981.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539
EDN: YFHHOS

Value orientations and reproductive attitudes: Determinants of parenting choices and childbearing patterns in the Republic of Tatarstan *

A.F. Shakirova

Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Karl Marx St., 23/6, Kazan, Russia, 420111

(e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru)

Abstract. The article considers value orientations and reproductive attitudes in the Republic of Tatarstan under the current demographic crisis. The author interprets the phenomenon of the large family as a distinct social model that lost its widespread character but retains its significance for social reproduction. The article's theoretical framework consists of classical sociological approaches (A. Comte, E. Durkheim, M. Weber, K. Marx, F. Engels) and contemporary concepts of demographic transition, which allows to show the transformation of the family institution from traditional large families to the prevalence of two children and the spread of childlessness: in the 20th century, social upheavals, industrialization and the changing role of the state determined a decline in fertility and marginalization of large families. The empirical part of the article is based on the results of a survey in the Republic of Tatarstan (N = 400) and in-depth interviews with mothers with many children (N = 20). The author identifies the key factors in decision-making regarding childbearing: health, financial situation, housing conditions, and partner support. Women name a wider range of reproductive choice factors, while men often find it difficult to identify specific reasons. The article also mentions barriers to having many children and the population's proposals for the state fertility support measures, among which affordable housing and financial stability predominate. Thus, in Russia the family with many children remains an exceptional model of childbearing, which is based primarily on value-based choices and institutional support.

Key words: reproductive attitudes; large families; value orientations; family; demographic policy; Republic of Tatarstan; regional studies

For citation: Shakirova A.F. Value orientations and reproductive attitudes: Determinants of parenting choices and childbearing patterns in the Republic of Tatarstan . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 525–539. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539 EDN: YFHHOS

Funding
The research was supported by the grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, given to young candidates of science (postdoctoral students) for defending a doctoral dissertation, conducting research, and working in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan Scientific-Technological Development of the Republic of Tatarstan" (Agreement of December 16, 2024, No. 108/2024-PD).

*© A.F. Shakirova, 2026
The article was submitted on 18.08.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Astakhov V.I. *Sotsialnaya istoriya Rossii v XX veke* [Social History of Russia in the 20th Century]. Moscow; 2011. (In Russ.).
2. Beck U. *Obshchestvo riska* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
3. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Moscow; 1990. (In Russ.).
4. Vishnevsky A.G. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii* 1900–2000 [Demographic Modernization in Russia 1900–2000]. Moscow; 2006. (In Russ.).
5. Giddens E. *Ustroenie obshchestva* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2004. (In Russ.).
6. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1991. (In Russ.).
7. Zakharov S.V. Demograficheskiy modern i vtoroy demograficheskiy perekhod v Rossii [Demographic modernity and the second demographic transition in Russia]. *Demoskop Weekly.* 2007; 305–306. (In Russ.).
8. Zakharov S.P. Demograficheskaya istoriya Rossii: rubezhi i povoroty [Demographic history of Russia: Boundaries and turning Points]. *Demoskop Weekly.* 2007; 295–296. (In Russ.).
9. Comte A. *Kurs pozitivnoy filosofii* [The Course of Positive Philosophy]. Moscow; 2000. (In Russ.).
10. Konchalovskaya N.S. *Demografiya i sotsialnaya politika v SSSR: uroki i posledstviya* [Demography and Social Policy in the USSR: Lessons and Consequences]. Moscow; 2002. (In Russ.).
11. Nefedov S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov; 2013. (In Russ.).
12. Ovcharova L.N., Korchagina I.I., Prokofieva L.M. et al. *Bednost v Rossii: novye izmereniya* [Poverty in Russia: New Dimensions]. Moscow; 2009. (In Russ.).
13. Pavlyutkin I.V., Borisova O.N. Mnogodetnost kak sotsialnaya missiya: novaya realnost? [Large family as a social mission: A new reality?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 9. (In Russ.).
14. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation]. 2006. URL: http://www.kremlin.ru/acts/addresses. (In Russ.).
15. Summarny koeffitsient rozhdaemosti [Total Fertility Rate]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31270. (In Russ.).
16. Ukaz ot 8 iyulya 1944 g. No. 118/11 "Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam, mnogodetnym i odinokim materyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii vysshey stepeni otlichiya — zvaniya "Mat-geroinya" i uchrezhdenii ordena "Materinskaya slava" i medali "Medal materinstva"" [Decree of July 8, 1944 No. 118/11 "On Increasing State Assistance to Pregnant Women, Large Families and Single Mothers, Strengthening the Protection of Motherhood and Childhood, Establishing the Highest Distinction — the Title of Mother-Heroine, the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood"]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133. (In Russ.).
17. Shakirova A.F., Konnova A.A. Mery sotsialnoy podderzhki mnogodetnyh materey kak instrument preodoleniya demograficheskogo krizisa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoenny period [Social support measures for mothers with many children as a means for overcoming the demographic crisis during the Great Patriotic War and the post-war Period]. *Budushchee nauki: vzglyad molodyh uchenyh na innovatsionnoe razvitie obshchestva*. Kursk; 2025. (In Russ.).
18. Engels F. *Proiskhozhdenie semyi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow; 1981. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 540–554**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-540-554
EDN: XZMPYG

Kinship in reproductive donation: Anonymity vs openness*

I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Ekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: irinapolykova@yandex.ru; shvetsovaav@mail.ru; m.v.shcherbakova@urfu.ru)

Abstract. Deterioration of reproductive health is one of the pressing issues of our time, and assisted reproductive technologies are increasingly used to address it. However, technological progress has far outpaced social adaptation, complicating the definition of new kinship structures determined by reproductive donation. The article considers the relationship between kinship and anonymity in the context of reproductive donation and is based on a complex approach that expands the theoretical framework of social sciences and presents an interdisciplinary understanding of reproductive donation practices by integrating sociological and anthropological perspectives. The authors analyze social aspects of kinship and anonymity to identify the significance of genetic kinship within the broader context of personal identity and kinship development. The empirical study consisted of 14 in-depth semi-structured interviews with recipients of donor reproductive material: their narratives reveal personal and social aspects of the perception of genetic kinship in ART (Assisted Reproductive Technologies) programs involving third parties in parenting, and attitudes toward anonymity of donation and issues related to disclosing information about such conception. The study focuses on how donor anonymity shapes understanding of kinship, influencing social norms, identity patterns, family and genealogical ties. The authors argue that anonymity affects how kinship is perceived, strengthening boundaries between biological and social dimensions. Despite arguments for openness driven by medical reasoning and the right to know one's genetic origins, Russian society in general and traditional family models in particular remain unready for full transparency in this sphere.

Key words: reproductive donation; assisted reproductive technologies; ART (Assisted Reproductive Technologies); kinship; values; family; anonymity

For citation: Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Valeeva M.V. Kinship in reproductive donation: Anonymity vs openness. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 540–554. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-540-554 EDN: XZMPYG

Today's reproductive technologies have transformed ideas of kinship, giving rise to new forms of biological and social parenthood. The central element of this transformation is the use of donor gametes and embryos, which challenges

*© I.G. Polyakova, A.V. Shvetsova, M.V. Valeeva, 2026
The article was submitted on 13.11.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

traditional understandings of how kinship is constructed. The anonymity of both the process and its participants adds further complexity: while it can protect family autonomy, it also raises ethical and existential questions about the child's right to know genetic origins. There is no clear framework to help donors, recipients, and offspring understand their relationships. Unlike conventional kinship ties, shaped by cultural norms and social rituals, connections formed through donation remain largely undefined.

Although assisted reproductive technologies (ARTs) are seen as innovative, they often strengthen traditional family structures centered on the child's biological link to parents. Instead of questioning established notions of family and kinship, ARTs support them by technological solutions that strengthen the ideal of biological parenthood even under reproductive limitations. ARTs are not merely a set of medical procedures but a complex social phenomenon that both supports and transforms conventional understandings of kinship by introducing new, technologically mediated forms of conception [8; 9]. This dual nature turns ARTs into a paradoxical phenomenon: it alters the very process of human reproduction while being based on established values, reaffirming the biological link as the central element of parenthood. In the article, we consider how kinship is interpreted in the context of ARTs, how anonymity functions in reproductive donation, and what ideas shape recipients' decisions regarding the degree of anonymity.

The concept of kinship and the transformation of family structures in the era of gamete donation

Anthropology views family ties not only as biological but also as culturally constructed. In the mid-1980s, D. Schneider [33] argued that kinship is not merely a biological fact but a symbolic system that varies across societies and criticized the Western concept of kinship for its lack of sensitivity to cultural meanings and social obligations that shape family relations, i.e., for being an inadequate analytical tool for understanding transforming societies. In the era of donation, the concept of kinship has undergone significant changes. Donor programs define in kinship genetic, biological and social dimensions, which results in increasingly multilayered family structures. Parents who use donor material face a choice: whether to see the donor as a meaningful figure or to exclude the donor from the family narrative. The complexity of such family structures becomes apparent if one imagines the family tree of the child conceived with donor material [19].

Anthropologist M. Strathern [34] showed that the development of reproductive technologies blurs the boundaries between natural and social kinship. Considering the Western worldview, she argued that autonomy and biological origin form the basis of personal identity, bit reproductive technologies give rise to new models of kinship, where individuality is shaped not only through genetics but also through social and legal mechanisms. In the case of oocyte (egg) donation, genetic material belongs to one woman (genetic mother), while another woman carries and gives

birth to the child (gestational mother). As a result, the notion of "biological mother" ceases to be self-evident. Reproductive technologies clearly demonstrate that the biological can also be socially constructed and, therefore, open to contestation [18]. Donor material, surrogacy and other reproductive technologies create new forms of family relations and individual biographies related to the idea of anonymity. Depending on cultural and legal frameworks, anonymity of donors and secrecy of ARTs can be seen either as protection of privacy or as a violation of children's right to know their origins. Thus, kinship is not a universal category but a flexible social construct.

However, the "flexibility" of kinship has its limits [6]. The core of kinship may be the concept of heritage, which plays a crucial role in public consciousness; there is a tension between the desire to erase the biological donor from the family story and the recognition that origins matter. Kinship, understood as sharing of bodily substance (genetics, biology, blood, or DNA), is reflected in the growing interest in family history and genealogical research [2; 29]. There is evidence that a growing number of donor-conceived people seek additional information about their origins through DNA testing [3; 4; 13], and such discoveries can destabilize family narratives and the sense of ontological security [26]. In A. Giddens's structuration theory, ontological security refers to the personal sense of stability and predictability in the world as a necessary foundation for identity and confidence [10]. This sense of continuity develops in early childhood through trust-based relationships with parents and is threatened when family history is broken. Thus, kinship has not lost its role as an organizing principle in post-industrial societies.

The desire to have a "child of one's own" (genetically related child) is linked to the wish to reproduce oneself (thinking, lifestyle, and physical traits). For this reason, reproductive donation is often seen as the most acceptable alternative to "full" kinship [28]. Genetic relatedness is treated as something given, whereas social relatedness requires effort and emotional investment. Moreover, discursive strategies of women who use donor reproductive material often aim at presenting motherhood as unambiguously biological and essential [15].

Transformations in family structures determined by reproductive donation are difficult to explain partly because there is no adequate language to describe new forms of kinship and related emotional connection. In this study, we recorded moments when recipients struggled to articulate their feelings toward the future child, for example, *"as if my own",* despite unquestionable biological participation in childbirth. Donors also experience difficulty defining kinship [30]: on the one hand, egg donors deny that children are "theirs"; on the other hand, they feel a moral and emotional bond with them, which cannot easily put into words. This issue remains unresolved even at the level of kinship theory. Some authors use the term "affinity" [24] to describe deep, meaningful, and sometimes hard-to-define connections. Affinities

shape our sense of belonging as grounded more in feeling than in logic and therefore falling outside conventional categories of social analysis. The concept of affinity is based on four dimensions of kinship: fixed, creative, ethereal, and sensory [17; 24]. This is a productive framework for capturing the relationships of participants in donor programs and explaining why children conceived through ARTs may wish to find their donor, even when they understand that donors had no intention of having a child "for themselves."

Anthropological understanding of kinship develops under the influence of cultural and political realities. A distinctive feature of the contemporary European discourse at the intersection of kinship anthropology and bioethics is the integration of issues related to "different sexes, sexualities, and cultures" [1; 16; 27]. Legalization of gender transition, use of reproductive technologies by same-sex couples and diversification of reproductive methods have contributed to the fragmentation of kinship ties. Thus, scholars propose "re-imagining various culturally cherished values of family-making" rather than reaffirming traditional family concepts [16]. Critics of the traditional family model argue that its reliance on genetic essentialism inherently excludes non-nuclear families. Their opponents argue that privileging the nuclear family and genetic kinship reveals a "deficiency" in social thinking, and that educational and linguistic measures are needed to achieve equality for alternative family forms [20]. This approach cannot be directly applied to the study of kinship in non-European societies [12], where national cultures and legal systems play a decisive role in the "reassembling" kinship ties [35]. In Russia, public discourse remains focused on preserving the image of the normative nuclear family in the context of donation, while "postmodern" family forms (single- and multi-parent families, delayed parenthood, voluntarily childless families) are considered socially unacceptable [38. P. 65].

Recent studies raise questions about the nature of human reproduction and social consequences of intervening in it. Scholars refer to ARTs as "technologies of hope" but highlight their paradoxical nature and ability to create new uncertainties and risks [9]. There is no established social script for defining kinship and family ties created through reproductive donation; moreover, there is no clear understanding of what constitutes "meaningful connectedness" in this context [24]. Scholars also point to the danger of simplification in attempts to draw analogies between new reproductive technologies and historical variations of parenthood (adoption, bearing a child for childless relatives or employers [7]. Thus, kinship appears both as a flexible institution and as a fragile individual world.

The concept of reproductive anonymity

Anonymity is a fundamental aspect of self-awareness and human relationships. It can be expressed as a refusal of identity through the prism of one's relation to the Other [22] or as rewritten "narrative identity", exclusion of certain facts one's personal history [32]. The absence of some information creates a gap that disrupts

the integrity of identity. The relational nature of identity (its formation through social connections and vocation [37]) emphasizes that anonymity in the matter of origin represents a substitution: a fictitious history of kinship leads to fictitious knowledge about oneself. "Non-recognition" by genetic parents can be seen as a key element of self-identification, a way of constructing one's self-image through denial. Thus, anonymity, once a matter of legal rights, takes on an existential dimension in anthropology and social philosophy, raising questions about self-knowledge and self-understanding.

Anonymity as an ontological phenomenon is linked to identity, freedom of choice, moral responsibility, and power. In reproductive donation, anonymity functions as a synonym for secrecy — a family secret that can be considered in four ways: 1) identity of children born through the use of donor material (should children know about their origins?); 2) freedom of choice for donors (should they disclose personal data for potential future identification?) and recipients (should they keep the use of donor material secret?); 3) moral responsibility of donors (to what extent are they responsible for their genetic offspring?); 4) power of the regulator (state or society) in controlling information (how does the law define reproductive justice; dees society stigmatize participants in donor reproductive procedures; why does society encourage anonymity?). Thus, actors involved in reproductive secrecy include not only donors, recipients and children conceived through ARTs, but also the public (state, relatives, wider social circle and strangers holding opinions on the matter). This collective participant exerts enormous and often underestimated influence on the decision anonymity vs openness in donor conception.

Social debates about children's right to know their origins have played a significant role in policy decisions banning anonymous donation in several jurisdictions. In scientific discourse, the term "knowledge of one's origins" is an umbrella concept combining a medical aspect (a complete family medical history and medically relevant genetic information), an identity aspect (information about the donor that could help reconstruct one's sense of self — occupation, nationality, personal traits, etc.), and a relational aspect (establishment of contact) [31]. Boundaries of anonymity are fluid, ranging from providing medical data to full disclosure, including the possibility of contact. However, there is still no clear understanding of how this right should be exercised in the interests of children, donors and parents.

Anonymity as a donor's position reflects the desire to maintain distance from future genetic offspring. Reproductive donors neither deny nor overstate the relational significance of their genetic material [11]. The general tendency is to minimize the importance of their role as intermediaries between "real" parents and the child. Disclosure of the donor's identity raises "uncomfortable" questions about moral responsibility and possible action if the child seeks contact. Moreover, it can create a dilemma regarding the significance of connections between the donor's own children and those conceived through donation.

Anonymity as a recipient's position reflects the desire to conceal the use of donor material to protect the family and the child from judgment and stigmatization. Readiness to challenge traditional notions of motherhood can become a true test for women [14]. The experience of several countries where donor anonymity was prohibited reveals ambiguous consequences of such policies: despite the general trend toward openness and its active promotion, most parents do not want to disclose this information to their children or face difficulties in realizing this intention [21]. Moreover, enforced openness leads to an increase in manipulative strategies to circumvent the law [39].

The regulator's power in matters of anonymity can take both direct and indirect forms: direct — through laws, indirect — through public opinion. Among the most influential actors are close relatives: recipients often fear that disclosing such information might change how their parents treat the child, perhaps favoring "biological" children of siblings instead [14]. Partial disclosure is a common strategy: recipients may mention only that IVF (In Vitro Fertilization) was used (without revealing the fact of donor involvement), or, in cases of single motherhood, disclose only sperm donation, which allows to manage information selectively, adjusting it for different audiences and avoiding suspicion.

The state is another key actor, defining the regulatory framework of anonymity and setting rules for how donors and recipients may interact: calls for openness without considering the context of how, when and by whom it is ensured can disrupt or reshape family life [5], since society may not be ready for complete "reproductive transparency." When laws outpace the development of social practices, families unwilling or unprepared to follow new norms risk being cast outside the "norm". In countries where open donation is practiced, the use of DNA testing to identify potential relatives and the creation of online communities for sharing results have become common [26], proving how deeply donor-conceived individuals value their "biological" connections. About 90% of adults aware of their donor conception seek information about their donor, and 70% try to establish direct contact [23]. Although openness is widely promoted in public discourse, in private life people tend to value the traditional family model and ideas of kinship.

"To speak or to conceal": Position of recipients

In Russian reproductive practice, the question of anonymity is left to the discretion of recipients. The model in which participation in the donor protocol is flexibly regulated is referred to as the "triune" model: parents decide to whom and to what extent they agree to disclose information about conception, and this privilege comes with full responsibility for the choice made, including ethical dilemmas and potential psychological consequences. To illustrate the depth and emotional tension of recipients, we will present the results of interviews conducted at one reproductive center in Yekaterinburg. The guide included questions about family and social status, reproductive experience, decision-

making on the use of donor material, and a section on family and childhood to establish a trusting rapport with the respondent. Since this social group is one of the most closed in society, sampling was purposive: available cases — access through reproductive physicians and psychologist at the medical center where women had previously undergone infertility treatment or participated in ARTs programs as a recipient of donor material. We interviewed 14 female patients who were preparing for IVF with donor material (oocytes, sperm, or both). The average age of respondents was 42 years (ranging from 36 to 50). Most had higher education and stable professional positions; 10 were married, 4 were single and planned to raise a child on their own; 4 already had children — 2 had given birth without donor material at a younger age, and 2 had children conceived with donor material. Others did not have children due to physiological factors (their own or their partner's) or to the absence of a partner.

Respondents ideas about anonymity in donation programs can be grouped as follows: complete secrecy (keeping all information from both the child and society); partial openness (sharing information with a limited circle and being ready to tell the child under certain conditions); full openness (discussing the situation openly with relatives and close friends, being ready to with the child). However, as interviews were conducted during preparation for pregnancy, many women acknowledged they might change their minds later: *"That's what I think now, but after I give birth, I might not want to know anything"*. Nevertheless, these positions reveal patterns and reasoning, showing that intentions are generally well-defined and some families have a ready "narrative" about conception. For most participants, strict anonymity is essential to avoid tensions in family relationships and to save the child from psychological challenges of knowing about their donor origin. Such respondents view the family's atmosphere and parents' way of life as the most important factors shaping the child's personality, thus, seeing donor material as merely a "cell" with biological significance but no social meaning. For them, anonymity protects the family's private life and preserves the traditional family structure: *"I told my husband… we'll never tell anyone about this… I'll bear full responsibility for the baby, just like my husband. I won't tell anyone… When I give birth to this child, I don't want anyone to have a claim on him, even indirectly"*.

Other informants acknowledge the significance of genetic origin and the child's right to know about it but doubt that disclosure would not disrupt family bonds. Such women tend to postpone conversation with the child, seeking an inner compromise between genetic (oocyte) and biological (pregnancy and childbirth) motherhood: *"I've thought about it… Probably, I would tell later... I understand that it will be a donor egg, but I still think the child will be mine, my husband's… I don't feel as if I just went somewhere and took a child from an orphanage or some institution. I still believe it's my child"; "If the child starts having some doubts, then yes… I might tell… But otherwise, I wouldn't want to. It will be my child"*.

Some recipients believe that the child should know about the special circumstances of their birth, and that information about the donor should include medical history. They justify this by the child's right to know one's origins and to avoid potential medical risks related to genetic factors: *"We'll tell the child that we're not biological parents. We decided that from the start… I think the child should know for one simple reason: if something happens — a serious illness, a transplant, or anything like that — the child should know".* Some women are guided by social-psychological contexts, following the principle that "if you want to hide something, put it in plain sight": *"It's better if the parent says it than if it comes from someone else… I don't know how it will affect my child, but at a certain point I'll tell".*

Psychological therapy for reproductive issues appears to encourage openness. One informant mentioned that she had already written a letter to her future child. It should be mentioned that respondents were generally more ready to tell the child about the use of donor sperm than about the use of donor oocytes. One respondent with a child conceived with donor sperm reported that this fact is carefully hidden from others; moreover, all documents that could in any way be related to the donation procedure were destroyed.

The choice between models of anonymity largely depends on recipients' personal beliefs and societal attitudes toward donation. The main arguments in favor of openness include respect for the child's individuality, prevention of psychological issues, and avoidance of medical problems. Another important consideration is the risk of consanguinity and genetic confusion that can arise as donor programs expand. At present, Russia has no registry of reproductive material donors; therefore, we have no information on the number of children born from every donor (biological siblings): *"It's possible that the child could develop affection for brother or sister. That's frightening, because there could be genetic abnormalities… That's why I'm not against having such information at the level of some kind of organization or database… or doctors".* On the other hand, social stereotypes and concerns about harming family bonds and the wish to protect the child's emotional well-being often make recipients keep the donation a secret.

The decision to use donor material (especially in case of oocyte donation) is often the last attempt to be a mother and a dramatic step in the struggle against infertility. Women admit that motherhood is their deeply cherished dream, to which they devote all their energy and resources: *"My journey toward pregnancy started when I was 22… I don't think there was a single day when I've forgotten that I want to have children"; "I wanted to go through the whole process — to get pregnant. to carry the baby. to give birth. That's what stops me from adopting"; "I've all my dreams come true except one — to become a mother"; "This has long become a kind of need — to realize my maternal energy… Emotionlessly, everything is just the same… life starts to feel uninteresting, but children, they are so spontaneous, vivid, they rediscover the world, they give a certain fullness, a richness to life".*

In some cases, the dream of motherhood is expressed through the notion of "realizing oneself as a woman". Russian culture is based on the concepts of motherhood and femininity, and inability to have a child becomes a stigma that overshadows all other women's achievements: *"This is psychologically very hard for me. I honestly won't tell anyone about it, because it makes me feel like a failed woman, specifically when it comes to motherhood… I had to seek help from a psychologist, because I just couldn't imagine that I would never see a continuation of myself, with my DNA. It's truly frightening for women. It's terrifying".*

Interestingly, women who already have genetic children tend to view the need for egg donation more optimistically. They see donor material as more reliable and do not distinguish between genetic and biological children: *"It's absolutely fine to use a young, healthy, strong egg cell… you're still the one who will carry the child, and it will still be… yours"; "I understood that it was a woman just like me… only a bit younger, with better egg quality than mine, that's all".*

The belief that having children is a criterion of "normality" also applies to men, turning male infertility into "male inadequacy". Of 6 respondents planning conception with donor sperm, 4 were married, all reported psychological difficulties of their husbands due to infertility and the need to support them. A notable case is the decision to repeat an IVF cycle with a donor embryo (both egg and sperm from donors) after a failed attempt with donor sperm: *"It was clear that he felt uncomfortable in this situation. We just tried to forget about it… When I told him that we would still have to use donor material (a child, an embryo), I think he was even glad".* In general, men rarely suggest donor programs (only one case with the husband significantly younger then the wife) but are "supportive" or require that information be provided to them carefully and gently: *"I'll present it to him in the most minimal way possible, so that it doesn't even stick in his memory"; "His acceptance came right away... For a long time, since last year, I've been slowly making my approaches to him".*

Another important aspect of anonymity is the influence of public opinion and cultural norms. Our respondents have varying experiences of interacting with their social environment, which determines different expectations in case of reproductive donation. The family is mentioned most often, primarily parents and siblings, and in two cases adult children, which highlights the continuing importance of consanguinity in the context of planned pregnancy. Depending on the closeness of family ties and the internal dynamics of relationships, recipients decide whether to inform all their relatives or only some of them about the upcoming procedure: *"It's not that we're afraid of being judged; we just don't want anyone to look at the child differently later. I mean my own relatives"; "My mother wouldn't understand… she doesn't quite get all that — embryos and so on. Besides, she's elderly, over seventy, and she'll support me as much as she can. Once I tried to discuss the donor embryo, and she reacted like "What are you talking about? It's your own business, don't involve me". So, we didn't discuss it again"; "We decided*

not to tell them… What if they have their own issues about it, what if they don't accept it — who knows".

Close relatives are often seen as a source of additional stress and emotional pressure: *"I don't want my mother to worry or overthink. But we talked about donation once. She's against it. So, I just… don't involve her… after all, it's my life, not hers. As for giving birth and bringing the baby to her to look after, I don't think it'll make a difference. She won't even ask. Things will be as usual"; "The fear is about having to explain to relatives… Besides, it's still kind of a secret… only you and your husband know";"My grandmother says: "She gave birth to a granddaughter, and she doesn't look like her at all, she looks like so-and-so". The older generation tends to… compare. I've already decided that if something goes wrong… if they say the child doesn't look like me, I'll say: "He looks like his father"… I'm already running through these future conversations".* On the other hand, support from relatives can be decisive: *"It's surprising, but my brother supported me. If it weren't for him, I probably would still be thinking about it"; "My daughter supported me. She didn't say anything to me, nothing judgmental, but it was clear she was a little confused".*

The second social circle consists of close friends and colleagues, from which the most trusted and understanding are chosen, especially those with reproductive problems and IVF experience: *"My close friends know. Three of us do not have children, one gave birth young, and her daughter is eighteen… I'm the oldest. One friend, I think, is going through the program now — probably it's her third round of IVF. Another friend also visited the clinic for consultation. She will do IVF too, but with her own eggs. She's younger than me, and her tests are better. For me it's different. So, they know"; "My friend is the only person who knows about everything I'm going through… donation and everything else… She understands me… because… she also had 7–8 attempts".*

The third circle is the broader public, society. According to one informant, there are three groups — those who support, those who judge, and those who "couldn't care less": *"Society puts pressure on you. Everywhere you hear that if you haven't given birth, you haven't realized yourself as a woman… And some, if they find out, will definitely use it against the mother who had IVF with a donor egg. This is bad. That's why I will never tell anyone about donation"; "It seems to me that people have started to treat all this more normally… As they say, "One sees the goal — one doesn't see obstacles". That's why people are more willing to take advantage of new possibilities"; "The older generation doesn't understand this. For most of them, such problems rarely existed… It often happens that until you face this problem, you are not aware of it"; "To hear that "there so many IVF babies, soon everyone will look alike" for me was shocking"; "Very negatively social perception. If you meet someone new, you won't be telling them at all. Even that you're doing IVF. For example, my boss is completely against it… You simply have to experience it to understand"; "Well, judge me. Good for you, you judge*

because it worked out for you. But if it hadn't? What then? What right do you have?"; "Some will probably roll their eyes, others will say it's my business".

The decision to use donor material is emotionally complex, women describe it as their "last chance" and experience tremendous psychological strain. Their fears may be linked to social pressure like stigmatization of the child or family ties ("he doesn't look like you", "too many IVF kids these days"). To minimize this risk, recipients tend to choose donors whose eye color, body type and general appearance resemble their own, and prefer anonymity as a way to socially legitimize family ties ("so that noone would even have a thought about it"): *"What am I afraid of? That it may become public"; " I'm really, really scared that the child... will look kind of... not our child"*

The novelty of the method and its ambiguous public perception make women question even their maternal feelings, fearing that "maternal instinct might "fail to turn on": *"There's a fear that they'll give the child to me, and I... won't feel anything... I remember when I was pregnant, I remember what it's like, how you feel... And I'm afraid that this time it won't be there. I'm afraid to miss that magic"; "I'm afraid that if I ever get angry... I'll tell him that he is not even mine"; "for a second I might think that it's not my genes".* To on respondent her doctor explained that such doubts were temporary and that the birth of the child would quickly make her forget about the donor oocyte: *"He said it so gently that I believed him. That it was already mine, not someone else's. That later I would forget about it completely. And that's exactly what happened. When I paid for the procedure, I already felt something — that it was mine. Not someone else's, but mine".* Thus, the issue of anonymity can turn into a question of acceptance. Anonymity allows women to move past the fact of using donor material, to remove the donor from the structure of kinship and to free themselves from the burden of constant reflection.

***

Reproductive donation, an integral part of ARTs, serves as a powerful catalyst for transforming ideas about kinship. ARTs, despite their revolutionary nature, often function as instruments for maintaining traditional values of biological parenthood and nuclear family. However, the technology of gamete and embryo donation radically divides the notion of kinship into genetic, gestational, and social, creating complex, multilayered family structures. At the core of these transformation lies the phenomenon of anonymity that affects the foundations of identity for all parties involved: for the child, it creates a gap in knowledge about one's origin (In medical, identification, and relational terms), which potentially threatens ontological security and leads to the desire to search for genetic roots; for the donor, anonymity provides a way to distance from moral responsibility for genetic offspring and to avoid difficult questions; for recipients, anonymity

is a strategy for protecting the family from stigmatization, preserving the normative image of parenthood and social ties. The empirical data shows a range of positions — from the pursuit of complete secrecy to partial or declared openness — motivated by a complex interplay of fears (of breaking family bonds, of social rejection, of "inauthentic" motherhood), feelings of guilt, dream of motherhood, and desire to protect the child. The question of anonymity is especially acute in cases involving donor oocytes, which is perceived as a loss of genetic connection.

Thus, ARTs are "technologies of hope", which at the same time determine new uncertainties and risks. The central uncertainty lies in the absence of established social frameworks for understanding kinship ties generated through donation and in the lack of adequate language to describe affective bonds. Anonymity helps to manage this uncertainty, while openness as an alternative to anonymity requires a transformation of public consciousness. Before enacting laws that require donors and recipients to disclose their personal histories, it is necessary to develop a stable social perception of new kinship structures that would support such transparency. Despite significant normative and cultural differences shaping attitudes toward kinship in different countries, there are several universal categories for suggesting how kinship structures should develop in response to the growth of ARTs: significance of genetic kinship; family resemblance as a sign of kinship; fears and doubts about one's maternal role and readiness to accept the child; uncertainty about relatives' and society's responses; belief in the epigenetic component. Anonymity acts as a guarantee of socially normalizing the family and as a mechanism of psychological protection.

Funding

The study was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 25-28-00478, https://rscf.ru/project/25-28-00478/.

References

1. Andreassen R. *Mediated Kinship: Gender, Race and Sexuality in Donor Families.* London: Routledge; 2019.
2. Barnwell A. The genealogy craze: Authoring an authentic identity through family history research. *Life Writing.* 2013; 10 (3).
3. Crawshaw M. Direct-to-consumer DNA testing: The fallout for individuals and their families unexpectedly learning of their donor conception origins. *Human Fertility.* 2018; 21 (4).
4. Darroch F., Smith I. Establishing identity: How direct-to-consumer genetic testing challenges the assumption of donor anonymity. *Family Court Review.* 2021; 59 (1).
5. Dempsey D., Nordqvist P., Kelly F. Beyond secrecy and openness: Telling a relational story about children's best interests in donor-conceived families. *BioSocieties.* 2022; 17.
6. Edwards J. *Born and Bred: Idioms of Kinship and New Reproductive Technologies in England.* Oxford: Oxford University Press; 2000.
7. Edwards J., Franklin S., Hirsch E., Price F., Strathern M. *Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception.* London: Routledge; 1999.

8. Franklin S. *Biological Relatives: IVF Stem Cells and the Future of Kinship.* Durham: Duke University Press; 2013.
9. Franklin S. *Embodied Progress: A Cultural Account of Assisted Conception.* London: Routledge; 2022.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age.* Cambridge: Polity Press; 1991.
11. Gilman L. Tracing pathways of relatedness: How identity-release gamete donors negotiate biological (non-) parenthood. *Families, Relationships and Societies.* 2020; 9 (2).
12. Gurko T.A. Development of the institution of parenthood: Analysis of empirical indicators. *Woman in Russian Society.* 2022; 4. (In Russ.).
13. Harper J.C., Kennett D., Reisel D. The end of donor anonymity: How genetic testing is likely to drive anonymous gamete donation out of business. *Human Reproduction.* 2016; 31 (6).
14. Hertz R. Single mothers as bricoleurs: Crafting embryos and kin. *Journal of Family Issues.* 2021; 42 (1).
15. Isupova O.G. Childbirth as a value in the online discourse of subfertile women about egg donation and surrogacy. *Journal of Social Policy Studies.* 2014; 12 (3). (In Russ.).
16. Kendal E. Whose (germ) line is it anyway? Reproductive technologies and kinship. *Bioethics.* 2024; 38.
17. Kramer A.M. Kinship, affinity and connectedness: Exploring the role of genealogy in personal lives. *Sociology.* 2011; 45 (3).
18. Kretser I.Yu. In search of kinship: On the issue of kinship relations in contemporary Western studies. *Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2016; 19 (1). (In Russ.).
19. Kretser I.Yu. What happened to "kinship"? Contemporary perspectives on kinship studies in sociology and social anthropology. *Bulletin of the Saint-Petersburg University.* 2014; 12 (2). (In Russ.).
20. Lam R.X.-H. Rethinking "family": A call for conceptual amelioration. *Bioethics.* 2024; 38.
21. Lassalzede T., Paci M., Rouzier J., Carez S., Gnisci A., Saias-Magnan J., Deveze C., Perrin J., Metzler-Guillemain C. Sperm donor conception and disclosure to children: A 10-year retrospective follow-up study of parental attitudes in one French center for the study and preservation of eggs and sperm (CECOS). *Fertility and Sterility.* 2017; 102 (2).
22. Levinas E. *Totality and Infinity.* Pittsburgh: Duquesne University Press; 1961.
23. Macmillan C.M., Allan S., Johnstone M., Stokes M.A. The motivations of donor-conceived adults for seeking information about, and contact with, sperm donors. *Reproductive BioMedicine.* 2021; 43 (1).
24. Mason J. *Affinities: Potent Connections in Personal Life.* Hoboken: Wiley; 2018.
25. Mason J. Tangible affinities and the real life fascination of kinship. *Sociology.* 2008; 42 (1).
26. Newton G., Drysdale K., Zappavigna M., Newman C.E. Truth, proof, sleuth: Trust in direct-to-consumer DNA testing and other sources of identity information among Australian donor-conceived people. *Sociology.* 2023; 57 (1).
27. Nordqvist P. Origins and originators: Lesbian couples negotiating parental identities and sperm donor conception. *Culture, Health & Sexuality.* 2012; 14 (3).
28. Nordqvist P. Genetic thinking and everyday living: On family practices and family imaginaries. *Sociological Review.* 2017; 56 (4).
29. Nordqvist P., Gilman L. A sense of connectedness in reproductive donation. Contrasting policy with donor and donor kin lived experience. *Journal of Family Issues.* 2024; 45 (8).
30. Petersen L.M. Finding the "appropriate distance" in egg donor kinship relations. *Lambda Nordica.* 2020; 24 (2–3).
31. Ravitsky V. The right to know one's genetic origins and cross-border medically assisted reproduction. *Israel Journal of Health Policy Research.* 2017; 6 (3).
32. Ricoeur P. *Oneself as Another.* Chicago: University of Chicago Press; 1992.
33. Schneider D. *A Critique of the Study of Kinship.* Ann Arbor: University of Michigan Press; 1984.

34. Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies.* Manchester: Manchester University Press; 1992.
35. Symanyuk E.E., Polyakova I.G., Menshikov A.S. Transformation of family ties under the influence of assisted reproductive technologies. *Quaestio Rossica.* 2022; 10 (2). (In Russ.).
36. Tallandini M.A., Zanchettin L., Gronchi G., Morsan V. Parental disclosure of assisted reproductive technology (ART) conception to their children: A systematic and meta-analytic review. *Human Reproduction.* 2016; 31 (6).
37. Taylor C. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity.* Cambridge: Harvard University Press; 1989.
38. Tkach O.A. Half-related? Problematization of kinship and family in newspaper articles on assisted reproductive technologies. *Journal of Social Policy Studies.* 2013; 11 (1). (In Russ.).
39. Turkmendag I., Dingwall R., Murphy T. The removal of donor anonymity in the UK: The silencing of claims by would-be parents. *International Journal of Law, Policy and the Family.* 2008; 22 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-540-554
EDN: XZMPYG

Родство в репродуктивном донорстве: анонимность или открытость*

И.Г. Полякова, А.В. Швецова, М.В. Валеева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

(e-mail: irinapolykova@yandex.ru; shvetsovaav@mail.ru; m.v.shcherbakova@urfu.ru)

Аннотация. Ухудшение репродуктивного здоровья — одна из тревожных тенденций современности, механизмом корректировки которой все чаще становятся вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). Однако технологические новшества значительно опережают социальные изменения, что обуславливает сложности в определении новых структур родства, возникающих в результате репродуктивного донорства. Цель статьи — проанализировать взаимосвязь концептов «родство» и «анонимность» в ситуации репродуктивного донорства. Предложен комплексный подход к анализу родства, который не только расширяет теоретическую рамку социальных наук, но и углубляет понимание российских практик репродуктивного донорства, рассматривая их на пересечении философских, социологических и антропологических перспектив. Авторы изучают соотношение родства и анонимности, чтобы показать значение проблемы генетического родства в контексте экзистенциальных вопросов об идентичности и развитии родственных связей. Эмпирическая основа статьи — 14 глубинных полуструктурированных интервью с реципиентами донорского репродуктивного материала. На основе данных нарративов обозначены личные и социальные аспекты восприятия генетического родства в программах ВРТ с привлечением в родительский проект третьих лиц, а также нюансы отношения к анонимности донорства и раскрытию информации об особенностях зачатия ребенка. Статья подчеркивает влияние анонимности доноров на концепцию родства

* © Полякова И.Г., Швецова А.В., Валеева М.В., 2026
Статья поступила в редакцию 13.11.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

в российском обществе, учитывая как социальные нормы и философские вопросы идентичности, так и антропологические аспекты формирования семейных и генеалогических связей. Основной вывод исследования заключается в том, что анонимность донорства оказывает значительное влияние на восприятие и поддержание родства, создавая границы между его биологическим и социальным измерениями. Несмотря на призывы к открытости, основанные на медицинской логике и праве личности знать о своем происхождении, российское общество в целом и традиционные семейные модели в частности не готовы к полной открытости в этой сфере.

Ключевые слова: репродуктивное донорство; вспомогательные репродуктивные технологии; ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии); родство; ценности; семья; анонимность

Для цитирования: *Polyakova I.G., Shvetsova A.V., Valeeva M.V.* Kinship in reproductive donation: Anonymity vs openness // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 540–554. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-540-554 EDN: XZMPYG

Информация о финансировании
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 25-28-00478, https://rscf.ru/project/25-28-00478/

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 555–566**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-555-566
EDN: XZJQAU

Ценность природных ресурсов и экологическая осознанность как элементы идентичности россиян*

Т.Д. Соколова

НИУ ВШЭ,
М. Трехсвятительский пер., 8/2, стр. 1, Москва, 109028, Россия

(e-mail: tdsokolova@hse.ru)

Аннотация. Формирование идентичности традиционно связывают с разными факторами экологического и культурного развития, вопросами локального патриотизма и выстраивания национальных отношений, однако в современном кризисе легитимности и трансформации социально-политических процессов новое прочтение получает еще один важный аспект — взаимодействие человека с природой. Причем переоценка ценностей происходит не только в контексте глобальных трансформаций и концепций устойчивого развития, но и смены парадигм, формировании новых моделях осознанности. В работе использован смешанный дизайн исследования, который позволяет показать приоритезацию проблем социального и экономического развития, связь экологической осознанности, ценности природных ресурсов и национальной идентичности. Для ответа на вопрос о взаимосвязи уровня экологической осознанности и национальной идентичности использованы данные ряда эмпирических исследований (опрос 1520 респондентов и 7 фокус-групп в Москве, Воронеже и Новосибирске, в том числе в рамках проекта НИУ ВШЭ «КСО как инструмент формирования сети отношений») и выгрузка сообщений социальных медиа (13 тысяч сообщений 10 тысяч авторов) по тематике гордости, патриотизма, важности социальной и экологической повестки, «служения», а также отслеживался характер распространения данного контента. В статье обозначены особенности восприятия природных ресурсов как элемента национальной идентичности, потенциал консолидации россиян в вопросах сохранения природы, драйверы и барьеры включения в социальные и экологические проекты; представлен «портрет» экологических активистов и факторы, влияющие на формирование экологической осознанности.

Ключевые слова: экологическая повестка; экологическая осознанность; ценности; патриотизм; идентичность; общероссийский опрос; фокус-группы

Для цитирования: *Соколова Т.Д.* Ценность природных ресурсов и экологическая осознанность как элементы идентичности россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 555–566. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-555-566 EDN: XZJQAU

*© Соколова Т.Д., 2026
Статья поступила в редакцию 15.11.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Существуют разные подходы к определению взаимосвязи активности в решении социальных и экологических проблем с формированием национальной и локальной идентичности. Классическое, предложенное Э. Гидденсом [21], конструирование идентичности подразумевает, что важно определение человеком себя и своего места в кругу людей. В современных условиях для самоопределения и самоидентичности в отношении вопросов экологии важно множество факторов: важную роль играют особенности мировоззрения [19], сформированность нормативно-правовой базы для выражения своего мнения через формы социального и политического участия, уровень политизации экологического активизма и форм его контроля [10], развитость гражданской культуры, осознание важности решения экологических проблем и в целом готовность органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества к расстановке приоритетов при выборе между высоким темпом экономического роста и трансляцией ценностей осознанного потребления [20].

Подход, в котором природа представляет ценность для государства как важный экономический ресурс, был отчасти заложен сторонниками концепции «зеленого национализма», согласно которому окружающая среда и природные ресурсы должны использоваться на благо государства [6]. Соответственно, и риски, с природой связанные, имеют экономическое выражение и последствия. Однако в России многие стейкхолдеры и рядовые граждане в полной мере не осознают, насколько серьезна экологическая ситуация в мире и стране, и что для ее стабилизации необходимо предпринимать [12. С. 2]. Ценность бережного отношения к природе начинает тем в большей степени осознаваться населением, чем теснее связана с гордостью за имеющиеся в стране природные ресурсы, важно также повышать информированность об экологических проектах и последствиях экологических катастроф, развивать образовательные проекты по тематике устойчивого развития [16]. Рост вовлеченности в решение проблем экологии может расти пропорционально повышению качества жизни населения, что связано в общественном сознании с созданием благоприятной природной среды [12. С. 9]. При этом взаимоотношения человека с природой должны трансформироваться на локальном уровне: экологические практики следует включать в повседневную рутину, необходимо, чтобы они, формируя привычку, становились нормой жизни, а бережное отношение к природе — безусловной ценностью [14]. Однако пока в нашей стране преобладает утилитарно-потребительское экологическое сознание и сравнительно невысокий уровень экологической культуры [4. С. 564].

Развитая гражданская идентичность может стать основной для развития экологического сознания, а экологическая обстановка может влиять на формирование идентичности и восприятие образа будущего [11]. Также фиксируется корреляция роста экологической осознанности с восприятием национальных и локальных природных ресурсов как символов и основ национальной идентичности [2; 5. С. 213]. Можно сказать, что сегодня происходит

если не «разворот» классической концепции гражданской культуры, которая характеризовалась подчинением природы просвещенному человеку [1], то ее переосмысление — просвещение уже не тождественно господству над природой, а скорее подразумевает бережное к ней отношение, т.е. мы становимся современниками распространения расширенной версии «плюралистической культуры» [1].

Экологическая осознанность — сложное комплексное явление: с одной стороны, она может пониматься как оценка взаимосвязи общества и природы, с другой — как принятие ответственности за сохранение природного капитала, в том числе с помощью медиа и системы образования [8. С. 351]. Экологическая осознанность развивается в результате исторического и культурного опыта, а также эмпирического осмысления экологических проблем. Экологическое сознание включает в себя когнитивный и эмоционально-ценностный компоненты, которые способствуют формированию устойчивого отношения к природной среде и активному экологическому поведению [18]. С исследовательской точки зрения важное значение имеют подходы, помогающие дать оценку социальным последствиям негативного и позитивного воздействия окружающей среды на человека, а не только человека на природу [13. С. 7]. Так, в теории экологической психологии процессы восприятия и адаптации человека к окружающей среде рассматриваются в контексте психологии сознания и психологии глобальных изменений [9], т.е. человек выступает и как объект, и как субъект взаимодействия со средой [9].

Изучение соответствующих аспектов экологической и природоохранной деятельности требует междисциплинарного подхода [9; 13]. Например, с позиций социальной экологии важно наблюдение за выстраиваемыми социальными связями между участниками природоохранных инициатив: их взаимодействие может осуществляться как непосредственно (человек–природа), так и опосредованно — в коммуникации и реализации активных действий через институты (например, некоммерческие организации организуют акции, образовательные организации — субботники и т.п.) [13. С. 4]. Критически важно признавать ценность участия людей в проектах экологической направленности, а также осознание ими своих возможностей, общее видение будущего, где ответственное отношение к экологии и защите природных ресурсов становится важным элементом национальной идентичности. Таким образом, вопрос нашего исследования — каким образом связаны ценность природных ресурсов (экологическая осознанность) и национальная идентичность в сознании россиян. Гипотезы исследования: существует взаимосвязь между готовностью принимать участие в экологических проектах и общим уровнем гражданской и экологической культуры; сложные механики участия в социальных и экологических проектах и недостаточная осведомленность о важности включения в решение социальных и экологических проблем могут быть барьерами для включения россиян в реализацию экологических проектов; гордость за при-

родные ресурсы и осознание ценности своего участия в их защите могут быть важными элементами формирования национальной идентичности россиян.

Результаты анализа данных фокус-групп, массового опроса и контента социальных медиа активных авторов по экологической тематики подтверждает взаимосвязь ценности природных ресурсов и особенностей идентичности. *Драйверы и барьеры участия* россиян в экологических проектах можно сгруппировать в две категории — эмоциональные (в том числе почувствовать сопричастность большому делу) и функциональные (например, возможность занять лидерскую позицию, совершить конкретное дело, которое уже сейчас принесет заметный результат, и т.п.). Респонденты также делятся на две категории: те, кто заботятся о решении проблем «текущего момента», и те, кто решает проблемы будущего (в том числе пытается не допустить глобальной катастрофы). Для тех, кто участвует в проектах социальной и экологической повестки из соображений заботы о текущем моменте (в противовес тем, кто думает больше о будущих поколениях), важно, что они решают проблемы, стоящие перед обществом сейчас, могут на них повлиять своими действиями практически сиюминутно. Таргетированная помощь (сбор средств для конкретного человека), уборка мусора — понятные и приемлемые для них механики и форматы, оптимальные за счет видимого эффекта. Формирование национальной идентичности закрепляется ценностью того, что участие мотивировано конкретными целями сохранения страны и территории. Среди драйверов тех, кто «заботятся о будущем», доминирует представление, что их действия принесут результат через длительный промежуток времени (важен и факт включения ближайшего окружения, идентичность неразрывно связана с близким кругом). Забота о правильном воспитании ребенка (по морально-этическим принципам), привлечение ребенка к участию в активностях (обычно связанных с природой) — также важные драйверы для этой группы населения.

Среди эмоциональных мотивов выделяются: включенность других людей, трансляция важности в медиа, простота механик, возможность собрать команду единомышленников и транслировать свой опыт (табл. 1). Так, *эмоциональная вовлеченность* может варьировать от безэмоционального участия до получения удовольствия от самого факта сопричастности. По характеру мотива выделяются следующие группы активистов: участвуют по инерции и видят закрепленную практику в обществе (например, привыкли сдавать крышки, батарейки); участвуют из морально-этических соображений (например, помогают нуждающимся); участвуют для удовольствия — превращают социальную активность в способ досуга (в том числе могут принимать участие в «зеленых» мероприятиях на открытом воздухе, в парках и т.п., любят субботники, принимают участие в проектах по озеленению, превращают для себя социальную активность во встречи с друзьями). Интересно, что для последней категории в молодежном сегменте характерно использование лексем «движ», «джихужа» для подчеркивания модного формата своей активности.

Таблица 1

Драйверы и барьеры участия в экологических и социальных акциях

Тип практики	Примеры практик	Причины закрепления практик в поведении
Инициатива по инерции или заинтересованность в экологических инициативах (реже) Участник не всегда понимает смысла инициативы, как в случае со сбором крышек Пользователь не получает личной выгоды и не всегда знает, чем заканчивается инициатива	Раздельный сбор мусора (особенно регионы), фокус на пластике Сбор крышек от пластиковых бутылок Сбор материалов/техники/батареек на переработку (крупные сети магазинов) Утилизация пластика или его вторичное использование (например, передача пластиковых бутылок фермерам)	В инициативе уже принимает участие большое количество людей, она популярна — возможность присоединиться к широкому общественному движению Освещение в СМИ Простота активности Мотивация других (можно собрать группу участников)

Помимо характера эмоциональной вовлеченности, основаниями для сегментации респондентов могут быть *лидерские качества участников*, которые хорошо соотносятся с возможными форматами взаимодействия в конкретных социальных и экологических акциях: одиночка — выполняет «общепринятые» правила (утилизация батареек), действует сам по себе или участвует в предложенных инициативах (чаще других жители Санкт-Петербурга); член группы — готов присоединиться, чтобы стать частью механизма воплощения инициатив; лидер — готов предлагать идеи и вести людей за собой (не больше 6 %); партнер — готов участвовать в решении социальных вопросов совместно с государством и компаниями (эта роль хорошо подходит как участникам, нацеленным на конкретный результат уже сейчас, так и тем, кто строит долгосрочные стратегии, готов к продолжительной активной деятельности для достижения результата в будущем).

Согласно данным всех трех этапов исследования (фокус-группы, опрос, мониторинг соцмедиа), женщины чаще, чем мужчины, отмечают проблемы с экологией, демонстрируют общий негативный настрой в отношении их решения и озабочены изменением климата (последнее чаще фиксируют респонденты с высоким доходом). Среди проблем, беспокоящих россиян (включая бедность, социальную несправедливость, финансовую нестабильность и т.п.), респондентов старшего возраста в большей степени беспокоят вопросы пропаганды чуждых моральных ценностей, а среднего возраста — недостаточное благоустройство городов. Можно сделать вывод, что идентичность и патриотизм для этих групп населения в первую очередь «локализуются» в месте проживания, а уже через призму защиты национальных интересов и природных ресурсов соотносятся с национальной идентичностью.

По мнению участников фокус-групп, люди должны прежде всего решать локальные проблемы — своего двора, района. Аналогичную картину показывает и анализ социальных медиа: локальный патриотизм в точечных примерах доминирует над национальным, но гордость за природные ресурсы, осознание общности задачи сохранения ресурсов при должной информационной и про-

светительской поддержке проектов могут стать ступенями для формирования экологического национализма и новой экологической идентичности. Основная ответственность социально-экологического толка видится респондентам в личном вовлечении, где это возможно (бережное отношение к природе), наличии здоровых (традиционных) ценностей, что становится инструментом их поддержания в обществе, возвращении таких качеств, как честность, любовь к своему делу (поскольку они напрямую влияют на ту область, в которой трудится человек), желании быть достойным примером для своих детей.

Вместе с тем прекрасно осознаются и основные барьеры вовлечения в социальные и экологические проекты: обесценивание своих действий (реальных или потенциальных), если люди не видят реального результата или разочарованы в полученном результате или приобретенном опыте. Люди могут чувствовать себя обманутыми, когда проявляют социальную ответственность, тратят личное время, силы и другие ресурсы, но следующие участники в цепочке подводят и не исполняют своих обязательств в рамках конкретной инициативы. Аудитория убеждается в бесполезности своих действий и считает, что выглядит смешно. Яркий пример — раздельный сбор мусора: контейнеры для различных отходов установлены, но все сбрасывается в один пакет и вывозится на свалку в смешанном виде. *«Это больше похоже на фикцию — они поставили разные контейнеры для разного типа мусора, но приезжает одна машина и сгребает все в один контейнер. Это больше пыль в глаза».* Непонимание важности своего личного участия — также важный барьер: *«Я не знаю, для чего это нужно конкретно. Если бы мне кто-то объяснил, что мы скоро умрем из-за этого, возможно, я бы этим занимался».* Типичные мотивы говорят о том, что в наибольшей степени вовлечению могут способствовать нормативно-правовые меры (например, штрафы за неправильную утилизацию) или видимый результат: *«Если государство введет штрафы за неправильную сортировку мусора какую-то, тогда я начну сортировать»; «Если я буду видеть пользу, результат, которым я могу воспользоваться, если я, мои дети, мои друзья смогут в этом лесу погулять, то я увижу пользу, что деревья посадили».*

В социальных медиа активистский дискурс строится на конструировании коллективного субъекта, доминирующей локальной риторике, разных вариантах эмоциональной модуляции авторов и ритуализации (признании) заслуг с перечислением вовлеченных в проведение мероприятий сторон (табл. 2). Специфика коммуникаций на тему природных ресурсов и экологии обусловлена активностью на «низовом уровне» — среди источников информации доминируют личные блоги акторов.

По долям упоминаний среди постов экологической тематики лидируют школы/дети (66 %), жители/граждане (49 %) и вузы/эксперты/научное сообщество (44 %), реже упоминаются бизнес и предприятия (28 %) и волонтеры с НКО (23 %), крайне редко — федеральные ведомства (в совокупности с региональными около 10 %). Ключевые сообщения в контексте экологии и при-

родных формируют десять тематических направлений: отходы/мусор; вода/реки/озера; леса/вырубка/пожары; воздух/промышленное загрязнение; недра (нефть/газ/уголь); ООПТ (особо охраняемые природные территории)/заповедники/национальные парки; климат/углерод; экологические привычки/просвещение; животные/биоразнообразие; городская среда/озеленение. Интересен и тематический контекст, в котором упоминаются акторы (бизнес, граждане, школы и т.п.): в каждом десятом посте с упоминанием федеральных ведомств говорится об ООПТ и заповедниках, что в четыре раза выше, чем в постах с упоминанием НКО и волонтеров; дети и школы в большинстве своем связаны с тематическим блоком экологических привычек (75 %), а тема недр характерна для сообщений о бизнесе и научной деятельности (табл. 3).

Таблица 2

Дискурс по тематике экологической осознанности в социальных медиа

Тематический блок	Примеры	Комментарий
Риторика локальной принадлежности	«у нас», «наш район», «наш парк»	
Эмоциональная модуляция	«спасибо всем», «гордимся результатом», «получилось чисто и красиво»	Эмоциональная модуляция постов часто сопряжена с просоциальным энтузиазмом (обобщения), в то время как контролируемое возмущение («свалка», «запах», «выбросы») обычно адресовано конкретным акторам
Протокольный стиль	точные топонимы и темпоральные указатели («в субботу в 11:00 у главного входа»)	Может сопровождаться информацией про чек-листы и инструкциями («перчатки, пакеты, ПЭТ, батарейки», «куда сдавать, как сортировать»)
Коллективный субъект	«мы», «вместе», «наш двор»	Стимулы к присоединению — «давайте», «нужно важно вместе»

Таблица 3

Упоминания стейкхолдеров и лидирующие тематики

Стейкхолдер	Лидирующая тематика и % сообщений
федеральные ведомства	ООПТ/заповедники (≈ 10 % постов темы)
регион/муниципалитет	городская среда (≈ 19 %)
НКО/волонтеры	ООПТ/заповедники (≈ 47 %)
бизнес	недра (≈ 77 %)
жители	городская среда (≈ 66 %)
эксперты/наука	недра (≈ 54 %)
школы/дети	эко-привычки (≈ 75 %)

С точки зрения лексем (оборотов речи, которые используются для коммуникации на обозначенные выше темы в постах активных акторов) посты подразделяются на три большие группы — связанные с гордостью, служе-

нием и идентичностью. В категории «идентичность» чаще всего упоминаются заповедники, недра и городская среда (также просматривается паттерн общности и консолидации); категория «гордость» в наибольшей степени встроена в темы озеленения, рек, озер, недр (здесь заметен «эмоциональный паттерн», восхищение национальными парками и т.п.); тематика «служения» (городу, народу и т.п.) раскрывается через темы городской среды и озеленения, просветительских акций, экологических привычек, вопросы, связанные с отходами и утилизацией (в постах говорится о рутинизации практик — субботники, школьные экологические мероприятия и т.п.).

Среди приоритетных проблем, которые затрагивают респондентов лично, вопросы, связанные с экологией и природными ресурсами (отсутствие чистой воды и санитарии, изменения климата), оказались в топ-5 вместе с неясным будущим страны, проблемами медицины и финансовой нестабильностью. В целом респонденты демонстрируют высокий уровень мотивации и вовлеченности: 29 % уже принимали или готовы принять участие (57 %) в решении социальных/экологических проблем, но лидирующую роль на себя брать скорее не готовы. Респонденты предпочитают вовлекаться в такие инициативы в пределах своего комфорта (45 %) или прикладывать дополнительные усилия, но не быть инициатором/руководителем (44 %); представителей крайних позиций крайне мало — 5 % предпочитают возглавить такую активность, 6 % говорят о своей невовлеченности в нее. Те, кто уже принимает участие в решении социальных и экологических проблем, делают это из искренних побуждений (28 % убеждены, что помощь другим — это норма жизни, зачастую воспринимают такую социальность как свою обязанность), что вообще не характерно для тех, кто пока не принимал участия в социальных и экологических акциях. В этом смысле драйвером участия может быть не только заинтересованность в экологических инициативах, но и готовность участия «по инерции» (со всеми, так принято и т.д.).

***

Природные ресурсы представляют собой материальную основу обеспечения жизнедеятельности общества, их значение выходит за рамки экономической сферы и имеет культурно-социологические аспекты. Одно из ключевых понятий в этом контексте — экологическая осознанность: эта категория общественного сознания отражает комплекс идей, понятий и привычек, формирующихся в процессе взаимодействия человека с природной средой. Согласно результатам исследования, участие в решении социальных задач и формирование экологической осознанности воздействует на самооценку людей, в том числе помогает им чувствовать себя счастливыми (34 %, чаще женщины) и видеть свой вклад в развитие общества (32 %). Какие-то практики социального и экологического активизма находят больший отклик, потому что шире освещаются в средствах массовой информации (например, респонденты чаще слышат о проектах по переработке пластика и сортировке отходов, чем о каких-то иных инициативах).

Причины вовлечения в социальную активность варьируют от осознанных потребностей до альтруистичной интенции всеобщей помощи. Одни люди избавляются от старых вещей, передавая их нуждающимся через группы в соцсетях; другие «соблюдают приличия», т.е. общепринятые нормы (сдают батарейки и пластик отдельно); третьи — принципиальные активисты, которые хотят быть причастны к групповой помощи нуждающимся и больным; четвертые подчеркивают стремление к общественной консолидации в решении социальных и экологических вопросов. Чувство национальной идентичности максимально проявляется в связи с гордостью за природные ресурсы и национальные объекты наследия и т.п., а не в связи с низовой мобилизацией, потому что сложно сказать, верят ли россияне в долгосрочный эффект предпринимаемых действий и усилий по сохранению природы и экологии. 60 % считают, что заботиться лучше о текущем моменте, решать проблемы, стоящие перед обществом здесь и сейчас и на которые можно повлиять; 40 % уверены, что важнее заботиться о будущем — совершать действия, которые принесут результат через длительный промежуток времени. Для обеих групп серьезный сдерживающий фактор не только слабая «визуализация» возможного успешного решения вопросов экологического и социального толка, но и нехватка времени и личной мотивации в ситуации наличия множество собственных проблем (примерно каждый четвертый), причем, участвуя в социальных акциях, почти каждый четвертый не верит в достижимость искомого результата и в свои возможности что-то изменить.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № ФИ-2025-83 «Современные технологии социально-политической коммуникации»)»

Библиографический список

1. *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) // Полития. 2010. № 2.
2. *Валеева М.В.* Экологическое сознание и поведение современной студенческой молодежи: социологический анализ // Социодинамика. 2023. № 7.
3. *Васильева В.Н., Торгунакова М.А.* Современное экологическое сознание: пути и средства формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 3.
4. *Вершинин В.В., Ортюкова А.О.* Формирование экологического сознания современного человека: проблемы и пути решения // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 6.
5. *Волкова А.А., Евтехов Р.А.* Особенности формирования экологической идентичности в России в условиях становления нового миропорядка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 2.
6. *Каратуева Е.Н.* Экологические протесты и национальная идентичность: зеленый национализм в многонациональном государстве // Современная социология. 2024. № 3.
7. *Каюмов А.А.* Взаимосвязь экологии и национальных ценностей // Экономика и социум. 2022. № 4–1.

8. *Курбанов А.Р., Прохода В.А.* Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4.
9. *Панов В.И.* Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 3.
10. *Семененко И.С.* Политическая идентичность // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017.
11. *Семенова Д.М., Афонин М.В., Кудрявцев С.А.* Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты // Политконсультант. 2023. Т. 3. № 1.
12. *Смигельски А., Соколов Б.О., Немировская А.В.* Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2.
13. *Смольников Н.С.* О социальной экологии // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2012. № 13.
14. *Титаренко Л.Г.* Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества // Социологический альманах. 2011. № 2.
15. *Тулаева С., Снарски Ю.* Зеленый национализм в ресурсоориентированном государстве: экологическая повестка дня и национальная идентичность в российских регионах // Laboratorium. 2003. Т. 14. № 3.
16. Устойчивое развитие: экология, экономика, общество и культура / В.М. Захаров, А.В. Семенов, И.Е. Трофимов. М., 2023.
17. *Хайнацкая Т.И.* Экологическая идентичность как ресурс кризисного регулирования // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 2.
18. *Халий С.* Экологическое сознание населения: когнитивные и ценностные аспекты // Социальные науки и современность. 2015. № 4.
19. *Ясвин В.А.* Философские парадигмы отношения к природе в культурах Запада и Востока // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2021. Т. 2. № 1.
20. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press; 1991.
21. *Running K.* Examining environmental concern in developed, transitioning and developing countries // World Values Research. 2012. Vol. 5. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-555-566
EDN: XZJQAU

The value of natural resources and environmental awareness as elements of the Russian national identity *

T.D. Sokolova

HSE University,
M. Trekhsvyatitelsky Per., 8/2, bldg. 1, Moscow, 109028, Russia
(e-mail: tdsokolova@hse.ru)

Abstract. Identity formation is traditionally linked to various factors of environmental and cultural development, issues of local patriotism and national relations; however, under the current crisis of legitimacy and the transformation of social-political processes, another important aspect — human interaction with nature — is reinterpreted. Moreover, this reassessment of values is evident not

*© T.D. Sokolova, 2026
The article was submitted on 15.11.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

only in the context of global transformations and sustainable development concepts, but also in the context of paradigm shifts and the development of new models of awareness. The study is based on the mixed-methods design, which allowed to show the prioritization of social and economic development issues and the connection between environmental awareness, the value of natural resources, and national identity. To address the relationship between environmental awareness and national identity, the author used data from a number of empirical studies (a survey of 1,520 respondents and seven focus groups in Moscow, Voronezh, and Novosibirsk, including those conducted as part of the HSE project "CSR as a Tool for Forming a Network of Relationships") and a collection of social media posts (13,000 posts by 10,000 authors) on the topics of pride, patriotism, importance of the social and environmental agenda, and "service" (including the features of this content dissemination). The article identifies the specifics of perceiving natural resources as an element of national identity, the potential for Russians' consolidation on environmental issues, the drivers and barriers to wider participation in social and environmental projects; presents a "profile" of environmental activists and factors influencing the development of environmental awareness.

Key words: environmental agenda; environmental awareness; values; patriotism; identity; national survey; focus groups

For citation: Sokolova T.D. The value of natural resources and environmental awareness as elements of the Russian national identity . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 555–566. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-555-566 EDN: XZJQAU

References

1. Almond G.A., Verba S. Grazhdanskaya kultura (podkhod k izucheniyu politicheskoj kultury) [The civic culture (an approach to the study of political culture). *Politiya*. 2010; 2. (In Russ.).
2. Valeeva M.V. Ekologicheskoe soznanie i povedenie sovremennoj studencheskoj molodezhi: sotsiologichesky analiz [Environmental consciousness and behavior of today's student youth: A sociological analysis]. *Sotsiodinamika*. 2023; 7. (In Russ.).
3. Vasilyeva V.N., Torgunakova M.A. Sovremennoe ekologicheskoe soznanie: puti i sredstva formirovaniya [Contemporary environmental consciousness: Ways and means of formation]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2007; 10 (3). (In Russ.).
4. Vershinin V.V., Ortyukova A.O. Formirovanie ekologicheskogo soznaniya sovremennogo cheloveka: problemy i puti resheniya [Formation of contemporary environmental consciousness: Problems and solutions]. *Mezhdunarodny Selskokhozyaystvenny Zhurnal.* 2023; 6. (In Russ.).
5. Volkova A.A., Evtekhov R.A. Osobennosti formirovaniya ekologicheskoj identichnosti v Rossii v usloviyah stanovleniya novogo miroporyadka [Features of the Russian environmental identity in the context of the developing new world order]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2025; 25 (2). (In Russ.).
6. Karatueva E.N. Ekologicheskie protesty i natsionalnaya identichnost: zeleny natsionalizm v mnogonatsionalnom gosudarstve [Environmental protests and national identity: Green nationalism in the multinational state]. *Sovremennaya Sotsiologiya.* 2024; 3. (In Russ.).
7. Kayumov A.A. Vzaimosvyaz ekologii i natsionalnyh tsennostej [Relationship between ecology and national values]. *Ekonomika i Sotsium.* 2022; 4–1. (In Russ.).
8. Kurbanov A.R., Prokhoda V.A. Ekologicheskaya kultura: empiricheskaya proektsiya (otnoshenie rossiyan k izmeneniyu klimata)[Ecological culture: An empirical projection (Russians' attitudes towards climate change)]. *Monitoring Obshhestvennogo Mneniya:Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny.* 2019; 4. (In Russ.).
9. Panov V.I. Ekopsikhologicheskie vzaimodejstviya: vidy i tipologiya [Environmental-psychological interactions: Types and typology]. *Sotsialnaya Psikhologiya i Obshhestvo.* 2013; 4 (3). (In Russ.).
10. Semenenko I.S. Politicheskaya identichnost [Political identity]. *Identichnost: lichnost, obshhestvo, politika.* Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow; 2017. (In Russ.).

11. Semenova D.M., Afonin M.V., Kudryavtsev S.A. Tsennosti v strukture grazhdanskoj identichnosti: ponyatie i instrumenty [Values in the structure of civil identity: Concept and techniques]. *Politkonsultant.* 2023; 3 (1). (In Russ.).
12. Smigelski A., Sokolov B.O., Nemirovskaya A.V. Ekologicheskie ustanovki i emansipativnye tsennosti: analiz dannyh Evropejskogo issledovaniya tsennostej [Environmental attitudes and emancipative values: Evidence from the European Values Study]. *Russian Sociological Review.* 2024; 23 (2). (In Russs.).
13. Smolnikov N.S. O sotsialnoj ekologii [On social ecology]. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2012; 13. (In Russ.).
14. Titarenko L.G. Ekologicheski orientirovanny obraz zhizni kak sostavlyayushchaya vysokogo kachestva zhizni naseleniya i ustojchivogo razvitiya obshhestva [Ecologically oriented lifestyle as a component of high quality of life and sustainable development of society]. *Sotsiologichesky Almanah*. 2011; 2. (In Russ.).
15. Tulaeva S., Snarski Yu. Zeleny natsionalizm v resursoorientirovannom gosudarstve: ekologicheskaya povestka dnya i natsionalnaya identichnost v rossijskih regionah [Green nationalism in the resource-oriented state: Environmental agenda and national identity in Russian regions]. *Laboratorium*. 2003; 14 (3). (In Russ.).
16. *Ustojchivoe razvitie: ekologiya, ekonomika, obshchestvo i kultura* [Sustainable Development: Ecology, Economy, Society, and Culture]. Zakharov V.M., Semenov A.V., Trofimov I.E. Moscow; 2023. (In Russ.).
17. Khajnatskaya T.I. Ekologicheskaya identichnost kak resurs krizisnogo regulirovaniya [Ecological identity as a resource for crisis management]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Politologiya*. 2022; 2. (In Russ.).
18. Khaliy S. Ekologicheskoe soznanie naseleniya: kognitivnye i tsennostnye aspekty [Environmental consciousness: Cognitive and value aspects]. *Sotsialnye Nauki i Sovremennost*. 2015; 4. (In Russ.).
19. Yasvin V.A. Filosofskie paradigmy otnosheniya k prirode v kulturax Zapada i Vostoka [Philosophical paradigms of perceiving nature in the cultures of the West and East]. *Ekopoezis: Ekogumanitarnye Teoriya i Praktika.* 2021; 2 (1). (In Russ.).
20. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press; 1991.
21. Running K. Examining environmental concern in developed, transitioning and developing countries. *World Values Research*. 2012; 5 (1).

Funding

The article was prepared at the HSE University as part of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FI-2025-83 “Contemporary Technologies of Social-Political Communication”)

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 567–579**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579
EDN: XXNMJB

Идентификационные ценности в социолингвистической системе*

Т.В. Науменко, О.Ю. Корниенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: t-naumenko@yandex.ru; lin_expr@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена развитию важнейших для национальной идентичности ценностей: определению друзей и недругов, болезней и здоровья, закона и наказания за проступки. Цель исследования — показать ход становления важных для социума ценностей и отношения к ним в современном мире. Теоретическая рамка исследования — ценностный анализ и метод социолингвистического изоморфизма, позволяющий сопоставлять развитие ценностей с эволюцией социума в диахронном аспекте. Авторы рассматривают основные ценности по отдельности, разделяя их по определенным сферам функционирования социума. Эмпирическая база статьи — сведения из этимологических источников, словари и онлайн базы данных, позволяющие проследить динамику становления и развития ценностей в тесной увязке с их денотацией и коннотацией. Показаны существенные различия в геополитическом и историческом развитии национальных сообществ России и Великобритании через призму социолингвистического изоморфизма (по-разному строились отношения с «другими»): временность отношений «подружия» в России и верность «своим» и финансовым интересам в Британии, что в современном мире привело к «брекзиту» в Британии и постоянной смене дружественных государств в России. Разное восприятие «болезни» выражается в вере россиян в собственный здоровый дух и народные методы помощи, а в Великобритании — в вере в эффективность управления медицинскими учреждениями. Весьма разнятся и подходы к закону: законодательный нигилизм в России и вера в ценность справедливости в целом против восприятия проступков в системе четкой градуированности наказаний Великобритании.

Ключевые слова: болезнь; друзья; закон; ценности; социальная политика; социальная система; социолингвистический изоморфизм

---

*© Науменко Т.В., Корниенко О.Ю., 2026
Статья поступила в редакцию 07.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: *Науменко Т.В., Корниенко О.Ю.* Идентификационные ценности в социолингвистической системе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 567–579. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579 EDN: XXNMJB

Национальная идентичность — многогранное явление, которое включает культурные параметры, национальные ценности и установки и создается в определенном ландшафте в течение длительного исторического процесса. Национальные ценности, формирующие идентичность, в процессе эволюции нации становятся организующей основой ее социальной системы. Национальные ценности и идентичность меняются в результате эволюции наций и — шире — развития человечества, что всегда отражается в языке. Будучи неотъемлемой частью национальной идентичности, он не только составляет важнейшую часть культуры, но и позволяет вести мониторинг происходящих в социальной системе изменений. Это объясняет необходимость использования нетрадиционных методов анализа культурного пространства, в частности метода социолингвистического изоморфизма, который позволяет выявлять через языковые единицы происходящие в обществе процессы, наряду с ценностным анализом.

Установление отношений сходства уже давно применяется в психологии (тождественность процессов в головном мозге и поведенческих структурах), в социологии (институциональный изоморфизм — сходство процессов и структур в разного типа организациях) [2], лингвистике (копенгагенская структуралистская школа) [3] и др. Мы исходим из того, что языковые факты отражают только то, что было актуально для социума на определенных стадиях развития, а языковые реалии сохраняют важнейшие для нации изначальные смыслы, которые меняются, но сохраняют основную сему, что дает возможность исследовать социальные процессы, объективно отражаемые в языке.

В исследовании социума важно изучать национальный образ жизни, который формируется через систему ценностей, а передается через обучение, воспитание, культуру и идеологию в самом широком смысле таковых. Так, в коммуникации необходимо соблюдать принцип «изнутри–снаружи» — решение любой конфликтной ситуации, как в бизнесе, так и в социуме, возможно лишь при глубоком понимании ценностных установок другого, а решение социальных конфликтов через принцип «снаружи–внутрь» невозможно [5]. Изменения наших подходов к восприятию мира проходят через ментальную картину мира, закрепленную в лексико-грамматическом строе языка и морально-этических установках общества, оформленных в виде законов, сводов правил поведения и обычаев, а образовавшиеся установки затем влияют на социально-политическую жизнь общества. Например, культурные ценности пока-

зывают, как меняется важнейшая для общества идентификационная дихотомия «свой–другой». Данная дихотомия в разных обществах имеет разные формы, поскольку соотносится с пространственно-временным и культурно-идеологическим контекстами, формируя разное понимание важнейших ценностей и установок. В анализе функционирования национальных ценностей уместно использовать метод социолингвистического изоморфизма, чтобы выявить изменения национальных культурных ценностей в национальных сообществах через языковые механизмы и значения важнейших понятий.

Например, в российской ментальности идентификационная дихотомия строится на противопоставлении «свой–чужой» и является весьма подвижной, поскольку находилась в постоянном соприкосновении со множеством «чужих» в лице других народов. Языковая картина русского языка отражает восприятие чужих в таких противоположных семах-понятиях, как «чудный, чудесный, чудо и др.», с одной стороны, и «чудище, чудовище, чудь и т.п.» — с другой. В британской ментальности, которая сформировалась как отражение островной исключительности, идентификационная дихотомия формируется по линии «Self–Alien/Other», т.е. «свой, собственный» против «другой, чужеземный». Данная ментальность достаточно жестко устанавливает круг своих, близких, потом других, но довольно близких, а те, кто находятся «oversees» (за морями), по определению чужие, враждебные, что отражается в политике Британии как государства.

Анализ чувственного восприятия быта, особенностей коммуникативных отношений дает важную информацию об обыденном сознании, ценностных понятиях на бытовом уровне, которые весьма отличны в разных культурах, что, в частности, отражено в таких понятиях, как «дружба», «нездоровье», «наказание». Сегодня такие сложные феномены частично совпадают в языковом сознании и в то же время различаются яркой маркированностью национального сознания. Причем вербальное значение слова лишь отсылает к его предметному значению, базирующемуся, в свою очередь, на перцептивном образе, существующем либо как нечто «внешнее» в действительности, либо как нечто «внутреннее» в сознании [7. С. 11–12].

Трактовки дружбы

Сама геополитическая локация России подразумевает изменчивость под влиянием множества соседних государств, которые находятся в постоянном контакте с нашей страной, и это контакты при смене элит или условий развития превращаются из дружественных в недружественные. На короткий период времени мы говорим о дружественных других, со своим видением мира и интересов, или «бывших дружественных странах», которые могут стать враждебными, что подчеркивает подвижность границ понятия друж-

бы. Эта временность, возможность перемены в отношениях с теми, к кому идешь с добром, как в случае отношений Николая I и руководства Австро-Венгрии, может быть связана с социально-политическими причинами: «заклятые друзья» — те, кто мгновенно забывает добро и следует только своим меркантильным интересам.

В русском языке, где слово «друг» связано с понятием «другой» (человек, воспринимающий мир по-другому, с другими ценностями), довольно часто встречаются словосочетания неположительной коннотации: плохие друзья, вероломный друг, фальшивый/странный/мнимый друг и т.п. История становления такого рода социально-политических установок отражается в динамике слова: в X–XII веках «друг» — это другой, ранее незнакомый, кто оказался рядом во время похода в составе «задруги», т.е. общины людей, которые проживают какое-то время совместно во время военных действий (племена часто отправлялись в поход из временных станов в составе «подружия, дружины»). Со временем, по мере изменения родовых отношений «дружина» стала означать профессиональных воинов из разных «других» княжеств и территорий, но в XV веке отношения «подружия» в дружине меняются по мере возникновения классов, и слова «друг/дружба» переходят на бытовой уровень [10], где неактуальны отношения обязательств, которые скрепляли «подружников». Краткий этимологический экскурс позволяет предположить, что в значении слова «друг» в русском языке изначально была сема временности и даже переменчивости отношений «подружия».

Несколько иначе данная сема развивалась в английской культуре: close friend, careful friend, true friend, nice-looking friend, best friend (близкий/заботливый/верный/миловидный/лучший друг). В британской ментальности изначально, с IV–V веков слово «friend» от древнеанглийского «frēond» и еще более древнего прагерманского «frijōnd» означало «возлюбленный, друг» и имело важную сему «любить» (отношения, базирующиеся на сильных чувствах). Данные отношения не имеют четкой привязки к сексуальной или семейной любви, но указывают на определенную привязанность только к одной стороне или персоне, и это значение сильных чувств не менялось более 1500 лет. В XVII–XIX века сема дружбы и любви при смене социально-политической ситуации ослабилась, приобретая значение лояльности, верности, доверия, благожелательности. Более того, появилась дополнительная коннотация — финансовая поддержка: «the school friends» — спонсоры школы. В период активного развития экономики и финансов трудовые отношения часто регулировались друзьями, и существовало даже понятие контрактных отношений между членами рода или друзьями (the contractual household-family relations, kin = friends and relations). Среди британской элиты одновременно наблюдались тенденции к усилению семы любви как «романтической дружбы», что встре-

чалось еще в средневековых источниках в воинском сословии и стало очевидным к концу XVIII века. Причем для «дружбы христианской» была характерна духовная близость, что в период романтизма трансформировалось в чувственное переживание.

В эпоху Возрождения о дружбе (friendship) говорили как об интимной дружеской связи, но такое использования понятия «friend» к XX века пошло на убыль, поскольку мужчины не хотели, чтобы их воспринимали как гомосексуалистов. Тем не менее, сема «любящий, дорожащий отношениями» по-прежнему проглядывает в значении «friend», а в широко распространенных сегодня словосочетаниях «boyfriend, lady-friend, girlfriend» по-прежнему есть указание на сексуальные связи. Таким образом, в английской ментальности важнейшие оттенки слова «friend» — лояльность, сексуальность и привязанность.

Ценность здоровья

Ценность здоровья также много может рассказать о состоянии общества, его нацеленности на будущее, отношении к будущим поколениям и демографии. Сегодня российское государство много внимания обращает на обеспечение качественного здравоохранения, однако, несмотря на все усилия государства стимулировать граждан к ответственному отношению к своему здоровью, большинство россиян тянут с лечением, в России часто имеет место неадекватная оценка своего здоровья и непонимание того, что здоровье — и личная ответственность граждан, тогда как в западных странах, включая Великобританию, культ здоровья (физического и психологического) давно стал важной составляющей жизни.

Медико-социальный ресурс — важнейший аспект состояния общества и его идентификационного потенциала, который способствует обеспечению национальной безопасности. На эту важнейшую сему мало обращают внимание, но она очень важна в плане жизнеспособности и перспектив социума. Тема «здоровье, крепость, болезнь» не является проходной, поскольку ее коннотации указывают на моральные установки и здоровье нации. Русский язык указывает, что славяне ценили силу, здоровье и долгое время не признавали «боль», «болезнь» как таковые. Слов, означающих «боль», не было, и «больные» считались полными сил, мощными, как и другие члены коллектива. Сказать человеку, что он «болъти», означало, что он выздоравливает. И если повторять человеку, что он становится сильнее, то он таким и будет. Исторически основное значение глагола «болъти» — «получать силу». Женщины самых сильных старших детей называли «больненький» или «большенький», что ярко иллюстрирует сему данного слова. Кроме того, данная сема просматривается в словах «болярин» (старший помощник князя), «больство» (превосходство), «болеждь» (преимущество), «бальство» (лекарство). Все эти слова указы-

вают на исключительно положительный смысл семы «болъти» [6. С. 66]. И только в XII веке, после принятия христианства, у славян появляется признание болезни в значении «душевная боль». Позже «маломощность» включает только признание признаков неполадок отдельных органов, а не нездоровье в целом: «родимец» (параличь), «зараза» (чума), «каженик» (сумасшествие), «труд» (давление) и т.п. Такое отношение к боли, болезни в некоторой степени объясняет медицинский нигилизм россиян, когда их кнутом и пряником заставляют осознать важность решения своих проблем со здоровьем и заманивают на диспансеризацию, прививки и профилактические мероприятия.

Другая картина вырисовывается в английском языке, где уже много веков активно используются слова «ill/illness», которые имеют общий смысл «плохой, тяжелый, подлый, злой» [15]. Из древнескандинавского языка слово «illr» приходит на территорию современной Британии в XI веке с негативным значением «подлый, морально злой, плохой, предосудительный». С середины XIV века сема отрицательности усиливается: «вредный, пагубный, отмеченный злыми намерениями». Через полвека негативная сема «пагубный, страдающий, нездоровый» уже указывала на плохое самочувствие, что постепенно утвердилось в новом понимании — «больной, страдающий, нездоровый».

В социальном плане сема «здоровье–болезнь» отражает как физическую, так и моральную проблему, поскольку в современном мире глобализация затрагивает разные сферы жизни, в том числе здоровье. Многое унифицируется, однако в основополагающих ценностях национальные особенности по-прежнему сохраняются, например, «слабость, болезненность» в русской лингвокультуре оценивается (помимо всего прочего) интенсивностью дыхания — дохлый, выдохшийся (от слов «дух», «душа»), а в английской лингвокультуре — эмоциональной неустойчивостью (feeble) [11]. Болезнь в русском обществе — то, чего следует избегать и над чем иронизировать, что демонстрируют следующие неологизмы из сферы отношения населения к болезням и медицине: «валежник» (палата с лежащими больными); «мозгоеды» (психиатры); «дискотека» (скорая помощь с мигалками и сиреной); «рецидивист» (больной, имеющий осложнения); «утконос» (нянечка или студент-практикант). Очевидно, что через юмор россияне пытаются отгородиться от болезней, что вполне в духе нашей ментальности, где как «норма» сохраняется нежелание признаваться в заболевании, не допускать мысль о маломощности, высмеивая все, связанное с медициной, и предпочитая самолечение (баней, травами, движением).

Англоязычная среда, форумы, социальные сети показывают другую картину — эмоциональная составляющая, психологические или оценочные характеристики часто преобладают над физическими: ill act (дурной поступок); ill temper (дурной нрав, характер); ill will (недоброжела-

тельность, враждебность); ill advised (неразумный, опрометчивый); ill looking (мрачный, зловещий); to wish ill (желать зла); to bode ill (служить дурным предзнаменованием); ill-gotten (добытый нечестно). Кроме того, в английском языке сема нездоровья (illness) сохраняет значение «зло, плохое состояние», но разнообразие проблем все больше ассоциируется с социально-психологическими характеристиками: quadrobics (неадекватное поведение — человек начинает вести себя и одеваться как животное); youth molecule (лекарства, которые помогают при проблемах с памятью); brain flossing (ментальная перезагрузка через прослушивание 8 D звучания); friendflation syndrome (нежелание отмечать важные события с друзьями из-за дороговизны развлечений); femgore (увлечение ужасами, в которых женщины совершают все страшные преступления, что связано с их ментальной неустойчивостью); fox-tox (вид ботокс процедур, чтобы придать глазам утонченно-хищный вид, как у лисы) и др.

Таким образом, этимологические истоки семы «болезнь» (illness) и ее развитие существенно разнятся в британской и русской культурах, прежде всего в плане присутствия семы зла (в английском языке) и веры в то, что можно внушением и самонастройкой снова стать здоровым (в русском языке). Для россиян — это установка на возможности организма и профилактику народными средствами, у британцев — на признание болезни и на тесную увязку с меняющимися социальными установками, когда экономические проблемы или политические трансформации меняют восприятие здоровья, которое британцы поддерживают в основном с помощью медицинских препаратов.

Закон и справедливость

Система восприятия проступков и наказаний — яркий маркером национальных ценностей и установок. В российской и британской культурах наблюдаются серьезные расхождения в восприятии смыслового поля закона, что связано с существованием в истории России общины — когда каждый член социума зависел от установок своего сообщества. Регулирование осуществлялось на основе «нравъ и обычай», и древнее значение «за конъ» (за край) означало, что член сообщества преступил установленные границы правил жизни по принятому обычаю. Четкой градуировки наказания для тех, кто нарушил эти границы, не было, потому что осуждение было страшным наказанием и грозило нарушителю изгнанием. По мере принятия христианства в обществе произошли существенные изменения, связанные с вхождением в жизнь церковных правил и законов, и язык наводняет библейско-книжная лексика: «завъеь, заповъд, зарокъ».

Влияние христианства было огромным, но русское общество не занималось прямыми заимствованиями, а переосмысливало и создавало свои словоформы для обозначения культурных и социальных явле-

ний. Более того, во главу угла по-прежнему ставилась справедливость, а не градуированность наказаний: понятие справедливости, основанное на обычаях и традициях, очерчивало то, чего не следовало преступать и вбирало в себя обыденные особенности народов Руси, выраженные в и проявляющиеся через язык. Так, префиксация в этот период имела особый смысл, означая прошлое, в котором рождались заветы и заповеди предков в мире, который в восприятии восточных славян был бесконечной, цикличной сменой времен, где события повторяются и то, что было в прошлом, становится будущим, а это будущее со временем становится для следующих поколений прошлым. Мир в такой трактовке не дискретен и многозначен, и в языке именно частица «за» создавала бесконечный круг смены времен: так, все типы обещаний, уговоров и договоров подразумевали «завъть, заповъдь, зарокь» на долгие времена на основе повторения пройденного.

В XIV–XV веках появляются четко прописанные правила в новых условиях развития классов, что влечет смену смысловой парадигмы — внедряются установления, т.е. неродовые правила, что довольно негативно воспринимается русским народом. Такого рода установления входят в противоречие с понятием справедливости, что особенно ярко проявлялось в слове «заповъдь»: «Если заветы дают, то заповеди кладут, если завет — нечто сложенное, то заповедь — догма (запрет)» [6. С. 66]. Система запретов, влекущая штрафы, дала толчок появлению множества отрицательно воспринимаемых обществом словосочетаний: «заповедная грамота» (запретительная); «заповедные лета» (годы, когда крестьянам нельзя переходить к новым хозяевам); «заповедные деньги» (штрафы), т.е. такие понятия, как заповъдь, завътъ и зарокъ, подразумевали нарушение ранее установленных обычаев. Только «закон» не воспринимался как нарушающий традиционные правила жизни, что закрепило положительную коннотацию слова в русской ментальности, причем даже церковь в средние века утверждала нормы закона как нечто, данное богами, а, значит, они неизменны и не могут меняться людьми.

Сегодня англо-саксонская система права является основой многих законодательных актов, регулирующих международные отношения во всех сферах жизни, однако исторически понятие закона в Британии было весьма подвижным. Изначально понятие закона существовало в Англии в виде языковой семы «æ» со значением «закон, порядки, обычаи, традиции» [14], которые охватывали сферу принятых обществом правил, законов природы и заветов богов. Однако со временем они стали неактуальны, поскольку с принятием христианства новые установки вытеснили слово «æ» — оно стало ненужным в обществе, где важными стали. Обращает на себя внимание следующая особенность понимания закона в Британии: изначально это правовая оценка проступков в их частной направленности, в основном в логике

«собственность — осознание нарушения — меры наказания». В английском языке это отражается в следующих единицах: «ælmesse — ceāp –wilde hors» (соглашение дарения — торговая сделка — четвертование); «botlgestreōn — knower — rack» (собственность, богатство — судья — пытать на дыбе) [9].

Укрепление государственного строя после распространения христианства дало толчок активному разбирательству в судах разного уровня — «Witenagemot — Hundredgemot — Folcgemot» (суд мудрецов — суд сотни — суд народа), что подразумевало довольно квалифицированное разбирательство свободных граждан и градацию проступков и видов наказания. Объединение судов на основе разбирательства свободных граждан и представителей церковной верхушки (сегодня «the Privy council») убрало роль народных представителей из смыслового поля, как и само слово «gemot». Наиболее демократичной формой судов были «Hundredgemot» (сотенные суды, суды сотни), которые заложили основы института шерифов: на суде председательствовал бессменный «сотенный старейшина», позднее каждые полгода на эту роль приглашался шериф, функцией которого было выявление правонарушений. Развитие судов сотни привело к появлению института мировых, народных и поселковых судов [16].

Новый этап был связан с нашествием датчан на территорию Британии, которые принесли свою законодательные порядки и то слово, которое на долгое время вошло в систему британского правосудия — «law (lagu — мера, черта)» — из датского права Danelagen [1], где «law» означало «правила поведения, установленные властью на базе свода церковных заповедей» [13]. На какое-то время в словарь слово «court» вошло как частотно употребляемое, подчеркивая возможность личного надзора короля за правосудием, в результате чего постепенно закон становится унифицированной, строящейся по римскому образцу системой политического администрирования с четко прописанным наказанием, и логичным стало появление частного права. Частная юрисдикция дает еще в XV–XVI веках названия для разного рода законодательных разбирательств: fief/feud (феод, право на получение дохода); scutage (щитовые деньги, откуп от службы в армии); liege (ленное право, регулирующее отношения между сюзеренами и вассалами) [17].

Изменение отношений между властями и церковью дали толчок развитию статутов и умению их толковать [8]. И снова главную роль среди законодательных положений играет собственность, что подтверждается многообразием ее форм и способов передачи: botlgestreōn — «собственность, богатство», ār — «недвижимость», æht — «собственность на землю», éþel — «принадлежащие здания», eardéþelwyn — «право владения», āgān — «владеть», begeāt — «покупка», fæderenfeoh — «имущество, переданное отцом дочери в день ее замужества, приданое» и др. Кроме того, активно внедряется система компенсаций за нанесенный вред: «Wite» — обвинения, наказания, за которые можно расплатиться не жизнью, а средствами; «cildwite» — от-

купные хозяину за беременность крепостной; «gyldwite» — штраф как форма наказания) [9]. Однако практиковались и более жестокие меры наказания: «hættian» (снятие скальпа), «heāfodstocc» (обезглавливание и выставление головы на всеобщее обозрение), «hors» (четвертование), «limlǣw» (калечение). Очевидно, что нацеленность на четкое градуирование типа наказания характерно для английской судебной системы, где квалифицированные специалисты выносят наказание по строго установленной системе, основываясь на прецеденте.

***

Разное геополитическое положение и ход исторического процесса привели к специфическому пониманию важнейших для любого национального сообщества ценностей в России и Британии. «Друг» воспринимался как временный союзник или попутчик в России, где отношения с многочисленными соседями менялись неоднократно, и сообщество привыкло полагаться на себя. В то же время британцы, жители островного государства, воспринимали дружбу как верность своим, в том числе тем, с кем имели финансово-экономические интересы или нежную привязанность. Геополитический расклад в современном глобализирующемся мире внес свой вклад в восприятие российским социумом «чужих» — общество стало расширять круг друзей, все больше склоняясь к восприятию чужих как «чудесных». Разочарования современного периода привели к тому, что довольно верный подход к пониманию временности «задругов и подружников» все еще силен в российском обществе, а в Британии основа национальной дихотомии «свой собственный — другой, чужеземный» привела к одобрению Брекзита.

«Болезнь» также совершенно по-разному воспринималась в российском и британском обществах. На Руси она не признавалась под давлением семы здорового и мощного сообщества, что имеет не только положительное значение, но и ведет к пренебрежению медицинскими возможностями. В Британии болезнь была «злом, угрозой», к которой относились очень внимательно, хотя необходимая медицинская защита всегда была доступна. Активная глобализация привела к существенным изменениям в такой важнейшей сфере социальной жизни, как восприятие здоровья, которое сегодня считается неотчуждаемым правом и высшей ценностью. Однако здоровье также часто воспринимается как неотъемлемый фактор глобального развития в контексте «Целей устойчивого развития», и в российских национальных проектах [4] четко прослеживается связь социально-экономического развития страны и тематики «здоровья», которое зависит от множества факторов, а не только от состояния медицины и фармакологии. Британия всегда славилась социально-ориентированной системой здравоохранения, где 90% медицинских учреждений принадлежат государству, граждане ответственно относятся к своему здоровью, а система здравоохранения нацелена на разви-

тие персонала, новых технологий, эффективное руководство медицинскими учреждениями. Считается, что в Великобритании и менеджеры, и медицинский персонал лишь тогда работают хорошо, когда пациенты довольны комфортом и качеством услуг, даже если ждут их по 3–18 месяцев.

Понимание закона также имеет свои особенности, к которым даже сегодня в общественном сознании россиян относится восприятие наказания в контексте справедливости, а в Британии — соотношение проступков с ценностью собственности и четкой шкалой наказаний. Законы Британии базируются на фундаментальной ценности индивидуальной свободы — неприкосновенности права собственности и власти законов. Отношение россиян к «закону» противоречиво: часто законы плохо знают и не признают их приоритетной роли, считая, что «закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло». С одной стороны, население понимает их важность для социального порядка, с другой стороны, мало кто чувствует себя защищенным благодаря законам.

Библиографический список

1. Вокабула: LAW. URL: https://вокабула.рф/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D0%B0%D0%B0%D0%B0%D1%8D%D1%81/law.
2. *Димаджио П., Пауэлл У.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1.
3. *Елмслев Л.* Пролегомены к теории языка. М., 2006.
4. ИКСИ: Цели развития тысячелетия и национальные проекты — стратегический выбор России. 2006. URL: https://ifap.ru/library/book161.pdf.
5. *Кови С.Р.* 7 навыков высокоэффективных людей. М., 2023.
6. *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
7. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983.
8. *Лукашева Е.А.* Право и культура // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 5.
9. *Попова Е.П.* Эволюция лексико-семантического поля «правосудие» в английском языке VII–XVII веков: дисс. к. филол. н. М., 2017.
10. *Протопоп Сильвестр.* Домострой. М., 2021.
11. *Туленинова Л.В.* Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: автореферат дисс. к. филол. н. Волгоград, 2007.
12. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011. URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g.
13. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary. Prague: Charles University, 2015.
14. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2023.
15. Online Etymology Dictionary. 2025. URL: https://www.etymonline.com/word/illness.
16. Oxford English Dictionary. 2014. URL: https://openlibrary.org/books/OL24966543M/The_Oxford_English_dictionary.
17. *Van Caenegem W.* Intellectual Property Law and Innovation. Cambridge University Press, 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579
EDN: XXNMJB

Identification values in the sociolinguistic system *

T.V. Naumenko, O.Yu. Kornienko

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: t-naumenko@yandex.ru; lin_expr@mail.ru)

Abstract. The article considers the development of values crucial to national identity: the definition of friends and foes, illness and health, law and punishment for misdeeds. The study aims at reconstructing the development of socially important values and attitudes toward them in the contemporary world. The theoretical framework of the study is value analysis and the method of sociolinguistic isomorphism, which allows for a diachronic comparison of the development of values with the evolution of society. The authors consider the core values individually, dividing them into specific areas of social functioning. The empirical basis of the article is data from etymological sources, dictionaries and online databases, which allows to trace the formation and development of values in close connection with their denotation and connotation. The authors show significant differences in the geopolitical and historical development of the national communities of Russia and Great Britain through the prism of sociolinguistic isomorphism (relationships with "others"): the temporariness of "friendship" in Russia and loyalty to "one's own" and financial interests in Britain, which led to Brexit in Britain and the constant shifting of friendly states in Russia. Different perceptions of "illness" are expressed in Russians' belief in their own healthy spirit and traditional methods of healing, while in Great Britain — in the belief in the effective healthcare management. Approaches to law also differ greatly: legislative nihilism in Russia and the general belief in justice vs the perception of offenses within the clearly graduated system of punishments in Great Britain.

Key words: illness; friends; law; values; social policy; social system; sociolinguistic isomorphism

For citation: Naumenko T.V., Kornienko O.Yu.. Identification values in the sociolinguistic system . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 567–579. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-567-579 EDN: XXNMJB

References

1. Vokabula: LAW. URL: https://vokabula.rf/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D1%80%D0%B8/%D0%B0%D0%B0%D1%8D%D1%81/law. (In Russ.).
2. DiMaggio P., Powell W. Novy vzglyad na "zheleznuyu kletku": institutsionalny izomorfizm i kollektivnaya ratsionalnost v organizatsionnyh polyah [The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2010; 11 (1). (In Russ.).
3. Elmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the Theory of Language]. Moscow; 2006. (In Russ.).
4. IKSI: Tseli razvitiya tysyacheletiya i natsionalnye proekty — strategichesky vybor Rossii [Millennium Development Goals and National Projects — Russia's Strategic Choice]. 2006. URL: https://ifap.ru/library/book161.pdf. (In Russ.).

* © T.V. Naumenko, O.Yu. Kornienko, 2026
The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

5. Covey S.R. *7 navykov vysokoeffektivnyh lyudey* [The 7 Habits of Highly Effective People]. Moscow; 2023. (In Russ.).
6. Kolesov V.V. *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi* [The World of Man in the Word of Ancient Rus]. Leningrad; 1986. (In Russ.).
7. Leontyev A.N. Obraz mira [Image of the world]. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya*. Moscow; 1983. (In Russ.).
8. Lukasheva E.A. Pravo i kultura [Law and culture]. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAN*. 2012; 5. (In Russ.).
9. Popova E.P. *Evolyutsiya leksiko-semanticheskogo polya "pravosudie" v angliyskom yazyke VII–XVII vekov* [Evolution of the Lexical-Semantic Field of "Justice" in the English Language of the 7th — 17th Centuries]: diss. k. filol. n. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. Archpriest Sylvester. *Domostroy*. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Tuleninova L.V. Kontsepty "zdorovye" i "bolezn" v angliyskoy i russkoy lingvo-kulturah [Concepts of "Health" and "Disease" in English and Russian Linguistic Cultures]: avtoreferat diss. k. filol. n. Volgograd; 2007. (In Russ.).
12. Federalny zakon "Ob osnovah okhrany zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation"] No. 323-FZ of November 21, 2011. URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g. (In Russ.).
13. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary. Prague: Charles University; 2015.
14. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers; 2023.
15. Online Etymology Dictionary. 2025. URL: https://www.etymonline.com/word/illness.
16. Oxford English Dictionary. 2014. URL: https://openlibrary.org/books/OL24966543M/The_Oxford_English_dictionary.
17. Van Caenegem W. *Intellectual Property Law and Innovation*. Cambridge University Press; 2007.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 580–592**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-580-592
EDN: XPRJTK

Sociological approach to the state-society communication under infodemic: Collective information hygiene in Indonesia*

M.A. Muqsith[1], V.L. Muzykant[2], F.N. Mahmudah[1], H. Silvianto[3], V.K.A. Putri[3]

[1]National Research and Innovation Agency (BRIN),
Jalan Gatot Subroto No.10, West Kuningan, Mampang Prapatan District, South Jakarta City 12710, Indonesia

[2]RUDN University,
Miklukho-Maklaya St.,6, Moscow, 117198, Russia

[3]Multimedia Nusantara University,
Jalan Scientia Boulevard Gading, Curug Sangereng, Serpong, Kabupaten Tangerang, Banten 15810, Indonesia

(e-mail: muna009@brin.go.id; muzykant-vl@rudn.ru; fitr060@brin.go.id; Heryadi.silvianto@lecturer.umn.ac.id; vega.andira@lecturer.umn.ac.id)

Abstract. The paper examines how a well-designed training program can enhance the critical media literacy skills of public health promotion officers, changing how the state communicates with society under infodemic. The authors applied an explanatory sequential mixed-methods approach that combines quantitative and qualitative data collection and analysis: quantitative data is collected first, followed by qualitative research to explain and assess quantitative findings. In the quantitative research, 47 key employees participated in pre- and post-testing and N-Gain analyses in six domains: basic health communication concepts, audience segmentation, key message design, cultural adaptation, risk communication, and digital/media literacy. In the qualitative research, the participants' essays were analysed using thematic coding to identify changes in their understanding of the media, power and their professional communication responsibilities. The quantitative data showed a significant improvement in total test scores from pre-test to post-test, with N-Gain figures indicating moderate to high learning gains, particularly in fundamentals and key message formulation. Thematic analysis demonstrated a shift from a transmission-oriented model of communication to critical, participatory and self-reflective models, highlighting the importance of fact-checking, information integrity, and the use of culturally relevant messages. The research emphasizes the potential of health communication training for public-sector professionals in low- and middle-income societies to develop the critical media literacy, thereby providing empirical and pedagogical grounds for enhancing trust, legitimacy, and media literacy education in complex information environments.

*© M.A. Muqsith, V.L. Muzykant, F.N. Mahmudah, H. Silvianto, V.K.A. Putri, 2026
The article was submitted on 11.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

Key words: N-Gain analyses; health communication; state-society relations; public health promotion; infodemic; digital literacy; mixed-methods; Indonesia

For citation: Muqsith M.A., Muzykant V.L., Mahmudah F.N., Silvianto H., Putri V.K.A. Sociological approach to the state-society communication under infodemic: Collective information hygiene in Indonesia. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 580–592. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-580-592 EDN: XPRJTK

In contemporary healthcare, communication is no longer a peripheral activity but a core component of how institutions manage risks, shape behaviour, and ensure or lose public trust. The covid-19 pandemic showed that public health systems operate within digital ecosystems in which misinformation, disinformation and low-quality content circulate rapidly across the social media and online platforms [20]. Infodemic defines a situation of too much information including fakes in digital and physical environments. In case of a disease outbreak, infodemic can cause confusion and lead to mistrust in health authorities when people are unsure about what they need to do to protect their health. In such environments, people do not merely receive information — they actively interpret, change and redistribute it, often in ways that amplify existing social vulnerabilities and inequalities [9; 35]. Thus, critical media literacy has become the centre of current debates on health communication, particularly in education systems and professional fields in the Global South that undergo rapid digital transformation [1].

Critical media literacy as a multilayered competence that includes not only accessing and understanding information, but also considering how the media construct reality, frame problems, and reproduce power relations [30]. From this perspective, health professionals are to move beyond "correcting" misinformation through one-way messages toward practices that invite communities to consider the media critically, recognize manipulative frames, and co-create more equitable health narratives [19]. Debates in digital education and AI-mediated communication highlight similar challenges: emerging infrastructures of automation and AI-generated content may simultaneously expand access to information and deepen bias and vulnerability to manipulation [8; 22].

Public health scholarship has begun to document how media and information environments affect health particularly in low- and middle-income countries. Studies of risk communication and community engagement show that digital platforms can facilitate rapid dissemination of preventive messages while intensifying distrust when communication is perceived as top-down, moralizing or insensitive to local realities [14]. Studies of tropical and infectious diseases in resource-constrained settings similarly illustrates how gaps in media literacy, stigma and sensationalist reporting can undermine surveillance, care and cooperation [16; 18]. At the same time, there is growing concern about the mental health implications of prolonged exposure to polarized media environments, especially among children, adolescents and professionals of health systems [2; 34]. These findings suggest a double demand

on health workers: they must be resilient navigators of the complex media ecologies for their own well-being and act as guides and educators for communities.

Indonesia provides a compelling context for exploring these dynamics. As a large democracy with the high social media penetration and persistent health inequities, Indonesia has a polarized information environment. Health promotion officers in such urban centres as Jakarta are expected to communicate about non-communicable diseases, infectious outbreaks, maternal and child health, mental health, and environmental risks, while also responding to rapidly changing narratives online. Studies in Southeast Asia and Eastern Europe show that the quality of public information and the presence/absence of critical media literacy significantly influence how communities respond to vaccination campaigns, child and adolescent mental health services, and so on [36]. Education and development research further emphasize that efforts to develop media and digital competence should be contextualized, culturally sensitive and linked to broader agendas of citizenship, social justice and democratic participation rather than treated as purely technical skill training [7; 21].

There are gaps at the intersection of critical media literacy, health communication, and professional training. First, much of the media literacy research focus on school and higher education students rather than on professionals in public sectors [2]. Second, evaluations of training programs (In education, digital literacy or public health) often rely on self-reported satisfaction and general perceptions of usefulness, with limited integration of quantitative measures and qualitative insights that would show how competencies change [28]. Third, empirical research in low- and middle-income settings remains scarce with respect to how health workers reframe their understanding of the media, power and health after targeted training, particularly in high-stakes contexts shaped by pandemics, child and adolescent mental health concerns, and structural inequities [13; 26].

Our study responds to these gaps by placing critical media literacy at the core of training programs for public health promotion officers in Indonesia and by evaluating this intervention using an explanatory sequential mixed-methods design. Rather than treating media literacy as additional, the training explicitly engages participants with issues of misinformation, credibility, ideology and cultural representation in health communication, while also introducing practical tools for message design, audience segmentation and digital engagement. By combining pre- and post-training assessments with thematic analysis of essays, the study seeks to show not only whether competencies improved, but also how participants began to question their communicative roles within media and institutional ecosystems.

The study has three interrelated objectives: to evaluate the impact of a structured training intervention on the public health promotion officers' critical media literacy, particularly on understanding of health communication, audience segmentation, message design, cultural adaptation, risk communication, and digital/media literacy; to assess how participants conceptualize and apply critical

media literacy in their professional activities after training, as reflected in their written reflections on misinformation, trust, representation, and community engagement in health communication; to combine quantitative and qualitative findings to identify mechanisms of learning and remaining gaps and develop the media literacy education methods for public health professionals in low- and middle-income countries.

The study is based on an explanatory sequential mixed-methods design. It began with the quantitative data collection and analysis [29] followed by qualitative analysis in order to evaluate the efficiency of training in improving critical media literacy and health communication competencies, to map how participants understand and apply these competencies in their work, and to develop an integrative framework to strengthen the evidence-based health communication strategies [5]. In the quantitative study, 47 health promotion officers took a pre- and post-test of six core competencies: basic health communication concepts, audience segmentation, key message formulation, cultural and local contextual adaptation, risk communication, 360° communication strategies, digital literacy and critical thinking (17 multiple-choice questions and five essays. The qualitative study focused on changes in participants' thinking, analytical patterns and competencies after training — participants wrote essays on five issues: audience segmentation, key messages, risk communication, adapting messages to local values, and digital literacy under infodemic. Open, axial and selective coding allowed to identify 30 codes: fact-checking, public trust, information integrity, ethical scepticism, holistic content, issue mitigation, and segmentation convergence. These codes were grouped into thematic categories showing how participants reconstructed their roles in managing health information, maintaining message integrity, addressing misinformation, and building public trust through culturally sensitive communication. Thus, the study not only assessed improvements but also showed how and why training had an impact, for example, shifting participants' orientation from one-way communication to participatory, critical, and community centred.

The Paired-Samples T-Test was used to assess whether there was a significant difference between participants' pre- and post-test scores following health communication and critical media literacy training. The average pre-test score was 46.53, and the average post-test score was 48.55, the standard deviation, correspondingly, — 2.88 and 3.58, the standard error — 0.42 and 0.522. Since the average pre-test score was lower than the average post-test score, the pre-test/post-test difference in average understanding of health communication content-creation strategies among health promotion officers in Jakarta was statistically significant. The Paired-Samples T-Test was also used to assess whether there was a significant difference between participants' pre- and post-test scores following health communication and critical media literacy training to ensure that the observed changes were a real effect of training. The average difference between the pre-test and post-test was -2.02128, meaning that post-test scores were

consistently higher than pre-test scores. The standard deviation of the difference was 4.51803, and the standard error — 0.65902, indicating that the variation was within acceptable limits. The analysis showed that there is a statistically significant difference between the pre-test and post-test scores, i.e., training had a meaningful impact on participants' understanding of health communication strategies. The 95% confidence interval for the mean difference further confirms that post-test scores are consistently higher than pre-test scores (-3.34782 — -0.69473). The gain analysis was conducted to measure the difference between the pre-test and post-test scores and N-Gain: most participants (22) were in the high category, 1 — in the medium category, and 3 — in the low category, which suggests that training improved participants' understanding and competency in health communication and critical media literacy. Thus, the quantitative analysis provided evidence that the training program measurably improved participant skills.

The next step was qualitative analysis to understand how participants internalized and applied new knowledge. Participants' essays revealed such themes as fact-checking, information integrity, public trust, ethical scepticism, issue mitigation, and holistic message framing, reflecting a shift in participants' roles from providing information to being critical, reflective, and socially and culturally sensitive health communicators. Participants demonstrated increased awareness of verifying information, considering cultural values in message development, and responding to challenge of misinformation with more analytical communication strategies. Thus, the qualitative analysis not only complemented quantitative findings but also provided a deeper understanding of the mechanisms of change during training. For example, the increased scores of key messages and risk communication in the quantitative analysis were supported by qualitative findings proving participants' ability to convey more realistic and risk-mitigation-oriented messages. Moreover, several aspects that did not show significant quantitative improvement (audience segmentation and 360° communication strategies) were also reflected in the qualitative analysis in the minimal number of related codes, indicating that such competencies still need to be developed. Thus, together quantitative to qualitative findings suggests that training did not only improved participants' skills "statistically" but also developed their critical and contextual thinking, assessment, and design of health communication.

Thematic analysis involved open coding → axial coding → selective coding to organize indicators/code groups and then combine them into strategic themes that health promotion officers can directly use (table 1). Figure 1 positions "Health Communication Content Development Strategy" at the centre and organizes participants' ideas into five interrelated thematic clusters: (1) "Scepticism as Professional Ethics" — critical media literacy as an ethical obligation rather than a purely technical skill (critical analysis, anti-hoax efforts, information integrity, truth and data validation as part of the professional position based on ethical scepticism and a holistic approach to information); (2) "Collective Information

Hygiene" — misinformation not as an individual failure but as a shared social risk (fact-checking, source verification, message security, content reliability, anti-misinformation, and broader info-hygiene and collective protection, suggesting that health communication must develop protective norms at the community level); (3) "Framing Parental Responsibility" — how participants connect health communication to the moral economy of family life (parent framing, roles, love and family hygiene, specific practices of breastfeeding, anti-stunting and mandatory immunization — all under the umbrella of child rights); (4) "Integration of Technical and Moral Aspects" — attempts to merge segmentation and emotional design with value-based communication (emotional messages, holistic content, health trusteeship, future impact, moral values and segmentation convergence as components of ethical conviction); (5) "Communication as Institutional Legitimacy Protection" — institution protection and institutional legitimacy, quick response, pre-crisis planning, issue mitigation, continuous evaluation, and public trust). Together, these clusters show how health promotion officers conceptualize content development as a multi-layered practice (information quality, family responsibilities, moral values, and legitimacy of public institutions).

Table 1

Qualitative data coding

Anti-Hoax	Health-Trusteeship
Anti-Misinformation	Holistic-Content
Anti-Stunting	Holistic-Perspective
Message-Security	Info-Hygiene
Child-Rights	Information-Integrity
Critical-Analysis	Institution-Protection
Collective-Protection	Institutional-Legitimacy
Breastfeeding-Nutrition	Data-Validation
Content-Reliability	Issue-Mitigation
Continuous-Evaluation	Mandatory-Immunization
Moral-Values	Ethical-Scepticism
Emotional-Message	Parent-Framing
Quick-Response	Parental-Love
Fact-Checking	Parental-Role
Fair-Truth	Pre-Crisis
Family-Hygiene	Public-Trust
Future-Impact	Segmentation-Convergence

Thus, quantitative results indicate that the critical media literacy training for health promotion workers significantly improved their knowledge, attitudes and skills in assessing health information. The increase in average scores before and after training is consistent with research findings on the efficiency of health literacy and digital health literacy training, which show that structured training can improve knowledge, self-efficacy and the ability to use health information effectively [18; 23]. From the critical health literacy perspective, this improvement reflects a shift from just understanding health messages to reflective questioning their purposes, power relations, and social impacts [11; 32]. Qualitative findings clarify how these improved scores are reflected in professional activities: scepticism as professional ethics (critical analysis, rejection of hoaxes, data validation and ethical scepticism) supports the argument that the critical (digital) health literacy is a core competency for health workers rather than an additional skill [31]. Other studies show that healthcare workers with high health and digital literacy can assess reliability of sources, fill patient knowledge gaps, and prevent misinformation [20; 22]. Moreover, in middle-income countries, the participatory health literacy development improves community health behaviour patterns, although their sustainability depends on the institutional and policy support [17].

The theme of collective information hygiene (fact-checking, source verification, message security, content reliability) indicates that participants perceive hoaxes not as an individual problem, but as a collective risk that threatens public trust. This is consistent with studies which emphasize that addressing misinformation requires an information ecosystem approach rather than just education and training [14; 24; 25]. Digital interventions combining media literacy training, platform-based feedback, and reporting problematic content reduce vulnerability to misinformation, particularly when accompanied by case studies relevant to the audience's social context [13; 39]. Our findings prove that framing "information hygiene" as a collective responsibility increases officers' motivation to conduct a cross-source check.

The framing "parental responsibility" and themes related to children's rights, stunting, immunization, and breastfeeding indicate that participants understand the importance of family-based health messages, and health messages linked to children's future and parenting values are more persuasive [40; 8]. Furthermore, studies of the determinants of stunting emphasize that technical information needs a framework of family values and local norms to be effective. The framing "integration of technical and moral aspects" indicates that participants combine epidemiological data with emotional, value-based messages, and studies prove that media literacy interventions that combine cognitive, emotional and moral aspects are more effective in increasing resilience to misinformation [10; 33]. Global media literacy studies emphasize the importance of being critical to digital

technologies and capable of assessing ethical implications of message production and distribution [5]. Therefore, the reconstructed health communication strategy can be considered a local adaptation of the critical media literacy agenda for wellbeing.

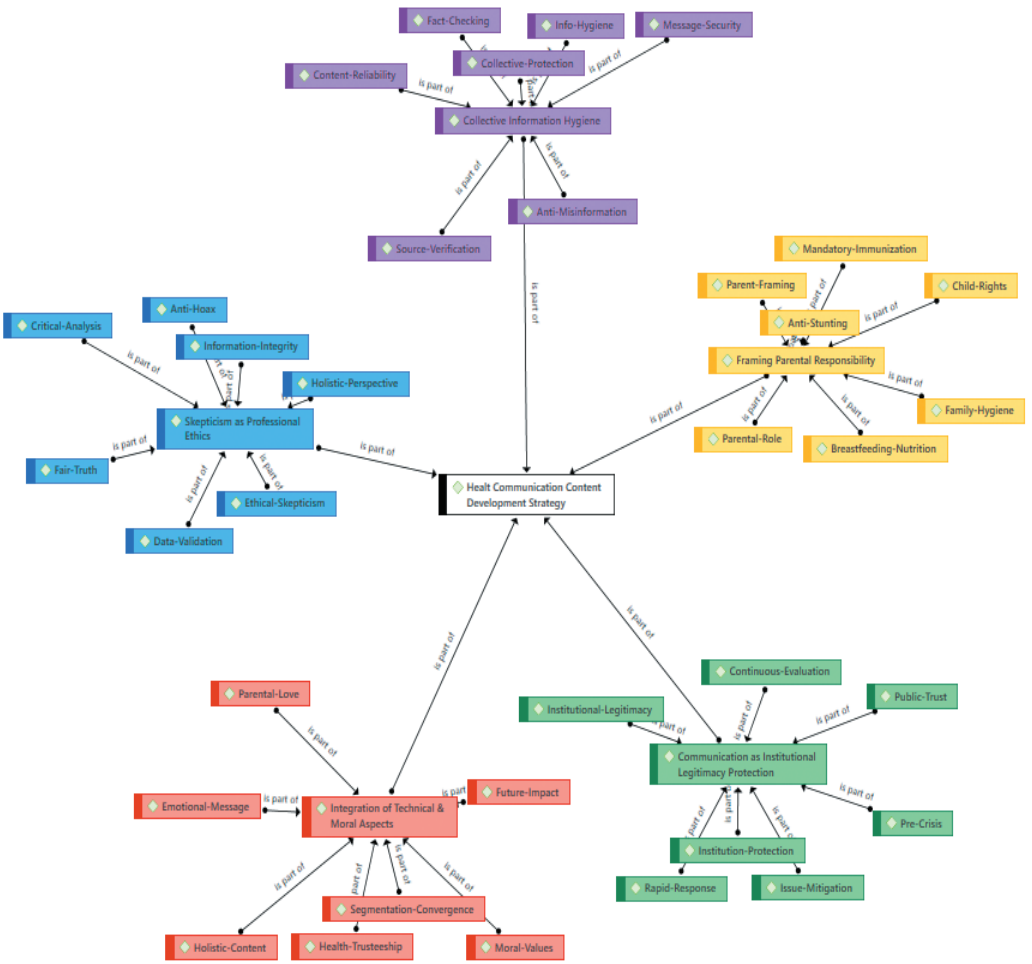

Figure 1. Health Communication Content Development Strategy

The framing "communication as institutional legitimacy protection" indicates that participants understand public communication as an instrument for legitimizing health institutions: transparency, consistency and recognition of uncertainty in public communication play a crucial role in increasing public trust [24; 26]. Furthermore, institutions that effectively address disinformation are better able to maintain social legitimacy [12]. Our concept map, linking quick response, issue mitigation and public trust, illustrates how critical media literacy functions as a mechanism for protecting institutional legitimacy.

Theoretically, our study contributes to the discourse on digital health literacy in developing countries. Global research indicate that digital health literacy has a positive impact on preventive behaviour, healthcare utilization, and mental health, but there is still not enough data on the critical, ethical and political aspects of information in this context [3; 27]. Our study fills this gap by showing that training focused on local issues (immunization hoaxes, stunting, religious and cultural values) can provide a conceptual framework linking professional scepticism, information hygiene and institutional legitimacy, which is in line with recommendations that literacy development needs information ecosystem transformation rather than just individual skills improvement [38]. The most effective digital health literacy programs are generally multi-layered, combining in-person training, online modules, technology support and strengthening professional networks [18]. Their efficiency increases if they are based on the local cultural context and professional roles of participants (health workers, the elderly or migrant communities) [6; 37]. Our study demonstrates that training of health promotion specialists as part of the immunization campaign for stunted children can produce significant cognitive and ethical changes.

However, several limitations of our research should be noted. Although findings suggest that while targeted interventions can improve communication skills, they are insufficient to fully address structural and social-cultural challenges of contemporary information environments. In sociological terms, the training did not simply improve technical capacity but also fostered new ways of considering the communicative relationship between state actors and citizens in the mediatized health system; however, the absence of a control group, the short follow-up period, and the focus on one metropolitan region limit the generalisability of findings. Moreover, variations in digital context, levels of public trust and information culture can reduce the impact of media literacy training [15]. Furthermore, short-term post-intervention measurements do not capture the sustainability of behaviour changes, and training effects may be diminished without additional incentives or organizational structural support [10].

Future research should have longitudinal and comparative designs to assess how improved critical media literacy of public sector professionals affects public trust, health behaviours and broader state-society relations. From this perspective, the Indonesian case illustrates that investing in critical media literacy is not a marginal pedagogical choice, but a structural requirement for health systems seeking to maintain legitimacy and efficiency in complex information environments. The critical media literacy training needs to be integrated into health worker's development programs, particularly in quality management systems, issue management and risk communication, and such a large-scale approach requires national policy support, adequate digital infrastructure and cross-sector partnerships.

References

1. Afrilyasanti R., Basthomi Y., Zen E.L. Fostering creativity and critical literacy: Transforming EFL classes with engaging critical media literacy integration. *Asian Education and Development Studies*. 2025; 14 (2).
2. Brooks H., Irmansyah I., Syarif A.K., Pedley R., Renwick L. et al. Evaluating a prototype digital mental health literacy intervention for children and young people aged 11–15 in Java, Indonesia: A mixed method, multi-site case study evaluation. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2023; 17 (1).
3. Corvo E., Di Carlo M., De Caro W. Impact of digital health literacy on public health: An umbrella review. *European Journal of Public Health.* 2024; 34 (3).
4. Creswell J.W., Creswell J.D. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approach*. Sage Publications; 2017.
5. D'Haenens L., Joris W. Media literacy in a digital age: Taking stock and empowering action. *Media and Communication.* 2025; 13.
6. Dong Q., Chen Y., Yang X., Liu C. Effectiveness of digital health literacy interventions in older adults: Systematic review and meta-analysis. *Journal of Medical Internet Research.* 2023; 25.
7. Firmansyah F., Lestari D., Pratama A. Building future-ready healthcare systems through digital literacy training for healthcare workers. *Medicor.* 2025; 3 (1).
8. Friska D.F., Dantas J.A.R., Huda S.R., Maharani A., Sari N.P. et al. Health cadres empowerment program through smartphone application-based educational videos to promote child growth and development in Indonesia: A mixed-methods study. *Frontiers in Public Health*. 2022; 10.
9. Friska D., Kekalih A., Runtu F., Rahmawati A., Ibrahim N.A.A. Determinants of stunting in children aged 0–59 months in three regions of Indonesia. *Frontiers in Public Health.* 2022; 10.
10. Gordon C.L., McGillivray C.J., Johnson K. The relationship between media literacy and well-being: A systematic review and meta-analysis. *Educational Research Review.* 2025; 39.
11. Gram M.A., Hildebrandt O., Jørgensen J. Addressing misleading medical information on social media: Practical guidance for clinicians and public health professionals. *BMJ Evidence-Based Medicine.* 2025. URL: https://doi.org/10.1136/bmjebm-2025-113704.
12. Grover P., Kamel Boulos M.N., White R. Online interventions addressing health misinformation: Scoping review. *Journal of Medical Internet Research.* 2025; 27.
13. Hilberts S., White R., Johnson S. The impact of misinformation on social media in the context of public health crises: An infodemiology perspective. *JMIR Infodemiology,* 2025; 5.
14. Kim H., Namkoong K. Developing the digital health communication maturity model: A framework for strengthening health organizations' digital capacity. *Journal of Medical Internet Research*. 2025; 27.
15. Luthfia A., Muslikhin M., Prahassacitta V., Wahyuningtyas B.P., Condrobimo A.R. Debunking technology and efforts in combating dis/misinformation. *Proceedings of the 19th International Conference on Ubiquitous Information Management and Communication (IMCOM).* 2025. URL: https://doi.org/10.1109/IMCOM64595.2025.10857576.
16. Main S., Lestari T., Triasih R., Chan G., Davidson L. et al. Training for tuberculosis elimination in Indonesia: Achievements, reflections, and potential for impact. *Tropical Medicine and Infectious Disease*. 2019; 4 (3).
17. Meherali S., Punjani N.S., Mevawala A. Health literacy interventions to improve health outcomes in low-and middle-income countries. *Health Literacy Research and Practice*. 2020; 4 (4).

18. Mukhtar T., Awan S., Ayub M., Chohan T. Digital health literacy: A systematic review of interventions and their influence on healthcare access and Sustainable Development Goals. *Pakistan Journal of Medical Sciences.* 2025; 41 (3).
19. Mutlu A., Yildiz M., Karagöz S. Access to healthy information: The interaction of media literacy and health literacy. *BMC Public Health.* 2025; 25.
20. Muzykant V.L., Muqsith M.A., Pratomo R.R., Barabash V. Fake news on covid-19 in Indonesia. *Pandemic Communication and Resilience*. Cham: Springer; 2021.
21. Nasution M.H., Siregar E., Simanjuntak P. Health misinformation on social media in Indonesia: Patterns, impacts, and regulatory challenges. *South Sight.* 2025; 4 (2).
22. Osborne R.H. et al. Bridging the infodemic equity gap: North–South digital health literacy collaboration. *Journal of Medical Internet Research.* 2025; 27.
23. Palmer M.J., Gorman D. Information environments, health inequalities and public trust: A systems perspective. *Social Science & Medicine.* 2025 ; 348.
24. Purnat T.D. Misinformation, trust, and health: The case for information as a social determinant of health. *Health Promotion International.* 2025; 40 (1).
25. Schuh R., Widmer M., Wright A. Public health communication and trust: Opportunities for a "new normal" after the pandemic. *Journal of Health Communication*. 2025; 30 (1).
26. Setianti Y., Lestari R., Nurjanah S. Public perception of health information, treatment beliefs, and cultural attitudes in Indonesia. *Social Sciences & Humanities Open.* 2025; 8.
27. Son H., Han Y. The effect of digital health literacy, self-efficacy on self-care behaviours among community-dwelling elderly: Focusing on Gyeongsangbuk-do. *Research in Community and Public Health Nursing.* 2025; 36 (1).
28. Spitzner D.J., Meixner C. Mixed methods research in global public health. Liamputtong P. (Ed.). *Handbook of Social Sciences and Global Public Health.* Springer; 2023.
29. Squires L., Peters A., Rohr L. Exploring critical media health literacy (CMHL) in the online classroom. *Journal of Media Literacy Education*. 2023; 15 (1).
30. Taufek N.H.M. et al. Global initiatives for improving health and medication literacy. *International Encyclopedia of Health Literacy.* Elsevier; 2025.
31. Tian X., Duong T.V., Okan O. Conceptualization and measurement of critical health literacy: A scoping review. *BMJ Global Health.* 2025; 10.
32. Trotsuk I.V., Dursina A.N. Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population. *RUDN Journal of Sociology.* 2025; 25 (1).
33. Trotsuk I.V., Kaluga A.E. Main components of the sociological study of happiness. *RUDN Journal of Sociology.* 2025; 25 (3).
34. Vasilenko L.A. Stepnova E.A., Litash-Sorokina E.A. Personal-professional efficiency of employees in the mature digital organization. *RUDN Journal of Sociology.* 2025; 25 (3).
35. Wamala Andersson S., Gonzalez A. Digital health literacy — a key factor in realizing the value of digital health. *Frontiers in Digital Health.* 2025; 7.
36. Wei P., Zhou Y. Can digital health literacy promote residents' physical and mental health? The mediating role of exercise and social networks. *PLOS ONE.* 2025; 20 (5).
37. Western M.J. et al. Bridging the digital health divide: A narrative review of patient involvement in designing digital health interventions. *Health Psychology and Behavioral Medicine.* 2025; 13 (1).
38. Yameogo C. et al. Effectiveness of interventions to improve digital health literacy in forced migrant populations: Systematic review and meta-analysis. *Journal of Medical Internet Research.* 2025; 27.
39. Yuen E., Winter N., Savira F., Huggins C.E., Nguyen L. Digital health literacy and its association with sociodemographic characteristics, health resource use, and health outcomes: Rapid review. *Interactive Journal of Medical Research.* 2024; 13.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-580-592
EDN: XPRJTK

Социологический подход к коммуникации между государством и обществом в условиях инфодемии: коллективная информационная гигиена в Индонезии*

М.А. Мукситх[1], В.Л. Музыкант[2], Ф.Н. Махмудах[1], Х. Силвианто[3], В.К.А. Путри[3]

[1]Национальное агентство по исследованиям и инновациям,
Джалан Гатот Суброто № 10, Западный Кунинган, район Мампанг Прапатан, Южная Джакарта 12710, Индонезия

[2]Университет дружбы народов имени,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

[3]Университет мультимедиа Нусантара,
Джалан Сиентиа Гадинг, Куруг Сангеренг, Серпонг, Кабупатен Тангеранг, Бантен 15810, Индонезия

(e-mail: (e-mal:; muna009@brin.go.id; muzykant-vl@pfur.ru; fitr060@brin.go.id; Heryadi.silvianto@lecturer.umn.ac.id; vega.andira@lecturer.umn.ac.id)

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты программы обучения, способной повысить навыки критической медиаграмотности специалистов по пропаганде здорового образа жизни, тем самым изменив способы взаимодействия государства с обществом в условиях инфодемии. В исследовании было использовано сочетание методов — последовательный сбор и анализ сначала количественных данных (опрос 47 сотрудников здравоохранения, прошедших предварительное и итоговое тестирование), а затем качественных данных, призванных уточнить и объяснить результаты количественного этапа. К последним был применен N-Gain анализ по шести областям: основные концепции коммуникации в сфере здравоохранения, сегментация аудитории, разработка ключевых сообщений, культурная адаптация, информирование о рисках и цифровая/медийная грамотность. Материалы качественного этапа были проанализированы с помощью тематического кодирования для выявления изменений как в понимании респондентами роли средств массовой информации и государства, так и своих профессиональных обязанностей в сфере коммуникации, необходимых для ведения диалога с разными социальными группами и сообществами. Количественные данные показали значительное улучшение общих результатов тестирования специалистов по пропаганде здорового образа жизни после обучения (средние и высокие показатели усвоения материала, особенно в плане понимания основ формулирования ключевых сообщений). Тематический анализ подтвердил переход респондентов после обучения от модели коммуникации, ориентированной на передачу информации, к критическим, основанным на участии и саморефлексии моделям (осознание и признание важности проверки фактов, целостности информации и использования сообщений, соответствующих культурным особенностям регионального сообщества). Исследование подчеркивает значение обучения специали-

*© Мукситх М.А., Музыкант В.Л., Махмудах Ф.Н., Силвианто Х., Путри В.К.А., 2026
Статья поступила в редакцию 11.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

стов государственного сектора в сфере здравоохранения в странах с низким и средним уровнем дохода для повышения уровня их критической медиаграмотности, поскольку такое обучение выступает фактором повышения социального доверия и институциональной легитимности в сложных информационных средах.

Ключевые слова: N-Gain анализ; коммуникация в сфере здравоохранения; отношения между государством и обществом; содействие общественному здравоохранению; инфодемия; цифровая грамотность; смешанные методы исследования; Индонезия

Для цитирования: *Muqsith M.A., Muzykant V.L., Mahmudah F.N., Silvianto H., Putri V.K.A.* Sociological approach to the state-society communication under infodemic: Collective information hygiene in Indonesia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 580–592. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-580-592 EDN: XPRJTK

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 593–602**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-593-602
EDN: XPQXFS

Mediatized gratitude as a reputational factor: Value foundations of recognition in the hybrid public sphere*

M.V. Shutova[1, 2], M.B. Perfileva[3, 4]

[1]Saint Petersburg Electrotechnical Universityю,
Professora Popova St., 5, bldg. 5, Saint Petersburg, 197022, Russia

[2]Sociological Institute of RAS – Branch of FCTAS RAS,
7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

[3]Herzen State Pedagogical University,
Moika River Emb., 48, Saint Petersburg, 191186, Russia

[4]Perm State Humanitarian and Pedagogical University,
Sibirskaya St., 24, Perm, 614045, Russia

(e-mail: mvshutova@etu.ru; pmb05@list.ru)

Abstract. In the context of deep mediatization, professional reputation is increasingly determined not only by direct interaction between professionals and clients, but also by the hybrid communicative space in which offline work practices are extended through digital reviews, recommendations and other forms of public feedback. In the applied reputation management, gratitude is typically reduced to such quantitative indicators of satisfaction, while its value-based and legitimizing role remains undertheorized. The article considers public expressions of gratitude in digital reviews of professionals, normative framework of public gratitude and mediatized conditions that make such gratitude a reputational resource, i.e., public gratitude expressed in digital reviews functions as a hybrid reputational agent, transforming individual experiences of professional interaction into a publicly validated reputational asset and contributing to legitimation of professionals in the mediatized environment. The study is based on Boltanski and Thévenot's sociology of orders of worth, mediatization theory, and actor-network theory. The empirical data consist of customer reviews of employees of home improvement retailers posted on Yandex Maps and Google Maps, and patient reviews of physicians published on the ProDoctorov platform. The authors applied discourse analysis of mediatized acts of recognition to operationalize the orders of worth framework. The findings indicate that public gratitude cannot be reduced to an emotional reaction or a mere indicator of satisfaction but operates as a reputational mediator that translates offline professional conduct into a publicly visible and value-structured reputational asset, and reveal the predominance of industrial, market and fame orders of worth, through which competence, efficiency, attentiveness, reliability, and recommendability are legitimized. The authors suggest a model of the hybrid reputational cycle: reputation is not an aggregate of evaluations but a result of public legitimation through

*© M.V. Shutova, M.B. Perfileva, 2026
The article was submitted on 24.02.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

mediatized user expressions — platform logic shapes regimes of visibility and orders of worth provide criteria of significance and justification.

Key words: mediatization; gratitude; professional reputation; public recognition; reviews; theory of orders of worth; hybrid communication

For citation: Shutova M.V., Perfileva M.B. Mediatized gratitude as a reputational factor: Value foundations of recognition in the hybrid public sphere. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 593–602. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-593-602 EDN: XPQXFS

In the era of mediatization, professional reputation has been increasingly determined not by direct interaction between professionals and clients but by reviews, recommendations and other forms of user feedback. These forms give rise to hybrid communications in which offline work practices and online representations are interrelated, i.e., reputation depends not only on the quality of professional activity but also on the ways of its public interpretation through algorithmic systems. One of the central elements of this hybrid communicative environment is public gratitude as expressed in digitally mediated ways. In reputation management, such expressions are typically reduced to quantitative indicators of satisfaction — rankings, average scores, and number of online mentions. However, public gratitude is not merely a digital trace but an act of recognition through which an individual experience of professional interaction is converted into a reputationally significant public resource.

Studies of online reputation and applied approaches to review management rarely consider gratitude as a hybrid social mechanism: reviews are usually analyzed either as expressions of individual opinion or as elements of digital economy, without addressing value criteria of professional worth, which are articulated through gratitude and become grounds of reputational legitimacy. We define public gratitude as a specific reputational factor at the intersection of offline professional practice and online regimes of visibility. The study is based on Boltanski and Thévenot's sociology of orders of worth, which allows to consider gratitude as a form of public justification and legitimation, on mediatization theory (transformation of public sphere) and on sociological approaches to recognition as a mechanism for reproducing trust. The research question is how public gratitude under mediatization transforms an individual experience of professional interaction into a publicly legitimate form of reputation and ensure reputational effects. We argue that in mediatized environments, public gratitude becomes a mechanism of reputational justification through competing orders of worth and digitally structured regimes of visibility. First, we conceptualize public gratitude not as an emotional by-product, a matter of communicative politeness or a simple indicator of satisfaction, but as a distinct form of reputational justification. Second, we apply the theory of orders of worth to mediatized practices of public recognition. Third, we reconstruct an analytical model of the hybrid

reputational cycle of gratitude, linking offline action, individual evaluation, public articulation, platform mediation, and reputational effect.

Reputation as a social mechanism of recognition. Reputation is a multilayered social phenomenon embedded in diverse contexts of interaction and functioning as a mechanism of recognition that ensures trust and cooperation. In broader theoretical terms, this understanding supports Honneth's idea of recognition as a foundational mechanism of social order and moral legitimation, which forms stable expectations of value and significance [7]. As social practices become increasingly digitalized, reputation ceases to be merely a symbolic evaluation and increasingly acquires the characteristics of a measurable, aggregable and capitalizable resource, closely tied to actors' social capital and networks [19].

As a component of social capital, reputation reduces uncertainty in social interaction and facilitates decision-making in the conditions of limited information; serves as an indicator of the extent to which an individual or organization conforms to the given social expectations, norms and values; increasingly shapes professional trajectories, access to resources, and social mobility; functions not only as the outcome of past conduct, but also as a predictive mechanism of future behavior. Network-based and interactionist approaches emphasize the processual character of reputation: it is formed through dynamic interactions, micro-rituals of recognition and recurrent acts of evaluation, which makes reputation a constellation of interpretations circulating among network participants and continually reassembled in new contexts [17]. Thus, reputation is not a reflection of the subject's "essence" but a distributed, multiple and processual object existing simultaneously in different ontological registers [9]. Reputation is formed by a combination of social interventions, digital traces, evaluative practices and algorithmic procedures and remains inherently incomplete, fragmented and unstable. On online platforms, review systems are mechanisms that provide future participants of interaction with an idea of the actor's past conduct, thereby reducing uncertainty in anonymous and distributed markets [13]. Intensified digitalization amplifies this multiplicity, producing new forms of reputational reification in the form of narrative reviews, user recommendations, rankings, institutional indices, and visibility metrics.

In this context, reputation is understood as a dynamic networked structure formed by multiple social interactions and shaped by the values of a given society and professional culture. Its core is constituted by fundamental cultural values and the meaning-constitutive values of the profession, while the pragmatic context of interaction forms its mobile periphery. This peripheral layer (observable and communicatively formatted traces of action) becomes the principal object of platform-based capture and algorithmic processing, while the value core provides a framework for interpreting these traces by different audiences. This dual structure makes reputation especially sensitive to mediatization: relatively stable normative grounds of recognition coexist with situational, technically recordable

manifestations that are subject to digital comparison, ranking and archiving. Reputation is also unstable in the temporal sense: some of its elements quickly lose significance, while others stay in digital memory and continue to shape subsequent acts of evaluation. As a result, reputation acquires the status of a hybrid social object in the shifting regimes of social and technical inscription.

Mediatization of reputation: regimes of visibility and hybrid communications. In highly mediatized environments, reputation becomes increasingly public and mediated, since today the media no longer function as external channels of communication but become environments for constituting and transforming social practices [3; 6]. The concept of hybrid communications emphasizes that contemporary forms of social interaction can no longer be considered only offline or online [10]: hybrid communication is a mode of interaction in which physical actions, digital representations and infrastructures of circulation mutually influence each other. Correspondingly, if hybrid communication is the mode of interaction, then hybrid social object is the ontological status of reputation as an outcome of such interaction.

Reputation is formed at the intersection of professional actions, their mediatized representations and different regimes of publicness — user-based, institutional and platform-based. Offline actions continue in digital forms — reviews, comments, recommendations, rankings and indices, which operate according to their own media logic and have different legitimating force. Narrative user reviews, short recommendations, numerical rankings, institutional indices and platform metrics differ in contextual richness, abstraction and authority; yet in digital environments they constitute a reputational infrastructure. Moreover, mediatization of reputation is determined by transformation of regimes of visibility: digital platforms do not merely render reputation visible but actively structure forms of its presentation — impose formats of expression, introduce scales of evaluation, algorithmically rank content, redistribute attention, thereby determining which traces become reputationally significant.

Digital platforms are not neutral intermediaries, they organize public discourse with rules of moderation, visibility and content admissibility [5], thus turning from channels for publishing reviews into infrastructures of the platform society in which architectures of access, comparison and visibility are socially and normatively charged [14]. In this sense, mediatization entails not only an expansion of publicness but a redistribution of power according to the significance criteria: some forms of recognition acquire stability, comparability and institutional legitimacy, while others are displaced, stripped of context or rendered invisible [8]. As a result, reputation becomes oriented toward multiple audiences — users, professional communities, employers, institutional actors, and algorithmic systems, each of which activates its own evaluative criteria. This creates plural reputation regimes and potential conflicts between them. The digital archive also gives these processes a distinctive temporality: some episodes quickly lose relevance, while others are preserved, reactivated and

continue to shape regimes of recognition, trust and professional legitimacy over time. Thus, in mediatized environments, reputation does not merely reflect social reality but constitutes it by connecting offline actions and online representations, individual acts of recognition and institutional metrics, human interpretation and algorithmic processing. This allows to conceptualize reputation as an intrinsically mediatized and hybrid phenomenon essential for understanding contemporary mechanisms of recognition, trust and professional legitimation.

Sociology of orders of worth. The possibility of reputation within networked interaction is ensured by a system of value orientations shared by professional communities (internal world) and by users and clients (external world) — these are grounds on which reputation is formed, develops, circulates and is reinterpreted in mediatized environments. Boltanski and Thévenot's sociology of orders of worth provides a productive analytical approach by defining reputation not as a subjective opinion or an aggregated evaluation but as a result of public justification based on shared principles of justice [16]. In Boltanski and Thévenot's concept, cités are models of just social order with specific understanding of the common good and corresponding criteria for assessing worth, significance and propriety of action. Boltanski and Thévenot identify market, industrial (scientific-technical), civil, domestic, inspired and fame orders, each constituting a specific order of worth that determines which qualities, actions and forms of conduct are recognized as legitimate and worthy of public esteem: actors involved in evaluation or dispute appeal not to private preferences but to generalizable principles that can potentially be recognized by others. In this perspective, reputation is formed by the successful alignment of the subject's actions with the criteria of one or more orders of worth relevant in the given social context. Thus, reputation is not a homogeneous and stable attribute of the subject but an outcome of temporary and situational compromises among different worlds. In situations of evaluation and recognition, hybrid configurations of different criteria of significance come into tension or are balanced. It is precisely such compromise formations that become the basis of durable reputational effects.

Gratitude as a form of reputational justification. Gratitude is a particular form of social relation, a mechanism through which meaningful action does not disappear once interaction has ended but is retained in social memory and continues to bind the parties involved [12]. In the social exchange theory, gratitude acquires structural significance and functions as a symbolic reward and a mechanism of reciprocity when exchange cannot be immediately balanced in a directly equivalent form [2]. Gratitude is not only an emotional response to a received benefit but also a reproduction of relations, expectations and obligations within social interaction. Contemporary studies emphasize both social and communicative aspects of gratitude — its significance unfolds not only in being felt but also in being expressed, which affects relationship quality and supports social connectedness [1]. In interactional research, gratitude is a situationally organized communicative action whose timing and form affect coordination of interaction [4].

In mediatized environments, gratitude acquires digitally mediated forms — circulates through online communities, becomes observable, repeatable and socially regulatory [11; 15]. Thus, public gratitude can be conceptualized as a specific form of reputational justification, bringing criteria of evaluation associated with orders of worth into the public sphere, thereby contributing to the legitimation of professional conduct.

Unlike abstract evaluations or numerical rankings, gratitude has a distinctly argumentative structure, indicating why an action is valuable — efficiency, attentiveness, responsibility, care, initiative, honesty, professionalism or contribution to the common good. Gratitude recorded in mediatized publicness performs the dual function: on the one hand, it is the outcome of individual experience and of an internal evaluation of interaction; on the other hand, it addresses some audience of third parties and is involved in public comparison, juxtaposition and reputational selection. In this dual status gratitude becomes a key element of reputational dynamics, connecting individual recognition with collective criteria of significance. Thus, the orders of worth framework allows to interpret gratitude not as an emotional epiphenomenon or a matter of communicative politeness but as a pragmatic mechanism of reputational justification embedded in the competition of orders of worth.

Discourse analysis of gratitude based on the theory of orders of worth. Our empirical data consist of mediatized acts of public gratitude recorded in digital communication environments and endowed with clear reputational potential: (1) customer reviews posted on the digital platforms Yandex Maps and Google Maps in 2024–2025 — out of 289 reviews, 37 were selected according to the criteria of the presence of positive evaluation, direct mention of a specific employee or specialist, description of actions for which gratitude is expressed; (2) patient reviews of physicians posted on the ProDoctorov platform from 2018 to early 2021 — we selected ten clinics in Saint Petersburg, then 30 physicians with reviews, and for each physician — ten most recent textual reviews (In total 300 texts). This sampling was not intended to ensure statistical representativeness but to produce structurally comparable data for the qualitative analysis of mediatized practices of recognition and reputational mechanisms.

Despite differences in interfaces, audiences, and moderation regimes, Yandex Maps, Google Maps, and ProDoctors function as analogous digital infrastructures of public feedback, enabling the textual inscription of interactional experience, its public circulation and incorporation into regimes of comparison and selection. The temporal gap between 2018–2021 and 2024–2025 does not compromise comparability, since the study focused not on short-term platform changes but on general mechanisms of translating individual experience into a publicly legitimized form of reputation. Methodologically, the study combines discourse analysis adapted to the study of mediatized practices of recognition with the analytical framework of Boltanski and Thévenot's orders of worth: coding was based on the categories of worth (industrial, market, domestic, civil and fame)

depending on the criteria of significance in the text (for example, efficiency as industrial worth, politeness as market worth, care as domestic worth), and coding was multiple to capture the hybrid character of texts.

Thus, gratitude is directed less to the specialist than to some audience of third parties, which transforms private experience into a public regime of comparison and choice. In reviews of retail employees, the industrial ("quickly figured it out", "helped me choose") and market ("polite", "explained everything") orders dominate, while the fame order becomes especially visible in explicit recommendations for future customers. In reviews of medical professionals, the industrial order also dominates but with a stronger emphasis on expertise, responsibility and the ability to act in conditions of patient vulnerability; the market (care, attentiveness) and reputational orders are more strongly expressed to personalize trust and shift attention from the institution to the professional. In other words, public gratitude acts as a mediator in Latour's sense [6]: it does not simply transmit experience but transforms it. The internal complexity of professional work is reduced to publicly interpretable signs aligned with legitimate orders of worth. The platform interface (length constraints, templates) intensifies this simplification and standardization, making gratitude a node in the reputational infrastructure that forms and stabilizes expectations about "proper" professional conduct.

Analytical model of hybrid reputation. If gratitude is a mechanism of reputational justification, then it is necessary to describe how a single professional action is transformed into a publicly meaningful statement and then into a factor of reputational selection and trust. In other words, the research task is not only to identify the orders of worth activated in gratitude but also to reconstruct the entire chain of transformations linking offline interaction, individual evaluation, digital publication, platform processing, and the subsequent reputational effect. The proposed analytical model of the hybrid reputational cycle of gratitude presents it not as a static text but as a mediatized reputational production (seven stages):

1. Individual's gratitude as an internal evaluation of the interaction based on value criteria.
2. Translation of individual experience into public gratitude — a digital review, recommendation or comment.
3. Articulation of one or more orders of worth in the gratitude, coded according to legitimate evaluative criteria (industrial, market, fame, and so on).
4. Mediatized representation: publication on a platform whose interface and algorithms structure and amplify the reputational potential of the text.
5. Reputational effect: specific audience's associations (trustworthiness, competence, reliability) that shape choice and contribute to the professional's symbolic capital.
6. Return to the offline sphere: materialization of the reputational effect through an increased influx of customers, favorable institutional decisions such as promotion or a bonus, and changes in professional status and position.

7. Return to the offline sphere — materialization of the reputational effect (increased influx of customers, favorable institutional decisions (promotion, bonus), changes in professional status and position).

In practical terms, the study argues for a strategic shift from managing quantitative metrics such as rankings or reviews toward a deeper analysis of the value structure of public recognition. For specialists in reputation, communication and customer-experience management, this means, first, identifying the dominant and deficient orders of worth in reviews; second, understanding which aspects of activity receive public legitimation and are translated into reputational capital; third, working not on an abstract increase in the number of reviews but on supporting those forms of professional action and representation that correspond to the most important criteria of significance for relevant audiences. In other words, what matters is not simply the fact of positive evaluation but its discursive form and grounds for recognition. From this perspective, gratitude becomes a central object of reflexive reputation-building. Its analysis allows to move from reactive risk management to the proactive formation of a durable reputational core based on a combination of values of professional action, mediatized formats of recognition and social expectations. Thus, working on reputation shifts from superficial monitoring of feedback to managing the very grounds of public legitimation.

References

1. Algoe S.B., Fredrickson B.L., Gable S.L. The social functions of the emotion of gratitude via expression. *Emotion*. 2013; 13 (4).
2. Blau P.M. *Exchange and Power in Social Life*. New York: John Wiley & Sons; 1964.
3. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press; 2017.
4. De Souza D.K., Park S.H., Wei W., Zhan K., Bolden G.B. et al. The gratitude opportunity space: The timing of gratitude expressions in object passes. *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*. 2021; 4 (1).
5. Gillespie T. Platforms are not intermediaries. *Georgetown Law Technology Review*. 2018; 2 (2).
6. Hepp A. Figurationen digitaler Zukünfte — oder: Warum wir eine Medien- und Kommunikationsforschung der Emergenz brauchen. *Berliner Journal für Soziologie*. 2025; 35 (1).
7. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press; 2015.
8. Kas J., Corten R., van de Rijt A. The role of reputation systems in digital discrimination. *Socio-Economic Review*. 2022; 20 (4).
9. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity. *Systems Practice*. 1992; 5 (4).
10. Lundby K. (Ed.). *Mediatization of Communication*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton; 2014.
11. Makri S., Turner S. "I can't express my thanks enough": The "gratitude cycle" in online communities. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2020; 71 (5).
12. *The Sociology of Georg Simmel*. Wolff K.H. (Ed.). Glencoe: Free Press; 1950.
13. Tadelis S. Reputation and feedback systems in online platform markets. *Annual Review of Economics*. 2016; 8 (1).

14. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society*. New York: Oxford University Press; 2018.
15. Yamamoto J.-i., Fukui T., Nishii K., Kato I., Pham Q.T. Digitalizing gratitude and building trust through technology in a post-covid-19 world: Report of a case from Japan. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022; 8 (1).
16. Boltanski L., Thévenot L. *On Justification: Economies of Worth*. *Essays on the Pragmatic Sociology of Critique*. Moscow; 2013. (In Russ.).
17. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk; 2002. (In Russ.).
18. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Moscow; 2020. (In Russ.).
19. Shutova M.V. Professional reputation in digital society: From social capital to network assembly. *Sociological Studies*. 2025; 51 (5). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-593-602
EDN: XPQXFS

Медиатизированная благодарность как репутационный фактор: ценностные основания признания в пространстве гибридных коммуникаций*

М.В. Шутова[1, 2], М.Б. Перфильева[3, 4]

[1]Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
ул. Профессора Попова, 5, к. 5, Санкт-Петербург, 197022, Россия

[2]Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

[3]Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

[4]Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
ул. Сибирская, 24, Пермь, 614045, Россия

(e-mail: mvshutova@etu.ru; pmb05@list.ru)

Аннотация. В условиях глубокой медиатизации профессиональная репутация во все большей степени формируется не только в непосредственном взаимодействии специалиста и клиента, но и в гибридном пространстве, где офлайн-практики труда получают продолжение в цифровых отзывах, рекомендациях и иных формах публичной обратной связи. В прикладных практиках управления репутацией благодарность обычно редуцируется до количественных показателей удовлетворенности, а ее ценностно-легитимирующая функция недооценивается. Объект исследования — публичные благодарности, зафиксированные в цифровых отзывах о профессионалах, предмет — ценностные основания публичной благодарности и медиатизированные условия ее превращения в репутационный ресурс професси-

* © Шутова М.В., Перфильева М.Б., 2026
Статья поступила в редакцию 24.02.2026. Статья принята к публикации 10.04.2026.

онала, т.е. авторы определяют публичную благодарность, выраженную в цифровых отзывах, как гибридного репутационного агента, переводящего частный опыт профессионального взаимодействия в публично валидируемый репутационный ресурс, обеспечивающий легитимацию профессионала через артикуляцию порядков величия (социология градов Л. Болтански и Л. Тевено, теория медиатизации и акторно-сетевой подход). Эмпирическая база статьи — отзывы клиентов о работе сотрудников магазинов инженерной сантехники на платформах Яндекс.Карты и Google.Карты и отзывы пациентов о врачах, опубликованные на портале «ПроДокторов». Дискурс-анализ медиатизированных актов признания выступил способом операционализации теории порядков величия для выявления градов. Показано, что публичная благодарность не сводится к эмоциональному отклику или индикатору удовлетворенности, а выступает репутационным медиатором, преобразующим офлайн-профессиональное действие в публично наблюдаемый и ценностно структурированный репутационный ресурс. Анализ выявил доминирование индустриального, рыночного и репутационного порядков величия, через которые легитимируются компетентность, эффективность, внимательность, надежность и рекомендационная значимость профессионала. Предложена модель гибридного репутационного цикла, в которой профессиональная репутация предстает не как агрегированная сумма оценок, а как результат публичной легитимации в медиатизированных практиках пользовательских высказываний, где платформенная логика структурирует формы видимости, а порядки величия задают критерии значимости и оправдания.

Ключевые слова: медиатизация; благодарность; профессиональная репутация; публичное признание; отзывы; теория градов; гибридные коммуникации

Для цитирования: *Shutova M.V., Perfileva M.B.* Mediatized gratitude as a reputational factor: Value foundations of recognition in the hybrid public sphere // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 593–602. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-593-602 EDN: XPQXFS

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 603–617**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-603-617
EDN: XNIHSE

Идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета: методология и результаты исследования*

А.А. Осеев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: oseev.a@mail.ru)

Аннотация. Профессионально значимые личностные качества лучших представителей адвокатского корпуса России — важнейшая составляющая эффективности правовой системы государства. Актуальность изучения «идеального портрета руководителя адвокатского кабинета» определяется требованиями к профессиональным и личностным качествам адвоката, которые установлены Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [26] и Кодексом профессиональной этики адвоката [7]. Анализ проведенных в последние годы научных исследований выявил ряд требований, предъявляемых к личностным и деловым качествам успешных адвокатов в условиях информатизации российской адвокатуры: заинтересованность (в выбранной сфере деятельности), нравственность, коммуникативность, пунктуальность, стрессоустойчивость [8]. Но при этом остается нерешенным методический вопрос о способах выявления и измерения качеств работников и кандидатов на должности адвокатов. В ходе исследования были решены задачи выявления степени соответствия личностных качеств руководителей адвокатского кабинета авторской «идеальной модели руководителя» и создание базы данных для последующей разработки модели эффективного руководителя адвокатского кабинета и успешного решения функциональных задач организаций в сфере юриспруденции. Был разработан способ выявления личностных качеств руководителя адвокатского кабинета [8]; пути и методы верификации выделенных требований; прикладная эмпирическая модель «идеального портрета руководителя адвокатского кабинета». Этот идеальный портрет содержит уникальные черты: из 16 возможных личностных качеств отличительными и доминирующими у успешного практикующего адвоката стали 12 (меньше — 11 — лишь у руководителей образовательных комплексов), что значительно больше, чем у «среднестатистического» представителя других профессиональных групп.

Ключевые слова: идеальный портрет адвоката; профессиограмма; профессионально важные личностные качества; модель эффективного руководителя адвокатского кабинета; идеальные типы социального действия М. Вебера; сохранение исторических традиций; 16-факторный личностный опросник Р. Кэттелла

---

*© Осеев А.А., 2026
Статья поступила в редакцию 26.11.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: *Осеев А.А.* Идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета: методология и результаты исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 603–617. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-603-617 EDN: XNIHSE

Идея написания статьи связана с анализом эмпирических данных о личностных качествах эффективного руководителя адвокатского кабинета, представленных в работе нашего коллеги, в которой отмечалось, «что построение правового гражданского общества в России не менее актуально, чем обеспечение военной и экономической безопасности страны. Поэтому изучение личностных качеств руководителей адвокатских кабинетов является важной исследовательской задачей в социологии личности и социологии профессий, а также для решения практических задач отбора кадров в данной сфере деятельности» [14]. Россия всегда славилась выдающейся когортой правозащитников-адвокатов. Во второй половине XIX — начале XX века успешно занимался правозащитной деятельностью легендарный адвокат Ф.Н. Плевако, который выиграл 200 дел разной сложности, был депутатом Государственной Думы Российской империи от Московской губернии, судебным оратором, действительным статским советником [19]. «На судебные заседания с его участием люди приходили не даже из-за интереса к самому процессу, а чтобы послушать гениальные речи правоведа. В народе Федора Никифоровича называли “Пушкиным в юриспруденции”, “Митрополитом адвокатуры” и “гением слова”. Плевако снискал славу народного адвоката, ведь за дела простых граждан он зачастую брался бесплатно» [28].

Другой повод для написания статьи — переосмысление ранее проведенных эмпирических исследований [17], согласно которым уникальное по сложности содержание труда в важных сферах общества (система здравоохранения и образования, безопасность, государственное управление, производство и пр.) требует уникальных по структуре личностных качеств субъектов социально-экономической деятельности. У разных профессиональных групп руководителей и рядовых работников из 16 возможных качеств методики Р. Кэттелла ярко выделяются 8–10–12 доминирующих черт, которые существенно отличают профессиональную группу от других и от «обычных людей», что можно наблюдать у эффективных врачей [13], руководителей образовательных комплексов и, как оказалось, руководителей адвокатских кабинетов. Кроме того, анализ результатов проведенных в последние годы исследований выявил ряд требований, предъявляемых к личностным и деловым качествам успешных адвокатов, чтобы они соответствовали вызовам времени и оставались востребованными: «заинтересованность (в вы-

бранной сфере деятельности), нравственность, коммуникативность, пунктуальность, стрессоустойчивость». Рассмотрим эти требования более подробно.

Во-первых, заинтересованность: «помимо соответствия формальным профессиональным требованиям адвокат должен испытывать внутренний интерес к выбранной сфере деятельности» [8]. Возникает вопрос: как определить, есть ли у адвоката заинтересованность, способность испытывать внутренний интерес к выбранной сфере деятельности? Это сложные методические вопросы, поскольку проблема заинтересованности лежит в плоскости соотношения мотива и стимула, где заинтересованность выступает как определенное качественное состояние субъекта, выражающее потребность и надежду на ее реализацию (наличие стимула). Определение способности адвоката «испытывать внутренний интерес к выбранной сфере деятельности» предполагает знание целого спектра внутренних побуждающих мотивов деятельности (Ф. Герцберг, Дж. Адамс и др.): это может быть интерес к работе (содержание труда, разбор проблемы и пр.,), интерес к достижению успеха в ходе судебного процесса, поддержание собственного престижа, стремление к продвижению и повышению по службе, искреннее желание помочь доверителю, оказавшемся по воле случая в ситуации несправедливого ущемления его законных прав, ощущение своей значимости в решении жизненных проблем доверителя, кураж, азарт, соревновательность с оппонентами в выигрыше процесса.

Во-вторых, «адвокат должен обладать всеми качествами порядочного человека: честностью, скромностью, надежностью, принципиальностью в делах и поступках, а также ввиду того, что адвокатская профессия является одной из немногих, этические и нравственные основы которых отражены в Кодексе этики, хороший адвокат должен быть нравственным человеком» [8]. Требования нравственности шире рамок закона, из чего следует, что, выбирая необходимые средства и способы защиты своего доверителя, адвокату следует руководствоваться нормами нравственности, закрепленными в Кодексе этики, согласно п. 1 ст. 4 которого «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии», а согласно п. 1 ст. 10 «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя — никакие требования, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом этики, не могут быть исполнены адвокатом» [8]. Вновь возникает методический вопрос с о способах выявления и измерения этого качества.

В-третьих, коммуникативность: «адвокат, обладающий коммуникативными навыками, сможет легче установить доверительные отношения, в том числе и в онлайн-режиме, что в конечном итоге поможет

ему быстрее решить правовую проблему доверителя» [8]. Вновь возникает методический вопрос о способах выявления этого важного качеств, причем важно знать: речь идет об умении общаться (навыках «культуры делового общения», умении вести переговоры и пр.) или коммуникативных способностях, склонности к общению (открытости, готовности к сотрудничеству и пр.).

Также для достижения успеха в адвокатской деятельности важны пунктуальность и стрессоустойчивость. В целом содержательная статья П.Е. Коротковой [8] несколько декларативна в том, что не содержит конкретные примеры из адвокатской практики (конечно, затруднительно в научной литературе подробно описывать особенности работы адвокатского корпуса) и конкретные указания на способы выявления и измерения этих качеств у реальных работников и кандидатов на вакантные должности адвокатов. Объектом нашего исследования стали личностные качества успешного руководителя адвокатского кабинета Москвы П.И. Чичуровой, предметом — профессионально важные личностные качества адвоката. Цель — разработка идеального портрета руководителя адвокатского кабинета и построение математической модели границ выраженности личностных качеств, выявление степени соответствия личностных качеств авторской «идеальной модели руководителя» [13. С. 126–144] и создание эмпирической базы для разработки модели эффективного руководителя адвокатского кабинета. Эмпирическая база — экспертные описания роли «личности современного адвоката, которые способствуют его успешной профессиональной деятельности в условиях информатизации российской адвокатуры» [8], результаты исследований коллеги о личностных качествах адвоката [15], данные, полученные методом невключенного наблюдения за поведением адвоката в ходе судебных процессов, а также материалы интервью с П.И. Чичуровой.

Методологическая основа, обеспечивающая высокую достоверность результатов, — положения диспозициональной теории личности Г. Олпорта и Р. Кэттелла. В частности, Кэттелл считал, что «посредством черт личности можно описать не только саму личность, но и те социальные группы, членом которых она является» [28], т.е. можно через структуру личностных качеств индивидов изучить те социально-профессиональные группы, членами которых они являются. В нашем случае это успешный руководитель адвокатского кабинета: П.И. Чичурова (45 лет) окончила Московскую академию экономики и права, юридический факультет, является дочерью известного в России и Германии специалиста по истории Византии И.С. Чичурова. Карьера адвоката Чичуровой развивалась весьма стремительно: с сентября 1999 года по сентябрь 2001 года — юрист общественной организации «Молодежный союз юристов Российской

Федерации», в 2001 году присвоен статус адвоката, с 2001 по 2006 годы — член Московской коллегии адвокатов «Адвокатская лига», с 2006 по 2009 годы — член Московской межтерриториальной коллегии адвокатов, с 2009 года — осуществляет самостоятельную деятельность в адвокатском кабинете, имеет опыт участия в международных практических семинарах. «Всего за период своей недолгой — 15 лет, но весьма интенсивной профессиональной деятельности с ее участием к 2018 году были положительно разрешены более 240 гражданских и арбитражных дел, что составляет свыше 90% от всех дел, в которых она принимала непосредственное участие» [15], сейчас уже более 300 гражданских, арбитражных и уголовных дел (свыше 88%).

Методологическую основу исследования составили работы западных и отечественных исследований о роли личностных качеств индивида вообще и руководителя (лидера) в частности [2; 4; 5; 9; 10; 12; 20; 23; 31]. Идея о выделении доминирующих начал в структуре личностных черт, включая качества руководителя и лидера, в философии [2; 31], социологии [18] и психологии [1; 32] имеет определенную традицию, например, среди таких качеств выделяли ответственность — «фактор G» [21]. О значении концепции идеальных типов социального действия М. Вебера для изучения личностных качеств руководителей мы подробно писали ранее [15], так, примером целерационального типа служат качества предпринимателя (фактор G = 2 балла, низкие моральные нормы). Забегая вперед, отметим, что «идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета» теоретически и эмпирически (табл. 1) соответствует ценностно-рациональному типу социального действия Вебера — это тот, «кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям в долге» [3. С. 266], отличается ответственностью (фактор G = 9 баллов). Другая важная методологическая основа исследования — ситуационный подход к управлению организацией (М.П. Фоллетт и др.) и практико-ситуационный подход В.В. Щербины [33. С. 64] к заданию социальных норм, согласно которым для определения профессионально важных качеств персонала определенной организации следует не столько опираться на экспертные оценки, которые далеки от реальности и страдают субъективизмом, сколько оценивать качества персонала.

В качестве способа получения эмпирических данных была выбрана методика Р. Кэттелла [22], а для разработки профессиограммы «идеальной модели руководителя адвокатского кабинета» использовалась оценка степени соответствия личностных качеств работников организации авторской «идеальной модели руководителя» [13]. Оказалось, что авторская «идеальная модель руководителя» в 3 из 5 ключевых характеристик совпадает с моделью «линейного руководителя среднего звена», полученной в исследованиях Щербины в 1983 году [33. С. 31]: высокие показатели

по факторам E (доминирование), G (моральные нормы, совестливость), Q3 (воля), что говорит об эвристических возможностях разработанной «идеальной модели руководителя» для оценки личностных качеств руководителей из различных сфер. Кроме того, авторская «идеальная модель руководителя» согласуется со структурой «наиболее важных личностных качеств эффективного руководителя», выделенных в работах Р.Л. Кричевского и В.П. Пугачева [20. С. 162–164], и находит эмпирическое подтверждение в персонограмме Чичуровой.

Согласно интервью с ней руководитель адвокатского кабинета «должен обладать следующими качествами: компетентность и профессионализм; честность, разумность, добросовестность в соблюдении установленных законом требований; ответственность за свои действия и рекомендации; желание помочь доверителю, а не заработать; каждый случай рассматривать индивидуально, а не шаблонно действовать по аналогии со схожими делами; быть решительным как при защите прав доверителя, так и при разъяснении доверителю его прав; иметь положительные нравственные и моральные ценности, проявлять уважение ко всем доверителям, оппонентам и другим участникам процесса; быть осмотрительным и действовать рискованно только с согласия доверителя, которому предварительно разъяснить последствия риска. Руководитель адвокатского образования, имеющий в подчинении исполнителей, должен быть требовательным и терпимым одновременно, уметь координировать действия подчиненных, стимулировать к работе, заинтересовывать, выявлять способности и расположенности подчиненных для правильного распределения поручений» [15]. Эта структура личностных качеств во многом соответствует требованиям, отраженным в научной литературе и Кодексе этики адвоката.

Особый интерес представляет структура личностных качеств руководителя адвокатского кабинета — рассмотрим персонограмму Чичуровой (табл. 1). Как интерпретировать представленные данные: «стены» (в таблице — баллы) распределяются по биполярной шакале с крайними значениями от «1» до «10» баллов, при интерпретации важны, в первую очередь, пики профиля, т.е. наиболее низкие и высокие значения, особенно те показатели, которые в «отрицательном» полюсе находятся в границах от «1» до «3» стенов, а в «положительном» — от «8» до «10» стенов. Показатели «4» и «7» — значимая тенденция проявления фактора. Распределение данных в персонограмме и результаты исследования показали, что идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета содержит уникальные по содержанию и сочетанию черты (выделены заливкой): из 16 возможных личностных качеств отличительными и доминирующими у успешного практикующего адвоката стали 12 (11 — у руководителей образовательных комплексов).

Таблица 1

Персонограмма руководителя адвокатского кабинета в сравнении с идеальной моделью руководителя (баллы)

10		*10*									*10*					
9				*9*		*9*										
8	*8*	**8**		**8**		**8**	*8*	*8*	**8**	*8*	**8**				**8**/8	
7														*7*		
6									*6*			*6*				
5					*5*								*5*			
4			*4*													*4*
3												**3**		**3**		**3**
2																
1																
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Руководитель	8	10	4	9	5	9	8	8	6	8	10	6	5	7	8	4
Идеальная модель		**8**		**8**		**8**			**8**		**8**	**3**		**3**	**8**	**3**

Из персонограммы видно, что Чичурову отличает высокий уровень интеллекта (фактор B = 10 баллов) и творческое воображение (фактор M = 8) — то, что обеспечивает уход от шаблонов и принятие нестандартных решений, а это важные составляющие заинтересованности в своем деле. Неудивительно, что Чичурова демонстрирует высокие лидерские качества и профессиональный авторитет не только формально, по должностному положению и статусу, но и в психологическом смысле (фактор E, доминирование, = 9 баллов). Руководителей с таким уровнем доминирования отличает «самостоятельность, независимость, настойчивость, упрямство, напористость, своенравие, иногда конфликтность, агрессивность, отказ от признания внешней власти, склонность к авторитарному поведению, жажда восхищения» [11]. Чичурову характеризуют и высокие морально-волевые, нравственные качества (фактор G, ответственность, = 9 баллов, фактор Q3, воля, = 8 баллов) — то, что обеспечивает «честность, добросовестность, ответственность за свои действия и рекомендации, желание помочь доверителю, а не заработать»

Что касается других важных личностных качеств адвоката, то мы много слышим из средств массовой информации, от коллег и друзей об избирательности адвокатов — готовности браться лишь за «выигрышные» дела, о неумении адвокатов отстаивать свою позицию в суде из-за недостаточной профессиональной подготовки, о неумении в полной мере подготовиться к судебному процессу, строго обосновать свою точку зрения и дать критическую оценку позиции оппонентов в соответствии с законом, о психологической неготовности возражать «авторитетному» судье или судьям, которые с «предвзятостью относятся к ответчику» [24]. Здесь нужны смелость, дипло-

матичность и эмоциональная устойчивость. Смелость (фактор H = 8 баллов) помогает Чичуровой «быть решительной при защите прав доверителя и при разъяснении доверителю его прав»; социальная опытность, дипломатичность, хитрость («знание когда и что сказать», фактор N = 10 баллов) — «быть осмотрительным и действовать рискованно только с согласия доверителя»; также очевидны эмоциональная устойчивость, «психическая уравновешенность», выдержка и самообладание (фактор C, эмоциональная зрелость — 4 балла; фактор O, тревожность = 6 баллов, фактор Q4, низкая напряженность, возбудимость = 4 балла).

О роли смелости и мужества говорили еще Платон и Аристотель. «Преобладающей в европейской этике стала платоново-аристотелевская традиция, согласно которой общее определение добродетели получает продолжение и дополнение в анализе отдельных добродетелей. От Сократа и Платона идет традиция выделения четырех главных добродетелей: мудрости (рассудительности), справедливости, мужества, умеренности. В структуре личностных качеств особую роль играют этические, «нравственные — похвальные приобретенные качества души», — добродетели [31. С. 351]. «От того, как мы поступаем, зависит, какими быть складам (души, или устоям)», причем «добродетели по своей природе таковы, что недостаток (endeia) и избыток (hyperbole) их губят» [2. С. 80]. Этические добродетели — «середина двух пороков», например, «недостаток мужества — это трусость, избыток же мужества — тоже порок, ибо это безумная отважность. Но, так как она встречается редко, то люди привыкли противопоставлять мужеству лишь трусость. Справедливость есть нравственная мера в распределении преимуществ и недостатков совместной жизни людей. Мужество — воинская добродетель, способ поведения, позволяющий преодолеть физическую боль и страх смерти, когда этого требует мораль» [31. С. 352].

Смелось (или нечувствительность к опасности, как отмечают психологи) важна в повседневной жизни. Предстоящее выступление перед аудиторией, выход на сцену у многих людей вызывает волнение, робость, тревогу и страх. Отстаивание своего мнения перед руководителем, выступление вопреки мнению большинства, внедрение инноваций требует смелости. Даже приглашение на танец для робкого человека становится «страшной», «непреодолимой» проблемой. «Какое-то событие во внешнем мире автоматически вызывает определенные сдвиги во внутреннем состоянии организма. Мозг распознает данный комплекс сдвигов как соответствующий определенной эмоции. Так, например, вид незнакомого человека в темной аллее может вызвать замирание сердца и потение ладоней» [29. С. 32]. Понятно, что «существует страх двух типов: испуг от неожиданности и страх, обусловленный пониманием ситуации» [29. С. 50]. «Борьба или бегство» — непростой выбор, и особенно важно умение противостоять страху в достижении цели.

Для адвоката ежедневная работа на протяжении всей карьеры, а, возможно, и всей жизни требует смелости для преодоления возникающих страхов и тревог. Проявление инициативы и взятие на себя ответственности, подготовка к слушанию дела, ожидание начала слушания и выступление в суде, возражение адвокатам противоположной стороны и судьям, общение с обвиняемыми в уголовных преступлениях и посещение тюрем, защита обвиняемых требуют от адвоката бесстрашия, эмоциональной выдержки, смелости, физиологической невосприимчивости опасности, а порой и готовности к разумному риску. Подача апелляции на необоснованное решение суда в вышестоящие инстанции также требует эмоциональной собранности и особой смелости, нечувствительности к тревожным факторам окружающей обстановки и развития событий. Участники судебных процессов рассказывают, что несмелые адвокаты в суде ведут себя робко, неуверенно отстаивают свою позицию и уже потому проигрывают дело. В одном художественном фильме адвокат, говоря клиенту о своих лучших профессиональных способностях, отметила ум и смелость.

Что пишут о смелости психологи и социологи — назовем несколько важных особенностей. Так, у Кэттелла фактор H «характеризует степень активности в социальных контактах… имеет генетическое происхождение и отражает активность организма и особенности темперамента. Люди с высокими оценками этого фактора имеют склонность к профессиям риска (летчики-испытатели), упорны, социабельны, умеют выдерживать эмоциональные нагрузки, что часто делает их лидерами. Низкие оценки этого фактора характеризуют людей застенчивых, робких, не социабельных, трудно принимающих самостоятельные решения» [11]. «Индивид с низкими показателями по фактору H считается робким, медлительным. Сдержан в выражениях своих чувств, не любит работать в контакте с людьми. Высокие показатели по фактору H преимущественно характеризуют слабую физическую реакцию на угрозу, а низкие — повышенную чувствительность к угрозам. Имеется гипотеза, согласно которой личность с низкими показателями фактора H имеет сверхчувствительную симпатическую нервную систему, которая делает ее особо реагирующей на угрозу. С другой стороны, на личность с высоким фактором H мало действует угроза, в социальном смысле она “толстокожая”. Эта физиологическая невосприимчивость порождает смелость в социальном, эмоциональном смысле, в физически опасных ситуациях. Высокие показатели по фактору H у летчиков. Он является очень важным в профессиях, где требуется уметь противодействовать усталости и выдерживать эмоциональные нагрузки» [34. С. 69–70]. Смелость связана с особой физиологической особенностью организма и готовностью преодолевать страх, поэтому не каждый адвокат обладает этим качеством. Отсюда напрашивается вывод о важности диагностики этого качества у адвокатов и у кандидатов на должности в адвокатуру.

Помимо смелости для адвоката важна общительность (фактор A — 8 баллов): «открытость, естественность, непринужденность, готовность к сотрудничеству, приспособляемость, внимание к людям, готовность к совместной работе, активность в устранении конфликтов в группе, готовность идти на поводу. Легкость в установлении непосредственных, межличностных контактов [11] — все это обеспечивает способность адвоката проявлять внимание, «уважение ко всем доверителям, оппонентам и другим участникам процесса». Сочетание факторов A, H, E, N (общительность, смелость, доминирование и дипломатичность) — ключевые «коммуникативные свойства и особенности межличностного взаимодействия» личности [22. С. 226], те эмпирически верифицируемые качества, которые в полной мере были выявлены у успешного адвоката Чичуровой. Получается, это и есть та составляющая коммуникативности, о которой говорит П.Е. Короткова. Кроме того, умение общаться и управлять своими эмоциями важно для повышения эффективности управления организацией и деятельности руководителя [21]. Психологи добавляют к набору качеств A, H, E, N склонность к конформизму — фактор Q2, но вряд ли так уж нужно, чтобы адвокат был конформистом: конвенциональность, или конформизм, в его традиционной форме не может быть фактором успеха в работе адвоката.

Особый интерес представляет оценка личностных качеств адвоката по такому фактору, как Q1 — консерватизм: в широком смысле это обозначение умонастроения и жизненной позиции, характерными особенностями которых являются приверженность традиции (социальной, нравственной, религиозной) и связанное с ней недоверие к любым радикальным нововведениям и предпочтение медленных, постепенных изменений («органической эволюции») [35]. Адвоката Чичурову отличает склонность к традиционному поведению (фактор Q1 = 6 баллов), т.е. следование традициям сочетается с готовностью к инновациям [16]: важность сохранения традиций в нынешнее время глобальных изменений возрастает как никогда, поскольку память о прошлом — основа формирования новых социальных норм и ценностей. Однако Чичурова скорее нонконформист: фактор Q2 = 7 баллов — это «независимость, ориентация на собственные решения, самостоятельность, находчивость, стремление иметь собственное мнение» [11]. Показатель в 7 баллов отличается от критических значений данного фактора в 8–10 баллов, которые характеризуют людей конфликтных, нетерпимых к чужому мнению. Хороший адвокат должен быть в значительной степени нонконфористом, поскольку сохранение и следование традициям зачастую требует решительно бескомпромиссного, ответственного подхода. Склонностью к традиционному поведению, следование законам и смелость обеспечивают целедостижение при противодействии коллективному давлению оппонентов в процессе отстаивания своей позиции и доказательной базы в суде. Эти личностные качества и обеспечивают реализацию требований нескольких статей, предусмотренных Кодексом этики адвоката [8],

например, что «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя», что «соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката» и др. [7].

Важно также отметить фактор I (жесткость/чувствительность): у Чичуровой фактор I (жесткость, мужественность/чувствительность) находится в границах 8 баллов, а «люди с высоким показателем по этому фактору обычно настроены романтически, любят путешествия и новые переживания. Они обладают развитым воображением, для них важна эстетика. Этот фактор отражает различия в культурном уровне и эстетической восприимчивости личности. Интересен тот факт, что люди с низкими показателями по этому фактору меньше болеют, более агрессивны, чаще занимаются спортом, атлетичны. Личность с высокими показателями по этому фактору характеризуется как физически и умственно утонченная, склонная к рефлексии, задумывающаяся над своими ошибками и путями избежания таковых» [11]. Как правило, оценки по данному фактору у женщин выше, чем у мужчин, но зависят от окружающих условий и культурного уровня. Кэттелл определяет данную черту личности как «запрограммированную эмоциональную чувствительность», и мужчины, имеющие высокие оценки по данному фактору, чаще всего относятся к художественному типу личности (художники, артисты, музыканты, писатели, врачи-диагносты, психиатры и адвокаты) [11]. Можно предположить, что женственность, интеллектуальная утонченность, склонность к саморефлексии может вызывать интерес и к внешнему облику адвоката у придирчивых к дресс-коду судей и коллег.

Таким образом, идеальный портрет руководителя адвокатского кабинета содержит уникальные черты: из 16 возможных личностных качеств отличительными и доминирующими, уникальными в своем сочетании у успешного практикующего адвоката стали 12. Мы полагаем, что требования, предъявляемые к личностным и деловым качествам успешных адвокатов, изложенные в федеральном законе об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодексе профессиональной этики адвоката и научной литературе, в полной мере отображены в профессиограмме, что не исключает возможности использования других методов верификации профессионально важных личностных качеств современного адвоката. Структура личностных качеств руководителя адвокатского кабинета, имея некоторые специфические черты, соответствует идеальной модели руководителя и может применяться для отбора кандидатов на должности в данной сфере.

Библиографический список

1. *Анастази А., Урбина С.* Психологическое тестирование. М., 1982.
2. *Аристотель.* Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М., 1983.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
4. *Вебер М.* Мотивы социального действия // Избранные произведения. М., 1990.
5. *Вудкок М., Фрэнсис Д.* Раскрепощенный менеджер. Для руководителя-практика. М., 1991.

6. *Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2008.
7. Кодекс профессиональной этики адвоката с изменениями и дополнениями, утвержденными XII Всероссийским съездом адвокатов 25 апреля 2025 г. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=mia8juseo3467337783.
8. *Короткова П.Е.* Личность адвоката: качества, способствующие успешной профессиональной деятельности в условиях цифровизации адвокатуры // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6.
9. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспект. М., 1991.
10. *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1992.
11. Методика многофакторного исследования личности Кэттелла. URL: psylab.info/Методика_многофакторного_исследования.
12. *Ольшанский Д.В.* Основные теории лидерства. Политическая психология. М., 2002.
13. *Осеев А.А.* Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 1.
14. *Осеев А.А.* Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. 2017. № 1.
15. *Осеев А.А*. Личностные качества руководителя как фактор повышения эффективности управления организации в современной России. Социологический анализ: кадровый аспект: дисс. к. социол. н. М., 2018.
16. *Осеев А.А.* Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. № 3.
17. *Осеев А.А.* Идеальные типы социального действия М. Вебера: «утопия» или реальность? Методология и методика исследований // Социология. 2022. № 3.
18. *Осипов Г.В., Лисичкин В.А., Корягин Н.Д.* Менеджмент. М., 2011.
19. Плевако Федор Никифорович. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Плевако_Федор_Никифорович.
20. *Пугачев В.П.* Руководство персоналом. М., 2006.
21. Рэймонд Кэттелл: структурная теория черт личности. URL: https://psychojournal.ru/psychologists/95-reymond-kettel-strukturnaya-teoriya-chert-lichnosti.html?ysclid=mpxyudkrn4672501214.
22. *Римская Р., Римский С.* Практическая психология в тестах, или как научиться понимать себя и других. М., 1998.
23. *Сербиновский Б.Ю.* Управление персоналом. М., 1999.
24. Судья нарушает нормы права и этики. Как реагировать на такое поведение. URL: https://pravo-rus.com/sobyitiya/sudya-narushaet-normy-prava-i-etiki-kak-reagirovat-na-takoe-povedenie.html.
25. Традиция как основная форма передачи межпоколенного опыта. URL: https://studbooks.net/786642/kulturologiya/traditsiya_osnovnaya_forma_peredachi_mezhpokolennogo_opyta?ysclid=mpxyyj6l9d879174918.
26. *Файоль А., Эмерсон Г., Форд Г.* Управление это наука и искусство. М., 1992.
27. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/?ysclid=mpxz18i9p858700158.
28. Федор Плевако — биография адвоката и судебные речи. URL: https://biographe.ru/znamenitosti/fedor-plevako.
29. *Хэссет Дж.* Введение в психофизиологию. М., 1981.

30. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб., 2008.
31. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. М., 1981.
32. *Чудина Е.А.* Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности: дисс. к. психол. н. М., 1999.
33. *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.
34. *Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С.* Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.
35. Энциклопедия «Всемирная история»: Консерватизм. URL: https://world_history_dictionary.academic.ru/953/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC?ysclid=mpxz4ylcvx515867251.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-603-617
EDN: XNIHSE

The ideal portrait of the head of law firm: Research methodology and results *

A.A. Oseev

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: oseev.a@mail.ru)

Abstract. The professionally significant personal qualities of the best representatives of the Russian legal profession are a crucial component of the effectiveness of the state's legal system. The relevance of the study of the "ideal portrait of the head of law firm" is determined by the requirements for professional and personal qualities of the lawyer, which are established by the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" [26] and the Code of Professional Ethics of Lawyers [7]. The analysis of scientific research conducted in recent years revealed a number of requirements for personal and professional qualities of successful lawyers under informatization of the Russian legal profession: interest (in the chosen field), morality, communication skills, punctuality, stress resistance [8]. However, the methodological question of how to identify and measure such qualities of employees and candidates for the position of lawyer remains unresolved. The study aims at identifying the degree of compliance of personal qualities of heads of law firms with the author's "ideal model of manager" and at creating a database for the subsequent development of a model of the effective head of law firm and for the successful solution of functional tasks by organizations in the field of jurisprudence. The author suggests an approach for identifying personal qualities of the head of law firm [8]; ways and methods for verifying the identified requirements; and an applied empirical model of the "ideal portrait of the head of law firm". This ideal portrait contains unique features: out of 16 possible personal qualities, 12 are distinctive and dominant for a successful practicing lawyer (less — 11 — are only for heads of educational complexes), which significantly exceeds the "average" for representatives of other professional groups.

Key words: ideal portrait of the lawyer; professiogram; professionally important personal qualities; model of the effective head of law firm; M. Weber's ideal types of social action; preservation of historical traditions; R. Cattell's 16 Personality Factors Test

*© A.A. Oseev, 2026
The article was submitted on 26.11.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

For citation: Oseev A.A. The ideal portrait of the head of law firm: Research methodology and results . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 603–617. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-603-617 EDN: XNIHSE

References

1. Anastasi A., Urbina S. *Psikhologicheskoe testirovanie* [Psychological Testing]. Moscow; 1982. (In Russ.).
2. Aristotle. *Sochineniya* [Works]: in 4 vols. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
4. Weber M. Motivy sotsialnogo deystviya [Motives for social action]. *Izbrannye Proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Woodcock M., Francis D. *Raskreposhchenny menedzher. Dlya rukovoditelya-praktika* [The Unblocked Manager: A Practical Guide to Self-Development.]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Goleman D., Boyatzis R., McKee E. *Emotsionalnoe liderstvo: iskusstvo upravleniya lyudmi na osnove emotsionalnogo intellekta* [Primal Leadership: Realizing the Power of Emotional Intelligence]. Moscow; 2008. (In Russ.).
7. Kodeks professionalnoy etiki advokata s izmeneniyami i dopolneniyami, utverzhdennymi XII Vserossiyskim s`ezdom advokatov 25 aprelya 2025 g. [Code of Professional Ethics of Lawyers with amendments and additions approved by the XII All-Russian Congress of Lawyers on April 25, 2025]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=mia8juseo3467337783. (In Russ.).
8. Korotkova P.E. Lichnost advokata: kachestva, sposobstvuyushchie uspeshnoy professionalnoy deyatelnosti v usloviyah tsifrovizatsii advokatury [The personality of lawyer: Qualities contributing to successful professional activity under digitalization of advocacy]. *Aktualnye Problemy Rossiyskogo Prava.* 2020; 15 (6). (In Russ.).
9. Krichevsky R.L., Dubovskaya E.M. *Psikhologiya maloy gruppy: teoreticheskiy i pri-kladnoy aspekt* [Psychology of Small Group: Theoretical and Applied Aspects]. Moscow; 1991. (In Russ.).
10. Mescon M.H., Albert M., Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Management]. Moscow; 1992. (In Russ.).
11. Metodika mnogofaktornogo issledovaniya lichnosti Cattella [Cattell's Method of Multifactorial Personality Study]. URL: psylab.info/Metodika_mnogofaktornogo_issledovaniya. (In Russ.).
12. Olshansky D.V. *Osnovnye teorii liderstva. Politicheskaya psikhologiya* [Basic Theories of Leadership. Political Psychology]. Moscow; 2002. (In Russ.).
13. Oseev A.A. Sotsialno-psikhologichesky portret rukovoditelya: idealnaya model i sposoby ee izmereniya [Social-psychological portrait of the manager: An ideal model and methods of its measurement]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2011; 1. (In Russ.).
14. Oseev A.A. Sotsialno-psikhologichesky portret vracha v svete motivatsionnoy teorii M. Webera [Social-psychological portrait of the doctor in the perspective of M. Weber's motivational theory]. *Sotsiologiya*. 2017; 1. (In Russ.).
15. Oseev A.A. *Lichnostnye kachestva rukovoditelya kak faktor povysheniya effektivnosti upravleniya organizatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologichesky analiz: kadrovy aspect* [Personal Qualities of the Leader as a Factor in Increasing Efficiency of Organizational Management in Contemporary Russia. Sociological Analysis: Personnel Aspect]: diss. k. sotsiol. n. Moscow; 2018. (In Russ.).
16. Oseev A.A. Empiricheskye modeli struktury lichnostnyh kachestv rukovoditeley: traditsionny tip sotsialnogo deystviya M. Webera (rezultaty prikladnyh issledovaniy) [Empirical models of the structure of managers' personal qualities: M. Weber's traditional type of social action (results of the applied research)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2021; 3. (In Russ.).

17. Oseev A.A. Idealnye tipy sotsialnogo deystviya M. Webera: ”utopiya” ili real-nost? Metodologiya i metodika issledovaniy [M. Weber’s ideal types of social action: “Utopia” or reality? Research methodology and techniques]. *Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
18. Osipov G.V., Lisichkin V.A., Koryagin N.D. *Management*. Moscow; 2011. (In Russ.).
19. Plevako Fedor Nikiforovich. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Plevako_Fedor_Nikiforovich. (In Russ.).
20. Pugachev V.P. *Rukovodstvo personalom* [Personnel Management]. Moscow; 2006. (In Russ.).
21. Raymond Cattell: strukturnaya teoriya chert lichnosti [Raymond Cattell’s structural theory of personality]. URL: https://psychojournal.ru/psychologists/95-reymond-kettel-strukturnaya-teoriya-chert-lichnosti.html?ysclid=mpxyudkrn4672501214. (In Russ.).
22. Rimskaya R., Rimsky S. *Prakticheskaya psikhologiya v testah, ili kak nauchitsya ponimat sebya i drugih* [Practical Psychology in Tests, or How to Learn to Understand Yourself and Others.]. Moscow; 1998. (In Russ.).
23. Serbinovsky B.Yu. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow; 1999. (In Russ.).
24. Sudya narushaet normy prava i etiki. Kak reagirovat na takoe povedenie [The judge violates the norms of law and ethics. How to respond to such behavior]. URL: https://pravo-rus.com/sobyitiya/sudya-narushaet-normy-prava-i-etiki-kak-reagirovat-na-takoe-povedenie.html. (In Russ.).
25. Traditsiya kak osnovnaya forma peredachi mezhpokolennogo opyta [Tradition as the main form of transmitting intergenerational experience]. URL: https://studbooks.net/786642/kulturologiya/traditsiya_osnovnaya_forma_peredachi_mezhpokolennogo_opyta?ysclid=mpxyyj6l9d879174918. (In Russ.).
26. Fayol H., Emerson H., Ford H. *Upravlenie eto nauka i iskusstvo* [Management as Science and Art]. Moscow; 1992. (In Russ.).
27. Federalny zakon “Ob advokatskoy deyatelnosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law “On Advocacy and the Bar in the Russian Federation”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/?ysclid=mpxz18i9p858700158. (In Russ.).
28. Fedor Plevako — biografiya advokata i sudebnye rechi [Fedor Plevako — the lawyer’s biography and court speeches]. URL: https://biographe.ru/znamenitosti/fedor-plevako. (In Russ.).
29. Hassett J. *Vvedenie v psikhofiziologiyu* [A Primer of Psychophysiology]. Moscow; 1981. (In Russ.).
30. Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primenenie* [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
31. Chanyshev A.N. *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [Lecture Course on Ancient Philosophy]. Moscow; 1981. (In Russ.).
32. Chudina E.A. *Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya emotsionalnoy neustoychi-vosti lichnosti* [Psychological Features in the Manifestation of Personal Emotional Instability]: diss. k. psikhol. n. Moscow; 1999. (In Russ.).
33. Shcherbina V.V. *Sredstva sotsiologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya* [Methods of Sociological Diagnostics in Management System]. Moscow; 1993. (In Russ.).
34. Shcherbina V.V., Rodina V.Yu., Erokhin A.S. Metodicheskie rekomendatsii po otsenke ispolzovaniya rabotnikov v kachestve lineynogo rukovoditelya srednego zvena [Methodological Recommendations for Assessing Employees as Middle Line Managers]. Moscow; 1983. (In Russ.).
35. Entsiklopediya “Vsemirnaya istoriya”: Konservatizm [World History Encyclopedia: Conservatism]. URL: https://world_history_dictionary.academic.ru/953/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC?ysclid=mpxz4ylcvx515867251. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 618–627**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-618-627
EDN: XMTWWA

Социология образования и философия критического мышления: возможности формирования гражданской ответственности молодежи*

Н.О. Исак, Т.Е. Тумашбай

Южно-Казахстанский исследовательский университет имени Мухтара Ауезова,
просп. Тауке Хана, 5, Шымкент, 160012, Казахстан

(e-mail: issak_no@mail.ru; tumashbai@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию формирования гражданской ответственности молодежи через синтез социологии образования и философии критического мышления. Исследованы противоречия между социальным запросом на активную гражданскую позицию и ритуализированными практиками образования, которые зачастую воспроизводят пассивность и конформизм. Предложен интегративный подход, объединяющий структурный анализ социологии образования и субъектно-деятельностную перспективу философии критического мышления. В работе описаны структурные барьеры, которые формируют конформный «школьный габитус»: воспроизводство социального неравенства через культурный капитал (П. Бурдье), а также непреднамеренные, но негативные последствия рационального выбора (Р. Будон) способствуют формированию у учащихся конформного, приспособительного школьного габитуса. В качестве концептуального противовеса рассматривается критическое мышление — как набор когнитивных навыков и социально-этических диспозиций. Критическое мышление и рефлексия, интегрированные в образовательный процесс, могут помочь преодолеть так называемое символическое насилие со стороны образовательных институтов и превратить гражданственность из простого заучивания правил в осознанное и самостоятельное действие. Предложенный междисциплинарный подход определяет гражданскую ответственность как динамичный результат взаимодействия институциональных структур и индивидуальной рефлексивной работы.

Ключевые слова: социология образования; критическое мышление; гражданская ответственность; молодежь; гражданское общество; образовательные практики; рефлексивно-деятельностная модель

Для цитирования: *Исак Н.О., Тумашбай Т.Е.* Социология образования и философия критического мышления: возможности формирования гражданской ответственности молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 618–627. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-618-627 EDN: XMTWWA

*© Исак Н.О., Тумашбай Т.Е., 2026
Статья поступила в редакцию 21.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Современное общество переживает период глубокой трансформации, характеризующийся динамичными социально-политическими процессами, цифровой революцией и обострением глобальных вызовов. В этих условиях от молодого поколения требуется не только высокий уровень профессиональной компетентности, но и осмысленная гражданская позиция, основанная на ответственности, солидарности и критической рефлексии. Исследование проблем формирования гражданской ответственности молодежи определяется насущной потребностью общества в социально активных и мыслящих индивидах, способных к конструктивному диалогу, принятию взвешенных решений и участию в преодолении общественно значимых противоречий. Однако наблюдается устойчивый разрыв между декларируемой целью воспитания ответственных граждан и реальными практиками, доминирующими в системе образования. Зачастую гражданско-патриотическое воспитание сводится к формальным мероприятиям и транслированию наборов предустановленных ценностей, что может приводить к ритуализации, отчуждению или поверхностному усвоению норм молодежью: подходы, основанные на теории социального воспроизводства [11], минимизируют потенциал для развития личностной автономии и критической оценки социальных реалий. В результате формируется не осознанная, основанная на рефлексии и личном выборе ответственность, а ее симулякр — внешнее соответствие ожиданиям при дефиците внутренней мотивации к общественному участию.

Парадокс современной образовательной ситуации заключается в том, что в эпоху избытка информации остро ощущается дефицит способности ее критического осмысления. Философия образования давно утвердила критическое мышление в качестве фундаментальной цели обучения [16] — оно понимается не как негативный скепсис, а как направленный интеллектуальный процесс анализа, оценки и реконструкции аргументов, основанный на стандартах рациональности и этической рефлексии. Этот когнитивно-ценностный ресурс представляется ключевым для перевода гражданственности из плоскости пассивного знания о правах и обязанностях в плоскость активного, ответственного действия. Соответственно, наблюдается противоречие: с одной стороны, существует объективный социальный запрос на формирование гражданской ответственности молодежи, с другой — традиционные институциональные практики образования недостаточно эффективны для ее порождения как внутреннего качества автономной личности. Разрешение данного противоречия видится в междисциплинарном синтезе: социология образования предоставляет инструментарий для анализа структурных ограничений и возможностей образовательного института, а философия критического мышления — нормативно-педагогическую основу для развития способностей, необходимых для ответственного гражданского участия.

Исследование выстроено на принципах системного подхода, который позволяет рассмотреть феномен формирования гражданской ответствен-

ности не как изолированный педагогический процесс, а как многоуровневое явление, включенное в сложную структуру социальных взаимосвязей. Образование в этом контексте выступает как целостный социальный институт, выполняющий функции трансляции знаний, социальных норм и культурных ценностей, но одновременно являющийся полем борьбы за символические ресурсы и агентом воспроизводства или трансформации общественных отношений. Системный подход обеспечивает целостность анализа, фокусируясь на взаимовлиянии элементов системы: государственной образовательной политики, институциональных практик учебных заведений, содержания учебных программ, позиции педагогов и агентности обучающихся.

Системный подход, интегрирующий макро-, мезо- и микроуровни анализа, позволяет избежать редукции сложного феномена гражданственности к односторонним объяснениям (результат государственного предписания или спонтанного личностного выбора), задает рамки для последующего синтеза, где структурные ограничения, выявленные социологией образования, контекстуализируют потенциал субъектного преодоления и осмысленного конструирования ответственности, который изучается в русле философии критического мышления. Такой анализ соответствует тенденциям в социологии образования, где системный взгляд на институциональные процессы доминирует. Классические и современные работы демонстрируют, как образование функционирует в рамках более широкого социального порядка: исследования П. Бурдье и Дж. Пассерона раскрывают механизмы символического воспроизводства социального неравенства через систему образования, где образовательные учреждения выступают агентом легитимации культурного капитала доминирующих групп [11]. Этот структурный взгляд дополняется исследованиями Б. Бернстайна, показавшего, как через лингвистические коды и организацию педагогических практик («классификацию» и «фрейминг») воспроизводятся властные отношения и формируется социальная идентичность [8].

На мезоуровне институциональных практик значимы исследования скрытого учебного плана — как через неявные правила, ритуалы и организацию школьного пространства усваиваются нормы подчинения, конкуренции и пассивного принятия социального порядка [5]. Эмпирические исследования образовательных организаций фиксируют, как глобальные политические нарративы трансформируются в локальные практики учителей, испытывающих давление со стороны администрации, родителей и официальных требований [7], что создает поле напряженности, в котором конструируется повседневный педагогический процесс. На микроуровне (анализ агентности обучающихся) молодежь рассматривается не как пассивные реципиенты, а как активные интерпретаторы и в некоторых случаях сопротивляющиеся акторы [2; 22; 25]: студенты в ответ на институциональные требования выра-

батывают собственные, подчас оппозиционные стратегии и смыслы, формируя субъектную позицию в образовательном поле.

Междисциплинарный синтез двух взаимодополняющих исследовательских перспектив — структурной (социология образования) и субъектно-деятельностной (философия критического мышления) — позволяет преодолеть ограничения каждой и создать более полную объяснительную модель формирования гражданской ответственности. Структурная перспектива в социологии образования, восходящая к классическим работам [11], традиционно фокусируется на объективных, зачастую репродуктивных функциях института образования. Современные исследования в этом ключе подтверждают, что образовательные системы воспроизводят социальное неравенство, легитимируют доминирующие дискурсы и формируют предсказуемые, социально детерминированные траектории [7; 13]. Такие работы важны для диагностики системных барьеров — как учебные планы, системы оценки и даже архитектура образовательной среды могут нивелировать индивидуальность, формируя пассивную или конформистскую гражданскую позицию как «естественную» норму. Однако преувеличение структурного детерминизма порождает «дефицитарную» модели молодежи, лишая ее субъектности и способности к сопротивлению или рефлексии.

Напротив, субъектно-деятельностная перспектива [1; 2], делает акцент на потенциале индивида как активного мыслящего агента. Современные педагогические и психологические исследования показывают развитие критического мышления как набора когнитивных навыков (анализ, оценка, вывод) и социально-этических диспозиций (открытость, справедливость, рефлексивность) [14; 24; 26], демонстрируют эффективность конкретных педагогических методов (проблемно-ориентированное обучение, диалогические семинары) [12]. Однако гиперболизация данного подхода ведет к смещениям в абстрактный индивидуализм или «идеализм способностей», к отрицанию того факта, что сама возможность развития и применения критического мышления неравномерно распределена в социальном пространстве и зависит от институционального контекста. Интеграция двух перспектив позволяет увидеть формирование гражданской ответственности как процесс в точке пересечения структурных условий и субъектной работы по их осмыслению и преодолению [9]: подлинная субъектность и ответственность возникают не в вакууме свободного выбора, а во встрече с «другим» и с сопротивлением материала и социальных структур, что требует как понимания этих структур, так и развитой критической рефлексии.

Конкретным инструментом такого синтеза выступает, например, концепция критической педагогики грамотности [4], которая напрямую связывает развитие навыков критического анализа текстов (субъектно-деятельностный уровень) с исследованием властных отношений и социальных неравенств, стоящих за этими текстами (структурный уровень) [18; 19]:

образовательные практики могут одновременно развивать когнитивные навыки учащихся и способствовать их политической и гражданской вовлеченности, наделяя их «словом» для критики и преобразования окружающих условий. Предлагаемый синтез не является механическим сложением двух парадигм — это исследовательская оптика, в которой социология образования задает критический вопрос «почему так трудно», вскрывая институциональные и социальные ограничения, а философия критического мышления отвечает на вопрос «как это возможно», предлагая нормативные основания и педагогические технологии для развития способности к осознанному, ответственному действию внутри и вопреки ограничениям. Такая модель позволяет преодолеть классическую дихотомию «структура vs действие», рассматривая гражданскую ответственность как динамичный результат непрерывного взаимодействия институциональных рамок и индивидуальной рефлексивной работы.

Структурный подход (социология образования) направлен на выявление объективных условий и ограничений, формирующих образовательное пространство. Для этого используется концепция Бурдье, в частности, понятия габитуса (система устойчивых диспозиций к действию и восприятию), поля (образовательное пространство как арена конкуренции) и различных форм капитала, которая позволяет анализировать, как через скрытые учебные планы, педагогические отношения и системы оценок воспроизводится определенный тип гражданственности — часто конформистский и адаптивный. Концептуальный аппарат Бурдье — мощный инструмент для деконструкции того, как школа, будучи относительно автономным «полем», на самом деле легитимирует и воспроизводит доминирующие в обществе властные отношения и классификации. Культурный капитал (знания, языковые коды, культурные практики), унаследованный из семьи, становится ключевым ресурсом успеха в образовательном поле: неравный доступ к культурным ресурсам уже на ранних этапах формирует траектории, влияющие на будущую социальную и гражданскую позицию молодежи [17] (например, долгосрочное влияние родительского культурного капитала на образовательные и профессиональные достижения структурирует возможности полноценного социального участия).

Габитус — своего рода невидимый «внутренний компас» человека, который формируется годами и определяет, как мы видим мир и действуем в нем, часто без раздумий. Процесс формирования габитуса понятен: через повседневный опыт (семья, школа, окружение) мы «впитываем» принципы мышления, вкусы и реакции, которые становятся частью нас самих. Они не лежат на поверхности — мы их не анализируем, но они направляют наши выборы — от манеры речи до отношения к успеху. Габитус — ключевое понятие для понимания, почему социальное неравенство и традиции передаются из поколения в поколение: габитус незаметно воспроизводит

устоявшийся порядок жизни, делая его «естественным». Образовательные институты активно участвуют в формировании специфического «школьного габитуса», который может включать диспозиции к иерархическому подчинению, некритическому принятию авторитетного знания и внешней мотивации достижений, и этот габитус становится основой соответствующей гражданской позиции [23]: практики в высшей школе тонко, но устойчиво прививают обучающимся из разных социальных слоев представления об их «естественном» месте в социальной иерархии, что напрямую влияет на их готовность к публичной артикуляции своей позиции или к лидерству.

Механизм этого процесса — символическое насилие, т.е. мягкое, нефизическое навязывание смыслов и ценностей доминирующей группы как легитимных и нормальных. В контексте гражданского воспитания это может проявляться в безальтернативном представлении определенной модели патриотизма, истории или общественного устройства, исключающем возможность их проблематизации. Символическое насилие эффективно именно благодаря своей невидимости — оно превращает социально сконструированные иерархии в «данные от природы» [21]. Структурный подход в социологии образования раскрывает фундаментальные барьеры на пути формирования неконформистской, критической гражданской ответственности: сама архитектура образовательной системы, действуя как машина социального воспроизводства, может систематически подавлять инициативу, рефлексию и критику, производя адаптивных субъектов, чья гражданственность ограничивается рамками предустановленных и легитимированных институтом ролей. Соответственно, развитие критической и ответственной позиции требует не только адекватных педагогических приемов, но и рефлексии над структурами образовательного поля.

Теория методологического индивидуализма Будона акцентирует внимание на непреднамеренных последствиях агрегированных индивидуальных действий в рамках социальных систем, показывая, как институциональные правила и образовательные траектории, рациональные на микроуровне, могут на макроуровне приводить к неожиданным эффектам, например, к росту социального неравенства в доступе к ресурсам, формирующим активную гражданскую позицию [10]. Дело в том, что совокупность рациональных с точки зрения индивида решений в условиях ограниченных ресурсов и социальной конкуренции порождает стабильные и несправедливые социальные структуры. В образовании это ярко проявляется в модели образовательного выбора: семьи, стремясь максимизировать пользу и минимизировать риски для своих детей, руководствуются не только академическими критериями, но и логикой социального позиционирования, что приводит к «образовательному бегству» — когда более обеспеченные и информированные семьи концентрируются в сильных школах и образовательных секторах, что в совокупности усиливает сегрегацию и снижает общее качество образова-

тельной системы для менее привилегированных групп [15]. Рациональная на уровне семьи стратегия инвестирования в культурный капитал ребенка оборачивается макроэффектом блокировки социальных лифтов и возрастания неравенства возможностей. Применительно к формированию гражданской ответственности неравный доступ к ресурсам развития критического мышления и социального участия имеет кумулятивный эффект: обучающиеся из менее ресурсных образовательных сред, сталкиваясь с ограниченным доступом к дискуссионным клубам, проектной деятельности, качественному обществознанию или программам студенческого самоуправления, оказываются в менее выгодной позиции для развития навыков и диспозиций гражданского и политического участия [20].

Синтез идей Бурдье и Будона в рамках структурного подхода дает комплексное представление о барьерах: Бурдье вскрывает механизмы символического воспроизводства через габитус и культурный капитал, а Будон — механизмы социальной селекции и агрегации индивидуальных выборов, которые в итоге также поддерживают статус-кво. Оба подхода констатируют, что образовательная система, будучи ареной конкуренции, объективно (вос) производит и легитимирует структурное неравенство, которое, в свою очередь, напрямую подрывает идеалы демократического гражданства, основанного на равных возможностях участия, критической рефлексии и общественной ответственности. Структурный подход четко показывает: образовательная система в ее нынешнем виде часто выступает фактором социального и гражданского неравенства, а не механизмом его устранения. Соответственно, развитие критического мышления выступает не только как когнитивная задача, но и как этический императив, наделяющий молодого человека способностью к осознанному выбору внутри и вопреки существующим системным ограничениям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: современная система образования зачастую подменяет реальное воспитание ответственности формальными мероприятиями, что ведет к «ритуализации» и отчуждению молодежи от гражданских ценностей (институциональный разрыв); образовательные институты функционируют как механизмы социального воспроизводства, где через «скрытый учебный план» и символическое насилие закрепляются асимметричные властные отношения и пассивные социальные диспозиции (воспроизводство неравенства); индивидуально рациональные стратегии семей по накоплению культурного капитала на макроуровне усиливают сегрегацию, ограничивая доступ молодежи из менее ресурсных групп к практикам развития активной гражданственности; преодоление структурного детерминизма возможно через междисциплинарный синтез, где социология диагностирует системные ограничения, а философия критического мышления предлагает инструменты развития субъектности (синтетическая модель); развитие когнитивных навыков анализа (субъект-

ный уровень) в сочетании с пониманием социальных иерархий (структурный уровень) — ключевой механизм формирования устойчивой гражданской позиции (критическая грамотность).

Сегодня формирование гражданской ответственности молодежи невозможно посредством трансляции готовых ценностных наборов. Традиционные образовательные практики, функционирующие в логике социального воспроизводства, зачастую подавляют агентность обучающихся, превращая гражданственность в форму внешней лояльности. Необходима новая, рефлексивно-деятельностная модель образования, в которой образовательная среда выступает не просто как пространство передачи знаний, но и как поле активного конструирования смыслов. Иными словами, целенаправленная интеграция принципов и практик развития критического мышления в образовательный процесс, осмысленный через социологическую оптику, способна преодолеть формально-ритуальный характер гражданского воспитания и сформировать у молодежи устойчивую диспозицию к осознанной гражданской ответственности, трансформировав ее из внешне навязанной обязанности в личностно значимый проект [9].

Для этого необходимы следующие механизмы: во-первых, синтез структурного (социологического) и субъектно-деятельностного (философско-педагогического) подходов — чтобы не только диагностировать глубинные институциональные барьеры, выявленные в рамках методологического индивидуализма [10] и теорий социального воспроизводства [11], но и предложить конкретные ответы на эти вызовы в виде педагогики критического мышления. Во-вторых, развитие критического мышления как медиатора, который способен трансформировать пассивное усвоение социальных норм в их активную осмысленную интернализацию. Практики, ориентированные на развитие критической рефлексии, аргументации и способности решать сложные социальные проблемы (проблемно-ориентированное обучение или философские семинары), создают условия, при которых гражданские ценности и установки не навязываются, а конструируются обучающимся в процессе диалога и исследования благодаря росту когнитивной вовлеченности, толерантности к неопределенности и готовности к публичной дискуссии [26].

В-третьих, преодоление формализма в образовании возможно не через замену одного набора лозунгов другим, а через создание образовательной среды, где усвоение знаний неразрывно связано с рефлексией их ценностных оснований и социальных последствий и апробируется в модельных или реальных социальных практиках. Такой подход позволяет сформировать не сиюминутную реакцию, а устойчивую диспозицию — внутреннюю готовность действовать ответственно в разных жизненных контекстах. Формирование осознанной гражданской ответственности требует двойного движения — критического осмысления структур и институтов, в которых происходит

воспитание (социологическая оптика), и внедрения педагогических технологий, развивающих способность к автономному суждению, этической рефлексии и действию (оптика критического мышления).

Библиографический список/References

1. *Дьюи Дж.* Как мы мыслим / Dewey J. *Kak my myslim* [How We Think]. URL: https://vikent.ru/enc/2073. (In Russ.).
2. *Фрейре П.* Педагогика угнетенных. М., 2018 / Freire P. *Pedagogika ugnetennyh* [Pedagogy of the Oppressed]. Moscow; 2018. (In Russ.).
3. *Уиллис П.* Учимся трудиться: как дети из рабочего класса получают работу в рабочем классе / Willis P. *Uchimsya truditsya: kak deti iz rabochego klassa poluchayut rabotu v rabochem klasse* [Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs]. URL: https://www.arasite.org/willisltol.html.
4. Adams S.R. Critical literacy 2023. URL: https://www.ebsco.com/research-starters/education/critical-literacy.
5. Apple M., Apple M.W. *Ideology and Curriculum.* Routledge; 2004.
6. Ball S.J. The errors of redemptive sociology or giving up on hope and despair. *British Journal of Sociology of Education*. 2020; 41 (6).
7. Ball S.J. *Class Strategies and the Education Market: The Middle Classes and Social Advantage.* Routledge; 2003.
8. Bernstein B.B. *Class, Codes and Control. Vol. 3 : Towards a Theory of Educational Transmissions.* London: Routledge and Kegan Paul; 1977.
9. Biesta G. *World-Centered Education: A View for the Present.* Routledge; 2021.
10. Boudon R. *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society.* Wiley; 1974.
11. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in education. 1990. URL: https://monoskop.org/images/8/82/Bourdieu_Pierre_Passeron_Jean_Claude_Reproduction_in_Education_Society_and_Culture_1990.pdf.
12. Shahab C., Barak M. Critical thinking in higher education: Identifying the pedagogical practices and modes of engagement. *Thinking Skills and Creativity*. 2026; 59.
13. Guerrero Banyai C. Closed doors: Barriers to equitable access to post-secondary education for lower-income and first-generation students in Canada. 2023. URL: https://www.academia.edu/100197659/Closed_doors_Barriers_to_equitable_acces.
14. Ennis R.H. Critical thinking across the curriculum: A vision. *Topoi*. 2018; 37.
15. van de Werfhorst H.G., Mijs J.B. Achievement inequality and the institutional structure of educational systems: A comparative perspective. *Annual Review Sociology*. 2010; 36.
16. Hitchcock D. Critical thinking. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2024. (Издание организации, включенной Министерством юстиции РФ в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.)
17. Jaeger M.M., Breen R. A dynamic model of cultural reproduction. *American Journal of Sociology*. 2016; 121 (4).
18. Janks H. *Literacy and Power*. Routledge; 2009.
19. Janks H. Critical literacy's ongoing importance for education. *Journal of Adolescent & Adult Literacy.* 2014; 57 (5).
20. Janmaat J.G., Mostafa T., Hoskins B. Widening the participation gap: The effect of educational track on reported voting in England. *Journal of Adolescence*. 2014; 37 (4).
21. Edgerton J.D., Roberts L.W. Cultural capital or habitus? Bourdieu and beyond in the explanation of enduring educational inequality. *Theory and Research in Education*. 2014; 12 (2).
22. Ogbu J.U., Simons H.D. Voluntary and involuntary minorities: A cultural-ecological theory of school performance with some implications for education. URL: https://faculty.washington.edu/rsoder/EDUC305/OgbuSimonsvoluntaryinvoluntary.pdf.

23. Kimelberg S.M., Iantosca M.H., Wu F., Mills L. The reception on campus: Differences in students' experiences deploying cultural capital in college. *British Journal of Sociology of Education*. 2024; 46 (2).
24. Santos Meneses L.F. Critical thinking perspectives across contexts and curricula: Dominant, neglected, and complementing dimensions. *Thinking Skills and Creativity.* 2020; 35.
25. Mills M., Keddie A., Renshaw P., Monk S. *The Politics of Differentiation in Schools.* Routledge; 2018.
26. Abrami P.C., Bernard R.M., Borokhovski E., Waddington D.I., Anne Wade C., Persson T. Strategies for teaching students to think critically: A meta-analysis. *Review of Educational Research*. 2015; 85 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-618-627
EDN: XMTWWA

Sociology of education and philosophy of critical thinking: Developing civil responsibility of young people*

N.O. Isak, T.E. Tumashbay

Mukhtar Auezov South Kazakhstan Research University,
Prosp. Tauke Khan, 5, Shymkent, 160012, Kazakhstan

(e-mail: issak_no@mail.ru; tumashbai@mail.ru)

Abstract. The article provides a theoretical-methodological basis for developing civil responsibility of the youth through a synthesis of sociology of education and philosophy of critical thinking. The authors consider contradictions between social demand for active citizenship and ritualized educational practices, which often reproduce passivity and conformism. The proposed integrative approach combines structural analysis of sociology of education and subject-activity perspective of philosophy of critical thinking. The article describes the structural barriers that determine the conformist "school habitus": reproduction of social inequality through cultural capital (P. Bourdieu) and unintended but negative consequences of rational choice (R. Boudon) contribute to the formation of the conformist, adaptive school habitus. Critical thinking as a set of cognitive skills and social-ethical dispositions is considered as a conceptual counterweight. Critical thinking and reflection integrated into the educational process can help overcome the so-called symbolic violence of educational institutions and transform citizenship from mere memorization of rules into conscious and independent action. The proposed interdisciplinary approach defines civil responsibility as a dynamic result of the interaction between institutional structures and individual reflective work.

Key words: sociology of education; critical thinking; civil responsibility; youth; civil society; educational practices; reflection-activity model

For citation: Isak N.O., Tumashbay T.E. Sociology of education and philosophy of critical thinking: Developing civil responsibility of young people. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 618–627. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-618-627 EDN: XMTWWA

* © N.O. Isak, T.E. Tumashbay, 2026
The article was submitted on 21.12.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 628–637**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637
EDN: XMESFW

Российское и китайское общество за последние двадцать лет*

С.В. Козин[1], Т.П. Жидяева[2]

[1] Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344082, Россия

[2] Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова — Алатырский филиал,
ул. Первомайская, 70, Алатырь, 429820, Россия

(e-mail: mister.svk92@yandex.ru; tanya21_84@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Изменения в социальной структуре российского и китайского общества за последние 20 лет» (отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 568 с.). В книге представлены результаты анализа преобразований социально-структурного характера, наблюдаемых в России и Китае, тенденции их развития в ответ на современные глобальные вызовы. В книге охарактеризованы изменения в демографической, региональной и поселенческой структурах, а также в структуре семьи, брачно-семейных отношениях и в сфере занятости; рассмотрена трансформация структуры доходов и сопутствующие ей изменения в моделях потребления; особое внимание уделено проблеме цифрового разрыва и специфике социальной мобильности в эпоху модернизации. Книга основана на материалах государственной статистики и результатах масштабных социологических опросов, проведенных российскими и китайскими исследовательскими группами. Один из ключевых выводов авторов книги состоит в том, что в сложившейся общественной, хозяйственной и геополитической обстановке Россия, наделенная богатыми людскими ресурсами и мощной сырьевой базой, доставшейся ей по наследству от Советского Союза, не утратила возможностей для проведения коренных реформ, и основная цель государства — выработка действенных способов использования этого потенциала для перемен в социальной области, формирования прочного фундамента для продолжительного экономического роста, улучшения качества жизни и обеспечения общественного спокойствия.

Ключевые слова: глобальные вызовы; изменения; Китай; материальные и нематериальные формы неравенства; Россия; социальная структура; эпоха модернизации

---

*© Козин С.В., Жидяева Т.П., 2026
Статья поступила в редакцию 26.10.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: *Козин С.В., Жидяева Т.П.* Российское и китайское общество за последние двадцать лет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 628–637. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637 EDN: XMESFW

В августе 2025 года вышла седьмая коллективная монография в серии научных изданий, посвященных результатам российско-китайского сотрудничества — «Изменения в социальной структуре российского и китайского общества за последние 20 лет» [7] (первая монография увидела свет в 2012 году [2]). Забегая вперед, скажем, что рецензируемая книга обещает стать важным вкладом в изучение актуальных социальных трансформаций двух стран и продолжает цикл исследований ученых из Института социологии ФНИСЦ РАН) и Института социологии Китайской академии общественных наук. Структурно книга состоит из введения, девяти разделов и библиографии. Ее содержание составляют результаты масштабных исследований межпоколенной социальной мобильности и проблем социального неравенства и справедливости в Китае и России (2014–2020 и 2021–2023).

Мы остановимся на наиболее интересных, по нашему мнению, разделах книги и кратко охарактеризуем остальные. В первом разделе отмечено, что изучение социальной структуры имеет фундаментальное значение для понимания динамики развития общества. Между тем теоретические рамки такого анализа варьируют от марксистского акцента на классовой борьбе и экономическом детерминизме до веберовского внимания к статусу, власти и бюрократии (С. 45–46, 53–57), поэтому для России и Китая, стран с уникальными историческими траекториями и социокультурными особенностями, эти теории требуют адаптации и критической рефлексии (С. 69–70).

После распада Советского Союза Россию захлестнула волна радикальных перемен, ознаменовавших стремительный переход к рыночной экономике, что привело к формированию новой социальной структуры, характеризующейся значительным имущественным неравенством, появлением олигархических групп и «размыванием» среднего класса [14]. Анализ этих процессов требует учета не только экономических факторов, но и политических, культурных и институциональных контекстов. В Китае с его причудливым «социализмом с китайской спецификой» был выбран иной, самобытный путь: сохраняя политический контроль, Коммунистическая партия реализовала масштабные экономические реформы, которые привели к невероятному экономическому росту и значительному улучшению уровня жизни, но в то же время породили социальные противоречия: растущее неравенство между городом и деревней, миграцию из сельской местности в города и проблемы социаль-

ной мобильности. Сравнительный анализ социальной структуры России и Китая дает ценные уроки для понимания разных моделей развития и выявления общих тенденций, таких как усиление социального расслоения, рост потребительской культуры и изменение ценностных ориентаций. Важно учитывать, что социальная структура не статична, а постоянно эволюционирует под влиянием экономических, политических, технологических и культурных факторов.

Во втором разделе показано, что демографические изменения в Китае и России представляют собой сложную картину, «сотканную» из переплетающихся «нитей» старения населения, снижения рождаемости и миграции, которые оказывают глубокое влияние на экономику, социальную структуру и геополитические приоритеты обеих стран, одновременно вызывая широкий спектр общественных реакций. Экономический бум стал «спусковым крючком» для урбанизации и повышения уровня образования, что вместе с изменением ценностей привело к снижению рождаемости. Общество реагирует на эти процессы неоднозначно: с одной стороны, растет осознание необходимости поддержки пожилых (их число неуклонно увеличивается), с другой — опасения по поводу нехватки трудовых ресурсов и устойчивости пенсионной системы.

Россия, начиная с 2017 года, вошла в новую полосу депопуляции: по официальным данным, естественная убыль населения за 2017 год составила более 135 тысяч человек, за 2020 год — 702 тысячи, за 2024 — 596 тысяч (С. 94–95). К сожалению, аналитические прогнозы (вплоть до 2030 года) довольно пессимистичны, поэтому усилия соответствующих ведомств должны быть сосредоточены на стимулировании рождаемости и ощутимом повышении уровня жизни, что пока сделать не удается. Кроме того, при проведении реформ необходимо учитывать и такой важный параметр, как возрастная структура населения. Так, средний возраст неуклонно повышался — с 34,9 лет в 1990 году до 40,7 года в 2023 году, у россиянок более стремительно — с 37,4 до 43 лет (у мужчин — с 32,1 до 38,1) (С. 96–97).

Миграция хотя и является важным источником пополнения трудовых ресурсов, также порождает социальную напряженность. Общественное восприятие демографических проблем в России характеризуется тревогой за будущее страны, опасениями по поводу сокращения населения и снижения глобальной роли страны. Так, доля детей и молодежи в России сокращается: с 24,5 % в 1989 году до 18,6 % в 2023 году (С. 97). Уменьшение доли молодого поколения влечет за собой целый ряд социально-экономических последствий, требующих стратегического планирования [4; 9. С. 352–353]: уменьшение числа потенциальных работников в будущем может привести к дефициту рабочей силы («кадровому голоду»), замедлению экономического роста и уве-

личению нагрузки на пенсионную систему. Также сокращение численности молодых специалистов может негативно сказаться на инновационном потенциале страны и ее способности адаптироваться к новым технологическим вызовам. Важнейшим фактором успеха является не только экономическая поддержка, но и изменение общественного сознания [1. С. 314, 326–327, 435–436] — формирование положительного отношения к семье и детям, благоприятной среды для воспитания подрастающего поколения.

В Китае семейные ценности, долгое время игравшие центральную роль, также подверглись изменениям. Традиционная модель большой семьи постепенно уступает место нуклеарной семье, ориентированной на индивидуальные цели и достижения. Глобализация и распространение западной культуры оказали значительное воздействие на систему ценностей китайского общества, а политика одного ребенка, проводившаяся на протяжении десятилетий, привела к гендерному дисбалансу и ускоренному старению. В Китае снижается доля граждан в работоспособном возрасте (с 15 до 64 лет): с 2000 по 2010 годы отмечался стабильный рост доли этой категории (до 74,5 %), а затем доля трудоспособных граждан начала снижаться (С. 119–120).

В третьем разделе описаны беспрецедентные трансформации института семьи и брачности в России и Китае в нынешнем столетии, обусловленные множеством социально-экономических и культурных факторов (С. 139, 167–168). Традиционные модели брака и семейных отношений претерпевают существенные изменения, уступая место новым формам и практикам. В России после демографического кризиса 1990-х государство стремится укрепить институт семьи через разные программы поддержки, однако традиционные ценности сталкиваются с растущей индивидуализацией и стремлением к самореализации. По данным Всероссийской переписи населения видно, что уменьшается число домохозяйств, в которых проживают несовершеннолетние дети: с 51,7 % в 2002 году до 39,6 % в 2021 (С. 140). Растет количество незарегистрированных браков, откладывается возраст вступления в брак, увеличивается число разводов, особенно в крупных городах (С. 147–150).

В Китае до сих пор ощущаются последствия демографической политики «Одна семья — один ребенок» (1979–2015) в виде гендерного дисбаланса и необратимого изменения структуры китайских семей [12]. Урбанизация и экономический рост способствовали смещению ценностного акцента на карьеру и образование, что, в свою очередь, влияет на брачные решения. По данным переписей населения, с 1982 по 2020 годы в Китае наблюдалось уменьшение среднего числа членов домохозяйств — с 4,41 до 2,62 человек (С. 169), что говорит о продолжающейся тенденции уменьшения размеров семей. Растет популярность

поздних браков, уменьшается рождаемость, расширяются возможности женщин в профессиональной сфере, однако в сельской местности традиционные ценности продолжают формировать представления о семье и браке. В целом трансформация института семьи и брачности в России и Китае — сложный и динамичный процесс, отражающий глубокие социальные и культурные изменения. Будущее этих институтов будет определяться сочетанием традиционных ценностей, новых социальных норм и технологических возможностей.

В четвертом разделе рассмотрена динамика профессиональной структуры в России и Китае, которая характеризуется значительными изменениями, отражающими глобальные тенденции, национальные особенности и стремительные темпы экономического развития. В России постперестроечные годы ознаменовались переходом от индустриальной экономики к экономике услуг, что повлекло за собой увеличение доли занятых в сфере торговли, финансов и информационных технологий (С. 193–194). При этом традиционные отрасли промышленности продолжают играть существенную роль, но испытывают потребность в модернизации и привлечении квалифицированных кадров. Так называемые «российские социальные лифты “заржавели”» — критерии служебного продвижения все чаще определяются не уровнем образования или индивидуальными качествами (как считают 19 % россиян), а скорее социальным статусом, обусловленным наличием «капитала (67 %), властью (58,2 %) и “связями с нужными людьми” (57 %)» [10. С. 39]. В Китае благодаря политике реформ и открытости произошел стремительный рост промышленного производства и экспортно-ориентированной экономики (С. 212–213), что привело к формированию огромного рынка труда, ориентированного на производство и сферу услуг, обслуживающую экспортную экономику (С. 219–220), и сегодня Китай сталкивается с необходимостью перехода к более инновационной и устойчивой модели развития, что требует переориентации профессиональной структуры на наукоемкие отрасли и высокотехнологичные производства.

Для обеих стран актуальна проблема несоответствия между потребностями рынка труда и образованием, что ведет к дефициту квалифицированных специалистов в одних областях и избытку в других [10]. Развитие цифровой экономики и автоматизация производства диктуют необходимость постоянного повышения квалификации и переподготовки кадров, а также развития гибких форм занятости. В России и Китае предпринимаются усилия по развитию системы профессионального образования и переобучения, однако для достижения устойчивого и сбалансированного развития профессиональной структуры требуется комплексный подход, включая сотрудничество государства, бизнеса и образовательных учреждений.

В пятом разделе рассмотрено «доходное неравенство» — неотъемлемая черта современного мира, приобретшая особую остроту в Китае и России — странах, переживших глубокие социальные и экономические трансформации. В Китае стремительный экономический рост последних десятилетий привел к значительному увеличению доходов, однако распределены они крайне неравномерно. Разрыв между богатыми прибрежными провинциями и бедными сельскими районами, между высококвалифицированными специалистами и низкооплачиваемыми работниками порождает социальное напряжение и ставит под вопрос принцип дистрибутивной справедливости. В России после периода рыночных реформ 1990-х годов также наблюдается значительная концентрация богатства в руках узкой группы лиц, «избыточные социальные неравенства» [3. С. 735]. Неравномерное распределение доходов, усугубляемое коррупцией и недостаточной социальной мобильностью, вызывает у населения чувство несправедливости и подрывает доверие к институтам власти.

М.К. Горшков обобщает результаты многолетних исследований Института социологи ФНИСЦ РАН в «формуле “стабильность без развития”. Люди очень высоко ценят то, что было достигнуто за предшествующие годы, но постоянно жить в условиях, когда нет каких-то динамических изменений, оценивая при этом ситуацию положительно, для многих… означало бы поддерживать данную консервацию. И эта часть населения не столько за стабильность выступает, сколько за перемены» [1. С. 364]. Представление о дистрибутивной справедливости в Китае и России тесно связано с историческим контекстом и культурными ценностями: в Китае традиционное конфуцианское представление о необходимости иерархии и социального порядка сосуществует с современными требованиями равенства возможностей и социальной защиты; в России с ее советским прошлым неравенство воспринимается особенно болезненно, вызывая ностальгию по более справедливому распределению благ [6; 8; 11].

В шестом разделе описаны изменения в паттернах потребления: в России после советского периода дефицита и ограничений потребительские предпочтения смещаются в сторону импорта, брендовых вещей и развлечений (С. 290–291), растет спрос на жилье, автомобили и туристические поездки [16; 17], наблюдается значительный рост рынка платных медицинских услуг. Постепенно Россия попала в «ловушку» зависимости от товаров широкого потребления, поставляемых Китаем, что оказывает глубокое воздействие на российскую экономику и геополитическую позицию. После распада Советского Союза образовалась зияющая брешь в отечественном производстве — многие отрасли, некогда гордость страны, пришли в упадок, а Китай с его бурно развивающейся экономикой и способностью производить товары массового спроса по конкурентоспособным ценам быстро заполнил этот вакуум. Простота

импорта и привлекательные цены сделали китайские товары предпочтительным выбором для многих россиян, но эта доступность имеет свою цену — ослабление отечественного производства и растущая зависимость от иностранного поставщика, что подчеркивает необходимость диверсификации экономики и инвестиций в отечественное производство.

В Китае экономический бум привел к стремительному росту среднего класса [13] и взрыву потребительского спроса. Китайские потребители становятся все более уверенными в себе и требовательными, отдавая предпочтение качественным товарам и услугам, инновациям и технологиям (С. 316, 319). Молодое поколение активно формирует новые потребительские тренды, ориентируясь на глобальные тенденции и сохраняя связь с национальными корнями. Модернизация меняет паттерны потребления, трансформируя их в сложную и динамичную систему, отражающую меняющиеся ценности и стремления общества.

В седьмом разделе показана ключевая роль социальной мобильности в формировании стратификационных процессов и в России (С. 355–356), и в Китае (С. 378–379). В обеих странах исторический контекст, экономическая политика и социокультурные факторы оказывают неоднозначное влияние на механизмы социальной мобильности и ее воздействие на структуру общества. С одной стороны, социальная мобильность способствует формированию более открытого и динамичного общества, предоставляя возможности для индивидуального успеха и развития, с другой стороны, может усугублять неравенство и социальную напряженность, если ее механизмы неэффективны и не обеспечивают равные возможности.

В восьмом разделе объясняется, почему технологический переход оказал фундаментальное влияние на производственный базис Китая и России. Однако пути двух стран к модернизации расходятся в стратегиях и результатах, порождая как преднамеренные, так и непредвиденные последствия. Китай, изначально опиравшийся на дешевую рабочую силу и экспортноориентированную модель, предпринял амбициозные шаги по технологическому перевооружению, инвестируя огромные средства в научные исследования и разработки, а также в привлечение зарубежных технологий, что позволило Китаю стать одним из мировых лидеров, но усилило социальное неравенство и породило экологические проблемы. Россия, столкнувшись с необходимостью диверсификации экономики и ухода от сырьевой зависимости, также делает ставку на технологический переход (С. 411–416), но попала в зависимость от импортных технологий и не может устранить возрастающий цифровой разрыв между регионами. Успешность технологического перехода в обеих странах будет зависеть от способности преодолеть существующие вызовы, создать благоприятный инвестиционный климат и обеспечить социальную справедливость в эпоху цифровой трансформации.

В заключительном разделе *охарактеризованы* изменения поселенческой и региональной структур в России и Китае, которые отражают масштабные процессы урбанизации, экономического развития и демографической трансформации. Обе страны, обладающие обширными территориями и сложной историей, сталкиваются с уникальными вызовами и возможностями в сфере пространственного развития. Так, в России после распада Советского Союза произошел заметный отток населения из менее развитых регионов (сел) в крупные города, особенно в Москву и Санкт-Петербург, что привело к усилению региональных диспропорций. Экономическая активность сконцентрировалась в нескольких крупных агломерациях, в то время как многие малые города и сельские поселения пришли в упадок [6. С. 181–183]. Государственная политика направлена на поддержку регионального развития, улучшение инфраструктуры и создание благоприятных условий для бизнеса в периферийных регионах, однако ощутимых результатов пока добиться не удалось. Так, наиболее значительное убывание численности жителей наблюдалось в Дальневосточном регионе, а «разрыв в оплате труда в городе и деревне сохраняется и даже увеличивается» (С. 480). В Китае урбанизация идет беспрецедентными темпами — миллионы людей мигрируют из сельской местности в города в поисках работы и лучшей жизни. Крупные города на восточном побережье превратились в глобальные экономические центры, в то время как внутренние и западные регионы остаются менее развитыми. Правительство реализует масштабные программы по развитию инфраструктуры, поддержке малых городов и поселков, стимулированию экономического развития в отстающих регионах, стремясь к более сбалансированному пространственному развитию.

В книге представлены подтверждающие перечисленные выше тенденции эмпирические данные — не только ИС ФНИСЦ РАН, но также ВЦИОМ, ИНСАП РАНХиГС, НИУ ВШЭ и т.д. Однако работа носит слишком описательный характер, ей не достает акцента на мерах по оптимизации реализуемых программ, например, пенсионной реформы, вызвавшей неоднозначные реакции населения [1. С. 365–366]. Также в книге крайне фрагментарно освещены события пандемии и значимые общественные протесты, цифровое неравенство и те риски, что несет размывание границ между общественными и личными (персональными) данными.

Библиографический список

1. *Горшков М.К.* «Есть такая профессия — общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М., 2020.
2. *Горшков М.К., Голенкова З.Т., Пэйлинь Л.* Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М., 2012.
3. *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.

4. *Дорохина О.В., Синельников А.Б., Барков С.А.* Запад, Россия и Китай: системы наследования и пути развития экономики // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
5. *Козин С.В., Жидяева Т.П.* Рецензия на книгу «От прекарной занятости к прекаризации жизни» // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1.
6. *Козин С.В., Жидяева Т.П.* Новые вызовы для российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
7. *Козин С.В., Жидяева Т.П.* К 75-летию со дня рождения академика РАН М.К. Горшкова: социолог-теоретик и социолог-аналитик массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18. № 4.
8. *Коленникова Н.Д.* Социальная справедливость и неравенство в зеркале российского общественного мнения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
9. *Мареева С.В.* Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
10. *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
11. *Тупикова В.А., Мисяутова Е.К., Мурзиков Л.Е.* Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
12. *Cai W., Xie Yu.* Raising hope: The impact of intergenerational mobility on fertility desire in China // Chinese Journal of Sociology. 2025. Vol. 11. No. 3.
13. *Darity W.A., Ruiz I.* Caste, class, race, and inequality: Insights for economic policy // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40. No. 3.
14. *Dekalchuk A.A., Grigoriev I.S., Smyth R.* Popular conservatisms and the structure of Russian society // Post-Soviet Affairs. 2025. Vol. 41. No. 1.
15. *Kozyreva P.M., Zhu Di., Nizamova A.E., Smirnov A.I.* Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 1.
16. *Kozyreva P.M., Zhu Di., Smirnov A.I.* Comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China // RUDN Journal of Sociology. 2025. Vol. 25. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637
EDN: XMESFW

Russian and Chinese society over the past twenty years*

S.V. Kozin[1], T.P. Zhidyaeva[2]

[1] Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344082, Russia

[2] I.N. Ulyanov Chuvash State University — Alatyr Branch,
Pervomaiskaya St., 70, Alatyr, 429820, Russia

(e-mail: mister.svk92@yandex.ru; tanya21_84@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the collective monograph *Changes in the Social Structure of Russian and Chinese Societies over the Past Twenty Year*s" (Ed. by M.K. Gorshkov, Li Peilin, P.M. Kozyreva, M.F. Chernysh. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 568 p.). The book presents the results

*© S.V. Kozin, T.P. Zhidyaeva, 2026
The article was submitted on 26.10.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

of the analysis of social-structural transformations in Russia and China and the trends in their development in response to contemporary global challenges. The book describes changes in the demographic, regional and settlement structures, in family models, marital and family relations and employment; explains the transformation of income structure and accompanying changes in consumption patterns; pays special attention to digital divide and social mobility in the era of modernization. The book is based on government statistics and sociological surveys conducted by Russian and Chinese research teams. One of the authors' key conclusions is that in the current social, economic, and geopolitical environment, Russia, endowed with abundant human and natural resources inherited from the Soviet Union, has not lost the ability to implement fundamental reforms. The state should focus on developing effective ways to use this potential for social change and sustainable economic growth, to improve quality of life and ensure public peace.

Key words: global challenges; changes; China; material and immaterial forms of inequality; Russia; social structure; era of modernization

For citation: Kozin S.V., Zhidyaeva T.P. Russian and Chinese society over the past twenty years. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 628–637. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637 EDN: XMESFW

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 638–644**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-638-644
EDN: XFRPOB

Три силы цифрового капитализма*

И.В. Чеховский[1], Т.И. Чеховский[2]

[1]Аналитический центр ВЦИОМ
ул. Пречистенка, 38, Москва,119034, Россия,

[2]Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: chekhovskiy_i@wciom.com; 1132221204@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу С. Пфайффер «Цифровой капитализм и распределительные силы», в которой предложен новый теоретический подход к пониманию современной капиталистической динамики. Авторы рецензии выделяют ключевой неологизм Пфайффер — «распределительные силы» (реклама, логистика, контроль и предсказание), которые, в отличие от производительных сил, нацелены не на создание, а на реализацию стоимости. В этом смысле книга объединяет марксистскую политэкономию и концепцию К. Поланьи, критикуя кажущуюся «нематериальность» цифрового капитализма. Авторы отмечают эвристическую ценность предложенной концепции, а также обоснованность критики идей Д. Шиллера и М. Бетанкура.

Ключевые слова: критическая политическая экономия; цифровой капитализм; распределительные силы; реализация стоимости; платформенная экономика

Для цитирования: *Чеховский И.В., Чеховский Т.И.* Три силы цифрового капитализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 638–644. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-638-644 EDN: XFRPOB

Книга немецкого социолога и экономиста С. Пфайффер вносит значимый вклад в критическую оценку цифрового капитализма инструментами политэкономии. В отличие от преобладающих в данной области работ, акцентирующих внимание на технологической новизне цифрового капитализма (индустрия 4.0, искусственный интеллект, платформы) или его экстрактивных механизмах (надзорный капитализм), Пфайффер опирается на марксистское понятие «производительных сил» и идею «великой трансформации» К. Поланьи и вводит категорию «распределительные силы», призванную объяснить структурный сдвиг в современном капитализме — от оптимизации производства к оптимизации

*© Чеховский И.В., Чеховский Т.И., 2026
Статья поступила в редакцию 06.04.2026. Статья принята к публикации 12.05.2026.

реализации стоимости: «Главная проблема современного развитого капитализма — это реализация произведенных стоимостей на рынках. Стратегии рыночного расширения и потребления составляют основные элементы все более значимого и все более конкурентного поля. Наряду с производительными силами, направленными на порождение стоимости, все более важными становятся силы, нацеленные на реализацию стоимости» [1. С. 19]. Иными словами, цифровизация интересна Пфайффер не сама по себе, а как инструмент решения давней капиталистической проблемы — продажи того, что произведено в избытке [6].

Свою исходную гипотезу Пфайффер формулирует так: в условиях развитого глобального капитализма, характеризующегося перманентным перепроизводством и обострением конкуренции за ограниченный платежеспособный спрос (потребителя), «узким горлышком» становится не создание стоимости, а ее реализация на рынке. Соответственно, цифровизация оказывается востребована не столько как производительная сила (хотя и этот аспект сохраняется), сколько как средство снижения рисков и издержек обращения, расширения рынков и стимулирования потребления. Термин «распределительные силы» охватывает всю совокупность технологических, организационных и институциональных мер, направленных на обеспечение быстрой, безрисковой и долгосрочной реализации прибавочной стоимости.

Пфайффер подчеркивает, что данная проблема не нова, но ее масштаб и значимость сегодня беспрецедентны: «Конкуренция на глобальных рынках по-прежнему заставляет искать максимально дешевые формы производства. Но еще более важной становится конкуренция за недостаточное число покупателей. Усилия корпораций, нацеленные на повышение эффективности и оптимизацию, все больше ориентированы на рынок, который они стремятся обслуживать с большей скоростью, более планомерно и применяя таргетирование» [1. С. 18]. Именно здесь цифровизация оказывается «особенно полезной», хотя и не решает фундаментальной проблемы, а усугубляет ее: цифровизация — инструмент, пригодный лишь ограниченное количество времени, поскольку расширение рынков и стимуляция потребления посредством цифровизации неизбежно создают новые дисбалансы, усугубляя кризисные тенденции капитализма, ускоряя движение к экологической и социальной катастрофе. Таким образом, интенсификация гонки за потребительским спросом лишь увеличивает частоту экономических кризисов.

Пфайффер выделяет три основные распределительные силы: реклама и маркетинг (формирование и таргетирование потребительского желания); транспорт и складирование (физическая доставка товара к месту реализации); контроль и предсказание (интеграция цепочек создания и реализации стоимости через цифровые системы управления, ERP-

системы (планирования ресурсов предприятия — Enterprise Resource Planning), большие данные и алгоритмы). Важно подчеркнуть, что распределительные силы не вытесняют производительные, а становятся их доминирующей подсистемой, т.е. Пфайффер говорит не о цифровом капитализме как таковом, а о капитализме распределительных сил как новой фазе капитализма. Эта фаза сохраняет базовую логику присвоения прибавочной стоимости, но центр конкурентной борьбы смещается в сферу оборота: «Новизна распределительных сил заключается не в мотивации, стоящей за их применением, и не в их внутреннем системном значении для розницы, продаж и прибыли… при развитом глобальном капитализме новизна состоит в их относительном значении, выросшем среди других производительных сил» [1. С. 292].

Методологически книга выстроена как последовательное выявление и преодоление двух «слепых пятен» в актуальных дискуссиях. Первое — «размывание» категории стоимости: Пфайффер подробно разбирает концепции Д. Шиллера (автор термина «цифровой капитализм») и М. Бетанкура, показывая, что оба не дают удовлетворительного ответа на вопрос, где и как создается стоимость в цифровую эпоху. Шиллер, сосредоточившись на геополитике и материальной инфраструктуре, фактически не затрагивает вопросы стоимости, а Бетанкур, апеллирующий к «нематериальности», впадает в противоречие, отождествляя стоимость с меновой стоимостью и подменяя производство реализацией. Опираясь на идеи М. Маццукато (в частности, работу «Ценность всех вещей») [2; 3]), Пфайффер показывает, что неоклассическое вытеснение вопроса о стоимости идеологически мотивировано, а марксистская дихотомия потребительной и меновой стоимости сохраняет аналитическую силу и для цифровых продуктов. Последние, несмотря на свою кажущуюся «нематериальность», всегда имеют физический субстрат (код, серверы, электропитание), а их стоимость по-прежнему определяется живым трудом, включая неоплачиваемый труд пользователей: «код — это не ничто; какие-то вещи он позволяет делать, а какие-то — нет… нематериальное также содержит определенную сферу назначения, возможной полезности, т.е. потребительную стоимость» [1. С. 130].

Второе «слепое пятно» — недооценка сферы обращения (реализации) в классическом марксизме. Пфайффер обращается к работам К. Поланьи [5], реконструируя его тезис о том, что великая трансформация состояла в превращении труда и природы в товар. Однако, по мнению автора, Поланьи и Маркс (а вслед за ними и большинство современных теоретиков) проигнорировали вопрос о том, как функционирует сфера продаж, но именно здесь происходит новая «великая трансформация»: реализация стоимости становится критической проблемой и одновременно самостоятельной сферой капиталовложений.

Три распределительные силы — не технологическая случайность, а системный ответ на имманентную капитализму тенденцию к перепроизводству и кризисам: «Перепроизводство, расширение и потребление, как и соответствующая им потребность постоянно ускорять оборот товаров и денег и в то же время снижать издержки предприятия в целом, не могут целиком и полностью объясняться одной лишь Цифрой: судя по всему, мы имеем дело с экономическими механизмами, которые обладают огромным физическим измерением, пусть оно часто и упускается на уровне анализа» [1. С. 287].

Эмпирическая часть монографии носит иллюстративный характер — демонстрирует эвристический потенциал предложенной концепции. Сравнивая ключевые показатели компаний GAFAM (Google, Amazon, Facebook[1], Apple, Microsoft) с традиционными производителями (Volkswagen, Tesla) и софтверным гигантом SAP, Пфайффер показывает, что наиболее успешны те компании, которые сумели монополизировать распределительные силы. Особое внимание она уделяет Amazon, которую определяет как «торговый капитал 4.0», — компания извлекает прибыль не из производства, а из организации доступа к рынку, логистики и предсказания спроса: «Среди всех корпораций GAFAM Amazon во многих отношениях представляется особым случаем… Расходы на распределительную силу “транспорт и складирование” составили 37,9 миллиарда долларов, т.е. 13,5 % годового дохода» [1. С. 385]. Эти цифры показывают, что Amazon не столько технологическая компания, сколько логистический гигант, значительная часть прибыли которого возникает благодаря контролю над оборотом товаров.

Пфайффер выделяет два катализатора современной реализации стоимости. Первый — венчурный капитал, обещающий бесконечное расширение рынка, однако на деле часто приводящий к созданию инвестиционных пузырей: «Венчурный капитал часто считают “святым Граалем масштабирования”, тогда как крупные инвестиционные компании называют, соответственно, “монстрами масштабирования”» [1. С. 357]. Второй катализатор — «вездесущее потребление», формирующее привыкание и автоматизирующее акт покупки через цифровые интерфейсы (дизайн продуктов целенаправленно вырабатывает у пользователей поведенческие зависимости) [7].

Завершая книгу, Пфайффер обращается к нормативному измерению современного цифрового капитализма: распределительные силы, обслуживающие логику бесконечного роста, вступают в непримиримое противоречие с конечностью природных ресурсов и репродуктивными способностями человека. Искусственный интеллект и машинное

[1] Принадлежит корпорации Meta, запрещенной на территории Российской Федерации

обучение, вопреки техно-оптимистическим нарративам, не снимают это противоречие, а напротив, усугубляют его, порождая непреднамеренные разрушительные эффекты: «углеродный выброс от обучения одного-единственного ИИ/МО (искусственного интеллекта/машинного обучения) почти в пять раз больше среднего автомобиля с двигателем внутреннего сгорания (включая производство автомобиля и его эксплуатацию в течение всего жизненного цикла) и равен 300 перелетам между Сан-Франциско и Нью-Йорком» [1. С. 423–424].

Книга Пфайффер обладает рядом несомненных достоинств: вводит четко операционализируемое понятие «распределительные силы», которое позволяет связать микроуровень организационных и технологических практик с макроуровнем капиталистической динамики; демонстрирует продуктивность синтеза марксистской политэкономии и институционального подхода Поланьи, избегая как экономического детерминизма, так и техноцентризма; обоснованно критикует распространенные в цифровых исследованиях иллюзии «нематериальности» и «нулевых предельных издержек», включая в анализ физические, экологические и трудовые аспекты. Особого внимания заслуживает критика «калифорнийской идеологии» и техно-либертарианства: Пфайффер показывает, что обещания цифрового изобилия и децентрализации на деле оборачиваются новой концентрацией власти и богатства — «даже Всемирный экономический форум готов прописать хотя бы “немного марксизма”, под чем имеется в виду безусловный базовый доход. Но цель в этом контексте — не защитить людей от обнищания, вызванного тем, что цифровизация способна уничтожить множество рабочих мест, но поддержать массовое потребление, на которое опирается капитализм» [1. С. 22]. Так, высказывания марксистов, что корпорации в своей деятельности ориентируются лишь на прибыль, считаются однобокими и вызывают критику, а обсуждение социальной ответственности тех же корпораций, сводимой лишь к «увеличению прибыли», принимается как нечто самоочевидное.

Оценить новизну подхода Пфайффер помогает его соотнесение с другими влиятельными теориями в данной области. Так, в отличие от Ш. Зубофф, делающей акцент на экстракции «поведенческого излишка» и надзоре как новой форме накопления [4], Пфайффер считает, что надзор сам по себе есть лишь средство, а целью остается гарантированная реализация стоимости. Зубофф пишет о «надзорном капитализме» как о новой логике, но Пфайффер показывает, что это лишь оцифрованная версия старой логики капитала, но с беспрецедентной степенью интенсификации: «Мой предмет — не новый капитализм, а скорее определенная динамика, которая приобрела большее значение в рамках самого капитализма» [1. С. 312]. Другая теория — «платформенно-

го капитализма» Н. Срничека, в которой платформы представлены как новый тип бизнес-модели. Однако Пфайффер показывает, что платформы — лишь одно из проявлений распределительных сил, причем далеко не единственное: традиционные промышленные предприятия, внедряющие ERP-системы и цифровые интерфейсы с клиентами, также участвуют в гонке распределительных сил. В этом смысле подход Пфайффер оказывается более общим и объясняет не только появление Uber или Airbnb, но и трансформацию уже существующих индустрий.

Работа Пфайффер — пример теоретически строгой и социально ангажированной критической политэкономии, способной конкурировать с мейнстримными социально-экономическими и культурно-критическими подходами в предоставлении концептуальных инструментов для понимания глубинных противоречий цифровой трансформации современного мира. В отношении «цифрового капитализма» Пфайффер настроена достаточно скептично, но не исключительно негативно: цифровизация сама по себе не является ни освободительной, ни разрушительной силой — она усиливает имманентные свойства капиталистического способа производства. Поэтому любые попытки регулирования или альтернативного использования цифровых технологий должны начинаться не с технологического дизайна, а с изменения целевых установок — необходимо перенести акцент с максимизации реализации стоимости на обеспечение воспроизводства социального и природного капиталов: «Если бы мы могли последовательно проводить такую цифровизацию на глобальном уровне, у нас возникла бы вполне цифровая экономика, однако она больше не была бы (более или менее цифровым) капитализмом» [1. С. 430].

Библиографический список

1. *Пфайффер С.* Цифровой капитализм и распределительные силы / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2026.
2. *Маццукато М.* Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.
3. *Маццукато М.* Предпринимательское государство: развеем мифы о государстве и частном секторе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023.
4. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
5. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
6. Маркетплейсы в России: новая эра электронной торговли. 28.02.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/marketpleisy-v-rossii-novaja-ehra-ehlektronnoi-torgovli?ysclid=mqfue7cphv289294263.
7. Настоящее и будущее рекламы: ИИ, персонализация и покупки из контента. 23.03.2026. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchee-i-budushchee-reklamy-ii-personalizacija-i-pokupki-iz-kontenta.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-638-644
EDN: XFRPOB

Three forces of digital capitalism*

I.V. Chekhovsky[1], T.I. Chekhovsky[2]

[1]VCIOM Analytical Center,
Prechistenka St., 38, Moscow, 119034, Russia

[2]RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: chekhovskiy_i@wciom.com; 1132221204@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of S. Pfeiffer's book *Digital Capitalism and Distributive Forces*, which proposes a new theoretical approach to understanding contemporary capitalist dynamics. The authors highlight Pfeiffer's key neologism "distributive forces" (advertising, logistics, control and forecasting), which, unlike productive forces, aim not at creating but at realizing value. In this sense, the book combines Marxist political economy and K. Polanyi's conception, criticizing the apparent "immateriality" of digital capitalism. The authors note the heuristic value of the proposed concept and reasonable criticism of the ideas of D. Schiller and M. Bettencourt.

Key words: critical political economy; digital capitalism; distributive forces; value realization; platform economy

For citation: Chekhovsky I.V., Chekhovsky T.I. Three forces of digital capitalism. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 638–644. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-638-644 EDN: XFRPOB

* © Chekhovsky I.V., Chekhovsky T.I., 2026
The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 645–652**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652
EDN: XCBZUZ

История российской государственной службы: социально-стратификационный и профессионально-образовательный аспекты*

В.С. Мухаметжанова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткий социологический обзор фундаментальной исторической работы С.В. Волкова «Элитные социальные группы и государственная служба в России» (М.: Ruinaissance, 2026. 420 с.). Социологическое «измерение» книги обусловлено тем, что за представленными в ней «большими историческими данными» и основанными на них объяснениями общей логики эволюции российской государственной службы просматриваются значимые для социологического анализа тематические линии: региональная (географически-политическая) дифференциация российского общества; методические ограничения любой социально-стратификационной модели; исторически традиционные (воспроизводящиеся) ее особенности («вертикаль власти», механизмы, факторы и барьеры социальной мобильности, аномические разрывы и профессиональная/корпоративная солидарность).

Ключевые слова: государственная служба; российское общество; гражданская и военная государственная служба; социальные группы; элита; (само) воспроизводство; профессиональный служилый слой; законодательство; образование

Для цитирования: *Мухаметжанова В.С.* История российской государственной службы: социально-стратификационный и профессионально-образовательный аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 645–652. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652 EDN: XCBZUZ

Социологи, изучающие особенности становления и функционирования российской государственной службы как социального института и социально-профессиональной группы, как правило, опираются на библиографические источники двух типов: историко-социологические реконструкции [3; 6; 7; 13] и исследовательские проекты, в разном соотношении сочетающие элементы теоретического и эмпирического, фундаментального и прикладного анализа [2; 4; 5; 8; 9; 12; 14; 15; 17–19]. Рецензируемая книга

*© Мухаметжанова В.С., 2026
Статья поступила в редакцию 05.04.2026. Статья принята к публикации 12.05.2026.

не очень вписывается в этот условный список, но заслуживает внимательного прочтения — для знакомства не столько с огромным по объему и историческому охвату количественным материалом (из множества источников, систематизированным по разным основаниям, представленным в абсолютных и относительных значениях для лучшего понимания выявленных тенденций), сколько с выстроенными на этой основе авторскими интерпретациями, которые содержат важные с социологической точки зрения характеристики государственной службы. В отдельных случаях они прямо прописаны в тексте, но чаще скорее считываются читателем с социологической подготовкой, вызывая ассоциации со знакомыми концепциями, когда автор пишет про пути комплектования управленческого корпуса (законодательно обозначенные и фактические), изменения его численности и доли в населении, особенности развития государственного аппарата и вооруженных сил, порядок поступления на государственную гражданскую службу и траектории ее прохождения, отмечая некоторые социально-демографические характеристики «профессионального служилого слоя» в современном смысле (доход, жилищные условия, образ жизни, брачные ограничения и т.д.).

Формально содержание книги разбито по историческим эпохам развития государственной службы в России. В первой части представлены периоды Киевской Руси и Московского царства. Во второй части эпоха Российской империи в силу своей продолжительности разбита на четыре раздела в соответствии с изменениями в положении рассматриваемых социальных групп в результате развития административного и военного аппарата и совершенствования социального и служебного законодательства: каждый раздел последовательно характеризует статус, организацию и численность сословных групп, состояние государственного аппарата и вооруженных сил, систему чинов и практики чинопроизводства, условия и обеспечение службы, состав и социальные характеристики чиновничества и офицерства. В третьей части «рассматриваются некоторые общие закономерности, присущие развитию элитных групп Российской империи, и излагаются результаты исследования высшей страты профессионального служилого слоя (на материале более 36 тысяч лиц «генеральских» чинов) XVIII — начала XX веков» (С. 5). С социологической точки зрения наиболее интересны те количественно и качественно описанные особенности российской государственной службы, которые в значительной степени характерны для нее и сегодня (по крайней мере выглядят как исторически обусловленные, традиционные) или вызывают ассоциации с классическими социологическими теориями и современными эмпирическими наблюдениями. Попробуем обозначить эти особенности в порядке упоминания в книге, а не по степени значимости для читателя-социолога, который скорее всего будет просматривать насыщенные цифрами страницы по вертикали или, напротив, будет сосредоточенно изучать отдельные из них, используя книгу как справочное издание по интересующим вопросам.

Во-первых, то, что мы сегодня называем выраженной региональной дифференциацией российского общества, а в тексте упоминается уже на первых страницах как «конкретные географические и политические обстоятельства (в частности, обширность территории при малой плотности населения, занимаемое русским государством положение на окраине европейского и христианского мира, длительное нахождение в зависимости от Золотой Орды)» (С. 3–4), например, «Смута более всего повлияла на состав провинциального дворянства, которое сменилось очень сильно» (С. 65).

Во-вторых, методические комментарии автора относительно используемых источников и формулируемых на их основе выводов (с теми же проблемами фрагментарности данных постоянно сталкиваются социологи). С одной стороны, это многочисленные и разнообразные официальные издания (законодательство, статистические и архивные материалы) и труды просопографического характера. С другой стороны, эти данные охватывают далеко не все хронологические периоды и социальные группы, например, для IX–XIII веков, «что касается степени самовоспроизводства элитных слоев… то для самой массовой их части никаких надежных данных не существует» — С. 16; «в XVII веке учет русских офицеров был сильно запутан в результате отсутствия единых органов управления» — С. 47; «для конца XIX века систематических данных о числе чиновников нет» — С. 228. В свете подобных объективных ограничений автор, по сути, признает, что представляет читателю не законченную и закрывающую все вопросы картину, а мозаичное полотно — говорит о «попытке рассмотреть историю формирования, порядок комплектования, численность и степень воспроизводства элитных групп» (С. 4), «сделать достаточно убедительные выводы» (С. 7).

В-третьих, традиционная «вертикаль власти» в управлении российским обществом: «при московских князьях еще в первой половине XIV века выдвигаются несколько родов, играющих в дальнейшем виднейшую роль в комплектовании московского боярства… степень концентрации власти в руках немногих ведущих родов в XIV — первой половине XV века была исключительно велика» (С. 22, 23); «к середине XVI века вполне уже сложился круг родов, представители которых из поколения в поколение входили в состав Думы и занимали высшие дворцовые должности и получали все важные назначения по военной и гражданской службе» (С. 31). «В условиях практического самовоспроизводства высших страт служилого слоя степень монополизации высших должностей и чинов наиболее знатными родами оставалась исключительно высока на протяжении всего аристократического периода российской государственности, несколько снизившись лишь в XVII веке» (С. 67). Эта модель сохраняется (только критерии «элитности» и факторы монополизации власти изменились), несмотря на то что уже с XVII века «в результате развития военных и административных структур в составе служилого слоя приобретают все большее значение функци-

ональные группы» (С. 35), и, «хотя происхождение по-прежнему играло решающую роль в продвижении, но в дворяне и выборные городовые дети боярские могли производиться и за заслуги» (С. 42). В той или иной степени концентрация власти в руках нескольких «групп» сохраняется, но меняется «тип» этих групп в российской истории (номенклатура, олигархия и пр.).

В-четвертых, исторические изменения критериев социальной стратификации. Первоначально «специального понятия аноблирования или иного формального причисления человека к категории "служилых людей по отечеству" в виде соответствующего акта не было, но принадлежность каждого конкретного лица к этому слою определялась совершенно однозначно: членом его был всякий, несший службу с поместья или вотчины» (С. 25); «к XVII веку в России наблюдается уже весьма четкое деление населения на обособленные сословные группы, которое на протяжении столетия продолжало усугубляться… Элитные группы были представлены служилыми людьми "по отечеству", к которым примыкала приказная бюрократия, духовенство и привилегированные купеческие корпорации» (С. 57); «преобразование дворянского сословия в самом конце XVII — первом десятилетии XVIII века шло по пути превращения слоя служилых людей "по отечеству" в офицерство и чиновничество регулярной армии и нового государственного аппарата» (С. 80) (Табель о рангах и петровская идея автоматического аноблирования за достижения по службе). В дальнейшем управленческий аппарат развивается в общеевропейской логике (но с принципиальными особенностями) веберовской профессионализации и рационализации, поэтому типичная для «аристократических» обществ (Московская Русь) структура и модель воспроизводства элитных социальных групп радикально изменилась в типичном «бюрократическом» обществе (Российская империя) (С. 357).

С этой точки зрения материал книги выступает фактографической иллюстрацией известных концептуальных построений П.А. Сорокина о социальной мобильности, каре и награде, «социальных лифтах» и барьерах для социального продвижения. Например, уже в XVII веке «основу материального благосостояния служилого слоя составляли земельные держания» — не как вознаграждение за службу, а как необходимое условие ее несения, однако поместья могли отбираться за провинности (неявку на смотры, бегство со службы и пр.), тем самым человек автоматически выбывал из сословия (С. 51, 57); денежный оклад/жалованье служилого слоя был «показателем социального статуса, так как его величиной определялся и размер штрафа за бесчестье» (С. 53). «Государство, исходя из необходимости поддержания нужного ему соотношения между потребностями фиска и службы, последовательно проводило политику, направленную на максимальную обособленность всех вообще сословных групп, но прежде всего это касалось служилых людей "по отечеству"» (С. 57). В результате в XVIII веке «из трех основных элитных групп духовенство было наиболее замкнутой и практически пол-

ностью самовоспроизводящейся, дворянство — более открытой снизу и воспроизводилось из собственной среды не более чем на 80 %, а купечество, состав которого был непостоянен даже в одном поколении, самовоспроизводилось не более чем наполовину» (С. 105–106).

Образование (один из сорокинских «социальных лифтов») становится важным механизмом социальной мобильности уже в XIX веке — когда оформилась система гражданских и военных учебных заведений (С. 177), и даже наиболее уважительной причиной отпуска со службы (хотя, как и любая отлучка с места службы, он считался нежелательным и был крайне затруднен) считалось завершение образования (С. 195). В XIX веке «весь образованный слой в значительной степени самовоспроизводился, сохраняя культурные традиции своей среды (наряду с тем, что большинство членов этого слоя вошли в него путем собственных заслуг, их дети практически всегда оставались в его составе, получая соответствующее образование)… однако постоянно и чем дальше, тем больше, пополнялся лицами из низших сословий» (С. 217). Во второй половине XIX века «важнейшее значение для производства в первый классный чин приобрело окончание учебного заведения, а для производства в первый офицерский чин это стало обязательным условием» (С. 251–252), и далее «абсолютное большинство профессионального служилого слоя в целом (офицерства и рангового чиновничества) имело недворянское происхождение… это было закономерным следствием того обстоятельства, что при расширении системы среднего и высшего образования, служащей основным поставщиком кадров государственного аппарата, дворяне стали составлять среди учащихся и студентов все меньшую долю» (С. 287–288). К началу XX века «профессиональный служилый слой был в целом наиболее образованной частью общества. Не только до 90 % деятелей российской науки и культуры происходило из этой среды, но и подавляющее большинство их были чиновниками и офицерами. Наиболее образованной группой в России было именно чиновничество, и на государственную службу шло абсолютное большинство выпускников вузов» (С. 300).

В-пятых, радикальные изменения состава, функций и специфики комплектования элитных социальных групп в тяжелые исторические периоды (аномические в дюркгеймианской трактовке [11]), например, «столь масштабной единовременной смены элитного слоя ни до Смуты начала XVIII века, ни после этого в российской истории до начала XX века не наблюдалось»: «Большинство дворян и детей боярских погибли в эти годы, и персональный состав дворянства значительно обновился, в том числе его высших слоев… Для пополнения численности служилых людей “по отечеству” пришлось наделить поместьями и перевести в эту категорию значительное число… служилых людей “по прибору”» (С. 34). Масштабные реформы не порождали столь радикальных изменений: так, в ходе петровского реформирования «существенной смены социального состава верхних и средних слоев служилого

слоя не произошло… важнейшим итогом его трансформации… стало формальное оформление в виде единого и равного в своих правах и обязанностях дворянского сословия… Реформы коренным образом изменили принцип комплектования служилого сословия, широко открыв в него путь на основе выслуги и положив начало его постоянному и интенсивному обновлению. Неофиты полностью абсорбировались средой, в которую вливались, и не меняли ее характеристик в каждом новом поколении, но в целом это была новая элита, отличная по психологии и культуре от предшественников XVII века. Прозрачность сословных границ имела важное значение для социально-политической стабильности… если до того сословные границы были почти непроницаемы, то теперь приток в дворянство постоянно возрастал» (С. 98).

В-шестых, традиционное отсутствие «корпоративной солидарности» у управленческого аппарата: до второй половины XVII века «понятие родовой чести было центральным в психологии служилого человека, и он готов был терпеть опалы и унижения, лишь бы своей уступкой не нанести ущерба роду, своим родственникам и потомкам… На фоне такой гипертрофии понятий о родовой и служебной чести в Московский период совершенно отсутствуют понятия о чести корпоративной… соответственно, и о личной чести служилого человека как представителя своего сословия… Поэтому дворянам и детям боярским была чужда и забота о “чистоте” своих рядов, и понятие о достоинстве своего социального положения» (С. 60), современные проявления чего почти ежедневно упоминаются в медийной повестке. С другой стороны, уже с XVII века российское духовенство стало самовоспроизводиться как «автономная корпоративная структура» (С. 72), превратилось в «фактически замкнутое сословие, так как пополнение его со стороны было ничтожным… в XVIII веке оно еще больше консолидировалось и получило новые привилегии » (С. 103), причем «если на самом верху церковная иерархия смыкалась с государственной, то во всем остальном церковь и духовенство как корпорация представляли собой автономную структуру, в гораздо меньшей степени связанную с государством и от него зависимую, чем дворянство» (С. 125) — все это мы можем наблюдать и сегодня.

Что может несколько смутить читателя-социолога, так это вынесенное в название книги понятие «элитные социальные группы». Понятие элиты достаточно устойчиво в междисциплинарном научном дискурсе [1; 10; 16], но в социологии практически не встречается в указанном сочетании (кстати, в тексте не дается концептуальное определение элиты — уточняются только компоненты ее операционального определения в исторической перспективе). Автор исходит из того, что «социальные системы почти всех традиционных обществ включают примерно одинаковый набор высших (элитных) групп — таких социально-профессиональных или сословных групп, которые по своему статусу, престижу или благосостоянию стоят выше массы рядового населения и обычно составляют не более 5–10 % всего населения (в тексте аналогичные цифры приводятся не всегда, нередко просто констатируется «немногочислен-

ность профессионального управленческого аппарата»). Степень связи таких социальных групп с государством и создаваемыми ими институтами (прежде всего с государственной службой) формирует важные особенности, отличающие данное общество от себе подобных. Особенно большое значение имеет этот фактор в последние столетия существования традиционных обществ, когда, с одной стороны, формируются полноценный бюрократический аппарат и регулярная армия, а с другой — с появлением новых элитных профессиональных групп, комплектуемых из различных (не только элитных) слоев общества, сословное деление постепенно утрачивает значение» (С. 3). Социология все же оперирует более обобщенными типологиями, поэтому социологические модели стратификации четко разводят традиционные общества с сословным и классовым делением и современные общества с социально-групповой стратификацией, и понятие элиты в социологии не применяется к тем эпохам прошлого, о которых идет речь в книге. Однако такие расхождения исследовательской оптики и категориального аппарата обусловлены понятийной и методической спецификой двух дисциплин (истории и социологии), и просто следует помнить о ней в ходе «социологического чтения» исторических изданий.

Библиографический список

1. *Борщевский Г.А.* Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // Полития. 2018. № 1.
2. *Борщевский Г.А.* Социологический портрет высшей бюрократии в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
3. *Голосенко И.А.* Социальная идентификация рядового чиновничества в России начала XX века: историко-социологический очерк // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.
4. *Деханова Н.Г.* Социология государственной службы. М., 2024.
5. *Мухаметжанова В.С., Ивлев Е.А.* Проблемы и перспективы будущей профессиональной деятельности в оценках студентов направления «государственное и муниципальное управление» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1.
6. *Мухаметжанова В.С., Ишмухаметов Р.Р.* Социологически значимая историческая реконструкция одной эпохи в истории российской гражданской службы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
7. *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
8. Социология государственного и муниципального управления в России / отв. ред. Н.Г. Чевтаева. М., 2024.
9. *Тев Д.Б.* Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
10. *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // Политические исследования. 2016. № 4.
11. *Троцук И.В.* «Классическая» аномия и ее концептуальные «уточнения» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
12. *Троцук И.В., Рындина А.С.* Ценностные приоритеты государственных служащих в собственных и внешних оценках: результаты кейс-стадии // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы. М., 2023.

13. *Чевтаева Н.Г.* Патримониализм в служебных отношения российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований) // Социологические исследования. 2022. № 6.
14. *Fortescue S.* Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. No. 4.
15. *Garifullina G.* The best among the connected (men): Promotion in the Russian state apparatus // Post-Soviet Affairs. 2023. Vol. 39. No. 5.
16. *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet nomenklatura to the Russian elite // S. White, D. Nelson (Eds.). The Politics of the Post-Communist World. London, 2019.
17. *Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // Russian Peasant Studies. 2018. Vol. 3. No. 1.
18. *Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K.* The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58. No. 3.
19. *Trotsuk I.V., Ivlev E.A.* Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // RUDN Journal of Sociology. 2016. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652
EDN: XCBZUZ

History of the Russian civil service: Social-stratificational and professional-educational aspects*

V.S. Mukhametzhanova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St.,6, Moscow,117198, Russia

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru)

Abstract. The article presents a brief sociological overview of the fundamental historical work by S.V. Volkov *Elite Social Groups and Russia's Civil Service* (Moscow: Ruinaissance; 2026. 420 p.). The sociological "dimension" of the book is determined by the fact that behind its "big historical data" and explanations of the general logic of the evolution of the Russian civil service, there are thematic lines significant for sociological analysis: regional (geographical-political) differentiation; methodological limitations of any social-stratification model; its historical traditional (reproducible) features ("vertical of power", mechanisms, factors and barriers to social mobility, anomic gaps and professional/corporate solidarity).

Key words: civil service; Russian society; civil and military government service; social groups; elite; (self) reproduction; professional civil service stratum; legislation; education

For citation: Mukhametzhanova V.S. History of the Russian civil service: Social-stratificational and professional-educational aspects . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 645–652. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652 EDN: XCBZUZ

*© V.S. Mukhametzhanova, 2026
The article was submitted on 05.04.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 653–661**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-653-661
EDN: XAXEOY

Два экспертных «дискурса» о школьном образовании*

Р.Р. Ишмухаметов

Институт развития образования Республики Башкортостан,
ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Россия

(e-mail: rustish@list.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткую обзорную рецензию на две книги: работу шотландского педагога и психоаналитика А. Нилла «Саммерхилл. Воспитание свободой» (с предисловием Э. Фромма; пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчанинова. М.: Изд-во «Почин», 2025. 378 с.) и сборник интервью с российскими школьными учителями «Звоночек для учителя: производственные интервью» (сост. Л.Р. Гафиатуллин, А.А. Комарова; М.: Изд-во «Напильник», 2025. 224 с.). В статье обозначены принципиальные для понимания предлагаемой Ниллом модели школы элементы ее организации и функционирования, а также лежащие в основе данной модели философские, психологические и педагогические идеи автора, сумевшего реализовать свой социально-утопический проект в экспериментальном формате. Несмотря на разделяющие две книги десятилетия, экспертный взгляд гуманистически ориентированного педагога и директора школы оказался созвучен нарративам нынешних российских учителей — в характеристике «социальных болезней» современного общества и воспроизводимой в нем школьной системы обучения и воспитания, а также «бюрократических болезней» школы как особого типа социальной организации и сообщества.

Ключевые слова: школа; воспитание; обучение; современное общество; свобода; (школьное) самоуправление; системный подход; гуманистический подход; школьный учитель; школьная администрация

Для цитирования: *Ишмухаметов Р.Р.* Два экспертных «дискурса» о школьном образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 653–661. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-653-661 EDN: XAXEOY

В 2025 году в небольших российских издательствах вышли две книги о школе, которые объединяет формат повествования (в социологической терминологии это нарративы по результатам длительного, включенного, участвующего наблюдения [5]), тематические линии и идейные акценты, несмотря на хронологический разрыв более чем в половину века. Первая книга — «Саммерхилл. Воспитание свободой» — написана А. Ниллом, он заявлен в аннотации как педагог и психоаналитик, «новатор в области образования и защитник личной свободы ребенка», который «начал свой экс-

*© Ишмухаметов Р.Р., 2026
Статья поступила в редакцию 30.03.2026. Статья принята к публикации 12.05.2026.

перимент по воспитанию счастливых детей почти сто лет назад, создав теперь уже легендарную школу Саммерхилл» (С. 4). Книга — перевод издания 1960 года, подготовленного Ниллом в возрасте 84 лет по итогам многолетней деятельности и четырех ранее опубликованных книг и интервью, судя по заключительной главе с ответами на вопросы, видимо, наиболее частотные в управленческо-педагогической практике Нилла за всю его профессиональную и просвещенческую деятельность.

Это крайне интересное чтение для исследователей и практиков в сфере школьного образования, независимо от дисциплинарной подготовки и опыта работы, потому что многолетние наблюдения автора встроены в многочисленные философские, педагогические, психоаналитические, гуманистические, политэкономические и прочие научно-практические контексты. Более того, автор предельно честен с читателем и не скрывает за абстрактными рассуждениями и детальными описаниями «кейсов» (детей, ситуаций, решений и пр.) свои неудачи, ошибки и сомнения (в частности, представлен полный текст доклада инспекторов британского правительства по результатам проверки школы Саммерхилл и комментарии Нилла относительно его текста и подхода инспекторов), что позволяет рекомендовать книгу широкому кругу читателей — каждый может выбрать в ней, благодаря детализированному содержанию, наиболее интересные или важные для себя разделы. Если же читатель не считает нужным знакомиться с подобными автоэтнографическими описаниями, то философско-идейную интерпретацию книги представил Э. Фромм в Предисловии, которое предваряет авторское напутствие читателю.

Попробуем обозначить наиболее важные идеи Нилла, не утратившие актуальности и дискуссионности до сегодняшнего дня. Во-первых, это идея прогрессивного образования как основанного на идеях свободы, демократии и самоопределения (по Фромму [9]), которая оказалась извращена (по Фромму и Ниллу), прежде всего, вследствие движения за укрепление дисциплины. Фромм объясняет это движение тем, что доминировавшая в истории человечества явная форма власти (открытое навязывание своих принципов посредством физической силы) с конца XX века, особенно в образовании, но в принципе повсеместно, сменилась диктатом власти анонимной, которая «склонна скрывать свое лицо, делает вид, что никакой власти вовсе нет, а все делается с согласия самого человека» (психологическое манипулирование — С. 9). Фромм объясняет смену типов власти организационными потребностями индустриального массового общества, в основе функционирования которого лежат принципы иерархически организованной бюрократии, — человек становится винтиком огромной машины, «объектом управления и манипуляций» на производстве и в потреблении. Эта машина «создает людей со стандартизированными вкусами, людей, на которых легко повлиять и чьи потребности можно предугадать… они чувствуют себя сво-

бодными и независимыми… но готовы без какого-либо сопротивления вписаться в социальную машину» (С. 10).

Выступая против этой стандартизации, Нилл разработал и применил в своей экспериментальной школе принципы воспитания в логике «власть не маскирует систему манипуляций» (С. 11–13): каждый ребенок обладает полноценной способностью любить жизнь и интересоваться ей; цель образования — работать с радостью и обрести счастье (интерес и любовь к жизни [8]); образование затрагивает не только интеллектуальную, но и эмоциональную сферу, и вторая должна быть приоритетной, поскольку обеспечивает искомый синтез разума и чувств; образование призвано развивать способности ребенка, удовлетворяя его психические потребности; догматически навязываемая дисциплина и система наказаний порождают только страх, а он — враждебность; свобода означает не вседозволенность, а взаимное уважение, отказ от лжи и личностную зрелость [3] (самостоятельность и независимость — интеллектуальную, эмоциональную и эстетическую). В своем Предисловии Нилл делает важное уточнение, отмечая, что для него в свободе, в том виде как она реализуется в школьной системе Саммерхилла, есть несколько принципиальных дополнительных моментов: школьное самоуправление [1; 3] как элемент «практической гражданственности» (готовит детей к жизни в обществе и одновременно помогает им стать независимыми личностями, но самоуправление в разумных пределах — в зонах компетенции и ответственности каждого участника), свобода выбора видов деятельности учениками и свобода от какой-либо идеологии (религиозной, политической или моральной).

В книге все перечисленные принципы последовательно и подробно описываются и иллюстрируются многочисленными примерами из жизни Саммерхилла и профессионального опыта Нилла. В первой части книги детально реконструирована повседневная жизнь школы (труд, игра, театр, спорт и пр.), включая ее типичный день, на протяжении разных этапов ее работы, но при неизменном следовании основной идее: «школа должна подходить детям, а не наоборот… в школе детям должна предоставляться свобода быть самими собой… без всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления» (С. 26). Конечно, весьма привлекательна идея, что благодаря такому подходу «равнодушные школяры, под нажимом заканчивающие колледж или университет и превратившиеся в лишенных воображения учителей, посредственных врачей и некомпетентных юристов, могли бы стать хорошими механиками, отличными каменщиками или первоклассными полицейскими» (С. 50). Подобные аргументы мы сегодня слышим от представителей профильных министерств и работодателей, озабоченных резким расхождением между структурой подготовки кадров для экономики и ее объективными запросами. Однако Нилл постоянно подчеркивает свое идеалистически-утопическое

представление [4] о человеческой природе (доброте и прекраснодушии) в духе Ж.-Ж. Руссо, поэтому предлагает свою модель школы как противовес тем стандартным для всех стран моделям, что «не делают ничего, чтобы помочь ребенку… пережить эмоциональный урон и преодолеть социальные пороки, развившиеся в нем в результате давления со стороны родителей и школьных учителей, всей нашей принудительной по своему характеру цивилизации» (С. 51).

Отталкиваясь от той же идеи — что «все дети в нашей цивилизации появляются на свет в жизнеотрицающей атмосфере» (С. 116), включая «несвободную семью с ее силами реакции и ненависти» (С. 124), во второй части книги Нилл представляет свою концепцию воспитания, основанную на вере в «свободного ребенка» как обладающего навыками саморегуляции: «Счастье (внутреннее чувство равновесия и удовлетворенности жизнью) и благополучие детей зависят от степени любви и поддержки, которые они от нас получают (прежде всего, в родительской семье). Мы обязаны быть на стороне ребенка. А это значит: давать ему свою любовь, но не собственническую и не сентиментальную. Следует вести себя по отношению к ребенку так, чтобы он чувствовал: вы любите и одобряете его (личностный рост)… дети — это не маленькие взрослые» (С. 139).

Хотя Фромм восхищается смелостью, реалистичностью, гуманизмом и трудолюбием Нилла, он делает ряд оговорок относительно книги, отмечая, что Нилл недооценивает важность интеллектуального компонента обучения, избыточно фокусируясь на эстетическом и эмоциональном постижении мира и слишком увлечен идеями З. Фрейда, особенно в сфере секса. Последнему посвящена третья часть книги, где также воспроизводятся психоаналитические представления об архетипичности образов матери и отца в фигуре директора школы и его жены (которых якобы по определению ненавидят, соответственно, мальчики и девочки). То, что четвертая часть книги посвящена религии и морали — также свидетельство продолжения психоаналитической линии рассуждений: говорится об «устаревшей религии и обветшалых мифах… о том, что человек рожден в грехе, о противопоставлении тела и духа… о греховности плоти» (С. 251). Кроме того, Фромм справедливо полагает, что школьный эксперимент Нилла невозможно многократно повторить в современном обществе, однако «эти критические замечания относятся лишь к некоторым формулировкам, а не к реальному подходу Нилла к детям… и ни в коем случае не умаляют значения книги» (С. 14).

Современный читатель скорее всего расширит список ограничений книги, отметив, прежде всего, ее идеалистический характер в духе знаменитых социальных утопий прошлого, что прослеживается как в оценках проблем общества (скажем, питание младенца по графику как начало деспотизма и тоталитаризма), так и в рекомендациях по его исцелению применительно к воспитанию молодых поколений, нужно сказать, весьма бун-

тарских — «настало время бросить вызов существующим представлениям об организации школы» (С. 48). «Общество больно… и не хочет расставаться со своими болезнями… в некотором смысле задача педагогов — противостоять массовой овечьей психологии — когда у всех овец одинаковые шкуры и одинаковое бе-бе-бе-е, когда загоняют в угол паршивую овцу, бунтаря» (С. 19). Предлагаемые Ниллом «лекарства» — «не нравственные поучения и наказания, а принятие, нежность, терпимость» и отказ от права на неучастие в борьбе с нездоровьем мира и несчастьем окружающих (С. 22–23). Это весьма абстрактные и сложные для реализации принципы, которые требуют определенной веры и харизматичного убежденного лидера, чтобы сработать даже в рамках небольшой школы. С одной стороны, Нилл выступает как утопический идеалист, например, утверждая, что «будучи министром, уничтожил бы все так называемые исправительные школы и вместо них создал бы колонии совместного обучения по всей стране… и специальные центры подготовки, чтобы обеспечить колонии педагогами и вспомогательным персоналом; каждая колония имела бы полное самоуправление, персонал не обладал бы никакими особыми привилегиями… а девизом колоний служила бы свобода… Тюрьмы и наказания (выражения ненависти) никогда не смогут заменить веру в человека, способную творить чудеса» (С. 293, 295). С другой стороны, Нилл скорее не заблуждается, а лукавит: в системе массового образования массового общества эти принципы просто не могут быть универсальными, и даже сегодня они реализуются в частном порядке, воспроизводя то социальное неравенство, против которого Нилл выступал, одновременно признавая, что даже Саммерхилл не мог позволить себе принимать детей бедняков — только детей среднего класса (высшего среднего класса в контексте современной стратификационной модели).

Две основные идеи Нилла, пусть и иными словами, воспроизводятся в нарративах нынешних российских учителей: о необходимости системного подхода к изменению школьной модели на макроуровне и о важности школьного самоуправления на организационном уровне. Читателя с социологической подготовкой в краткой аннотации книги может смутить название интервью — все же использовались полуформализованные, а не «глубокие» интервью (и корректнее говорить «глубинные»). Однако уже на первой странице, в обращении составителей к читателю, понятие «глубокое интервью» берется в кавычки (видимо, как условно-метафорическое обозначение содержания бесед с учителями) и уточняется, что речь идет о производственных интервью (транскрипты включают вопросы, а большой объем высказываний интервьюеров позволяет говорить даже о свободных/диалоговых интервью), а сборник представляет лишь небольшую часть многолетнего исследовательского проекта «СИЗИФ OF ТРУД», посвященного разным профессиям. Исследователи «исходят из того, что каждый работник на своем рабочем месте, помимо основных функций, находится в ситуации “включенного на-

блюдения", видит важные детали и связи, которые ускользнут от стороннего наблюдателя за трудовым процессом, и осмысливает их» (С. 3).

Мировоззренческая близость авторов двух книг просматривается уже на первых страницах сборника: как и в книге Нилла, читателю представлено повествование от первого лица и включенного наблюдателя; авторы не скрывают своих идеалистических представлений о человеке — у Нилла это по самой своей природе «хороший ребенок», здесь же говорится о «естественной человеческой потребности трудиться качественно, увлеченно, получать удовлетворение от социально значимого результата своего труда» (С. 3); утверждается периферийность школьных проблем для общественного внимания в том смысле, что они либо носят узковедомственный характер (и попытки государства снизить остроту проблем носят несистемный, фрагментарный характер «косметического ремонта» и бесконечного пересмотра «измерительных инструментов» контроля за качеством обучения), либо периодически становятся поводом для беспокойства только соприкасающихся со школьной системой родителей (они не в силах преодолеть бюрократически-институциональные факторы неблагополучия школы).

Сборник включает краткое обращение составителей к читателю, разъясняющее исследовательскую позицию и суммирующее результаты эмпирического проекта, и восемь интервью: наиболее предсказуемое в плане содержания и формулировок — заключительное интервью с репетитором, более интересны семь интервью с учителями — биологии, химии и биологии, информатики, труда (технологии), русского языка и литературы, истории и обществознания, и в основном респонденты — учителя-мужчины из Москвы и Московской области. «Факторы неблагополучия сегодняшней российской общеобразовательной школы» в книге суммированы следующим образом (С. 4–5):

• Условия учительского труда — прежде всего, экономическое и административное принуждение учителей работать более чем на одну ставку (по причине недостатка квалифицированных кадров) и брать на себя дополнительные функции, что приводит к профессиональному выгоранию: «валится много нагрузки дополнительной, всякие внеурочные проекты чтоб делались с детьми, больше всего достается, конечно, классным руководителям — они вообще 24/7 работают, участвуют в огромной массе проектов, к ним очень много требований» (С. 15).

• Организация учительского труда — недостаточная подготовка учителей, разнородные по уровню подготовки классы, доминирование ложнобюрократической отчетности надо содержательными, методическими и воспитательными задачами и т.д. «Если бы работа в школе ограничивалась только контактом с детьми — за уши не оттащишь… угнетает и приводит к выгоранию не работа с детьми, а обстановка… что вы во всем виноваты в любом случае» (С. 171).

• Отсутствие взаимопонимания с «заказчиком» — государством (в лице высоких чиновников), регулирующим систему образования в формате постоянного, бессистемного, дидактически необоснованного и узко-прикладного мониторинга и реформирования, и школьной администрацией как представителем заказчика: «если потребность никак не связана с рейтингом и не является имиджевым проектом (например, нужен логопед, медработник, библиотекарь), то администрация закрыта и выбить деньги очень сложно… если хочешь сам что-то сделать без бюджетных средств, не во вред школе — пожалуйста, развлекайся» (С. 25). «У нас сегодня образование возглавляют что на уровне региона, что на уровне страны менеджеры, а должны быть компетентные люди, ученые с серьезной теоретической базой и люди с практическим опытом» (С. 57).

• Проблемы мировоззренческого характера: с одной стороны, это беспокойство учителей о судьбах молодых поколений и страны; с другой стороны, признание учителями своего бессилия и коллективной апатии как сообщества — «не боевые люди… не настроены сопротивляться, настроены отработать день и поехать домой, заниматься своими делами, хотя ворчат, очень недовольны “эффективным менеджментом”, хотят, чтобы все министерские придумки, бесконечные реформы образования уже прекратились, потому что люди от них страдают» (С. 19). Учителей «держит на плаву возможность просвещать, делиться знаниями… сеять разумное, доброе, вечное, какую-то мысль заложить, может быть заставить критически взглянуть на что-то… Это и вдохновляет: само осознание значимости профессии и необходимости делать как можно больше положительного на своем месте ради завтрашнего дня» (С. 41). «Пусть это одно из самых тяжелых времен для учителей… но именно сейчас учителем быть — самое что ни есть нужное… одна из самых важных профессий на будущее» (С. 84)

Ценность сборника не в этой предсказуемой систематизации, а в развернутых повествованиях учителей — читатель буквально «слышит» критически смелые и развернутые высказывания «снизу» и может посмотреть на школу с «другой стороны». Следует отметить, что исследователи явно тяготеют к критической оценке современного общества (в духе Нилла), высказывая сожаление о недостаточной низовой инициативе к самоорганизации и самоуправлению в интересах гуманизации школьной системы, однако у Нилла в основе сожаления лежит идея «хорошего ребенка» в «больном несвободой и контролем» обществе (независимо от его политической системы), а в данном случае основа сожаления — скорее левая критика декларативного гуманизма классово дифференцированного общества, в котором борьбу «за человека» вынуждены вести энтузиасты. Объединяет оба издания убеждение, что «многие вредные личностные привычки формируются не только идеологизированным или бесполезно-“культурным” содержанием, но и самой организацией учебного процесса» (С. 8), что «школьной интеллигенции вменяется функция исполнения воли правящего класса по производству покорности и передержке подростковой стихийной субъектности» (С. 9), но «передовые учителя сопро-

тивляются схлопыванию их личности до роли поставщика образовательных услуг, ретранслятора "правильных" воззрений, они имеют смелость предстать перед учениками как личности, отстаивать свои интересы, свой путь, свою гражданскую позицию… Ведь, в конце концов, проблему тревоги о будущем поколений, временно обретающихся в школе, можно решить лишь подготовкой граждан, способных отстоять свое счастье (идея Нилла)… не спрятаться в личном сравнительном благополучии в античеловеческой системе (идея Нилла об отказе от неучастия)» (С. 10).

В двух книгах много других пересечений, например, постоянное подчеркивание важности семьи как имеющей «более сильный голос, чем школа», но интересно отметить и различие позиций: в середине XX века, как считает Нилл, повсеместно (и в капиталистических, и в социалистических системах) «родители были слишком часто лояльны до абсурда даже к самым ужасным учителям» (С. 360), а сегодня ситуация принципиально иная — «абсурдная лояльность» родителей к своим детям и возложение ими полной ответственности за обучение и воспитание ребенка на школу, например, «родители удивляются, "почему это вы вместо меня моего сына не воспитываете"» (С. 82). Один из учителей отрицает идею Нилла о «хорошем ребенке» в логике теории Руссо, что «человек изначально прекрасным приходит в наш мир, а наш мир его уже портит», считая, что идея о «прекрасном ребенке» — «это какая-то инфоцыганщина» применительно к оценке работе учителя «сверху»: «если ребенок не хочет из неограненного алмаза становиться бриллиантом, а хочет лежать булыжником… значит, вы как учитель не справляетесь, некомпетентны» (С. 31). В то же время предлагаемые российскими учителями меры по изменению школьной системы созвучны гуманистическим принципам Нилла и вряд могут оспариваться в случае их системной реализации: отказ от количественных критериев оценки отдельных аспектов школьного обучения (рейтинги) в пользу комплексной оценки человеческого потенциала учительского, административного и ученического сообществ [6; 7]; устранение социально-экономической сегрегации (в заработной плате и уровне жизни учителей и в доступе к образованию детей из разных регионов и социальных групп); отказ от методик развития функциональной грамотности в пользу методик развития творческого и разностороннего человека; широкое внедрение инструментов школьного самоуправления (Нилл делает акцент на привлечении детей к управлению школой, российские учителя — на учете их мнений в управлении школой и на развитии механизмов обратной связи «снизу вверх») (С. 38–40).

Библиографический список

1. *Ишмухаметов Р.Р.* Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ (результаты разведывательного исследования в Республике Башкортостан) // Крестьяноведение. 2025. Т. 10. № 4.
2. *Ишмухаметов Р.Р.* Самостоятельность и взросление в школьном и социальном контекстах // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1.

3. *Ишмухаметов Р.Р.* Самоуправление как инструмент преодоления рисков в управлении школой // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3.
4. *Ишмухаметов Р.Р.* Сила и слабость самоорганизации в утопически-идеалистическом описании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
5. Практики анализа качественных данных в социальных науках. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023.
6. *Раджан Р.* Третья опора: как рынки и государство пренебрегают сообществом / Пер. с англ. М. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2025.
7. *Троцук И.В., Ишмухаметов Р.Р.* Сообщество как основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма» // Крестьяноведение. 2026. Т. 11. № 1.
8. *Троцук И.В., Калуга А.Е.* Основные компоненты социологического изучения счастья // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3.
9. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: АСТ, 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-653-661
EDN: XAXEOY

Two expert “discourses” on school education*

R.R. Ishmukhametov

Education Development Institute of Republic of Bashkortostan,
Mingazheva St., 120, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru; rustish@list.ru)

Abstract. The article is a brief review of two books: a book by Scottish educator and psychoanalyst A.S. Neill *Summerhill: A Radical Approach to Child Rearing* (with a Foreword by E. Fromm; transl. from English by E.N. Gusinsky, Yu.I. Turchaninov. Moscow: Pochin Publishing House; 2025. 378 p.) and a collection of interviews with Russian school teachers *The Bell for the Teacher: Interviews about Work* (comp. by L.R. Gafiatullin, A.A. Komarova; Moscow: Napilnik Publishing House, 2025. 224 p.). The article outlines the fundamental elements of Neill’s model of school organization and functioning, and the underlying philosophical, psychological and pedagogical ideas, which enabled him to implement his social-utopian project in an experimental format. Despite the decades separating two books, the expert perspective of a humanistically oriented educator and school principal coincide with the narratives of today’s Russian teachers — in descriptions of “social ills” of contemporary society with its reproducing school system of education and rearing and of “bureaucratic ills” of school as a special type of social organization and community.

Key words: school; rearing; learning; contemporary society; freedom; (school) self-government; systems approach; humanistic approach; school teacher; school administration

For citation: Ishmukhametov R.R. Two expert “discourses” on school education. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 653–661. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-653-661 EDN: XAXEOY

*© R.R. Ishmukhametov, 2026
The article was submitted on 30.03.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 662–669**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-662-669
EDN: WZOLSV

Тенденции развития системы здравоохранения: статистическо-социологическая и сопоставительная оценка*

Л.В. Пашигорова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: l.v.pashigorova@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткую реферативную рецензию на книгу, которая может стать полезным справочным изданием для широкого круга социологов, исследующих тематики на стыке предметных областей социологии медицины и социологии управления. Книга «Организация и финансирование здравоохранения в России и в мире: тенденции и перспективы» (С.В. Шишкин, И.М. Шейман, А.А. Алмазов и др.; под ред. С.В. Шишкина, И.М. Шеймана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 520 с.), как справедливо заявлено в аннотации, «представляет целостную картину развития здравоохранения в нашей стране и в мире в последние десятилетия» (С. 2). В этом издании читатели с разным профессиональным опытом, компетенциями и интересами обнаружат важные для себя сюжеты исторического, институционального, управленческого и кросс-культурного характера в сфере общественного здравоохранения, причем эти сюжеты опираются на серьезные концептуальные обзоры и значительные массивы статистических и социологических данных, в том числе собранных авторами самостоятельно в рамках многолетнего научно-исследовательского проекта.

Ключевые слова: (российское) здравоохранение; здоровье населения; организация оказания медицинской помощи; финансирование; кадровое обеспечение; доступность медицинской помощи; статистические данные; социологические опросы; интеграция и дифференциация системы здравоохранения

Для цитирования: *Пашигорова Л.В.* Тенденции развития системы здравоохранения: статистическо-социологическая и сопоставительная оценка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 662–669. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-662-669 EDN: WZOLSV

Если исследовательские интересы социолога сосредоточены в особой сфере общественной жизни, то он вынужден расширять круг своего профессионального чтения [4], чтобы четче видеть границы своего объекта и лучше понимать структуру своего предметного поля. Рецензируемая книга — пре-

*© Пашигорова Л.В., 2026
Статья поступила в редакцию 10.04.2026. Статья принята к публикации 12.05.2026.

красный пример справочного издания для тех исследователей, кто изучает разные аспекты функционирования российской системы здравоохранения, будь то макроуровень (логика развития и современное состояние этой системы), мезоуровень (модели организации и финансирования медицинской помощи на региональном уровне) и микроуровень (типы организаций и профессиональных сообществ). Книга написана по результатам многолетнего научно-исследовательского проекта, поэтому содержит все обязательные для соответствующей отчетности элементы: перечень сокращений и обозначений, введение и заключение, тематически и проблемно структурированную основную часть и библиографический список.

В первой части книги представлена развернутая характеристика эволюции и нынешнего состояния российского здравоохранения: показатели оценки состояния здоровья населения; принципы организации медицинской помощи (первичной медико-санитарной, специализированной в стационарах, диспансеризации) и происходящие здесь структурные изменения; теоретические модели и практические формы интеграции на фоне нарастающих процессов фрагментации российского здравоохранения; его финансовое и кадровое обеспечение; доступность медицинской помощи и лекарств. Что касается особенностей авторского повествования, то, во-первых, это четкое разведение нормативных оснований, концептуальных моделей и эмпирических индикаторов (значительная их часть приведена на показательных диаграммах), благодаря чему у читателя формируется четкая картина по всем рассматриваемым сюжетам. Во-вторых, стремление сочетать статистические описания с социологическими оценками [3] (хотя статистические данные заканчиваются 2021 годом, а социологические — 2022, но такова особенность обобщающих изданий по мотивам многолетних проектов): скажем, показатели заболеваемости не всегда однозначны и надежны в силу применяемых методик измерения, поэтому важно учитывать, как население оценивает состояние своего здоровья, — россияне оказались более пессимистично настроены, чем граждане Европейского Союза (С. 23), и это обстоятельство необходимо учитывать при планировании развития системы здравоохранения. Следует отметить, что авторы неоднократно отмечают сложность как внутристрановых сопоставлений во времени (вследствие изменения методик, всплеска показателей в период пандемии, выбывания объектов наблюдения, смены институционального субъекта оценки и пр.), так и международных сопоставлений в единых временных точках (по причине различий даже в понимании отдельных медицинских специальностей, не говоря уже о разных моделях и методиках измерения показателей).

В-третьих, приоритет обоснованных интерпретаций над алармистскими оценочными суждениями, хотя последние буквально напрашиваются в контексте доминирующего в российском обществе медийного освещения любых аспектов деятельности российской системы здравоохранения. Например,

в книге отмечены и «неоспоримые успехи российской системы здравоохранения… в деле снижения младенческой и детской смертности», и то, что «отличительной чертой России является высокий уровень преждевременной смертности, определяемой долей смертей в трудоспособном возрасте в общем числе смертей (более 20 %)» (С. 18), а также «относительно высокая доля внешних причин смертности» (С. 21). Отмечен как «ускоренный рост финансового обеспечения медицинской помощи в амбулаторных условиях» (С. 28), так и то, что «чрезмерная специализация амбулаторной помощи, недостаточное внимание к подготовке участковых врачей привели к острой нехватке последних» (С. 29) и их «ограниченному лечебному и координационному потенциалу» (С. 46), и в принципе «по главным показателям комплексности лечения Россия заметно отстает от большинства стран Центральной и Восточной Европы, где завершен переход от терапевтической к общеврачебной модели участковой службы» (С. 30).

Отдельный раздел посвящен текущим и планируемым мероприятиям по укреплению первичной медико-санитарной помощи (С. 34–45): попытки преодоления дефицита участковых врачей за счет увеличения приема студентов в медицинские вузы и программ привлечения медицинских кадров в сельскую местность; повышение эффективности функционирования поликлиник за счет совершенствования внутренних процессов, информатизации и усиления разделения труда (эти меры в разных масштабах и с разной успешностью реализуются во всех регионах, но в наибольшей степени выражены в здравоохранении Москвы); внедрение новых моделей первичной медико-санитарной помощи («бережливая поликлиника», московский стандарт, белгородский проект «управление здоровьем») и т.д. Признавая масштабность реализуемых мер, авторы считают их недостаточными в силу «пожарного» характера, типичного для российской системы здравоохранения: «управление фокусируется на мобилизации и распределении имеющихся ресурсов для решения или ослабления наиболее острых проблем — “тушения пожаров”, что обусловливает фрагментарность структурных изменений в отечественном здравоохранении» (С. 82). В частности, «кадровые диспропорции закладываются на стадии планирования ресурсного обеспечения и структуры подготовки кадров в медицинских вузах… нужен прогноз потребности в кадрах с разбивкой по отдельным специальностям и регионам как минимум на десять лет вперед… но такие планы пока отсутствуют» (С. 207).

«По показателю обеспеченности населения врачами Россия превосходит средний показатель по странам ОЭСР… опережая наиболее крупные западные страны (кроме Германии)… но далеко не все учитываемые российские врачи реально выполняют лечебные функции… каждый третий врач в подведомственных Минздраву России учреждениях в 2021 году не являлся врачом клинической специальности (функциональная и клиническая лабораторная диагностика, санитарно-эпидемиологическая служба и др.)… и обеспечен-

ность населения врачами в этих учреждениях (кадровое обеспечение системы бесплатного оказания медицинской помощи в государственном секторе здравоохранения) ухудшается» (С. 174, 175). Поскольку «проблема нехватки кадровых ресурсов носит структурный характер», авторы считают «более точным определением сложившейся ситуации не столько дефицит, сколько дисбаланс кадровых ресурсов»: огромный разрыв в обеспеченности медицинскими кадрами крупных городов и сельской местности, дефицит врачей в поликлиниках и профицит врачей в стационарах, по одним специальностям врачей в избытке, по другим их не хватает, неоптимальное соотношение врачей и среднего медицинского персонала, низкая обеспеченность вспомогательным немедицинским персоналом и т.д. (С. 197).

В-четвертых, и это важная особенность социолого-управленческого анализа в любой сфере, включая систему здравоохранения, — его системный характер. Поскольку российское общество в целом демонстрирует тренд нарастающего социально-экономического неравенства [6], она не могла не сказаться на здравоохранении. «Крайне неравномерное региональное распределение показателей состояния здоровья, а также усиление этой неравномерности и разнонаправленность тенденций изменений по основным его показателям» (С. 21) объясняются региональной дифференциацией факторов, определяющих состояние системы здравоохранения (финансирование, кадровое обеспечение, доступность медицинских услуг, социальные представления о вакцинации и пр.).

Системный подход прослеживается и в отдельных элементах исторического анализа, представленных в книге. Например, в четвертой главе последовательно реконструирована «институциональная динамика российской системы обязательного медицинского страхования» (С. 144–153): от первоначального дизайна модели в 1991 году к измененной внедряемой модели 1993 года, от реформы 2010–2014 годов для устранения выявленных проблем и унификации принципов реализации выбранной модели к изменениям 2015–2021 годов. В целом «эволюция российской системы обязательного медицинского страхования показывает, что попытки внедрения новых механизмов, отличных от привычных институтов административного управления системой здравоохранения, заканчиваются полным или частичным замещением элементов общественного и рыночного регулирования централизованным государственным управлением. В итоге российская система обязательного медицинского страхования создана как обособления от системы бюджетного финансирования здравоохранения в выполнении функций формирования и объединения финансовых средств» (С. 155).

Системный характер обобщений структурных изменений в системах здравоохранения разных стран дает авторам основания говорить о том, что в России наблюдаются признаки второго эпидемиологического перехода [2]: «первый эпидемиологический переход — это переход от эры инфекционных

заболеваний к эре хронических неинфекционных заболеваний, произошедший в западных странах в первой половине XX века. Снижение смертности от инфекционных заболеваний привело к преобладанию смертности от других причин, среди которых лидирующее место заняли заболевания системы кровообращения. Как следствие успешной борьбы с ними во второй половине XX века… структура причин смертности стала меняться в пользу злокачественных новообразований, болезней органов дыхания, сахарного диабета и др. — эти изменения получили название второго эпидемиологического перехода» (С. 71).

Общие признаки данного перехода — от «модели относительно преждевременной смертности к модели хронических и множественных заболеваний, протекающих в течение значительного периода времени» (С. 367): сокращение объемов стационарной помощи за счет сроков пребывания на больничной койке, появление дневных стационаров, концентрация медицинских организаций и формирование крупных амбулаторно-стационарных комплексов, развитие мультидисциплинарных форм оказания первичной медицинской помощи. Особенности структурных сдвигов в российском здравоохранении: существенно более низкая доля расходов на здравоохранение в ВВП, разнонаправленные изменения в соотношении государственных и частных расходов, значительное превышение затрат на стационарную помощь по сравнению с амбулаторным лечением, развитие профилактических программ не ориентировано на наиболее уязвимые целевые группы и местные потребности, медленное развитие института врача общей практики, слабые интеграционные процессы внутри медицинских организаций и между медицинскими службами и т.д. (С. 81–82). Причины отличий авторы видят не только в самой системе здравоохранения как некоем автономном социальном институте — важен общий системный контекст: и «особенности организации и управления российским здравоохранением» (доминирует государственная централизованная модель), и «недостаточно эффективный институт согласования федеральных решений с органами региональной власти», и «сниженная роль местного самоуправления (утрачена связь первичной медико-санитарной помощи с местными потребностями)», и «слабо развитые общественные институты (роль медицинских сообществ в управлении здравоохранением незначительна… профессиональные организации практически не вовлечены в принятие решений по вопросам здравоохранения)» (С. 82–83), и «вынужденное (поскольку размеры финансового обеспечения государством гарантий бесплатной медицинской помощи не соответствуют потребностям граждан) замещение бесплатной помощи лечением за счет собственных средств пациентов или средств работодателей» (доля частного финансирования здравоохранения в России — около трети, в странах Европейского Союза — четверть) (С. 130).

Хотя межстрановые сравнения представлены на протяжении всей первой части (чтобы читатель мог оценить российскую ситуацию на глобальном фоне), вторая часть книги полностью посвящена зарубежному опыту организации, интеграции, финансирования и кадрового обеспечения систем здравоохранения. Заинтересованный читатель найдет здесь достаточно подробное описание как общих трендов (скажем, модели врачебных практик, основанные на использовании цифровых технологий, опыт реализации массовых профилактических мероприятий, доминирующие виды больниц, типы сочетания государственного и частного финансирования и т.д.), так и показательных страновых «кейсов» (например, программы по инсульту в Нидерландах, опыт Венгрии по изменению структуры доходов системы обязательного медицинского страхования, практика размещения плановых объемов медицинской помощи в Эстонии и т.д.).

Складывается впечатление, что в первой и второй частях книги авторам не удалось выдержать нейтрально-констативный формат сопоставлений российского и западноевропейского опыта — просматривается более критическая оценка состояния и тенденций развития отечественного здравоохранения. Безусловно, тому есть объективные статистические основания, но все же нельзя забывать, что на западные системы здравоохранения исследователи смотрят как отстраненные наблюдатели — через документы и цифры отчетности, а к аналогичной информационной базе по российскому здравоохранению добавляется многолетний опыт включенного наблюдения (помимо экспертных интервью и социологических опросов населения) [5]. Вероятно, поэтому западноевропейская «картина» кажется более привлекательной, хотя за ней может скрываться не меньше имитаций и некорректных данных, чем известно авторам о российской системе по личному опыту взаимодействия с ней в ходе изучения и повседневной жизни (яркий пример — расхождение формальной укомплектованности штатных должностей и укомплектованности физическими лицами в условиях широко распространенного совместительства в российской медицине).

Наконец, в заключительной третьей части авторы намечают перспективные направления изменений в системе финансирования российского здравоохранения (расширение источников финансирования системы обязательного медицинского страхования, усиление прозрачности ее функционирования, упорядочение в ней межтерриториальных расчетов и повышение ее роли в финансировании инвестиций в медицинское оборудование; развитие методов планирования финансового обеспечения; изменение порядка распределения объемов медицинской помощи между организациями; расширение возможностей участия частной медицины в реализации территориальных программ обязательного медицинского страхования и т.д.), опираясь на систематизацию стоящих перед ним вызовов (демографические, эпидемиологические, технологические, экономические, социальные), а также резуль-

татов и последствий его модернизации и реформирования в постсоветский период (проблемы организации медицинской помощи и проблемы системы финансирования здравоохранения).

На этой основе в Заключении обозначены три сценария развития здравоохранения (С. 482–485): кризисный — ухудшение всех показателей (финансирования, возможностей приобретения оборудования, лекарственных препаратов и расходных материалов, качества подготовки врачей и медицинских сестер, доступности медицинской помощи); инерционный — «медленные изменения в системе финансирования, осуществляемые в попытках решения или смягчения существующих проблем… государство воздерживается от радикальных институциональных преобразований… существенных структурных изменений в системе оказания медицинской помощи не происходит», сохраняются различия в доступности качественной медицинской помощи и т.д.; прогрессивный — «систему государственного управления характеризует приверженность политике повышения эффективности здравоохранения, в том числе посредством развития конкуренции, последовательность ее реализации, обеспечение приоритета общественных интересов над корпоративными и групповыми при разработке и использовании новых институциональных возможностей финансирования и организации медицинской помощи» и др. Безусловно, читатель заинтересован в реализации прогрессивного сценария [1], тем более что авторы видят его результатом «новую модель здравоохранения — “Здравоохранение–3Д”: доступное (получение всеми гражданами гарантируемой государством медицинской помощи бесплатно и с приемлемыми затратами времени), достойное (высокий технологический уровень и высокое качество медицинской помощи), дружественное (персонификация медицинской помощи и новое качество отношений между медицинскими работниками и населением — проактивные действия, партнерство, позитивный этический характер коммуникации)» (С. 486).

Библиографический список

1. *Богдан И.В., Кузьменков В.А.* Социогуманитарные аспекты построения диалога в системе здравоохранения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
2. *Мартыненко Т.С.* Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
3. *Назарова И.Б.* Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) // Вестинк РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.
4. *Пашигорова Л.В.* Социологические аспекты в истории общественного здравоохранения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1.
5. *Пашигорова Л.В.* Типология как результат включенного наблюдения в медицине // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3.
6. *Проказина Н.В., Алексеенок А.А., Каира Ю.В.* Дифференциация качества жизни населения в региональном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-662-669
EDN: WZOLSV

Healthcare system development trends: Statistical-sociological and comparative assessment *

L.V. Pashigorova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: l.v.pashigorova@mail.ru)

Abstract. The article is a brief review of the book that can be a useful reference for sociologists researching topics at the intersection of the subject areas of sociology of medicine and sociology of management. The book *Organization and Financing of Healthcare in Russia and the World: Trends and Prospects* (S.V. Shishkin, I.M. Sheiman, A.A. Almazov et al; ed. by S.V. Shishkin, I.M. Sheiman. Moscow: HSE Publishing House, 2025. 520 p.), as rightly stated in the annotation, "presents a comprehensive picture of the development of healthcare in our country and the world in recent decades" (p. 2). The book provides readers with diverse professional backgrounds, competencies and interests with important historical, institutional, managerial and cross-cultural perspectives on public health, based on conceptual reviews and significant statistical and sociological datasets, including those collected by the authors as part of their multi-year research project.

Key words: (Russian) healthcare system; public health; organization of medical care; financing; staffing; accessibility of medical care; statistical data; sociological surveys; integration and differentiation of the healthcare system

For citation: Pashigorova L.V. Healthcare system development trends: Statistical-sociological and comparative assessment . *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 662–669. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-662-669 EDN: WZOLSV

*© L.V. Pashigorova, 2026
The article was submitted on 10.04.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 2 670–676**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-670-676
EDN: WTYZDS

Искусственный интеллект: кодозависимость как новый фактор социального неравенства*

А.В. Нименский, А.Д. Герасимов

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: 1142220897@rudn.ru; 1132249118@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу М. Мурджии «Кодозависимые. Жизнь в тени искусственного интеллекта» (Пер. с англ. З. Мамедьярова; М.: Синдбад, 2026. 384 с.) — не научное, а научно-публицистическое издание, подготовленное редактором «Financial Times», которая специализируется на вопросах развития и функционирования искусственного интеллекта (ИИ) и систематизировала свои наблюдения, в том числе с применением метода экспертных интервью (в классической и качественной трактовках метода). В названии книги читателя может дезориентировать понятие кодозависимости: речь идет не о новой технологической аддикции, о которой сегодня говорят в научном сообществе (склонность молодых поколений использовать ИИ для решения любых учебных, рабочих и повседневных задач), а о том, что все большее проникновение ИИ во все сферы человеческой жизни порождает новые формы зависимости в смысле усугубления факторов социального неравенства при цифровом капитализме.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); цифровой капитализм; кейсы; неравенство; колониализм данных; дипфейки; человеческий фактор; цифровизация; гиг-экономика

Для цитирования: *Нименский А.В., Герасимов А.Д.* Искусственный интеллект: кодозависимость как новый фактор социального неравенства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 670–676. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-670-676 EDN: WTYZDS

Рецензируемая книга — пример экспертной технологической журналистики, и по поднятым гуманистическим и социальным вопросам она будет полезна социологам, интересующимся не столько позитивными (техническими и коммуникационными) возможностями ИИ, сколько неоднозначными его последствиями (социальными, эко-

*© Нименский А.В., Герасимов А.Д., 2026
Статья поступила в редакцию 01.04.2026 г. Статья принята к публикации 12.05.2026 г.

номическими и политическими). Экспертно-журналистский и, значит, научно-публицистический стиль изложения делает книгу интересной для широкой аудитории — она легко читается, предлагает понятные примеры, разбита на небольшие главы, содержательно самостоятельные (очерки), напрямую обращается к читателю, разъясняет сложные технические понятия и сбалансированно сочетает обещания (прекрасного технологического будущего) и угрозы (пугающего социального настоящего), в целом тяготея к критической оценке цифрового капитализма [1–3], где жизнь человека «превращается в пакет данных, выставляемых на продажу… и мы все оказываемся продуктами» (С. 12).

Формально ИИ мало что меняет в логике функционирования цифрового капитализма: «это сложное статистическое программное обеспечение, применяемое для поиска закономерностей в больших наборах реальных данных. Значительный прогресс этой технологии в последние несколько лет обусловлен тремя факторами: взрывным ростом объема доступных данных о человеческом поведении и творчестве (инфоследов), повышением мощности микросхем, необходимых для работы с этими данными, а также консолидацией усилий нескольких крупных технологических компаний, способных выделять существенные ресурсы для ускорения ее развития» (С. 13). Реально же «ИИ коварно пробирается в нашу жизнь» (такова оценка «закоренелого технооптимиста»): «мы живем в тесном соседстве с автоматизированными системами, основанными на данных, и их внутренние механизмы влияют на наши личные связи, расстановку сил в рабочем коллективе и наши отношения с государством. Мы опираемся на алгоритмические технологии, как в прошлом опирались друг на друга, и образ жизни людей во всем мире меняется, постепенно подстраиваясь под эти технологии… Порождающий, или генеративный, ИИ, обученный на продуктах нашей научной и творческой деятельности, может гораздо более эффективно, чем когда-либо ранее, манипулировать нашими эмоциями и настроением, а также диктовать нам, что думать и как себя вести» (С. 13–15).

Книга — своего рода сборник «кейсов»: автор посетила разные страны и провела интервью с представителями разных социально-профессиональных групп («врач из индийской глубинки, доставщик еды из Питтсбурга, инженер-афроамериканец, иракская беженка в Болгарии, британская поэтесса, аргентинский чиновник, мать-одиночка из Амстердама, китайская активистка в изгнании и священник из Рима»), чтобы представить «реальные примеры нашего взаимодействия с ИИ, которые явно показали бы, чем грозит наша зависимость от автоматизированных систем» не только в сфере занятости, творчества и образования, но также в области «здравоохранения, охраны правопорядка, общественного благосостояния и военного дела, что приводит к долгосрочным последствиям и социальным трансформаци-

ям» (С. 15–16). С одной стороны, «не понимая, как работают ИИ-системы, мы просто не замечаем, когда они выходят из строя или причиняют вред, особенно представителям уязвимых групп», с другой стороны, «не понимая природу, этику, историю людей и саму нашу человеческую сущность, ИИ-системы никак не могут нам помочь» (С. 19).

Автор называет ту «довольно мрачную картину», что представлена в книге, «колониализмом данных» [6; 7]: «власть над технологиями сосредоточена в руках немногочисленных компаний, которые и заказывают музыку», но «вместо территорий объектом колонизации становятся человеческие жизни, преобразованные в непрерывные потоки информации. Конкурентная борьба за эти данные представляет собой историческое продолжение колониализма и усугубляет неравенства прошлого в условиях “датафикации” общества, которая есть не что иное, как новая форма грабежа и угнетения» (С. 17–18). Конечно, ведущие компании борются за лучших специалистов в области компьютерных технологий и платят им сотни тысяч долларов, но, чтобы обучать свои системы и внедрять их в эксплуатацию с помощью реальных данных, эти же компании создают «армии низкооплачиваемых сотрудников (для разметки и аннотирования данных — «обучения» технологий), которые обладают базовой цифровой грамотностью, но не имеют стабильной занятости» (С. 35). Как правило, это представители уязвимых групп в странах третьего мира, работающие удаленно и соглашающиеся на очень низкие зарплаты как единственный способ заработка в их сложной жизненной ситуации, причем у них нет возможностей бороться за свои права (ресурсов для протеста или рычагов давления). «Возможность самостоятельно решать, как и когда работать, дает чувство независимости и контроля, но… их доход слишком мал, чтобы обеспечивать семью» (С. 61).

Более того, эти люди получают мизерную оплату за обучение ИИ-систем, которые впоследствии их заменят, ускорив их уход с рынка труда. Будучи заворожены возможностями ИИ, мы не замечаем очередной этап в развитии глобального капитализма — многочисленные низкооплачиваемые работники в раздробленной по технологическим задачам ИИ-сфере мало чем отличаются по положению от тех «своих собратьев по несчастью», что в разных частях третьего мира создают элементы самых дорогих товаров для бутиков в странах первого мира (С. 46). Если же такие работники «проявляют инициативу или выражают неповиновение… их быстро и безжалостно ставят на место», тем более что подрядчики глобальных компаний «связаны жесткими соглашениями о неразглашении, которые заставляют их молчать… Работа по аннотированию данных в развивающихся странах давала людям новые возможности и некоторую стабильность, но компании относились к своим сотрудниками как к легко заменимым роботам, стоящим ниже их коллег из других стран» (С. 65).

Другой элемент «мрачной картины» — результаты массовой доступности ИИ-технологий, в частности, для создания поддельных гиперреалистичных изображений и видео, «своего рода фотошопа нового времени — дипфейков» (С. 71), а также GAN (порождающих состязательных сетей) и других инструментов ИИ-арта, которые «могут создавать высококачественные изображения и видеоролики быстрее и дешевле, чем профессиональные студии визуальных эффектов, что делает их привлекательной альтернативой в индустрии развлечений» (С. 73). Автор отмечает два основных негативных последствий распространения и все ускоряющегося развития подобных технологических решений: во-первых, абсолютная незащищенность человека от того, что таким образом будут созданы и распространены (по недостаточно контролируемым социальным сетям и даже на порнографических сайтах) его сфабрикованные интимные изображения — практически отсутствуют юридические инструменты защиты от таких ситуаций (хотя количество подобных дел в судах растет, но пока они носят прецедентный характер). «Дипфейки не относятся к числу непредвиденных последствий ИИ. Это инструменты, намеренно используемые не по назначению… их негативное влияние усугубляется простотой использования технологии и институциональным бездушием — отсутствием государственного регулирования и нежеланием крупных онлайн-платформ отвечать за распространение подобного контента» (С. 75–76). Во-вторых, ИИ-арт в перспективе может лишить работы представителей творческих профессий: «создатели порождающего ИИ утверждают, что новая технология откроет новую эпоху в истории человечества, обеспечив доступ к дешевому интеллекту и массовому творчеству… мы станем более продуктивными, более успешными, более разумными, более талантливыми. Но реальность такова, что новые технологии уже годятся для того, чтобы заменить людей, которые сегодня работают иллюстраторами, копирайтерами, дизайнерами видеоигр, актерами озвучки, аниматорами, и других представителей творческих профессий» (С. 329).

Еще один элемент «мрачной картины» — ошибки, совершаемые ИИ-технологиями и разрушающие жизни людей, например технологии распознавания лиц часто ошибочно идентифицируют людей как преступников. Проблема не только в алгоритмах, которые дают сбой, а в том, что технические ошибки накладываются на устойчивые социальные стереотипизации, т.е. срабатывает человеческий фактор [8; 9]: «алгоритмы гораздо более точно распознают мужские и европеоидные лица и часто ошибаются при распознавании лиц темнокожих людей и женщин… технология часто дает ложные срабатывания, а люди склонны искать подтверждение своей точки зрения… и под ударом оказываются невинные люди… вместе с ИИ люди могут создать гораздо более опасную полицейскую систему, чем существует сегодня» (С. 115–116).

В принципе «ИИ создан для того, чтобы давать однозначный ответ, ему не достает тонкости… он не всесилен и может ошибаться… поэтому следует помнить о предвзятости автоматизации… когда люди в своей работе начинают чрезмерно на нее полагаться» (С. 153). Мы постоянно сталкиваемся с ошибками расчетов алгоритмов: когда они неправильно прокладывают маршрут и оценивают его продолжительность, когда наш товар теряют или отправляют не туда почтовые службы и маркетплейсы, когда нас забрасывают рекламными предложениями, по определению не имеющими к нам никакого отношения, когда водители и курьеры рассказывают нам о странных «решениях» технических систем, ориентированных в распределении задач только на скорость и максимизацию во времени (не учитывают непредвиденные задержки, удлинение маршрута из-за пробок, погодные условия, дорожные работы и пр.) и т.д. Нередко мы прекрасно понимаем, как можно решить проблему (будь мы программистами), или решаем ее с помощью живого человека, однако общение с ним становится все более труднодостижимой роскошью в мире повсеместного внедрения ИИ-алгоритмов. Рабочие приложения, как и вся система, основанная на ИИ, воспринимаются сотрудниками как «своевольные, самовластные и не несущие никакой ответственности» (С. 247). В итоге мы оказываемся в «кафкианском лабиринте»: «человек, работающий в автоматизированной системе, испытывает досаду и страдает от паранойи, ему не хватает товарищества с коллегами и чувства локтя, и он при этом не может ничего изменить — таков парадокс структуры, которая полностью зависит от работы людей, но обращается со своими сотрудниками, как с роботами» (С. 249).

Хотя автор заявляет о своем технологическом оптимизме (признавая существующие угрозы и возникающие риски, например, фабрикацию информации и «галлюцинирование» ИИ-программ, основанных на больших языковых моделях), в социальной сфере она склонна к радикальным оценкам. Это ярко проявляется всякий раз, как речь заходит о Китае — повествование переключается с характерного для других разделов поиска баланса между возможностями и ограничениями цифровизации и ИИ на резкую критику цифрового тоталитаризма. Сегодня многие страны стремятся к широкомасштабной цифровизации, поскольку она облегчает осуществление контроля и коммуникации [4], и Китай — один из лидеров технологических новаций, на которого ориентируются многие страны. Никто не отрицает перекосы китайских систем социального рейтингования и повсеместного цифрового наблюдения, однако неверно забывать и об успешных попытках китайского правительства не только карательно, но превентивно-коллективно сдерживать распространение неэтичных практик в цифровой среде [5].

Автор находит основания и для социального оптимизма: «закрепощение людей под началом ИИ имеет неожиданный побочный эффект… укрепляет

агентность людей, сплачивает их и подталкивает к сопротивлению системе» (С. 258). Причем люди используют против системы ее же технологические приемы, например, в Индонезии курьеры на мопедах используют сторонние приложения и находят обходные пути (манипулируют данными GPS или применяют приложение «UberCheats» — «обмани Убер»), чтобы «не идти на поводу у своевольного алгоритма и хотя бы немного контролировать ситуацию (на своей работе)» (С. 258), а в Великобритании курьеры изменили название службы доставки «Deliveroo» («доставлять» + «кенгуру» как официальный символ) на «slaveroo» («раб» + «кенгуру», где к изображению был добавлен чугунный шар, прикованный к одной ноге кенгуру). Сплочение гигработников против ИИ-систем, которые «настраивают их друг против друга (заставляют конкурировать) и используют непрозрачные алгоритмы распределения заказов и расчета заработков», автор считает принципиально важным именно сейчас, когда гиг-экономика перестала быть преимущественной сферой занятости студентов и ищущих подработку — сегодня в ней работают иммигранты, выходцы из сельской местности и депрессивных регионов, женщины и многие другие, для кого такая занятость не источник дополнительного заработка, а единственный способ обеспечить себя и свои семьи (С. 262). Трудно не согласиться с автором, что «разработка идеально этичной ИИ-системы должна стать коллективным делом (государств, культур, крупных компаний, продавцов ИИ-продуктов, творческой интеллигенции и др.)» (С. 352), но пока слабо верится как в подобное солидарное усилие, так и в этично функционирующий ИИ.

Библиографический список

1. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. М., 2022.
2. *Пфайффер С.* Цифровой капитализм и распределительные силы. М., 2026.
3. *Троцук И.В.* «Новый облик» капитализма как основа историко-социологического анализа эволюции неравенства // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3.
4. *Троцук И.В., Дурсина А.Н.* Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
5. *Троцук И.В., Чулкова Е.А.* Тенденции развития и методы регулирования стриминга: китайский подход // Коммуникология. 2026. Т. 14. № 1.
6. *Couldry N., Mejias U.A.* Data colonialism: Rethinking big data's relation to the contemporary subject // Television & New Media. 2019. Vol. 20. No. 4.
7. *Couldry N., Mejias U.A.* The Costs of Connection. How Data is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism. Stanford University Press, 2019. (Издание организации, включенной Министерством юстиции РФ в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.)
8. *Trotsuk I.V.* All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 1.
9. *Trotsuk I.V.* Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and. .. more reasons // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-670-676
EDN: WTYZDS

Artificial Intelligence: Code dependence as a new factor of social inequality*

A.V. Nimensky, A.D. Gerasimov

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: 1142220897@rudn.ru; 1132249118@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of M. Murgia's *Code Dependent* (transl. from English by Z. Mamedyarov; Moscow: Sindbad; 2026. 384 p.) — not a scientific, but a scientific-journalistic book by the editor of the *Financial Times*, who specializes in the development and functioning of artificial intelligence (AI) and systematized her research, including based on expert interviews (in classical and qualitative interpretations). The book's title may mislead readers with the concept of code dependence: it is not about a new technological addiction that is discussed in the scientific community (the tendency of younger generations to use AI resources to solve any educational, work and everyday tasks), but about the fact that the increasing penetration of AI into all spheres of human life produces new forms of dependence by aggravating factors of social inequality under digital capitalism.

Key words: artificial intelligence (AI); digital capitalism; cases; inequality; data colonialism; deepfakes; human factor; digitalization; gig economy

For citation: Nimensky A.V., Gerasimov A.D. Artificial Intelligence: Code dependence as a new factor of social inequality. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (2): 670–676. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-670-676 EDN: WTYZDS

* © A.V. Nimensky, A.D. Gerasimov, 2026
The article was submitted on 01.04.2026. The article was accepted on 12.05.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) 2026 Vol. 26 No. 2 677–682
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

НАШИ АВТОРЫ

Анисимов Роман Иванович — кандидат социологических наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: ranisimov@list.ru).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Белоусов Константин Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского (e-mail: beloysov@mail.ru).

Валеева Марина Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории наукометрии, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru).

Герасимов Андрей Денисович — магистрант Инженерной академии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1132249118@rudn.ru).

Гришина Ирина Владимировна — доктор педагогических наук, заместитель директора Гимназии № 114 Выборгского района Санкт-Петербурга (e-mail: giv0201@mail.ru).

Дудина Виктория Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: viktoria_dudina@mail.ru).

Жидяева Татьяна Павловна — старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова» (e-mail: tanya21_84@mail.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Исак Нурсултан Оразбекович — старший преподаватель кафедры философии Южно-Казахстанского исследовательского университета имени М. Ауэзова (e-mail: issak_no@mail.ru).

Ишмухаметов Рустам Рифатович — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан (e-mail: rustish@list.ru).

Карелин Алексей Андреевич — стажер-исследователь факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ansxim.51ru@gmail.com).

Капишин Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kapishin-ae@rudn.ru).

Козин Сергей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета (e-mail: mister.svk92@yandex.ru).

Колесникова Елена Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kolesnikova@mail.ru).

Корниенко Ольга Юрьевна — доктор политических наук, доцент кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: lin_expr@mail.ru).

Куденко Ирина Александровна — кандидат географических наук, главный эксперт «Куденко консалтинг — глобальные услуги по оценке и исследованиям» (Германия) (e-mail: irkudenko@google-mail: .com).

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующая лабораторией Российского биотехнологического университета; профессор кафедры социальной и молодежной политики

Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (e-mail: Svet-maximova@yandex.ru).

Махмуда Нур Фитри — доктор педагогических наук, младший научный сотрудник Центра исследований в области образования Национального агентства исследований и инноваций (BRIN) (Индонезия) (e-mail: fitr060@brin.go.id).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: muzykant-vl@rudn.ru).

Мухаметжанова Винера Саяровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры этики и заместитель декана по учебной работе факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru).

Муксит Мунадхил Абдул — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Центра исследований общества и культуры Национального агентства исследований и инноваций (BRIN) (Индонезия) (e-mail: muna009@brin.go.id).

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общественно-гуманитарных наук филиала Западного региона Монгольского государственного университета (Монголия) (e-mail: munkh9998@gmail.com).

Науменко Тамара Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: t-naumenko@yandex.ru).

Нежникова Екатерина Владимировна — доктор экономических наук, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: nezhnikova-ev@rudn.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: harmina@yandex.ru).

Нименский Андрей Викторович — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1142220897@rudn.ru).

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российского биотехнологического университета (e-mail: noe@list.ru).

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российского биотехнологического университета; заведующая кафедрой социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (e-mail: omelchenko@socio.asu.ru).

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории информационных систем в гуманитарном образовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: o.ksandr@yandex.ru).

Осеев Александр Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: oseev.a@mail.ru).

Пашигорова Любовь Владимировна — соискатель кафедры социологии Российского университет дружбы народов (e-mail: l.v.pashigorova@mail.ru).

Перфильева Марина Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; профессор кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (e-mail: pmb05@list.ru).

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yamap@yandex.ru).

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по общим вопросам Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: irinapolykova@yandex.ru).

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета (e-mail: popov.eug@yandex.ru).

Путри Вега Карина Андира — лектор факультета коммуникационных наук Университета мультимедиа Нусантара (UMN) (Индонезия) (e-mail: vega.andira@lecturer.umn.ac.id).

Сафронова Наталья Борисовна — кандидат технических наук, доцент кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; доцент общеакадемического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: safronovati@mgsu.ru).

Свердликова Елена Альбертовна — кандидат философских наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sverdlikovaea@my.msu.ru).

Сильвианто Эриади — преподаватель Университета мультимедиа Нусантара (UMN) (Индонезия) (e-mail: heryadi.silvianto@lecturer.umn.ac.id).

Соколова Татьяна Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент школы коммуникаций факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: tdsokolova@hse.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тумашбай Талгат Еркинулы — доктор философии, доцент и заведующий кафедрой философии Южно-Казахстанского исследовательского университета имени М. Ауэзова (e-mail: tumashbai@mail.ru).

Цэденбал Пурэвсурэн — доктор философских наук, ректор филиала Западного региона Монгольского государственного университета (Монголия) (e-mail: purevsuren.khu@gmail.com).

Чеховский Иван Викторович — кандидат социологических наук, ведущий аналитик и заместитель руководителя Практики «Бизнес + Территории присутствия» Департамента социальных исследований Аналитического центра ВЦИОМ (e-mail: chekhovskiy_i@wciom.com).

Чеховский Тимофей Иванович — студент четвертого курса бакалавриата кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1132221204@rudn.ru).

Шакирова Алиса Фиргатовна — кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru).

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: shvetsovaav@mail.ru).

Шутова Марина Вадимовна — старший преподаватель кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета; ассоциированный сотрудник лаборатории исследований социотехнических систем Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mvshutova@etu.ru).

Яшина Мария Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: mnya@mail.ru).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) 2026 Vol. 26 No. 2 683–686
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — **«Библиографический список»** и **«References»**. Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
   - **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: http://journals.rudn.ru/sociology/index.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter "P", indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. 2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to 'References' can be found on the journal's website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
   - **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
   - **a list of 7–8 key** terms in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
   - **information about the author** in Russian and English, including: the author's full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author's contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: http://journals.rudn.ru/sociology/index.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors, which also provides the detailed information for authors.